

Огни Кузбасса

75 лет

№ 6 / 2024

«Огням Кузбасса» – 75 лет!

«Огни Кузбасса», 2005 год

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, заместитель
председателя Совета по
вопросам попечительства
в социальной
сфере Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2024

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный
редактор
Д. В. МУРЗИН

Редколлегия:
Сергей ДОНБАЙ
Надежда ДУБРОВСКАЯ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ЮБИЛЕЙ

Поздравления 3

ПОЭЗИЯ

Александра Коржова. Время – скальпель с золотым сеченьем..... 53

Василий Гуляев. Вечный двигатель 66

Ирина Надирова. Мы же с тобой озимые..... 74

Екатерина Яковлева. С любой песчинкой в унисон... .. 85

ПРОЗА

Дмитрий Артис. Дневник добровольца. (Записи второго круга: 16.06.2023 —
01.11.2023). Окончание 4

Константин Шабалдин. Два рассказа 55

Юлия Сычёва. Вещи и люди. Р а с с к а з ы..... 68

Елена Лобанова. Два рассказа..... 76

90 ЛЕТ Б. ВОЛЫНОВУ

Евгений Чириков. Путь к звёздам и обратно. О ч е р к..... 87

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Елена Наливина. Отче мой. Новогодняя почти сказка..... 91

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Сергей Черемнов. Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас» 93

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Николай Калашников. О клубе любителей фантастики «Контакт». Ольга Белоусова.
Нежность. Евгений Греп. «Закинул старик невод...». Александр Головков. Этот сладкий
процесс познания. Наталья Жилинина. Монолог Музы. Надежда Калашникова. Жалоба
волков. Наталья Колесова. Моя жена – чужая. Валерий Колотвин. Смерть Эзопа. Олеся
Логунова. Самый сладкий сон. Дарья Оршанская. Зимняя сказка. Юрий Кокшаров.
Любит, не любит... Анастасия Русских. Игроки (королевство тричетвёртое). Виктория
Трегубова. Крикунья. Р а с с к а з ы 115
Бельмасовский фестиваль. Екатерина Спиридонова, Елена Гончарова, Софья
Князева, Андрей Ледащев, Юлия Стешенко, Анна Звёздкина, Владислав Попов,
Анна Зорина, Алина Вишневская. С т и х и 127

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Вячеслав Елатов. Лесков. Предисловие Е. Чирикова 131

ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ

Валерий Неудахин. Период становления завершён. Любовь Казарцева. Литература и жизнь... 136

Анатолий Краснослободцев. Память зрелого сердца. С т и х и 138

Валерий Неудахин. Иконописец. Р а с с к а з 140

Дмитрий Шарабарин. Молодые, как заря, березняки. С т и х и 144

Дмитрий Каюшкин. Фатум. Р а с с к а з 146

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Екатерина Тюшина. Образ семьи в произведениях кузбасских писателей 160

Илья Ляхов. Быть сибиряком... (К 90-летию со дня рождения В. Баянова) 164

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин 166

Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2024 год. Подготовил Д. Мурзин..... 170

Русскому поэту Георгию Владимировичу Иванову – 130 лет

(1894–1958)

Мы живем на круглой или плоской
Маленькой планете. Пьем. Едим.
И, затягиваясь папироской,
Иногда на небо поглядим.

Поглядим, и вдруг похолодеет
Сердце неизвестно отчего.
Из пространства синего повеет
Холодом и счастьем в него.

Хочешь что-то вспомнить — нету мочи,
Тянешься — не достает рука...
Лишь ныряют в синих волнах ночи,
Как большие чайки, облака.

Завещаны любовь и спасение

Слово по случаю юбилея журнала «Огни Кузбасса»

В журнале «Огни Кузбасса» увидели свет произведения писателей кемеровских, а также даровитых писателей из прочих губерний, а потому в издании запечатлелась вся избранная русская литература второй половины прошлого века и начала нынешнего. «Огни Кузбасса» – журнал мировоззренчески широкий, а посему на журнальных страницах уживались произведения писателей книжных и писателей народных, подобно тому, как в отечественной литературе прошлого века равноправно и равносильно уживались Есенин и Блок, Кузнецов и Рубцов, Распутин и Проханов, ибо спланивала столь различных писателей высокая, искренняя, сострадательная и восхитительная любовь к России. «Не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам». Любовь и спасение завещал писателям Николай Гоголь.

«Каков поп, таков приход...» – однажды обмолвился я, представляя губернский журнал; и ежели редактор – заурядный литератор, то, случалось, и журнал рождался заурядный. Журналу «Огни Куз-

басса» крепко повезло: главный редактор журнала Сергей Лаврентьевич Донбай – член Высшего творческого совета и Правления, секретарь Союза писателей России, но прежде – именитый русский поэт, о котором верно сказал писатель Виктор Кирюшин: «Поэт Сергей Донбай остро чувствует нерв времени, как нынешнего, так и минувшего. Сам плоть от плоти народа, никогда не отделявший себя от его радостей и горестей, он ощущает с ним глубинную, генетическую связь.(...) Гармоничная и классически ясная поэзия Сергея Донбая напоминает дом, в котором человеку удобно и радостно жить».

Сорок восемь лет назад Сергей Лаврентьевич Донбай, мой старинный и безунывный товарищ, пришел в журнал, двадцать лет возглавлял издание и лишь ныне вышел в отставку, передав бразды журнального правления Дмитрию Мурзину, известному российскому поэту.

А живёт и цветёт журнал в лоне губернского сообщества писателей, кое испокон веку возглавляет Борис Васильевич Бурмистров, опять же поэт, о котором похвально писал Станислав Куняев: «...Любовь, как воздух, разлитая по страницам лирической книги Бориса Бурмистрова, связывает, скрепляет все частицы постоянно разрушаемого временем нашего внутреннего и внешнего мира... У Бориса Бурмистрова — это связь поэта с прошлым, настоящим и будущим родной земли, это его рода с корнями, ветвями и листьями, это бесконечная любовь ко всему сущему».

Величая ныне «Огни Кузбасса», в завершение пожелаю журналу многая благая лета во славу русской словесности, во благо родного народа.

Анатолий Байборodin,
Иркутск

**Дмитрий
АРТИС**

ДНЕВНИК ДОБРОВОЛЬЦА*

(записи второго круга:
16.06.2023–01.11.2023)

24 августа, день

Ходили с Костеком в магазин. Речь зашла о Китайце и алкоголе на войне. Моя позиция категорична. Ни в каком виде и ни в каких дозах не приемлю. Костек говорит, что можно. Главное вовремя лечь спать и не барагозить. Я со времён своей буйной молодости не понимаю, зачем пить, если потом не барагозить? Смеюсь.

Но шутки в сторону. На войне, повторюсь, ни в каком виде и ни в каких дозах. На первом круге верная компания подобралась. Понимали. На втором – случаются косяки у парней, сколько ни говори, что на войне пьяный солдат – мёртвый солдат.

Дело было в январе. Чудом обошлось без двухсотых. Командование закрывало одно из направлений. Была большая передислокация войск, и к нам в подразделение перевели человек тридцать. Срок службы парней подходил к концу. Отсюда, наверное, расслабон.

Парней расселили по баракам. Кого к нам, кого к другому взводу. Восемь человек поселили отдельно от всех. Важное уточнение. Находясь

с людьми, которые не пьют, удержались бы от соблазна. Но парни приехали инфицированными другим образом жизни на войне.

Сбежали в самоволку, взяли водки и нажрались. Слово за слово, пальцем по столу. Поссорились. Один схватил ручной пулемёт, выбежал на улицу и начал стрелять по барaku, в котором только что пил.

Его сняли короткой очередью из автомата, затрёхсотили. Шайнур и Айболит оказали горелкашу первую помощь. Спасли жизнь в общем-то. Плечо и лёгкое были задеты.

Спустя полтора-два месяца, когда закрывали контракт в части, к нам подошёл паренёк и начал рассказывать о том, что получил ранение в бою. Мы спросили, дескать, а где был, на каком направлении? Там-то. Оп-па, наше направление, наши позиции, но никто его не помнит. Задав несколько вопросов, выяснили, что это как раз тот самый, кого затрёхсотили на ферме.

Шайнур резюмировал: «Я горжусь тем, что мне удалось спасти жизнь человеку, ну а то, кем оказался этот человек, вопрос другой...»

Китаец сейчас роет окопы. Пробивает ходы на подступах к Сердцу Дракона. Тяжелейший

* Окончание. Начало в № 5

Дмитрий АРТИС родился в 1973 году в Калининграде (ныне Королёв) Московской области. Окончил Российскую академию театрального искусства и Литературный институт имени А.М. Горького. Поэт, драматург, театральный деятель. Печатался в периодических изданиях: «Другие берега», «Современная поэзия», «Российский колокол», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Нева», «Огни Кузбасса». Автор восьми книг. Принимал участие в защите Донбасса. Первый контракт: 78-й моторизованный полк СпН «Север-Ахмат» имени Героя России Ахмата Кадырова. Второй контракт: спецназ «Ахмат» (добровольческий отряд «Ахмат») под командованием Апти Алаудинова. Член Южнорусского союза писателей и Союза писателей Санкт-Петербурга. Живет в Домодедово.

труд. Мало сказать. Укрыться от обстрелов негде. Лисьи норы спасают. На один раз. Заваливает землёй. Можно не откопаться. Именно там, кстати, находится Ахмед. Опасный участок нашей обороны.

25 августа, семь утра

По ночам холодно стало. Утром не выползешь из норы голым, натягиваешь водолазку. При жаре чувствовал себя хуже. Сейчас легче. Выйдешь во двор, щёлкнешь подтяжками, вдохнёшь свежего воздуха, и вроде хорошо – ни тревоги на душе, ни суеты вокруг. Лишь изредка слышишь выходы нашей арты.

Вторым просыпается Прочерк. Прочерк из работяг, как многие тут. Сядет рядом, рассказывает о себе, о своей жизни на гражданке. Всегда спокойный, кажется, что невозмутимый, улыбочивый. Речь ровная, перемежается мусорными словами, но в ней ни грамма беспокойства.

Третьим подтягивается Давинчи. Молчаливый. С кружкой горячего кофе. Хлебосольные дагестанцы – Костек и Рутул – спят долго, поздно ложатся. Самые суетные, неусидчивые, всё время куда-то спешащие, потому везде опаздывающие.

Сегодня как бы последний день у как бы дембелей. Непонятно пока, отпустят или нет.

У Пятого после штурма проблемы со зрением и шейными позвонками. Голова поворачивается с трудом. В госпиталь ложиться отказался, боится, что лицензию (на оружие) отберут и на гражданке не сможет найти работу. Он работал в охране. Туда и собирается вернуться.

Кот-два с дырками в спине, от осколков. Раньгноились поначалу. В госпиталь не положили. Лечился на ногах. Остались глубокие дырки.

Кот-два из тех, кто сам шутит и сам смеётся. Говорит, жена называла Беззубиком, теперь будет Дырявым называть. Ушёл на войну, когда начались проблемы с алкоголем. Прямо так и говорит: «Ушёл воевать, чтобы не спиться». Говорит и смеётся.

25 августа, 10:02

Дембеля уже не дембеля. Оставили. Во двор влетел Ветерок – весёлый хлопец из бывших дембелей – и схватил нож со стола.

Прочерк:

– Мы ещё не проснулись, а ты уже за нож схватился.

– У вас тут розы красивые растут!

Ветерок подошёл к кустовым розам, срезал цветок, вернул на стол нож и выбежал со словами: «Нас оставили на месяц!»

– Наверное, в парикмахерскую побежал. Там красивая девчонка работает, – подумалось и сразу произнеслось вслух.

25 августа, 12:00

Выбрался с Калугой в город, в магазин. Купил машинку подстригать бороду. Разрослась. Усы в рот лезут, не дают нормально поесть. Борода в разные стороны, как у Нафани из мультика про домовёнка Кузю.

Калуга снова в комендантском взводе. Повторились проблемы с ногами. Бегать не может. Выглядит хорошо. Появился здоровый цвет лица. Алкогольная припухлость сошла.

В Сердце Дракона трёхсотые зетовцы: Немо, Сава со звёздами и Арес. Наши: Серый (мой поток), Скиф, Студент (второе ранение), Чистый (мой поток). Злой – двести.

26 августа, утро

Новое испытание вдобавок ко всему прочему. Холод. Ночью при сильной влажности спальные с трудом помогают. Потеешь, вылезаешь из него во сне и замерзаешь. Лежишь, как ледышка. Мокрый и холодный.

По радио с утра много поэзии, которая перемежается сводками с передка. Ловлю каждое слово о нашем направлении. Поймаю и сижу думаю о смысле моего бытования на войне под строки Ахматовой о любви, под рассказы о местах жизни великой поэтессы.

Сегодня вернусь к Блоку и почитаю. Несколько дней не открывал.

Вчера пересматривал эртенную презентацию антологии «Поэзия русского лета». Она есть у меня скачанная на телефоне. Любовался светлыми лицами современных классиков. Всё-таки сильна земля Русская истинными людьми, вставшими на защиту Отечества, каждый на своём фронте. Они со мной, и тешу себя мыслью, что и я с ними.

Заделываем окна в доме. Они без стёкол. Если не перекинут на другое направление, то нам ещё, даст Бог, долго здесь жить.

Вчера вечером перед сном сделал запись: «Хочу на Дракона». Утром встал и удалил её. Человек слаб.

26 августа, 13:26

Немцы накрывают кассетными улицу с мирняком недалеко от нашей располаг. Храни Бог мирняк.

Костек напился. Еле уложили. Он мелкий, ему мало надо. Сосед из мирняка угостил, мать его. Тот, который чуть не сдох, когда растворителя глотнул.

Мы сидим, ждём команды, в любой момент могут пять минут на сборы дать.

«Мы, – ноет спьяну Костек, – смертники». Мы не смертники. Мы защитники Отечества, и один из нас – слабовольный идиот, который не может отказаться, когда выпить предлагают.

26 августа, вечер

Покурю и спать лягу. Организм восстановился. Отдохнул. С завтрашнего дня зарядку начну делать и утомительные приседания. Расслабляться нельзя, если уж хочется выжить. Победить и выжить.

27 августа, 05:30

Зарядка отменяется. Через час уходим в лес танцевать с брёвнами для блиндажей.

27 августа, 20:33

«Мы спецназ, а не дровосеки». Смеюсь залиvisto. Два «Урала» накатов для блиндажей напилили и один «Урал» дров. Для себя, в общем-то. Передок нам дровосеки не обезопасят. Сами, всё сами.

Ездили я, Давинчи, Прочерк, Костек. К Рутулу брат-близнец приехал. Дали ему выходной. Брат тоже служит. Его подразделение с боями двигалось в направлении к нашему. Соединились.

Пятым нам добавили «молодого». Четвёртый день на войне. Ничего не знает. Балабол ещё тот. На шевроне позывной Снежок. Но он сразу сказал, дескать, я не Снежок, а Фестиваль. Работал так себе. Больше говорил и шарился, делая вид, что помогает.

Парень начитанный. Загрузил мозг Стругацкими. С высшим образованием. На войну пошёл от скуки. Скучно было, сел в тюрьму. Освободился, заскучал, пошёл на войну. Такие люди не в кассу на войне. Он быстро начал выбешивать парней, которые не привыкли к бесконечной пустой говорильне и подростковым понтам из уст взрослого человека.

Устали смертельно. Завтра опять поедem. Надо ещё два «Урала» накатов. Погода хорошая. Не жарко. Это нас во многом спасло. На жаре мы бы сдохли, ничего не сделав.

Сейчас поужинаем и ляжем спать. Надо сил к утру набраться. На ужин макароны с тушёной, помидоры, огурцы, лук, чеснок. Всё покупное. У меня ещё есть запас сникерсов и кока-кола.

28 августа, 20:55

Два «Урала» накатов сделали плюс немного дров. Две пилы не выдержали накала. Полетели шестерёнки. Ездили вчетвером. Снежок соскочил. Его определили в комендантский взвод. Забыли взять нож, нечем было открыть тушёнку. Костек наточил ложку и ею открыл.

– Ты у нас сиделец, что такой опыт по наточке ложек имеешь? – спрашиваю.

– Если бы я был сидельцем, то вы бы у меня тут все стояльцами были! – парировал Костек.

Погода была жарче вчерашней, поэтому я под конец немного сдох. У Давинчи, наоборот, открылось второе дыхание. Кажется, ему нравится работать на лесоповале. Я не в большом восторге, но тут уж – куда Родина пошлёт. Завтра, скорее всего, дома. Дадут отдохнуть.

К Рутулу брат, оказывается, не приезжал. Не смог доехать. Поэтому он встретил нас обиженным, дескать, чего меня не взяли, я же в вашей команде! Но он молодец. Пока нас не было, перемыл посуду, убрался в доме, натаскал воды. А Сава обалденный суп смастерил к нашему приходу.

В лесу растёт конопля. Её очень много. Прочерк сорвал куст и протянул Костеку: «Держи, четыре года жизни!» – имея в виду, что за этот куст могут посадить на четыре года. «Не нужны мне такие четыре года!» – закричал Костек. Я с них смеялся весь день.

Видел Бовку и Жьяко. Сначала Бовка сел мне на руку, хотел поздороваться. Но я его щелбаном сбил с руки. Боялся, что убью ненароком. Брёвна таскали. Бовка обиделся.

На перекуре сидел под кустом конопли, на котором был Жьяко. Он смотрел на меня с презрением. Не мог простить того, что обидел Бовку.

Потом нежданно-негаданно прилетела госпожа Ро. Вот уж предела не было моему удивлению. Госпожа Ро не похожа на госпожу. Больше на принцессу. Она маленькая, с чёрными

крылышками и золотыми пятнышками. Воистину королевское одеяние. Хороший день, хоть и тяжёлый.

Вернулись домой в начале восьмого. Когда ехали, остановились у магазина. Дал Давинчи денег и попросил купить стирального порошка и кофе. Давинчи предложил сходить в магазин вместе. На что я ответил, дескать, таким чума-зым в магазин не пойду. Стволы деревьев внизу подпалённые. Мы не только потные, но и чёрные – в саже. На мою реплику Прочерк сказал, что сразу видно, Огогош – москвич. Я засмеялся и всё-таки решил сходить в магазин с Давинчи. Не все москвичи сволочи, как многие думают.

По возвращении встретили Пятого. Пятый старший у комендачей. Он ругался на Снежка. Задолбал, говорит. Понимаю. И нас за один день по полной программе. Есть ощущение, что парень приехал не на войну, а на базу отдыха. Ладно, хлебнёт и, может, въедет.

Передали, что Рамзан (военный санитар) – трёхсотый в Сердце Дракона.

29 августа, 07:50

Солнышко ласковое, утреннее.

По радио объявили, что рванули пять тонн взрывчатки под позициями «немцев». Вручили два Георгиевских креста подрывникам. Если я правильно услышал. Жаль только не наградили и ничего не сказали про тех, кто взрывчатку закладывал. Это делали наши бойцы. Я недавно писал об их героизме.

Шестьсот метров по узким трубам, до половины наполненным холодной водой, на карачках, с мешками взрывчатки. Несколько десятков заходов. Парни – герои. Рутул, Немо, Костек, Нерпа, Зелёный, Чистый. Чистый сейчас в госпитале. Отличный молодой парень. Физически выносливый. Хотел перейти в «ноги». Работа наисложнейшая. Один раз Давинчи ползал. Назвал парней, которые при мне закладывали взрывчатку – первые полторы тонны. Потом нас сменили.

Поправка. Нет, объявили о том, что взорвали в другом месте. Нашу закладку пока не рванули. Ждём. И всё равно, когда объявили о пяти тоннах взрывчатки и о том, что наградили только подрывников, я подумал о тех, кто закладывали и остались неотмеченными.

Вторая поправка. Два бойца на тягаче завезли пять тонн взрывчатки и снесли позиции нацистов. Получили за подвиг Георгиевские крес-

ты. Это совсем другая история. Но она не отменяет нашей.

Фронт сдвигается. Земля российская пусть медленно, но уверенно возвращается на родину. Слышны выходы нашей арты. Прилётов нет. Тьфу-тьфу-тьфу.

Третья поправка (30.08). Дошла инфа, что неправильно рассчитали место закладки и предстоит перекаладывать. То есть необходимо перетасщить назад полторы-две тонны взрывчатки (шестьсот метров под позициями немцев по узким трубам, наполненным водой), а потом всё это добро перенести в нужное место. Голову оторвать бы тому, кто ошибся в расчётах. Парни всё равно герои.

29 августа, 09:26

Виделся с Ахмедом. Его сняли с окопов. Дают возможность отдохнуть. Ахмед расстроился. «Меня, – говорит, – одного сняли. Если бы всю команду, я бы не расстроился». – «Ахмед, – успокаиваю, – у тебя из нашего потока больше всех боевых, притом что самый сложный участок». – «Нет, – говорит, – теперь у Князя больше, чем у меня. Я, – говорит, – на втором месте. Посчитал!» Ахмед неподражаемый. Грамоте не обучен, а считать умеет. Обожаю его.

29 августа, 16:12

Сава жалуется. Старается вкусно готовить, но никому не нравится. Сава жалуется постоянно. Видимо, боится, что его уберут с кухни и опять отправят на Дракона. Сава не хочет на Дракона. Сава болеет. Говорит, что отказывают ноги. Дыхалки нет. Не сгибаются и не разгибаются колени. Сердце не по-детски шалит. Колики в почках. Радикулит. Невроз. Запор и прочие радости военной жизни. Спрашивает у нас, что лучше приготовить на ужин?

Костек отрезает:

– Готовь чего хочешь. Тебя всё равно с кухни не уберут, потому что больше нет такого идиота, который бы согласился там работать!

Я засмеялся. Костек:

– Я не прав, Огогош?

– Да, – отвечаю, – глядя на Саву и Добермана, желание работать поваром и банщиком сразу отпадает.

Доберман работает на бане. Тот ещё персонаж. Вечно печальный. Будто убитый изнутри. Полная противоположность своему позывному.

29 августа, вечер

Передал через Фому-два записку Ани. «Жив-здоров». Переживаю, что за меня могут волноваться. Начал переживать. Вдруг.

Оторвался от большой земли. За два месяца так и не решился послать от себя весточку. То возможности не было, то не хотелось людей беспокоить.

Не особо верится в то, что меня ещё кто-то помнит. Время такое, что инфопоток забивает пространство. Мирняку не продохнуть. В головах не хватает места, чтобы вместить, осознать и принять происходящее. Нет свободной полочки для частных историй.

Фома-два в штабе, там есть какая-то связь с большой землёй. Парни обычно туда ходят, чтобы позвонить домашним. У меня домашних нет. Звонить некому. Нет, конечно, есть кому и куда позвонить. Просто я боюсь, что начну тосковать. Это может меня убить. Лишить сил.

Думал-думал, как снять с себя груз лишних переживаний и решил написать записку Ани. Надеюсь, она меня поймёт и, если даст Бог выжить, не будет задавать вопрос, дескать, почему никому не звонил? Не могу я сейчас звонить и разговаривать с людьми, которые находятся на большой земле.

Попросил Фому-два сфоткать записку и отправить по ватсапу. Ещё не знаю, отправил или нет. Сложно избавиться от мысли, что сделал что-то неправильное. Не надо было, наверное, ничего отправлять.

Живу с кашей в голове. Мне трудно с самим собой. Могу представить, как трудно со мной другим.

30 августа, семь утра

До трёх ночи не мог уснуть. Голову вконец расковыряли рассуждения о том, правильно я сделал, что послал на большую землю весточку о себе, или неправильно. Так можно с ума сойти раньше того, как на голову прилетит ерунда как-кая свинячая. Считаю, потратил время для сна непонятно на что.

30 августа, 09:07

Бича – помкомеданта. Дедуля – водитель уазика.

Бича по рации:

– Дедуля, ты куда парней отвёз?

– На лесоповал, – отвечает.

– Парням в банк надо было, деньги с карточек снять.

У меня истерика. Представил себе лица парней, которые поехали при параде с карточками и паспортами в банк обналичить денег на прокорм, а приехали валить лес.

Дедуля жжёт. Мы непобедимы.

30 августа, час дня

Разбитое состояние. Ни с того ни с сего руки начали болеть и в груди давит, тяжело дышать. Вчера чувствовал себя хорошо. Последствия беспокойной ночи и мыслей о большой земле. Надо смириться с тем, что я такой человек. Умею на пустом месте накрутить себя. Когда знаешь свои недостатки, проще с ними совладать. Боженька, дай мне сил. Не подведу.

30 августа, вечер

Еврей развязал войну с русскими до последнего украинца. Нарочно не придумаешь.

31 августа, 07:51

Давинчи проснулся. Парни поздно вчера легли. Я рано ушёл к себе во флигель. Проснулся и огорошил плохой новостью. У птичников трагедия. Трое трёхсотых. Один – двести. Подробностей не знает.

На нашем участке сравнительно спокойно. Работает арта.

Десятый день на базе. Пора уже выходить. Заплесневеем.

Китайца поставили командиром на окопах. Смайла давно не видел.

Холодает. Воздух осенний. Сжатый. Бархата не чувствуется.

31 августа, 09:52

Прошлого нет. Я не помню себя до войны. До сегодняшнего дня. Помню только какого-то беспокойного парня, вечно рефлексирующего, всего боящегося, прячущегося от людей. Себя не помню.

Всплывают в голове мутные картинки, просматриваю их, будто кино, широкоформатное, или сериал. Иногда захватывающее, утягивающее в полынью красок, сюжетов, ситуаций, иногда тягучее, как смола, монотонное, чёрно-белое. Порой романтическое, сентиментальное, порой жёсткое, похожее на немецкое порно. Кино не про меня. Меня в нём нет. Я всего лишь созерцатель.

Не сказал бы, что не нравится. Смотрю с любопытством. Так ребёнок разглядывает жука, упавшего на спину, дотрагивается палочкой, не переворачивает, наблюдает, как тот шевелит лапками, пытаюсь вернуться в естественное положение, приподнимаюсь на крепких усах, отталкиваясь от земли крылышками.

Моё прошлое похоже на этого жука. Настоящее – на ребёнка.

31 августа, 17:24

Завтра выходим на Сердце Дракона дней на десять. Дела делать. Увижу Трёшку и Рыжего. Они по мне явно не скучают. Там полно парней, любящих погладить элегантную мелочь. Хм... Подходит эпитет «элегантные» котяткам? Переборщил, по-моему. Ладно, пусть будет.

Командир сказал, чтобы Саву от нас отселили в баню. Дескать, не пристало повару с боевой группой жить. Пусть тусуется с банщиком. А мы к Саве привыкли, да и еду – хлеб, супы, мясо – он нам приносит. Сава расстроится. Думаю, что по возвращении с б. з. нам его будет не хватать. Давинчи – точно. Не на ком оторваться, спустить пар.

Выходим впятером (я, Давинчи, Прочерк, Костек, Рутул). Хорошо, что Рутул идёт, не отмазывается. Он в прошлый раз сказал, что на кухню ни ногой, она ему надоела. Поваром не хочет работать, в отличие от Савы. Лучше, говорит, на боевые с вами ходить. Рутул отличный. Все отличные. Сава тоже.

1 сентября, 08:08

Экватор. Половина контракта, половина пути. Шанс выжить увеличился на пятьдесят процентов. Хотя, чего тут говорить, смерти достаточно одной тысячной процента, чтобы взять своё. Будем держаться.

К выходу готов. Впрочем, я всегда готов, как пионер. Организм мобилизован. Тело сжато в кулак, в груди огонь, на губах ухмылка, в глазах лёгкая надменность. Нас так просто не одолеть.

Спал спокойно. Снилось чушь всякая из гражданской жизни. Про войну редко вижу сны. Мозг учится отстраняться, отдыхать.

Дождя не ожидается. Фронт застыл. Лучший вариант для выхода. Не будем грязь месить. Количество нацистских птичек уменьшилось. Миномёты подавлены. Не повод расслабляться, и всё равно – спокойнее.

Сава ночью съехал от нас со словами: «Пусть Аллах накажет того, кто меня выгнал!» Сава думает, что во всём виноват Давинчи. Они часто цеплялись. Но Давинчи тут ни при чём. Распоряжение командира.

1 сентября, 12:10

Дошёл до штаба, хотел поздравить детей с Днём знаний. В кои-то веки появилось свободное время перед выходом, дошёл с решимостью позвонить, поговорить с большой землёй, и тут обломали. Сказали с двух. Но с двух обычно свет до вечера отключают. Ладно, попробую за пару часов не растерять решимости и всё-таки позвонить. Дети – это святое.

1 сентября, 15:10

Победали в таверне. Готовить не стали.

Дозвонился до большой земли. Поговорил с дедушкой Святослава. Попросил передать от меня поздравления с началом учебного года. Надо искать возможность перекинуть ему деньги на парня. Осень. Сыну одежда нужна.

Сделал звонок М., больше всего боялся, что переживает за меня и, если позвоню, начнёт плакать. Обошлось. М. обрадовалась. Сказала, что искали меня, потому что долго не проявлялся. Ещё сказала, что связала мне свитер.

Выдали на б. з. термобельё, перчатки, носки, трусы. Удивился. Раньше не выдавали. Сами покупали.

1 сентября, 19:18

Выходим в половине девятого. Сходили в таверну. Поели перед выходом. Сава приготовил перловку с тушёнкой.

В таверне встретил Фому-два. Он отправил записку Ани. Ани получила.

Вроде всех успокоил, кто мог за меня волноваться. Гора с плеч. Пусть дорога будет лёгкой, а Боженька милостивым.

Страха опять нет. Есть переживания.

Возвращаясь из таверны, пересёкся с Ахмедом. Ахмед по-прежнему улыбочивый, наполненный волнением. Ругает себя, что не такой прыткий, как наши молодые парни, которые делают с лёгкостью то, что он, старик, уже не может. Попытался успокоить ровно так же, как успокаиваю себя. Дескать, мы делаем больше, чем могли бы, и не меньше молодых. Лично я всегда на пределе. Он тоже. «Да, – подтвердил Ахмед, – мы не отстаём!»

1 сентября, 20:47–21:59

Нашей группе дали отбой. Выход перенесли на завтра. Главное, выпил таблетки – обезболивающие и от мышечных спазмов, – и тут же сообщили по рации, что сегодня выход отменяется. Завтра – значит завтра. Что Боженька ни делает, всё к лучшему.

Недавно парни разгребали пустой дом – убрали мусор, чтобы можно было заселить пополнение, – и нашли книги. Давинчи притащил целую сумку. Среди пустых детективов и прочей дребедени увидел книги Ветхого Завета. Сборник, включающий Соломоновы притчи, Песнь Песней, Книгу Иова, Екклесиаст и Апокалипсис. Последняя, если я правильно помню, из Нового Завета. Притчи и Песнь Песней знаю почти наизусть.

Сел почитать Екклесиаста, которого, как мне казалось, начал забывать. Казалось. Нет, не начал. Помню каждую фразу. Только если раньше, когда читал в ранней молодости, Екклесиаст виделся мне мудрецом, то сейчас – ребёнком, готов оспорить почти все его изречения. Он представлялся мне подростком, страдающим от депрессии. Таким, на грани суицида.

Вот он пишет, дескать, что хотел от жизни, то и получил. Хотел стать мудрецом, стал. Но мудрость радости не принесла, и умру я, продолжает Екклесиаст, так же, как умирает человек, не отягчённый умом и богатством.

Мудрец такого сказать не может. Подобные мысли выдают подростки в период полового созревания. Это они, получив пятёрку по музыке, могут решить, что достигли всего, чего хотели, и впасть в отчаяние, не понимая, куда двигаться дальше.

Мудрость – в первую голову – это смирение, приятие жизни такой, какая она есть, а не рефлексия и неудовлетворённость.

Мудрость – это удивляться каждому новому дню и проживать его по-новому, впервые, будто только-только народившимся.

Глаз может насытиться, а ухо послушаться. Мои глаза и уши тому подтверждение. Не оттого ли я всё чаще и чаще ищу покоя – в тишине и темноте?

Радость радует, а горе огорчает. Радость не может огорчать, а горе радовать. Радость и горе не равны между собой, даже если и то и другое заканчивается.

Мудрость открывает новые горизонты, а Ек-

клесиаст обозначает её тупиком в развитии человека.

Не может мудрец называть суетой и томлением духа, допустим, тягу к познаниям, любовь или труд человеческий.

Не равен человек животному, как считает Екклесиаст, хотя бы потому, что обладает воображением, которое помогает ему неустанно совершенствоваться, развиваться и множить труды свои. Не равен хотя бы потому, что почитает головой и сердцем Бога, а не ограничивается инстинктами выживания.

Человек и животное не равны между собой перед лицом смерти, а уж пред Господом Богом тем более, иначе не была бы дарована человеку возможность слушать и слышать Слово Божье.

Когда принимаешь суету сует как данное Богом, то не воспринимается она суетой сует, а становится Божьим провидением.

Есть над чем подумать. Пойду перекурю. Писать больше ничего сегодня не буду. Глаза устают. Необходим покой – тишина и темнота.

2 сентября, утро

Ночью был дождь. Парням, которые вышли вчера, две команды, туго пришлось.

На удивление быстро заснул и даже выпался. Думал, полночи буду ворочаться.

Хорошо бы дорогу чуть подсушило к вечеру – к нашему выходу, чтобы легче было дойти.

Понимаю, почему по радио сообщают исключительно о наших победах, ни слова не говоря о том, какой кровью они обходятся. Дело не в боязни паники, которая может возникнуть у мирняка. Радио работает на дестабилизацию обстановки в среде противника, сеет страх. Оно разрушает психику нациков, что помогает доблестным русским воинам одерживать победы.

2 сентября, 11:23

Двое парней, о которых я писал в самом начале дневника (ещё в июле) – дескать, прошла инфля, будто они попали в плен, – погибли. Сибирь и Барс. Их нашли одноглазые. Парни по незнанию подошли близко к позициям немцев и попали под пулемёт. Были ранены. Смогли отбежать. Спрятаться. Вернуться не хватило сил. Умерли от потери крови.

2 сентября, 19:51

Зашли в Сердце. Как по маслу. Вернее, с вазелином. Сменяю. Шёл в первой тройке с Косте-

ком и Прочерком. Заводил Башкир. Это пятидесятидвухлетние «ноги». Вот же выносливость у человека! Мотается по красной зоне по несколько раз на дню.

Давинчи с Рутулом идут за нами. Пока ещё не зашли. Нехорошая стрельба. Видимо, пережидают.

Ковбоя задело пулемётом. Слегка. От госпитализации отказался. Смайл и Ленин переходят в разведку. Сургут и Китаец командиры пятёрок.

До десяти отдыхаю, потом работаю с местным Фазой. Здесь шумно. Много пальбы. Или уже отвык? На прошлом заходе к концу казалось, что вообще тишина была. Только наша арта гремела и птичники работали. Отвык, наверное. За неделю на базе можно отвыкнуть. Туда война редко доходит. Сейчас. Не то что пару месяцев назад.

3 сентября, 08:09

Здравствуй, чувство сиротства! Рад появлению твоему. У меня всё хорошо. Впрочем, как всегда. Грех жаловаться. До двенадцати ночи доблестные воины увлекались войной. Потом она им наскучила, и парни завалились спать. Утро спокойное.

Трёшка и Рыжий заматерели. На меня не обращают внимания. Ходят, задрав носы.

Смотрю, Трёшка присела, прыжок и – упс! – мышка уже на зубах обвисла, не шелохнётся. Трёшка вальжжонкой походкой прошла мимо, унося добычу в укромный уголок.

Там, где в наше отсутствие произошла трагедия, нет стены. Завалено мешками. Башкир («ноги») рассказал, как выносили Злого и выводили трёхсотых. Парни, говорит, стойкие.

Рамзан – боевой санитар – выходил последним. Того, что он ранен, никто сразу не понял. Он оказывал помощь боевым товарищам. Когда несли Злого, рассказал Башкир, по эвакуации работали миномёт и пулемёт нациков. Потом затихли. Раненых на ногах выводили под наблюдением птичек. Пальбы не было.

3 сентября, 14:29

Вышли на открытую местность. Наполнили двенадцать мешков землёй, которыми завалили дыру в помещение, где лежит взрывчатка. На всякий случай. От детонации. Не уверен, что поможет. Если сдетонирует, не будет Сердца Дракона от слова «вообще». Не будет Сердца

вместе с теми, кто его охраняет.

Сталин трёхсотый. Задело ногу осколком от ВОГа. Ленин вывел раненого Сталина.

На обед плов. Еда здесь вкуснее той, что делают на базе. Не знаю почему. Вкуснее, и всё.

Работаю в ночь. Неудобный график. Днём не поспишь, парни слоняются туда-сюда. Не самая большая проблема. Но мой внутренний интроверт будет недоволен.

Арес здесь. Отказался от госпитализации.

4 сентября, 06:03

Как героизм превращается в идиотизм?

...Бабахнуло сильно. Утренняя стрельба. Позже запишу.

4 сентября, 06:35

По «ногам» били, сволочи. «Ноги» зашли. Пятнадцать.

Так вот, как героизм превращается в идиотизм? Очень просто.

Сначала «ноги» заносили по красной зоне две тонны взрывчатки, потом парни закладывали взрывчатку под позиции немцев. Ползком по узким трубам, наполненным водой. Третий этап. Оказалось, что неправильно рассчитали и в том месте взрывать нельзя. Парни вытащили взрывчатку. Да назад, по узким трубам, наполненным водой. Но это ещё не предел человеческому идиотизму. Две тонны взрывчатки лежат на нашей позиции, которую постоянно обстреливают, и значит, что взрывчатка может в любой момент сдетонировать. Погибнут все. Все без исключения. Решили опять занести её под немцев. Если уж сдетонирует, то лучше там. Смешно? Мне смешно. Смешно и страшно. Вот в такие моменты, когда понимаешь, что твоя жизнь в руках идиотов, начинаешь испытывать страх. Говорить на эту тему больше не хочется. Думать тоже. Иначе загоню себя в угол, из которого потом не выберусь. А мне ещё нужны силы на победу и выживание.

Посмотрим на ситуацию с другой стороны. Если мы с лёгкостью создаём такие проблемы себе, то представляю, какие проблемы можем создать другим. Это правильные мысли, правильный подход к оценке ситуации.

4 сентября, 15:11

Мышь сгрызла запасной сникерс, тот, который держал на чёрный день. Меня, привыкшего

разгадывать знаки судьбы, пытаюсь заглянуть в будущее, подобное происшествие вводит в ступор.

С одной стороны, можно предположить, что чёрный день отменён, а с другой – смерть будет мгновенной, не успею проголодаться.

Начали переносить взрывчатку назад, в трубу, под позиции немцев.

От некоторого идиотизма нашего у меня у самого волосы встают в позу лотоса. И всё же... побеждают именно так, никак иначе.

5 сентября, 06:01

Немцы третий день активно бомбят позицию. Стрельба не затихает. К вечеру возникает напряжение. В постоянной боевой готовности. Ждём наката.

В моменты затишья парни собираются кружком за чашкой чая и травят байки. Рассказывают о гражданке и о том, что с ними случилось на войне. Рассказы не отличаются особой оригинальностью. Сводятся к тому, насколько близко бабахнуло. Бывшие в штурмах раз за разом пересказывают свои выходы, которые крепко засели в головах, не вытравить. Больше ни о чём говорить не могут.

Вывели формулу оптимального штурма: когда в атаку идут «молодые» парни, только прибывшие на войну и знакомые с ней исключительно по фильмам. Страх ещё не сожрал душу воина, накопленной усталости нет. «Молодые» полны азарта. Для них война пока ещё игра. Они не знакомы со смертью. Способны на киношный героизм. Правда, «мяса» после таких штурмов слишком много.

Сегодня из Сердца выходит местный Фаза. У него через пару недель заканчивается контракт. Пробыл здесь с самого начала, с того момента, как Сердце Дракона отвоевали у нацистов. Фаза худощавый, медлительный, но ровно до того момента, пока его не зацепишь. Взрывается моментально. Когда пальба нацистов начинает утомлять, Фаза подскакивает, заряжает подствольник и стреляет со словами: «Да заткнитесь уже!»

За рыжим псом приглядывал Фаза, оберегал его от грубости доблестных воинов, подкармливал. Пёс будет скучать.

Через пару недель в Сердце Дракона изменится атмосфера. У зетовцев заканчиваются контракты, они разъедутся по домам. Наши дембеля тоже созревают. «Старичков» не останет-

ся. Кого закинут вместо зетовцев, пока неясно. Либо других таких же, но «молодых», либо остатки музыкантов, либо новых мобиков. В любом случае будут другие люди, будет всё по-другому.

5 сентября, 15:08

С утра вышли разведчики из команды Сталина. Пространство освободилось от бесконечного шума. Уж больно громкие они были, несмотря на то что разведчики. Место, где я отдыхаю, стало напоминать место, где можно отдыхать. Оно похоже на коридор.

Лежу я на двери, которая брошена на бетонный пол. На двери подстилка. Укрываюсь спальником. Голова на рюкзаке со сменным бельём, прихваченным с собой из располагии.

Справа обшарпанная жёлтая стена. Железобетон. Слева – в трёх метрах – такая же крепкая стена. Она не покрашена в жёлтый цвет, как всё здесь вокруг. Потолок метров шесть.

Некрашенная стена сверху пробита снарядами. В эту дырку проникает солнечный свет. Посередине коридора идёт железная труба метровым диаметром. Как раз напротив дырки от снаряда труба раскрыта розочкой. След от взрыва.

В розочку аккуратно уложены «морковки» для РПГ и прочая солдатская утварь – патроны, гранаты, снаряды.

На бетонном полу битые кирпичи, гильзы, бычки. Пыль страшная. Убираться бессмысленно. Хотя парни периодически пытаются навести порядок. Кто-то подметает. Но грязь сама собой нарастает в течение дня.

Фаза собаку с собой забрал. Вывел из Сердца несчастного пса.

5 сентября, 20:03

Ругаясь на чём свет стоит, Рутул занёс последний рюкзак со взрывчаткой в трубу под позиции немцев. Говорят, что к бессмысленному и беспощадному героизму приложил руку наш Сталин. Его идея и его планирование.

Настоящий Иосиф Виссарионович в гробу вертится от стыда, что человек с его именем создаёт проблемы простому солдату, вместо того чтобы помогать ему решать вопросы государственной важности. Да, считаю, что сейчас простой солдат стоит на защите государственности. На плечах простого солдата лежит судьба Отечества.

Шутки шутками, но теперь будем ждать команды снова выносить взрывчатку. Это происхо-

дит на передовой. На самой передовой. В тридцати метрах от нацистских позиций.

У прихвостней Вашингтона традиция: во время ротации выпуливать патроны, опустошая магазины, чтобы отчитаться перед своими хозяевами. Создают видимость того, что воюют. Уже понимаем, если устраивают беспорядочную стрельбу, значит смена караула.

Сегодня днём Рыжий впервые за несколько дней залез ко мне на руки поурчать. Я так обрадовался, что в нос его чмокнул. А так он целыми днями либо дерётся с Трёшкой, либо охотится на мышей. Деловой. Понежиться времени не хватает.

6 сентября, 08:37

Рыжий в утреннем свете (синеватый осенний оттенок) кажется чёрным.

По ночам холодно. Ноги замерзают. Терпимо, но чувствуется надвигающаяся проблема, которую трудно будет решить. Костры здесь, чтобы согреться, нельзя жечь. Печки ставить тоже.

Пришла команда разведчиков, в которой Смайл. Парень за два месяца возмужал, обтесался. Неуклюжесть, угловатость ушли, будто не было. Подтянут, великолепен, прямо настоящий русский воин. Торс приобрёл отчётливую форму треугольника. Говорю, береги себя, ты обещал вернуться живым и здоровым. Я стараюсь, отвечает и улыбается во весь белозубый рот.

6 сентября, 18:04

Не хватает времени что-либо записывать. Движуха. Хочу оставить пометку о молодых воинах команды Смайла. Сердце радуется, глядя на них. Не всё потеряно. На них одна надежда. Моему поколению пора отойти в сторону. Мы уже не тянем.

Парни крепкие, спокойные, улыбчивые. За что ни возьмутся, всё у них получается. Быстро, легко. Пришли, бросили рюкзаки и сразу за дело. Нам после пробежки по Тропе ярости полдня в себя приходиться надо. Для них – Тропа будто создана лишь для того, чтобы похвастаться, дескать, по нам пулемёт работал или ещё что. Герои.

6 сентября, 18:24

Выходим на Дракона.

Снежок спрашивает (на Дракона ещё не ходил):

– А восьмидесятки туда прилетают?

– Да.

– А сто двадцатки?

– Да.

– А двухсотки?

– Нет.

– Странно!

7 сентября, 09:57

Двое суток толком не спал. Возможность была, но уснуть не мог. Сегодня в шесть утра сменился, дошёл до лежанки и в секунду вырубился.

Ночью было холодно. Нашёл валяющуюся куртку, надел, отработал. Утром ходит Арес. Потерял куртку. Говорю, посмотри, может, твоя. Говорит, да, его. Забрал. Надо искать новую куртку на ночь.

Арес мог бы сделать блестящую военную карьеру. В нём чувствуется ныне почти утерянное благородство русского офицерства. Честь и достоинство. Продуманность действий. Требовательность и любовь к окружающим его солдатам. Отвага и доблесть. Отсутствие безрассудства.

7 сентября, 12:27

Рыба шамальнул наудачу из РПГ и попал в чубатый склад с БК. Всю ночь горело. Теперь долго у нас тишина будет.

Рыба – зетовец. Небольшого росточка, крепенький, юркий. Молодой да ранний. Ёжиком чёрные волосы. Справа чуть выше виска заживающая рана. Сантиметров шесть. Глаза маленькие, затуманенный взгляд, будто смотрит в себя, оценивая каждый свой поступок.

Сходил с Пианистом за водой. Вода добывается из труб. В трубы она попадает из резервуаров, которые были наполнены ещё до войны. В трубе сделана дырка, в неё воткнут шланг. Несколько коротких вдохов, и вода начинает капать. Так называемый подсос. Как из бензобака, когда горячее сливаешь. За пару часов набирается общепитовский котёл.

Вода – жизнь. Здесь вода невкусная. Ровно как и сама жизнь.

Еду можно кое-как в рюкзаках принести, дотащить. Воду не натаскаешь. Поэтому, какой бы она ни была, главное, что она есть.

7 сентября, 17:33

Боевые будни. Поспал, поел. Рутул сварганил борщ. Из банок. Дома борщ не ем, готовить

некому. А в Сердце Дракона он идёт за милую душу. Да и готовить его быстро. Открыл банку, высыпал содержимое в кипящую воду, добавил тушёнку, и борщ готов.

Пока затишье, сделали ещё несколько огневых позиций на случай наката. Мешки с песком плюс бетонные плиты. Дёшево и сердито.

Хохлы (или кто там сидит за стенами? Поляки, негры, французы, немцы?) целый день молчат. Работала наша арта, и прилетали самолётики. Бросали бомбочки. В остальном тишь, гладь и Божья благодать.

8 сентября, 12:18

Морозец. Вот вам и юг России. Бархатным сезоном не пахнет. Ночью продрог до костей. Поднималась температура. Ноги ломило. Когда поднимается температура, ноги ломит. Выпил полтаблетки аспирина. Целую пить не стал. У меня всего две таблетки. На всякий случай приберёг.

После ночной работы залез в тёплый спальник. Вроде согрелся. Лень ужасная. Слабость.

8 сентября, 16:51

Прилетало. РПГ. Упало рядом со взрывчаткой. Накануне мы её с Пианистом накрывали железными листами. Взрывчатку не задело. А ведь могло... Переложили. Столько возможностей глупо погибнуть, хоть иди учишься в школу высшей математики, чтобы сосчитать.

Парни рассказали. Сам не присутствовал, потому что бегал на Дракона. Месяц назад, когда увольнялись последние трёхмесячники, командир вручал медали. После вручения вызвал из строя Мартына и со словами «Носи и никогда не снимай» подарил ему шеврон с надписью: «Тыловая крыса».

9 сентября, день

Придётся писать не про еду, а про холод, поскольку наболевшая за последние пару дней тема. Не понимаю, почему здесь так холодно. Должно быть тепло до октября, как минимум.

Ночь прошла без происшествий. Утром завалился спать. Слышал движения нашей бронетехники. Точно, нашей. Нашу я по звуку отличаю. Будем брать город.

Город и его окрестности под нацистами. Он висит как аппендицит на линии фронта. Под землёй шахты и туннели в десятки километров. Такое взять сложно. Сердце Дракона внутри это-

го аппендикита. Поэтому такие проблемы, чтобы зайти на него. Два с лишним месяца назад из вышедшей пятёрки доходило два-три человека. Потери большие.

Сердце сдавать нельзя. Не думаю, что оно является ключом к открытию города. Я стараюсь не думать. Когда думаешь, работать некогда. Ключом не является, но Сердце – важный стратегический объект и удобный огневой рубеж, который помогает контролировать нацистов, выползающих из местных подземелий. Пока дела обстоят так, что мы контролируем их, а они контролируют нас. Перевеса нет ни в одну сторону.

Передали, что небо над Тропой ярости заполнили чубатые птички. Ротации не предвидится. Просили экономить еду. Экономим. Рутул приготовил гречку с тушёнкой. Добавил лечо. Вместо хлеба галеты с паштетом. Хлеб – редкое удовольствие. Холодно.

10 сентября, пять утра

Холодно. Зимой не было так холодно, и была возможность погреться у костра или буржуйки. В осаждённой крепости огнём не побалуешься, если выжить хочешь. Досок мало, да и те с трудом добываются. Приходится терпеть.

Отработали ночь с Пианистом спокойно. Немцы, наверное, тоже подмерзают. Но им чуть проще, они в земле. Мы в бетоне. Всё равно радостно, что им тоже хоть немного холодно.

Летом на первой учебной базе страдали от комаров. Такие злые и дурные комары только в Хохляндии бывают. В Подмоскovie комары интеллигентнее. Также сволочи, но воспитанные сволочи. А в Хохляндии комары без башки. Хорошо ещё, что кусали не только нас – доблестных русских воинов, – но и свою чубатую родню. Придёт время, сделаем из Хохляндии Подмоскovie. Тогда лично займусь воспитанием местных комаров.

Второй раз замечаю. Попадая с базы, где относительно (относительно!) тихо, в самую сердцевину войны, отмечаешь: пальба и взрывы поначалу напрягают. Потом они уходят в фоновый режим, и Сердце Дракона кажется уютным и безопасным местечком. Холодно только. В остальном сносно. Держать круговую оборону двадцать четыре на семь не так страшно и почти не выматывает. Почти.

10 сентября, 14:41

Башкир («ноги») принёс еду и хорошую новость. На базу привезли «молодых». Пополне-

ние прибыло. Будет полегче. С заходами в Сердце и выходами есть сложности. С одной стороны спокойно, с другой – участились прилёты по тропе, да и птичек опять много.

Рыжий и Трёшка ночью болтались со мной на посту. Потом пропали. Сменился, пришёл отдохнуть, смотрю: спит парочка на моём месте. Пришлось изогнуться буквой зю, чтобы не потревожить новобранцев.

Отдохнул после поста сносно. Нарубил дров. Дрова только для готовки. Принёс воду. Вода медленно идёт. Будто заканчивается. Печалька.

Разведка наша вышла. Они в этот заход погибших воинов забирали с поля боя. Немцы подозрительно молчат. Редкие РПГ, автоматные и пулемётные очереди по Сердцу. Арта нацистов не работает по нам уже несколько дней – тыфу, тыфу, тыфу.

Хочется в баньку. По щучьему велению, по моему хотению, Банька, приди ко мне!

10 сентября, 19:57

Душевный вечер на работе.

Сева. Один из самых чистоплотных бойцов. У него с собой подписанные тарелка, кружка, ложка. Он их тщательно моет и убирает к себе в рюкзак после каждого приёма пищи. Общей посудой не пользуется.

Рядом с моим постом есть свободное пространство. Сева приходит в четыре вечера, делает зарядку (приседает, отжимается), чистит зубы. Он работает в ночь. Разговаривает мало. Голос у него вкрадчивый, тихий, интеллигентский. Говорит, если говорит, будто извиняется. Никогда не повышает тона. Если устаёт, ворчит себе что-то под нос. Парню около сорока. Детей нет. «Роковая женщина попалась, – сетует Сева, – потому и детей нет». Сделал зарядку, спросил, не надо ли принести чаю. Я отказался. Он ушёл.

После Севы пришёл Пианист. Просто поболтать или, как он выразился, пообщаться. Пришёл с чаем. Говорили о Великой Отечественной, о том, как туго было солдатам того времени, не то что нам. Разговаривали о древних цивилизациях, о войнах разных эпох. Потихоньку разговор перешёл на личные темы.

Пианист ушёл на войну за свою свободу. Чтобы вернуться домой не в двадцать восьмом, а в нынешнем, двадцать третьем. Кумир у него – Че Гевара. К слову, среди зетовцев огромное количество людей, болеющих Советским Союзом,

его идеологией, которой им, как я понял, сейчас да и все последние годы не хватало.

Идеи нет, оттого много пустых людей – основной посыл мысли.

Сел Пианист четыре года назад. Непредумышленное. Пришли, говорит, утром, когда кофе пил, надели наручники и увели. Так, говорит, чашка кофе и осталась дома стоять на столе.

Я слушал и смотрел на то, как Рыжий, поймав мышку, играет с ней. Отпустит из лапок, она побежит, он прыгнет, возьмёт в зубы, положит на прежнее место, пару раз ударит лапкой, чуть отойдёт и ждёт, когда мышка снова побежит.

Вслед за Пианистом подтянулся Демон. Отвязный хлопец. Парням не хватает душевных разговоров, поэтому частенько заглядывают ко мне излить душу. Демон завёл разговор о том, как вернётся домой – ему осталось двадцать дней, как Пианисту, – раскинет пальцы (тюрьма, война), и все девчонки с района будут его. Они, заключил Демон, таких любят. Пианист послушал его, послушал и тихо ушёл. Демон продолжил о девчонках, пощёлкивая языком и закатывая глаза, не обратив внимания на уход Пианиста.

Появился Арес. Спросил таблетки от язвы – дескать, Кобра загибается, срочно нужно. У Демона как раз оказалась пара таблеток. Тоже язва. Поэтому держит всегда при себе на случай обострения. «Пойду отнесу таблетки», – сказал Демон и, оставив мне повербанк, чтобы я зарядил себе телефон, ушёл.

Полчаса тишины – немцы молчат – и сменив меня пришли Сергеич с Мусульманином. Тоже дембеля. Им осталось две недели. Это парни из моего подразделения, те, которые уже второй раз дембеля. Они заступают на полночи, потом я с Пианистом меняю парней. Пожелал тихой работы и пошёл спать. На моей лежанке примостились котята. Подвинул, лёг рядом и записал сегодняшний вечер. Чай, повербанк есть, не жалко провести лишние полчаса с включённым телефоном.

11 сентября, двенадцать с копейками

Ночь выдалась тяжёлая. Мысли о детях гонял, отключиться не мог. В результате появились лёгкая тревожность и раздражённость. А под утро, когда уже с ног валился, объявили боевую готовность. После отбоя тревоги упал. До вечера буду отдыхать. Если дадут. Надо быть в форме.

Десять дней на Драконе. Должны выводить. Пока молчат.

В ночной перестрелке Демон по темноте вместо ВОГа вогнал в подствольник фонарик и жажнул. Тут же представил мысли немцев – дескать, у русских патроны закончились, и они фонариками отстреливаются.

11 сентября, 14:46

Долго отдыхать не смог. Перенёс взрыватели. Неудобно стояли. Теперь лучше.

На Сердце прибежал Ковбой. Он тоже перешёл в разведку. Не хочется, говорит, отставать от Смайла. Детский сад. Смеюсь. По-отечески смеюсь и горжусь нашими парнями.

12 сентября, шесть утра

Эй, я просил нормальную баньку, чтобы помыться, а не ту, где обливаешься собственным потом в бетонном холоде!

12 сентября, 19:58

Разведка, помимо своей основной работы, занимается эвакуацией. Выносят погибших с поля боя. На мой взгляд, самая тяжёлая работа. Психологически и физически.

Тащить на полусогнутых под постоянными обстрелами труп, у которого нет головы, или нога отваливается, или рука, или там каша вместо человека, – занятие не из приятных. Надо аккуратно собрать в мешок или, если такое возможно, бросить на полевые носилки и – перебежками от одной непростреливаемой зоны к другой.

Вспомнил Кита. Дело было зимой на первом круге.

Кит – русский богатырь с ногой сорок девятого размера. На гражданке работал татуировщиком. У Кита был свой тату-салон. Помню его растерянное и в то же время гордое лицо, когда долго не могли найти ему нужную обувь. Спросил, дескать, как ты живёшь с такими ногами? Вот так и живу, ответил. Ношу не то, что нравится, а то, во что влезаю.

Кит погиб на штурме. Попал под миномётный обстрел. Перебило ноги. Его оттащили к воронке, а сами пошли дальше. Вперёд. Эвакуационная группа должна была забрать.

Наша, обещанная в поддержку, арта молчала. Штурмовая группа с наскока прошла линию вражеских окопов и наткнулась на шквальный миномётный огонь, к которому вскоре присоеди-

нился танк. Началось цирковое представление с фейерверками. Пришлось отступить.

Впоследствии узнали, что перетягивали вражеский огонь на себя, чтобы рядом работающие музыканты могли спокойно делать своё дело. Ну, как узнали? Просто решили между собой таким образом оправдать отсутствие нашей арты, которая должна была отработать район перед штурмом.

На обратном пути Кита в воронке уже не было. Эвакуационная группа сообщила, что его не нашли. Не могли понять, куда он делся. Надеялись, что всё-таки живой. Просто пополз в сторону позиций мобиков.

На следующий день с помощью дронов нашли его в семидесяти метрах от воронки. Пополз, но не дополз. Умер от потери крови, скорее всего. Немцы сняли с него одежду... и сапоги. Найденные специально для него сапоги сорок девяти размера.

Утром эвакуационная группа поехала забирать Кита с поля боя. Немецкие миномёты уже были пристреляны по нему. Подойти невозможно. Как только группа приближалась, начинался обстрел квадрата.

Просили арту под новый штурм. Думали, будет новый штурм с артой, вынесем тело. Арту не давали. Тело не вынесли.

Эвакуационная группа ездила три раза и три раза безуспешно. К концу недели наше подразделение перебросили на другое направление. Кит остался на поле боя.

Разговариваю сегодня об эвакуации с Ковбоем. Ковбой говорит, что психологически не так тяжело. Физически – да. Мне-то как раз физически было бы легче. С трупами «не дружу». Слава богу, как говорится, что меня на такую работу не ставят. Не потянул бы. Отказаться бы не смог: приказ есть приказ, но сомневаюсь, что справился бы с задачей.

Днём была тишина. Напряжённая. Ни одного выстрела. Пара-тройка прилётов не в счёт. Ночь, наверное, опять бессонная будет. Последние три ночи тяжкие.

Днём хапанул апатии. Гонять буквы не мог. Казалось, что нет конца этой войне. Накопленная усталость даёт о себе знать.

13 сентября, 09:59

Осенний холод основательно наполняет пространство. Не думаю, что температура меньше плюс десяти градусов, но воспринимается как

минусовая. Надел две пары тёплых носков. Ноги промерзают. Летние спальники не спасают. Кому достался зимний, считай, повезло. Мне не повезло. Зато у меня котят. Они выросли. Меньше играют. Только спят и охотятся. Когда забираюсь поспать, беру их с собой в качестве грелки. Котят устраивает непыльная работёнка, которую им подкидываю, – греть меня. С двух боков подпирают и спят вместе со мной. На войне научился ровно спать, не ворочаясь, поэтому не боюсь, что раздавлю. Да и раздавить таких здоровяк уже невозможно. Сами кого хочешь.

13 сентября, 14:52

Когда замыкает от усталости и бессонных ночей, разговоры звучат приблизительно так:

Сергеич. Наши укропских птичников разобрали.

Луч. Давно говорю, не надо по птичкам работать.

Сергеич. Что ты говоришь?

Луч. Говорю, по птичкам не надо.

Сергеич. А я говорю, что птичников разобрали.

Луч. ...И я говорю, что надо не по птичкам.

Сергеич. Что ты говоришь?

Луч. Ты меня не слышишь!

Сергеич. Я тебя слышу. Птичников разобрали!

Луч. По птичкам не надо работать.

Сергеич. Зачем по птичкам работать?

Луч. По птичкам не надо, не понимаешь?

Сергеич. Чего не понимаю?

Луч. Что по птичкам не надо работать!

Сергеич. А по кому надо?

Луч. По птичкам!

Сергеич. Наши разобрали птичников...

Луч. Давно говорю, не надо по птичкам работать...

Валяюсь от смеха. Театр абсурда.

14 сентября, 11:17

Слышу электронный лай собаки. Это сигнал ротации у немцев. Смена на постах. Они выходят убивать русских под собачий лай.

Во второй половине дня, пока ещё не стемнело, ползу на свой участок войны в одиночку. На той стороне стены меня ждут. Там сидит мой немец, которого я никогда в глаза не видел. Он меня тоже никогда не видел. Если бы мы увидели друг друга, кто-то из нас был бы уже мёртв.

Немец сидит на возвышенности. Чтобы увидеть меня, ему необходимо подойти ближе к спуску и высунуть голову. Он этого не делает, потому что боится. Чтобы мне увидеть немца, нужно выйти из-за стены и подняться вверх на возвышенность, где он сидит. Я этого не делаю, потому что не дурак.

Не хватает угла обзора. Траектория полёта пули каждого из нас проходит над головой противника. Его выстрел – сверху вниз – надо моей, а мой – снизу вверх – над его.

Мой немец знает, во сколько я прихожу. Он приветствует меня короткой очередью. Я ему отвечаю. После приветствия начинается наша война. Он пытается понять, в каком именно месте я нахожусь, и если уж не убить рикошетом или бетонными брызгами, то хотя бы напугать. В ответ я бью по возвышенности, за которой он прячется. Наша перестрелка похожа на разговор. Он задаёт тему, я подхватываю.

Не знаю, как он выглядит, но знаю, что он чувствует. Это понятно по характеру стрельбы. Знаю, когда он спокоен, когда нервничает, когда злится. Я умею нервировать. Он понимает это и нервничает ещё сильнее.

Вот он надменно стреляет – дескать, лови, русская свинья! Выстрел звонкий. Пуля попадает в железобетонные перекрытия. Я инстинктивно пригибаюсь и даю ответную очередь: «Отвали!» Он повторяет. С каждым новым выстрелом отрезок тишины уменьшается. «На, на, на-на, на-на-на, – стреляет он. – Посолою тебя и высушу, буду хрустеть тобой, как сухариком под кружку баварского пива!» – «Трах-тах-тах», – смеюсь в ответ. Он не унимается: «Мои дети будут есть твоё сало!» – «Чувак, у меня нет сала, я худой, как плющ!» – «А если найдут?» – «Ищи!»

Мы ползаем по разные стороны бетонной стены, стреляем в сторону друг друга, меняем позиции, опять стреляем. В это время парни, которые на отдыхе, пьют чай и смотрят фильмы на телефоне. Кто-то готовит дрова, кто-то идёт за водой. На нашу войну никто не обращает внимания. Наша война больше напоминает детскую игру, нежели кровопролитный бой.

Наконец мне надоедает возня. Я присаживаюсь на кусок трубы, лежащий на полу, закуриваю. Он стреляет, я не отвечаю. «Ты где?» – стреляет один раз, другой. Я молчу. Немец начинает беситься. Чувствую, как дрожит автомат у него в руках. Выстрелы неровные. То в одно место паль-

нёт, то в другое. Не отвечаю. Моё время заканчивается. Меня меняют. Пара-тройка часов на сон, еду, туалет, и я возвращаюсь к нему.

Стемнело. Вечером работаю с Пианистом. Пианист в нашей войне не участвует. Сидит в укрытии, за мешками с песком, курит, пьёт чай с баранками или спит.

Немец начинает. Он грозит повесить меня, четвертовать и колесовать. Он обещает вырезать всю мою родню, отыметь всех моих женщин и продать на органы всех моих детей. Я только смеюсь в ответ. Смех его пугает. Поэтому я всегда смеюсь. А Пианист похрапывает.

В пять утра светает. Слышу электронный лай собак. Моего оппонента, разгорячённого, злого, с капающей из рта слюной, меняют. Он уходить не хочет, доплёвывает последний магазин, матерится и замолкает. «До вечера, дурилка», – стреляю вдогонку, снова закуриваю, бужу Пианиста и жду конца смены.

14 сентября, 13:38

Сергеич наливает из котелка остатки борща. Решил доесть второй порцией.

Сергеич. Все поели?

Луч. Я не ел...

Сергеич. Не ел? Я же спросил перед тем, как налить себе, все ли поели? Там немного оставалось. Совсем чуть-чуть, тебе бы не хватило. Ну и почему ты промолчал? Я громко спросил. Спросил у всех. Думал, что поели, решил доесть остатки. Да тут по бокам только гуща налипшей была, остальное вода! Теперь ещё и котелок придётся мыть. Почему ты не сказал, что есть хочешь?

Луч. Я не хочу есть.

Сергеич. А есть надо. Хотя бы раз в день горячее. Надо было сказать, что не поел.

Луч. Я поел.

Сергеич. Поел? Ты же сказал, что не поел. Идиота из меня делаешь? Я спросил, поели? Ты сказал, что нет, а теперь – да. Я так похудел, что с меня берцы соскакивают. Голодаю, с ума схожу, а мне ещё котелок мыть!

15 сентября, 12:10

Самое длинное б. з. и самое насыщенное. Для меня. Говорили, что идём на недельку. Пошла третья. По моим прикидкам, завтра должны забирать. Пока молчат. Информации нет.

Нашему потоку ещё ничего. Впереди долгий срок. А дембеля нервничают. Чем раньше сни-

мут с объекта, тем лучше. Последний аккорд, как говорится. Больше не потащат на боевое.

Многие, кто не по первому кругу, говорят, что тяжелейшая командировка выдалась. Но я предполагаю, кому-то сейчас ещё тяжелее.

Дождь накрапывает. Бежать безопаснее. Вернее, плыть. Только не май месяц на дворе, не июль и даже не август. Холодно.

15 сентября, 16:37

«Ноги» принесли инфу, что после 18-го поменяют. Хотя какая-то определённости. Ок, повоюем ещё.

15 сентября, 20:58

Жаловаться не хочется. Даже самому себе. Всё равно доброго слова не услышу. Даже от самого себя. Но тело жутко болит. Ломит ноги, руки. Погода. Опасаюсь пить обезбол круглосуточно. Посажу печень. Впрочем, она у меня и без обезбола сидит враскоряку.

Ночь будет тяжёлая. В дождь работать сложно. Жужжащие уши могут не услышать за дождём начало наката. Есть немного времени вздремнуть, отдохнуть. Для хорошей работы мне нужен душевный покой, холодность и расчётливость.

Наши птички тоже не летают из-за дождя. Никто не предупредит, если пойдёт накат. На стрёме все парни, которые находятся в Сердце.

Неприятель за стенкой звал меня на вечерний променад. Решил не заморачиваться, побережь силы на ночное бдение. Они мне понадобятся.

За два с половиной месяца обстановка на нашем участке заметно улучшилась. Но до прогулочного шага ещё далеко. Арта, миномёты по нам не работают. Почти не работают. Пулемёт и автоматная стрелкотня. РПГ бывает. Иногда ВОГи залетают. Вещь опасная, но не самая большая проблема, с учётом железобетонных перекрытий.

16 сентября, 09:56

По ночному дождю поменяли группу дембелей. Дембеля по второму разу. Такое только у нас бывает. Два раза подписывали контракт, два раза увольняются и только один раз будут дома.

Лил дождь. Тропу ярости дембеля прошли, скорее всего, без единого выстрела. Дальше у

них дорога по окопам полтора километра. Окопы узкие, для перебежек. Во время дождя наполняются водой. Вода, грязь, дождь, осенний холод.

После окопов идёт дорога по бурелому. Если они не останутся на ночь в земляном блиндаже, то ноги переломают. Машина вряд ли подъедет близко. Значит, идти километра три – три с половиной.

Зато сейчас они уже на базе. Баня, еда и прочие радости жизни. А что самое главное, через неделю – домой.

Ночью вышел на пост, глядь, а там Ахмед сидит! Его группа поменяла дембелей. Вот это сюрприз! Также добавились мобики. Зашла большая группа молодых парней, которые поменяли зетовцев. Движуха, в общем.

В целом ночь прошла терпимо, хоть и напряжённо.

16 сентября, 11:32

Вышли почти все зетовцы. Не попрощался с Пианистом. Дремал. Пока остался Арес. Демона тоже видел. Ещё здесь. Капитаны покидают корабль последними. Сердце Дракона наполнилось мобиками. Неделя на то, чтобы парни въехали в процесс, и молитвы Господу Богу, чтобы в эту неделю не случился накат.

Мобики в основном необстрелянные. Тяжёлые. Опыта мало. Надеюсь на молодость, которая помогает быстро сориентироваться.

Рутул учит парней убираться на кухне. Кухня – это слишком лестное название для места, где мы готовим и перехватываем еду. Часть коридора с кострищем, обложенным кирпичами. На кирпичи положена решётка. Ночью греть воду нельзя. Маленький стол и пара стульев. Шкафчик для посуды. Из посуды – несколько жестяных тарелок и кружек. Иногда здесь можно увидеть ложки. В том числе чайные. Бетонная крошка, пыль в наличии постоянно. Они везде. Мы ими питаемся, мы ими дышим. Не только ими. Ещё порохом.

16 сентября, 16:54

Мобики-мобики, да не простые мобики. Назову их «республиканские штрафники». Воют, оказывается, не первый год. Большинство с ранениями. Документы утеряны, поэтому парни записаны в пятисотые. Истории у всех прям под копирку. Ранило, лежал в госпитале, выписался, военная часть переехала, ушёл домой, записали в дезертиры. Неведомо, на чьей стороне

правда, но, так или иначе, они здесь – с нами. Почему решил, что необстрелянные? Просто. Они первый раз увидели РПГ. Им показали, как работает подствольник, так они как малые дети набросились на автомат и давай разглядывать его, пробовать заряжать и стрелять. Наделали немцам шухер, в общем. Работать с ними будет весело. Лишь бы только без трагических финалов.

Республиканские штрафники хохлов-немцев-укропов называют фашистами. Без обидяков.

16 сентября, 18:07

Затрѣхсотило «ноги», которые выводили дембелей. Тяжёлый. Снайпер. Помимо дождя и холода был ещё тяжелораненый, которого несли.

17 сентября, 11:01

Ахмед говорит, надо молиться. Раньше, говорит, я не молился, а теперь молюсь и буду молиться, когда вернусь. Если человек молится не только в момент опасности, а всегда, то Бог ему помогает.

Дали напарником штрафника Дёму. Тридцати ещё нет. Был ранен под Камышевахой в прошлом году. Вырезали 24 сантиметра кишок. Документы утеряны. Бумаг о ранении нет. Не смог доказать ранение, угодил в штрафники.

Таких историй у республиканских штрафников много. У нас тоже говорят: если придёшь без бумаги, что у тебя нет ноги, значит, нога у тебя есть.

Засыпает на посту. Второй напарник, который засыпает на посту. Пианист похрапывал, а Дёма попукивал. Так и воюем.

17 сентября, 12:33

«Ноги», позывной Дик, по дороге в госпиталь скончался.

Рутула вывели. Только что. Остальных из нашей команды собираются выводить либо сегодня вечером, либо завтра утром. Надо успеть выровнять своё душевное состояние. Немного мандражирую.

На Сердце Дракона перебили трубу, откуда шла вода.

18 сентября, 00:28

На базе.

18 сентября, 10:05

Вышли из Сердца в четыре с копейками. Разбились на две группы. Одну (Давинчи, Прочерк) повёл Двадцать пятый; вторую (я, Костек) – Башкир.

В который раз прохожу с Башкиром Тропу ярости и готов ему памятник поставить за бережное отношение к нам. Памятник при жизни, что естественно. Тропу прошли аккуратно, не напрягаясь (лукавлю!), перебежками в сложных местах. Вторая группа тоже чисто отработала выход. На нуле ждал Рутул, которого вывели раньше. «Дяха, – закричал Рутул, увидев меня, – я молился, чтобы вы прошли тропу спокойно!» Спасибо тебе, брат, тебе и твоим молитвам.

Заход и возвращение с боевого похожи на русские горки. Дух захватывает.

В лесопосадке на выходе встретили Хриплого (зетовец). Боец, о котором ходят легенды. Дело было при взятии Сердца штурмом. Брали его группой в тридцать человек. Среди парней был Хриплый. Отбили быстро. Потом случился ответный накат. Пришлось отойти. Хриплый выйти не смог. Заныкался в подвалах и в течение десяти дней жил там. Таскал еду у немцев, переделался в их форму, ходил по ночам как у себя дома. Через десять-двенадцать дней Сердце отбили. Взяли Хриплого в плен, думая, что это хохол. Мордой в пол, все дела, а он кричит: «Парни, я свой!» Хорошо, что рядом были бойцы, которые знали его. А так, могло произойти всякое.

На базе, даже не умывшись, побежал в штаб. Надо было отправить деньги малышам-сыновьям. Они уже давно не малыши, конечно. Только для меня они – такие же малолетние детишки, какими были и 10, и 20 лет назад. В штабе есть возможность переправить деньги через мобильный банк. Кинул на карточки по пятьдесят тысяч на новые ноутбуки Святославу и Ванечке.

Сходил в баню и таверну. Помылся, поел. Встретил Ковбоя. Говорю, дескать, Доберман увольняется, поставят тебя на баню и будешь тут сидеть. Ковбой не оценил шутки. Ответил, что разведчик, а разведчиков на баню не ставят.

Сава покормил. Доберман подогнал новый тактический рюкзак. Мой вконец развалился. На предыдущем заходе лямки не выдержали веса и порвались. В этот заход связывал рюкзак верёвками, чтобы содержимое не высыпалось по пути. Неудобно. Спина устаёт.

Сава дал картошки, лука и кабачковой икры. Дома есть конина и тушёнка. Сейчас Рутул замутит вкусный обед.

С едой теперь всё хорошо. Не чувствую недостатка в мясе. Откуда берётся, не знаю. То один что-то принесёт, то другой. Холодильник не пустует.

Костек по возвращении опять нахрюкался до свиней. Пил с Прочерком. Прочерк ещё ничего, а Костек в нулину. С утра взял у меня последние шесть тысяч, обещался принести сигарет, колу, сникерсы и салфетки (решил собрать рюкзак на следующее б. з.), но принёс только две пачки влажных салфеток и себе пива. Я разозлился. Отобрал у него пиво и вылил его.

Надо искать деньги, чтобы подготовиться к следующему выходу.

18 сентября, 15:08

Придумывают командиров, чтобы создать проблем простому солдату, а не решить их. После выхода на Дракона решил сходить подстричься и поправить бороду. Машинка у меня есть. Можно было бы самому. Только захотелось, чтобы женские руки пошебурили голову. Женского тепла не хватает. В общем, чтобы подстричься, мне теперь нужно найти коменданта. Нашёл. Комендант отправил искать второго человека, которому тоже надо подстричься. Одному ходить нельзя. Нашёл. Потом снова искал коменданта, чтобы отпроситься двоим. Нашёл. Комендант попросил подойти за ответом через полчаса. Подождали. Потом искали его, чтобы снова отпроситься. Нашли. Убил три часа времени, чтобы пройти пятьдесят метров до дома, где женщина из мирняка стрижёт солдат. Подстригся. На всё удовольствие пять минут. Три часа плюс пять минут.

«Я ваш командир», – говорит мне новый комендант Руха. Руха из добровольцев. Такой же, как мы. Сколько себя помню, сидит задом на складе. Теперь поставлен комендантом. Командир, блин. Подумал: «Ты же, Руха, обслуживающий персонал. Должен следить за тем, чтобы солдат из боевой группы был сыт, одет и здоров. Твоя работа – заботиться о солдате, решать его проблемы. Какого же ты, сукин сын, лезешь в командиры?» Подумал, но не произнёс. «Я – старшина», – говорит Руха. «Ты – гнида позорная», – подумал я. Подумал, но не произнёс.

После подстрижки вызвали в штаб проверить оружие. Там запалили с перегаром Прочер-

ка. Отчитали Давинчи и разоружили всю команду. Сидим дома.

Сегодня удалось связаться с родными и близкими, которые, как оказалось, переживали за меня. Успокоил. Поговорил с Ошем. У него два ранения. Вроде оправился. Но война, говорит, для меня закончилась. Кочевник тоже с ранением. Из госпиталя вышел. Ему неделя осталась до конца контракта. Главное, живы. Мне важно было знать.

Хочется хотя бы пару дней отдохнуть, полежать в одиночестве. Тяжёлое б. з. было. Но парней запалили с алкоголем, поэтому вряд ли дадут отдых. Здесь приходится одному отвечать за всех, а всем за одного. Такова унылая солдатская доля.

18 сентября, к полуночи

Комендачи забрали Прочерка. Сидели с Давинчи ждали его до поздней ночи. Не дождались. Печальная история. Напился до свиней один, а запалили того, кто выпил немного, чисто помянуть Дика.

19 сентября, 10:53

Чувствую себя опозоренным. Униженным. Почти двести дней на войне. Ни одного замечания от командования. Выполнял, чего бы мне это ни стоило, все поставленные задачи, и вдруг приходят комендачи и разоружают меня, потому что от кого-то где-то учуяли запах алкоголя. Невыносимо.

19 сентября, 12:37

В Сердце Дракона занимался воспитанием немцев. Бытовые проблемы мало меня касались. Ну дров порубить или сходить за водой. Не более. Поэтому некоторые вещи обходили стороной моё внимание.

Я думал, что трубу, из которой мы набирали питьевую воду, накрыло очередным прилётом. Оказалось, что там просто закончилась вода, которая шла из резервуара.

Нашли выход воды из другой трубы. Надо было продырявить её, чтобы вода бежала мелкой струйкой. Газпром (мой поток) выстрелил по трубе. Вход маленький, а выход – большой. Труба ржавая. Отвалился огромный кусок, и вода хлынула потоком. Дыра настолько крупная, что не смогли закрыть её. Теперь течёт постоянно и будет течь, пока вода в резервуаре не закончится. А без воды в Сердце будет очень тяжело.

Опять зуб мудрости расшалился. Со вчерашнего вечера покоя не даёт. С утра выпил уже две таблетки. Боль не проходит.

Давинчи так разнервничался из-за того, что Прочерка запалили с алкоголем и увели, что за температурил. Ещё и сердце, говорит, схватывает. Давинчевское сердце, не драконье. Прочерк пока не возвращался. По всей видимости, в яму посадили.

19 сентября, 13:20

Вызвали к командиру Давинчи и Костека. Меня не дёргали. Минут через десять вернулся Прочерк. Ночь просидел в яме, а с утра получал пряники от командира. Костека не сдал. Грудь от пряников болит.

Вернулся Костек. Сказал командиру, что не пил. Обнюхали, поверили.

Вернулся Давинчи. С предупреждением. Ещё один залёт у нашей штурмовой группы, и пойдём на немцев одни, без поддержки. Давинчи выматерился и сказал: «Пусть дадут отдохнуть пару дней и отправляют куда угодно. Пуганые...»

19 сентября, 19:09

Прочерка отправили рыть блиндаж на нуле. Надеюсь, на этом наказания закончатся. Оружие нам пока ещё не отдали. Мне стыдно выходить со двора. Я на войне уже сто лет в обед, и меня разоружили, как долбаного пятисотого. Позор.

20 сентября, 10:42

При командирах вид у меня по Петру Первому – глуповатый. Мягко сказать. Особенно при штабных. Но я не специально становлюсь таким. Только вижу какого-нибудь новоиспечённого, сразу тупею. Теряюсь. Блуждаю в собственных мыслях без желания возвратиться в мир обетованный.

Когда ходил сверять номер автомата, долго не мог разобраться, почему не вытаскивается боёк. Скинул крышку и тупо смотрел на содержимое, пару раз безрезультатно попытавшись его вытащить, – не снял с предохранителя, поэтому боёк не поддавался. Штабной смотрел на меня и удивлялся, должно быть: сержант из боевой группы не умеет разбирать автомат. Да я бы сам впал в изумление, застань подобную картину. Он смотрел на меня, смотрел, а потом не выдержал: «Сержант, снимите с предохранителя!»

Рядом с командирами не справляюсь с элементарными задачами. Но мной можно рулить. Идеальная безропотная машина. Задача – выполнение задачи, задача – выполнение задачи. Лишь бы только командир был с головой и умел правильно руководить. Потому что если командир при виде меня, тупого, становится таким же, то делу швах.

Да, крик не переносу. То есть вообще. Могу в морду дать, когда на меня кричать начинают. Не взирая. Потом буду сожалеть, конечно, только это не меняет первичной реакции, потому что она неосознанная, на рефлекторном уровне.

Совершенно иначе, когда я один, вне доступа. Мой мозг работает лучше высокоскоростного компьютера. Чётко определяю задачи, распределяю силы и с лёгкостью решаю сложнейшие вопросы.

Мне тяжело работать в большом коллективе. Коллективной ответственности не переносу. Это происходит, скорее, от недоверия. Слишком часто ходил без вины виноватым. Вот и сейчас, разоружили за проступок, который бы в жизни никогда не совершил. Нечеловеческий стыд.

Могу работать на коллектив, но только находясь в своём чётко очерченном кругу, на территорию которого никто не заходит.

Оружие до сих пор не вернули. Съездили загрузили-разгрузили машину с водой. Без автоматов. Кастраты. Мне надо что-то делать, иначе я загрызу сам себя. Вернусь к приседаниям. Доведу количество до пятисот.

20 сентября, 17:09

Болезненное состояние из-за переживаний и зуба мудрости, который не даёт покоя. Опять ломота в суставах. Если бы зуб не беспокоил, я бы не переживал. Уже привык. Научился справляться. Но зуб... Это нечто. В боевых условиях невыносимо. Мозг отключается, ничего не соображаешь, силы покидают. Собраться не могу. Разобран полностью. Таблетки ем одну за другой. Не помогают. Аппетита нет. Плюс ко всем проблемам стул потёк. От таблеток, наверное. Не до приседаний. Хорошо бы уснуть.

20 сентября, 18:29

Кажется, дневник начинает управлять моим сознанием. Стоило пожаловаться ему, как недомогание рукой сняло. Зуб перестал болеть. Будто заново родился. Только я бы не хотел превращать свой дневник в жилетку для нытья.

Давинчи предложил по-быстрому сварганить еду – макароны с тушёной, видимо, заметив, что я со двора вообще перестал выходить: мне стыдно без оружия в таверну идти. Костек сбежал к Саве, взял макароны. Тушёнка у нас была. Гуманитарка к парням приезжала, угостили.

Командир отряда на первом построении предупредил, что если узнает о том, что кто-то барыжит гуманитаркой, расстреляет. На первом круге случилась дикая история. Нуб – молодой мальчишка, сирота – пробил гуманитарку из омского фонда «Тыл – Фронту». Привезли целую машину. Часть привезённых вещей Нуб раздал, а часть начал продавать. Своим же. Бабушки последнюю пенсию отдавали, чтобы помочь доблестным, а доблестные торгуют этой помощью. Есть в подобном поведении запах гниющего нутра.

Под конец контракта парни криво смотрели на Нуба. Но лицо не били. Сидим как-то с Айболитом, обсуждаем ситуацию. Он говорит, мол, если побьём, побежит к командиру и пожалуется: старики бедного сироту отлупили. Вот и терпели. Ош связывался с фондом ветеранов СВО. Ему сказали, что «примут пассажира» по возвращении. Скорее всего, «не приняли», иначе бы знал. Подлость осталась ненаказанной. На втором круге – хвала командиру отряда – ничего подобного не происходило. Командир сам бы разобрался. Сирота не сирота, если подлец, то быть тебе битым.

Поели, и совсем расцвёл. Через полчаса ещё раз поел.

Зашёл в гости Смайл. Меня пробило на шутку. Говорю ему: «Пошли нехорошие слухи, будто у тебя депрессия, ты ни с кем общаться не хочешь, лежишь в доме на кровати, с головой накрывшись одеялом. Ты держись!» Смайл впал в недоумение. Застыл. Смотрит на меня и глазами хлопает. «Но я, – продолжаю, – на такие слова отвечаю, что ты разрабатываешь план по взятию Киева, Варшавы и Вашингтона». Смайл заулыбался.

21 сентября, 09:22

Настоящий вкус к жизни приходит на войне. Вдруг понимаешь, насколько дороги люди, окружающие и окружающие тебя. Хочется бесконечно долго смотреть на них, слушать. Мелкая суета, лёгкие проблемы становятся самоценны. Казалось бы, незначительные события, ситуации, разговоры складываются в единое целое, стано-

вятся чем-то большим, космически огромным, необъятным. Прижимаешься к ним всеми своими мыслями, будто котёнок, ластишься, ловишь дыхание над собой. Ты – часть вселенной. Крупца, щепотка, но всё же часть всего этого огромного, чистого, светлого мира.

21 сентября, 10:20

Переживаю за Сердце Дракона. Зетовцы вышли. Остались штрафники и наше подразделение. В своих уверен. Штрафники вызывают сомнение. Неорганизованная кучка парней, разрозненная, не умеющая жить и работать в составе одной команды.

Зетовцы привыкли существовать в общности людей с чётко распределёнными обязанностями. Так называемые блатные, которые на войне тащат груз командиров, не похожи на киношных блатных, бегающих с заточками и поигрывающих чётками. Это смелые парни, взявшие на себя ответственность за «мужиков», заботящиеся о них, организующие быт, пространство, ведение боевых действий и берущие на себя выполнение самых опасных задач.

У штрафников этого нет. Каждый сам за себя. Давинчи рассказал по возвращении.

«Остался, – говорит, – у меня сникерс. Положил его на общий стол. Ну, думаю, парни, как это было принято раньше, разрежут на десяток частей и съедят каждый по кусочку. Смотрю, подсакивает к столу один из штрафников, хватается сникерс, разворачивает и запихивает его целиком себе в рот. Я даже остолбенел от такого поворота. Слов не было, чтобы вслух оценить ситуацию». В этом поступке суть штрафников.

На первом круге, в период затишья, парни пытались сформировать нечто похожее на общность людей, живущих по лагерным законам, с которыми были знакомы по фильмам. Выстраивали иерархию, искали козлов отпущения, поигрывали пальцами и прочее. Понты, одним словом, детские понты. В мужском коллективе случаются подобные глупости.

В представлении обывателя крутой лишь тот, кто меньше всего делает и больше всего командует, притом что умеет перекладывать ответственность за дурное командование на людей, которые входят в обойму его подчинения. Манера разговоров походила на штампованные разводки, когда каждый пытался выставить дураком своего собеседника. Результатом были интриги, мелочность, склоки, бабские сплетни за спиной.

Ничего хорошего из этого не вышло.

Если первые два месяца мы ещё походили на единую команду, то за последний месяц рассыпались. Да и сам я чуть было не потерял веру в людей, пришедших защищать Отечество. Вылезла вся грязь, которая таилась глубоко внутри. Хорошо ещё, что третий, последний месяц контракта, когда это происходило, мы сидели на задах и, по сути, не участвовали в прямых столкновениях с немцами.

Зетовцы – идеальные воины. Сплочённые одной причиной выхода на тропу войны – это свобода. Притом, что любви к Отечеству в них не меньше моего. Они умеют самоорганизовываться и распределяться по тем способностям и возможностям, душевным и физическим, которыми обладает каждый из них. Слабого никогда не пошлют вперёд. Про мобиков ничего не скажу. С ними почти не сталкивался ни на первом круге, ни на втором.

С добриками, с нами, есть проблемы. Мы по разным причинам на войне, оттого бываем разобщены. Кто-то пошёл из-за денег, кто-то от скуки, кто-то был ведом чувством долга и любовью к Отечеству, а кто-то заблудился в дебрях жизни так, что видел войну как единственную возможность выхода из них. Такие сливаются в единое целое только в момент смертельной опасности. Но в случае послабления, разряженной ситуации, не таящей в себе ничего сложного и страшного, рассыпаются.

Кубань вышел на Дракона.

21 сентября, 15:55

Вернули оружие, будто оторванный член сызнова прирастили. Надо почистить, привести в должное состояние.

21 сентября, 21:15

Малыш на отдых с позиции артиллеристов приехал. Зашёл на чай. Рассказал, что наши миномётчики и птичники расширяются. Гуманитарщики помогают наращивать птичью мощь, а миномётчики планируют дорости до батареи.

Малыш работает по тем немцам, которые прямо напротив меня сидят, – в тридцати метрах. Смеюсь, говорю: аккуратней работай, чтобы своего боевого товарища не задеть. «Учимся, – отвечает. – Книжки привезли, читаем, наводим, стреляем. Сейчас, – добавляет, – свою птичку запустим, чтобы не через третьи руки корректировать, и тогда вообще чётко будет».

Наши воины натовских академий не оканчивали. Учатся воевать не за школьными партами, а прямо на боевых позициях. Бесценные знания, полученные с потом и кровью.

Малыш большой, счастливый. «Доживу, – говорит, – до дембеля, закрою контракт и снова пойду, на год». Ноги у него плохо работают, дышалки нет, а с миномётами, говорит, справляется.

22 сентября, 06:43

Малыш показывал карту с размещением наших войск. Мне казалось, мы тут одни, как бедные родственники. Это не так. Позади нас развернулись с десятков других подразделений. Либо крутой замес готовится, либо ещё что, неведомое простому солдату. Но, в любом случае, у меня будто спина в панцирь оделась. Теперь уверенности больше в том, что наш участок не пробьют и мы не подведём матушку Россию.

По карте увидел, что моя позиция в Сердце Дракона ближняя к хохлам. Появилась гордость за себя. Вот какой красавчег я. Иной бы испугался, а у меня гордость появилась – дескать, есть во мне польза Отечеству. Неисправим.

Прочерк, по-моему, догадывается, что я имею какое-то отношение к литературе, говорит: «Если будешь писать о нас, то пиши правду». Только правда у каждого своя, да и моя война не думаю, что похожа на войну того же Прочерка.

Мы живём каждый в своей реальности, и войны у нас разные. Сколько человек на войне, столько и войн. Сотни тысяч войн с одной стороны и сотни тысяч – с другой.

Никому и в голову не придёт, что я, допустим, место, куда мы выходим на боевое, называю Сердцем Дракона. Скажи кому, так пальцем у виска покрутит, подумает, что совсем чокнулся.

Теперь постоянно троллю Костека. Он говорит: «Холодно сегодня...» – «А ты водочки выпей, согрейся!» «У меня понос!» – «А ты водочки выпей, закрепит!» «Уснути не могу...» – «А ты водочки выпей!» Бедный Костек. У него теперь на всю жизнь аллергия на алкоголь. Хотя... вряд ли.

За кого думаю, так это за Китайца. Если вернётся с войны и бухать начнёт, всю свою жизнь в унитаз спустит. Дочка у него и жена, и, по всей видимости, он сильно любит их. Китаец человек хороший. В каком-то смысле благородный, по-мужички благородный. Только без тормозов, когда дело до рюмки доходит. Прямо как я в своей безбашенной молодости.

У Китайца туберкулёз. Отвезли в госпиталь.

22 сентября, 09:27

Снова пополнение прибывает. Нас много, и мы в тельняшках. Без крутого замеса не обойдётся.

Дембелей отправили лес валить, чтобы не бухали под финал. С дембелями поехали Рутул и Костек. Ах-ха, они планировали сегодня обналичить деньги и закупиться жрачкой, сигаретами и прочими прелестями солдатской жизни. Не судьба. Меня и Давинчи пока не трогают.

22 сентября, 12:58

Тарелок в таверне не хватает. Отнёс стопку Саве. Пусть хорошенько накормит молодых.

Грецкие орехи начинают осыпаться. В Москве дорогие, редко балую себя, а здесь на дороге валяются никому не нужные. Подошёл к дереву, задрал голову, крикнул: «Хочу орех!» – и посыпалось. Один, другой, третий... будто не солдат я, а волшебник.

Орехи в зелёной кожуре. Она открывается, делясь на четыре части, и грецкий орех вываливается. Вкус не такой, как в магазинах. Неожиданный. Нежный. Орех во рту тает, связывает язык. Вкус детства, аптеки, йода, разбитой колёнки. Интересное сочетание.

Включил радио и попал на передачу, где родные посылают приветы своим любимым солдатам. Слезы на глазах. Ещё чуть-чуть и ревмя зареву. Хорошо, что меня никто не видит.

Сколько любви принесла война, сколько любви! Люди никогда так не любили, как любят сейчас. Война разбудила любовь, затихарившую глубоко внутри каждого из нас. Как же нам не хватало её. Пришлось кинуть на покорёженный от бесконечных обстрелов алтарь сотни тысяч человеческих жизней, чтобы вспомнить, для чего мы рождены. Для любви.

22 сентября, 17:30

Хрень в том, что я действительно хочу вернуться в Сердце Дракона. Мне скучно в располаге. Всё ли со мной в порядке?

Опять сделал запись такую же, как в прошлый раз по возвращении с б. з., а завтра, наверное, так же, как в прошлый раз, сотру. Нет, не буду стирать.

23 сентября, 06:27

Вечером переселили в наш домик Бабая (дембель) и Князя (мой поток). Освободили жи-

льё для пополнения. Бабай и Князь работали на окопах. На мой взгляд, самый сложный участок. Для понимания сложности: до позиций немцев 50–100 метров. Группа роет окопы, блиндажи, оборудует огневые точки для пулемётчиков и штурмовиков, а также пробивает путь для «ног» и для захода на наши позиции парней из обороны. Туда отправляют, как правило, залётчиков, чтобы дурь из головы выбить. Бабай и Князь залётчиками не были. Просто карта легла так. Работали на окопах вместе с Ахмедом. Бабай – старший группы.

У Князя после сорока пяти дней на окопах варикоз. Начальная стадия. Отвезли в госпиталь. Он пробыл там пару дней. Говорит, что врачи ничего не делали. Спросили, дескать, как себя чувствуешь. Ответил, что хорошо. На этом лечение закончилось. Командир переведёт его в комендантский взвод. Князь в полицаи не хочет. Но тут уже деваться некуда. Есть опасность тромба. На постах на базе месяц простоит, а по возвращении на большую землю полечится.

Князю тридцать пять. Трое детей. Физически хорошо сложен. Черты лица резкие. Скуластый. Вспыльчивый.

Вспыльчивость – основная черта характера наших парней. Этим отличаюсь от них. С виду совершенно спокоен. Хотя Ковбой тоже достаточно спокоен, даже немного флегматичен, и Смайл, кстати, все свои негативные эмоции превращает в улыбку.

Князь поругался на Ахмеда. Рассказал, что тот рыл лисьи норы в песке, поэтому его при бомбёжках засыпало, а Князю приходилось откапывать. Ахмед такой Ахмед. Пастух, не воин. Но то, что он здесь – на войне, и то, что в момент опасности он добровольно пошёл защищать Отечество, – делает его большим героем. Правда, Князю этого не объяснить, потому что вместо того, чтобы рыть окопы, ему частенько приходилось откапывать Ахмеда.

Когда отправлял сообщения с общего телефона Петру Лундстрему, Аничке и Аруте, барышня Князя бесконечно звонила и писала: «Не молчи, ответь, не молчи!» Видимо, не знала, что телефон общий. Пришлось ответить за Князя. Сказал, что он жив-здоров, в строю, чтобы не волновалась. Потом рассказал об этом Князю. Сходи, говорю, напиши ей. Князь отмахнулся – дескать, надоела. Женщины даже на войне могут добить своей заботой. Смеюсь.

По-доброму смеюсь. С поклоном и уважением к нашим заботливым женщинам.

Зашёл в домик к парням. Там теперь по углам вещи, рюкзаки, сумки, чемоданы. Говорю Бабаю: «Никогда не видел в доме столько вещей!» – «А фиг ли, – отвечает, – дембель заехал...»

23 сентября, 10:44

С пополнением прибыли чеченцы. Давинчи привёл одного из них познакомиться. Рослый парень, с густой чёрной бородой а-ля Яковлев из фильма про Ивана Васильевича, который менял профессию.

Чеченец поздоровался, кивнул на шеврон с позывным Азазель и добавил: «Компьютер выбрал!» Раньше был у музыкантов. Прошёл Африку. Охранял шахту с алмазами. «Замес, – говорит, – один раз был, да и то не замес, а так. Приехали на мотиках малолетние негритосики с автоматами, перевязанными верёвкой и проволокой. Мы их отловили, пряников надавали и отпустили. Негритосики знают по-русски только «Дяденька», «Не убивать!», «Заставлять!», «Я люблю русский!». Чего, – говорит, – с них взять? Пинками по задницам отогнали. Автоматы отобрали, они плачут: «Дяденька, автомат отдать!»»

Азазель приехал в отряд две недели назад. Всё это время торчал на базе автоботов. Крутил гайки. «Какой-то полковник, – говорит, – ходил надо мной, там подкрути, там. Я его послал. Здесь нет полковников, только командир. Хочешь быть полковником, иди к мобикам».

Азазель попросился от автоботов на передний край. Либо к миномётчикам, либо на высоту, с пулемётом работать. Первого чеченца вижу с желанием пойти на передок. Не везло мне с ними. Попадались раньше мягкотелые. Начиная разочаровываться.

Зимой были чеченцы. Так они чисто тик-ток-войска. Прибегали после штурмов и фотографировались на фоне опорников, которые добровольцы брали.

Азазель стоял у винограда, срывал ягоды и ел. Давинчи показал ему место, где ягоды вкуснее и слаще. «Люблю кислые. Вино люблю. Правда, – сказал, – нам нельзя. Ягоды поем...»

Его отец в первую чеченскую воевал против России. «Глупый, – говорит, – да простит меня Всевышний. Чечня не выживет без России, сожрут её».

23 сентября, 19:12

Давинчи отправили на вторую базу к автобостанции. На сохранение. На б. з. больше не пойдёт. Командир вызвал его, поблагодарил за хорошую работу и сказал, чтобы собирался. Давинчи пришёл ко мне: «Теперь ты, Огогош, старший группы, а я всё, на отдых». Посидели с ним, поболтали немного, обнялись по-братски и попрощались. Давинчи выдохнул.

Из «старичков» осталось двое: Костек и я. Прочерк на окопах, копает. Залётчик. Мне в группу добавили троих «молодых». Чик, Комерс и Шакай. Группа по-новой укомплектована.

В пять вечера прибежал с большими глазами Костек: «Мы на б. з. собираемся!» – «Команды, – говорю, – не было». – «Ты без рации, передали через меня!» Ок. Костека отправил в магазин за куревом, а сам с парнями потихонечку начал собираться. Вспомнил утреннюю запись в дневнике. Как по заказу.

Молодые ко мне обращаются «командир» – дескать, командир, а что лучше брать? А как одеться? Командир то, командир сё. С умным видом посоветовал брать минимум, одеться тепло. Рассказал в двух словах о том, где мы будем. Молиться, сказал, можно, бояться – нужно, а вот паниковать – нельзя. Собрались.

Костек принёс сигарет и сникерсов. Упаковались. Повёл парней за аптечками и пайком. Аптечки выдали. Стою, жду паёк. Не дают. Говорю, давайте паёк. Руха: «Тебе есть нечего?» – «Мы на б. з.». – «Чья группа?» – «Моя». Руха перекрестил нас – дескать, не повезло, сочувствую, а потом, увидев, что я нахмурился, произнёс: «Я пошутил...» Человек, сидящий задом на солдатских пайках, не знает, что так шутить нельзя. Ладно, проехали. В общем, пока дали моей группе отбой. Можно было без шуток. Похоже, у меня аллергия на людей с мозгами прапорщика.

Вернулись с парнями в домик. Костек закашеварил ужин. Будем есть и знакомиться.

23 сентября, 20:19

Днём заходил в штаб, где дежурит Калуга. Калуга пожаловался, что устал в комендачах сидеть, хочет на Дракона. «Но, – говорит, – я не добегаю. Это будет дорога в один конец». – «Так нельзя, – возмутился. – Дорогу осилит бегущий. Просто берёшь и бежишь».

После смены Калуга пошёл к командиру и попросился на б. з.

Сидим в домике с Князем обсуждаем его поступок. Они с одного района. Знакомы с гражданами. Родня Калуги ругает Князя, поскольку думает, что это он вытащил Калугу на войну.

Князь не хочет, чтобы Калугу брали на б. з. Говорит: «Случись с ним что, меня живьём закопают».

Калуга ложками ест соль, чтобы отёчность ног не спадала и чтобы не отправили на Дракона, а здесь его переключило, и он решил сам попроситься. Князь ругается. «Сидел бы, – говорит, – на попе ровно и сидел. Вот чего он?»

Цирк, а не люди.

Бабай лежал рядом, слушал нас и не выдержал: «Князь, не переживай за него! Он ещё нос тебе утрёт! Вернётся домой в орденах и медалях. Будет ходить по району гоголем-моголем, не подступишься!»

24 сентября, 06:17

Не понимаю своего состояния. Либо слишком спокоен, либо слишком взволнован. Вроде расслаблен и в то же время напряжён. Месяц будет тяжёлым, потому что тосковать по дому начинаю. Чрезмерно.

Мир на войне меняется каждую секунду. Ждешь чего угодно.

Хм... мир на войне. Интересное сочетание.

Спал хорошо. Выспался.

Скучаю по своим любимым малышам. По друзьям скучаю. По родным. По женской нежности. По дивану своему скучаю тоже, по тёплой ванне, по берёзовой роще. У меня дома под окнами берёзовая роща, сказочная. Столько тёплого, весёлого, хорошего связано с ней. Сейчас она потускнела. Через недельку завьётся багряным пламенем, потом оголится, а под финал года накинёт на себя пуховое одеяло, чтобы спрятаться от зимнего холода.

24 сентября, 16:42

В девять утра прозвучала команда: «Десять минут на сборы по-боевому». Вчера уже были собраны. Сразу выскочили.

Мозг прапорщика начал пугать – дескать, с двух ночи бомбят Сердце, вот-вот накат пойдёт. Не слышал я, чтобы бомбили как-то поособому. Обычно. Так бомбят каждый день и каждую ночь. Мозг прапорщика под это дело насовал нам лишнее БК. Загрузил чрезмерно.

Встретил Ленина. Ленин увидел, что иду без плит. Скривил рот.

Я похлопал его по плечу:

– Жизнь одна, и прожить её надо с высоко поднятой головой.

Второй выход без плит. Нужна скорость, а не липовая защита. Скорость спасает. Плиты – нет.

Машина подъехала близко. Быстро дошли до нуля. Погода сносная. Ни холодно, ни жарко.

Сказали, пока разместиться в блиндаже и ждать «ноги». Велел парням скинуть в блиндаже лишний груз. Нам ещё бежать не пойми под каким огнём. На точке БК много, а лишний вес – это ещё один шаг в сторону смерти.

25 сентября, 12:12

Телефон перед выходом не успел зарядить. Повербанк не взял. Включать телефон и записывать буду реже.

До трёх ночи сидели в блиндаже. Замёрзли. Толком ничего не ели, потому что горелки с собой не брали и не знали, на какую точку идём.

В три часа ночи поступила команда, что идём дальше, на драконьи Кишки. Я там был в свой первый выход.

Ночь – коли глаза. Дошли до перевалочного места. Немцы начали накрывать кассетными тропу. Дали нам проводника из союзников – хромого, больного, который только-только начал работать «ногами». Напрягся. Костек отказался идти с ним и по темноте. Я подумал и сказал, что пойдём либо все, либо никто не пойдёт. Передали по рации командиру, что ждём на перевале затишья.

Чуть рассвело. Через час увидел Иглу. Он выходил из Кишок. Спросил у него, как тропа. Пулемёт, ответил, не работает, и птичек нет. Я выдохнул, кивнул проводнику – дескать, надо выдвигаться, и мы побежали.

Зашли хорошо, без особенных приключений, но только заскочили в Кишки Дракона, тут же по входу прилетела кассета. Посыпался горох. Бух, бу-бу-бу-бу-бу...

Из Кишок вышли зетовцы. Передали по радее, что еле дошли до жёлтой зоны. Накрывало. Потерь нет.

На Кишках много парней. Позиция расширилась. Добавились две огневые точки. Пока отдыхаем, ждём, когда распределят.

25 сентября, 16:58

Переместились группой из четырёх человек на свою позицию. Пятый из группы – Комерс –

будет работать «ногами». Заботиться о доставке продуктов, БК и воды.

Кишки у Дракона длинные. Здесь, на точке, несколько парней из другого подразделения. Мы пришли как усиление небольшого Отростка от основной Кишки. О задачах и боевых действиях не пишу. Правило трёх «нет».

Поселились в бетонной трубе, устроили себе лежанки для отдыха. Костек улёгся и начал считать дни до конца нашего контракта. Я стараюсь не думать о доме.

Тяжелее всего на выполнении этого боевого задания будет Чик. Он под метр девяносто ростом. Легче всего – Костеку, потому что он до метра пятидесяти недотягивает. Нет, дотягивает. Говорит, что метр пятьдесят пять.

26 сентября, 07:32

Помню, что Бог не даёт переживаний и трудностей больше, чем человек способен вынести. Помню, и всё равно невыносимо тяжело. Каждый новый день приносит нестерпимую боль. Парни откалываются, ломаются, пятисотятся. А я стою, как истукан, на своём и ненавижу себя за мысли, что устал, не справляюсь, надо сломаться, чтобы выжить. Нет, я не сломаюсь. Жить сломанным не смогу.

Два дня почти не ем. Еда есть. Не ем, потому что существует реальная проблема туалета. В Отростке по-маленькому ходим в баночку и через дырочки аккуратно выливаем. Чтобы сходить по-большому, надо перебежать метров десять по обстреливаемой территории. Выбор невелик. Либо меньше ешь, либо больше рискуешь.

Спим на камнях, которые сложены в мешок. Не так чревато, как на бетоне. Спальник есть один, летний. Мыши наглые. Впрочем, мыши везде наглые. Говорят, тут бродит по ночам выдра. Пока не видел. Солнце пробивается только в одну пятикопеечную щель. Нормального солнца дней десять не увижу.

Бомбёжки не страшны, накаты тоже. По ряду причин. Озвучивать не буду даже дневнику. Но не расслабляемся. Напрягает, что немцы стали усиленно бить по тропе.

Боженька милостивый, сжался.

26 сентября, 11:05

Давинчи мог сломаться. Был на грани. Пылил в последнее время слишком уж много. То ходит молчит, то внезапно взрывается. После того

как его откомандировали на базу в город, куда отправляют в основном пятисотых, была мысль, что сломался. Я ведь не слышал его разговора с командиром, да и когда пришёл ко мне сказать, что его снимают с боевых, смотрел на меня виноватыми глазами. Но причин для виноватых глаз пруд пруди. Не только из-за того, что запятисотился. Может, он так досвиданькается – дескать, прости за всё, в чём был и не был виноват. Вполне. В общем, мне бы не хотелось когда-нибудь узнать, что Давинчи слился.

26 сентября, 16:32

Мы сегодня молодцы. Группа отлично поработала. Хорошо, что у нас есть малюсенький Костек, который в любую трубу пролезть может и сделать там всё, что нужно группе.

С утра было плохое настроение. После работы настроение поднялось по десятибалльной шкале на твёрдую восьмерочку. Минус два балла на самокритичность.

Чика с собой не брали. Он слишком крупный для выполнения задачи. Оставили на рации. Да и ночью кому-то надо будет подежурить, пока мы отдыхаем.

Вернулись на точку в целости и сохранности. Проголодались. Костек тут же слопал банку тушёнки. Я решил подождать, когда местный повар – Ра – сделает что-нибудь съедобное.

На всякий случай выпил таблетку. Спина может поплыть. Остальное в норме.

27 сентября, 08:34

Как ни странно, тело не так сильно болит после вчерашних нагрузок. Удивительно.

Вечером с Томасом (зетовец), старшим на позиции, дежурили, смотрели кино и играли в слова. Томас показывал ролики и фотки, на которых он с друзьями и сослуживцами.

Томас с самого начала в Отростке. Участвовал в весенних штурмах Сердца. Потом разведывал прилегающую территорию. Здесь окапывался, ставил огневые точки. Отсюда кошмарил и продолжает кошмарить немецкие позиции. Сейчас ему дают усиление, потому что появилась возможность выставить наблюдательный пункт недалеко от его владений. Надо только оборудовать.

У Томаса здесь, на позиции, есть повербанк. Поэтому сейчас пойду кину телефон на зарядку и ещё что-нибудь напишу.

Дополнение. Дополз до банки, она села. Зарядить телефон не удалось. Попозже придума-

ем что-нибудь. Надо будет сползть в Кишки Дракона. Там генератор стоит.

Настроение ровное.

27 сентября, 10:32

Томас достал запасную банку, чуть зарядился. Утро спокойное. Относительно. На войне вся жизнь относительна. Трудно что-то сказать или написать без этого слова.

Чик увидел, что я периодически включаю телефон и ковыряюсь не в игрушках и фильмах, как многие, а в вордовских файлах.

– Книгу пишешь, командир?

Чик называет меня командиром. Редко по позывному. Тут люди привыкли к такому обращению и начали ко мне обращаться так же. Хотя я, в общем-то, никакой не командир. Всего лишь старший группы.

– Нет, – ответил, – просто слова гоняю.

Книгу... Хм... Даст Бог выжить и вернуться, можно будет из всего этого сделать книгу. «Дневник добровольца». Обмозгую.

Костек задрал голову к бетонной крышке и мечтательно произнёс:

– Двадцать седьмое сентября... Вот бы побыстрее было двадцать седьмое октября...

– А что мне от этого? Я мечтаю о восьмом. О восьмом октября, – сказал Ра, – у меня в этот день заканчивается контракт.

Каждый думает о своём дне. Я тоже о своём. Вернёмся и будем скучать о времени, проведённом на войне. Здесь случаются совершенно райские минуты, когда кажется, будто на землю спустился мир и больше никто никогда ни в кого не выстрелит. Солдат – самый миролюбивый человек на свете.

– Соберёмся, – говорит Ра, – огородимся ото всех мешками и будем спокойно жить. Кто не хочет войны – милости просим; кто хочет – тот пусть идёт по другую сторону мешков и там стреляет.

27 сентября, 17:34

Сегодня молодцы в два раза больше вчерашнего. Вышел на точку один, подготовить место, чтобы парни подтянулись и сразу приступили к выполнению поставленной задачи. Спокойно, размеренно, ничуть не напрягаясь. Сделал, что планировал, минут за тридцать, смотрю, парни ползут. Далеко в трубе замерцали фонарики. Доползли, обмолвились парой фраз и приступили. Четырёх часов хватило на выполнение.

После трудов праведных вернулись в Отросток. Довольные и счастливые. Вскипятили чайничек, разлили по кружке кофе. Одно удовольствие. Есть жизнь на войне.

С молодыми приятно работать. Они не ноют. В присутствии меня, по крайней мере. Видят, что я на позитиве, улыбчив и прост, и сами делаются такими. Было бы смешно, если бы двадцатипяти-тридцатилетние парни начали скулить рядом с пятидесятилетним мужиком, который трудится наравне с ними и не жалуется.

Чика с собой не берём, он работает на рации, бегаёт за едой и водой. Там, где мы ползаем, он будет мешать – слишком высокий. А человек на рации всё равно нужен.

Сейчас приготовим ужин, наедемся от пуза и выйдем на ночное бдение. Ни минуты покоя, и это прекрасно.

28 сентября, 08:25

Сны разгадывать не умею. На гражданке, если снилось что-то невероятное, лез в интернет читать сонники. Разные сонники одни и те же сны трактуют по-разному. Доверия нет. Есть любопытство. Мозг человека так устроен, что хочется заглянуть в будущее.

Снилась авиакатастрофа. Мы со старшим сыном сидим дома. Интерьер напоминает дачу в деревне Челобитьево. Было у нас когда-то там полдома плюс несколько соток. В небе взрыв, и обломки самолёта падают прямо на наш участок.

Кто-то из домашних – отчётливо не помню кто, но точно женщина – хватает шланг и начинает поливать горящие обломки, похожие на диван. Я слышу плач новорождённого. Мы со старшим сыном кидаемся к дымящемуся дивану и вытаскиваем из него младенца.

Младенец с пуповиной, в слизи. Глаза большие. Он кричит у меня на руках, перебирает ножками, ручками. Я говорю старшему: дескать, подарок небес, будем воспитывать. Старший – Ванечка – смотрит на меня преданными глазами и кивает головой.

28 сентября, 16:25

Не буду каждый день писать дневнику, что парни молодцы. Он об этом и так хорошо знает.

Сегодня без обезбола. Организм сам тащит.

Час назад был шум у входа в Отросток. Шум слышали, но никого не видели. Дай Бог, чтобы просто заяц прошмыгнул. Парни напряглись. Информацию передали по радеике. Шуманули.

Комерс – сломана рука, порван трицепс. Прилёт. В Сердце Дракона один триста. Из молотых. Осколок от кассетной.

29 сентября, 09:03

Ночь напряжённая. Много стреляли. Но я спал спокойно. Уверенности придавала кошка, вдруг откуда ни возьмись появившаяся вчера вечером в Отростке. Опять трёхцветная. Приносящая удачу.

Вышел на ночное бдение. По ногам что-то скользнуло. Подумал, мышь или крыса. Смотрю – Трёшка. Обалдел. Это нереально. От Отростка до Сердца метров четыреста-пятьсот по прямой. По моим прикидкам, Трёшка не смогла бы пройти. Да и привыкла она к Сердцу, бежать через поле не стала бы.

Ночь, ничего не видно. Осветил кошку фонариком. Нет, не Трёшка. Трёхцветная, но не моя Трёшка. К тому же с пузиком, ждёт котят. Для Трёшки ещё рано. И всё же удача, как трёхцветная кошка, преследует меня по пятам. Лишь бы не сглазить. Тьфу-тьфу-тьфу.

Движение, которое было у входа в Отросток, скорее всего, от неё.

В два ночи передали по радеике, что опять замечено движение около нас.

– Томас, шумани из граника.

– Я не Томас, а Томаш. Ночью шуметь не буду, спалим позицию.

Томаш, который был раньше Томасом, перевернулся на другой бок и размеренно засопел.

Проснулся около семи, сгонял по маленькому. Подзарядил телефон. Втроём – я, Костек, Томаш – выпили по кружке кофе с сигаретой. Подтянулся местный Кот. Остальные пока спят.

Сижу, пью кофе, курю и вспоминаю, как я каждое утро выползал на балкон с чашечкой кофе, закуривал сигарету и смотрел на лес, и мне казалось, что это не лес вовсе, а зелёное море под ногами.

Сегодня снова попробую без обезбола обойтись. Через пару часов полезем по трубам и норах к точке, где выполняем своё боевое задание.

29 сентября, 16:51

Пробились к солнцу. Осталось немного почистить, и задачу можно считать выполненной. Из интересного и смешного ничего не происходило. Боевые будни. Устал больше, чем

вчера, позавчера и позавчера. Вернулся в Отросток и выпил таблетку обезбола. Еле дополз. Пообедаем, отдохну часок, и начнутся ночные бдения.

30 сентября, 09:16

За неделю в Отростке молодые парни превращаются в стариков. Дохают, передвигаются не спеша, кричат, охают и ахают. Бетон высасывает жизненную энергию. Неунывающий Костек поднывает.

На наших позициях — не только в Отростке, везде — проходят большие ротации. Одни подразделения меняют другие. Суматоха. Новые тяжело въезжают в условия, отчётливо не понимая, куда попали и что нужно делать. Объяснить невозможно. Работаешь по обстоятельствам.

Томаш вслед за молодыми начал обращаться ко мне «командир». Так, наверное, сподручнее, чем Огогош.

Холод собачий, особенно под утро.

— Костек, даст Бог вернуться с б. з., никакого алкоголя.

— Хорошо.

— Учую запах, прострелю коленные чашечки.

— Хорошо. Правда прострелишь, сможешь?

— Не смогу, брат Костек.

— Я не подведу тебя, командир.

— Посмотрим.

— С сегодняшнего дня время начинает работать на нас, — продолжает разговор Костек, имея в виду, что до конца контракта остался месяц.

— В нашем возрасте время всегда работает против нас.

— Почему?

— Стареем.

На тропе включают РЭБ, но он быстро садится. Заряжается долго.

30 сентября, 12:21

Устроили себе выходной. Не знаю зачем. Понятно, что язык набок, пыль, грязь, еда скудная, солнца нет, холод и парни выматываются. Только в такой обстановке не отдохнёшь.

— Устал, — говорю.

— Это ты мне? — спрашивает Костек.

— Нет, себе. — Впервые за несколько месяцев произношу вслух.

Оглядываешься назад и кажется, что время летит с невероятной скоростью. Три четверти пути пройдено. Но стоит задуматься о том, что ещё месяц впереди, кажется, что оно не двига-

ется. Стоит перед тобой усмевающимся истуканом и дразнится. Время — оно такое. Чувство времени.

30 сентября, 17:00

Передали по радейке: «В укрытие. На вас наводят...» Перешли в крепкую трубу. Сидим тихо.

Слышу вопрос:

— Давно на войне, командир?

— Седьмой месяц, — отвечаю.

— Контракт закончится, и снова пойдёте?

— Скорее всего, нет. Надо уступить дорогу молодым.

— Не нужна нам такая дорога. Войте в своё удовольствие, командир, сколько душа пожелает.

Хорошая шутка. Рассмеялся. Снова затихли. Пять минут, десять, пятнадцать тишины. Элпэка не выдерживает. Со словами «Да пошли они...» идёт к месту, где у нас расположена условная кухня, и ставит на газ воду. За ним подтягиваются остальные.

Боевую готовность объявляют часто, но никогда этой команды не отменяют.

30 сентября, к полуночи

На ночном бдении с Элпэка. Элпэка из «молодых» штрафников, но сам не понимает, как попал к ним. Добровольно подписал контракт, чтобы племянника не забрали на войну. Три судимости, но опять же говорит, что чистый.

Мимо нас пробирается Костек, сходить по маленькому. Идёт и ворчит, что страшно, по нам работает немецкий снайпер. Посоветовал ему не сильно высовывать из Отростка свою загогулину.

— Снайпер действительно работает? — спрашивает Элпэка.

— Иногда. Смерть не из приятных. Выходишь ночью в туалет, и тебя снимают. В том смысле, что убивают. Лежишь мёртвый с высунутой загогулиной, а из консервной банки вытекают отходы твоей жизнедеятельности.

— Да уж, — кивает Элпэка.

— На первом круге у нас во взводе добровольцев Пионер был. Пионер — позывной. Так вот, пошёл он как-то на дальняк, и вдруг тревогу объявили, прилёты один за другим. — За мешками с песком послышалось журчание Костека.

— После тревоги, — продолжаю, — вбегает в барак Пионер и рассказывает: дескать, сию, мысли гоняю, и тут — ба-бах! Нормальный человек испу-

гался бы, а я подумал: как это будет ужасно, если погибну не в бою, а вот здесь, на очке.

— Был в бегах, — подхватывает туалетную тему Элпэка, — залез в дом к одному барыге, вскрыл сейф, а там ружья и водка. Ну, выпил, вышел на улицу пострелять. Прицелился в туалетную будку и спустил курок. Патрон с грохотом пробил деревянную стенку, и тут же из туалета вывалился какой-то бич с голым задом. Оказалось, пока хозяин в отъезде, он дом сторожил. Снежок тропинку запорошил, я и не увидел следы. Долго, наверное, там сидел, тоже мысли гонял.

Да, я им про защитников Отечества, а они мне про бичей и барыг.

Костек благополучно доделал свои маленькие дела и быстро прошмыгнул мимо нас.

1 октября, 07:47

Октябрь уж наступил... Никакой романтики под землёй в нынешнем октябре. Ни багрянца, ни румянца. Только пыль и грязь.

Под землёй быстро ногти отрастают. Перед выходом подстригал, но торчат, как у вурдалака, уже.

Парни нескромно посапывают. Двое на посту. Сделал кофе. Хотелось в одиночестве с сигареткой выпить. Пью, мыши скребут по углам. Кошка один раз появилась и ушла. Долго не держалась. Видимо, искала место окотиться. Здесь не понравилось. Пошла дальше.

Скоро парни проснутся, и выдвинемся совершать геройские поступки во славу Отечества. Работа хоть и пыльная у нас, зато благородная — очищать родную землю от поганого. Мир неизбежен. После победы.

1 октября, 16:33

Задача выполнена. Переходим в режим ожидания «ног». Тот случай, когда хочется посидеть на позициях подольше, потому что время катится к концу контракта, и чем дольше мы будем находиться на боевом, тем больше (но это не факт!) будем отдыхать, и это значит, что ещё одного выхода на Дракона не будет. К тому же сейчас относительное затишье, а у меня относительная усталость от всего. Смеюсь.

Дошли слухи, что на днях встречаются большие политики порешать проблему войны, да и выборы у всех на носу. К выборам, как правило, войны затихают. Но, по мне, добрая война лучше гнилого мира. Гнилой мир оборачивается

ожесточённым кровопролитием. Затяжным, страшным, болезненным для мирняка. Солдаты рассчитывают на то, что никто не даст заднюю. Это уже будет означать предательство.

Сидим тихо, никого пока не трогаем. Чаёвничаем и бутербродничаем. Готовить никто не хочет, обленились под финал б. з. Раздражения нет. Общего. Лично у меня есть подозрительное отношение к тишине. На войне тишина подлая. Не знаешь, чего ожидать. Но об этом я уже говорил Дневнику. В остальном порядок.

1 октября, 19:39

Томаша вызвали по радейке в Кишки Дракона.

Понял, на кого похож повар (позывной Ра). На Будду. Лицо гладкое, взгляд просветлённый, сидит перед кастрюлей на ящике патронов, руки ладонями вверх на расставленных коленях, будто медитирует. Фонарик на лбу красный, горит, как родинка. Его спрашиваешь: «О чём задумался?» Отвечает, взорвавшись: «Я же вас не спрашиваю, о чём думаете вы! Мне нет дела до этого!» Потом резко успокаивается, уходит в себя и снова сидит перед кастрюлей, медитирует.

В харчо из банки добавили рис и тушёнку. Получился плов. Неплохой.

Томаш вернулся из Кишок. Встрешенный. Поручили заминировать поляну перед нашей позицией. Минёров у нас нет. Но это ещё полбеды. От нашей позиции до позиции немцев буквально метров пятьдесят. Открытое пространство. Снимет любой, даже малоопытный стрелок. Как два пальца...

Передали, что нас оставят, скорее всего, до восьмого числа. Хм...

Пришла инфа, что Снежка отправили на городскую базу старшим по территории. Старшим по территории называется тот, кто общие туалеты убирает. Оружие у него отобрали.

2 октября, 14:53

Проснулся и разрыдался, как ребёнок.

Входишь в трубу диаметром метр двадцать. Проходишь сорок гусиных шагов и поворачиваешь в трубу того же диаметра и длиной в двести пятьдесят гусиных шагов. В конце первой трубы у нас оборудована условная кухня, где стоит горелка, есть газ, кружки и пустые пачки от доши-ка, которые заменяют нам тарелки. По этой трубе справа и слева на расстоянии полутора метров мешки с битым бетоном, защищающие от

осколков. На случай прилетов по входу в Отросток.

В начале длинной трубы мы спим. Ряд мешков с битым бетоном, поверх спальник, под головой рюкзак.

Проснулся и зарыдал. Мне приснились дед, мама и бабушка. Царство им Небесное. Приснилась вся моя некогда большая семья. Дяди, тёти, братья и сёстры. Короткий отрывок врезался в память.

У деда больные ноги, и мы идём с ним из одной клиники в другую. Дед коренастый, низкого роста седовласый белорус с густыми бровями. Он опирается на меня. Я крепко стою на ногах и веду его. Асфальтированная дорога идёт вниз. Асфальт старый, побитый. Мелькнуло в голове, что надо бы взгреть коммунальщиков за то, что дорога от одной клиники до другой плохая. Мама спустилась, стоит внизу, ждёт нас.

Нет, предки меня не звали к себе в мир иной, я просто помогал им.

Наша большая, дружная семья. До середины восьмидесятых годов мы каждые выходные собирались за огромным столом, ели, пили, пели песни, разговаривали, играли в лото. Дети разыгрывали представления, взрослые хохотали, хлопали и угощали нас вкусностями.

К концу восьмидесятых годов семья посыпалась. В гости друг к другу стали реже ездить. Почти не общались. Редкие встречи, да и те на похоронах, короткие реплики, дескать, пора бы оставшимся, пока ещё живым, возобновить традицию. Дети детей и внуков выросли, а мы всё никак. Никак не соберёмся.

Проснулся, вытер слёзы влажной салфеткой и закурил. Меня никто не видел. Иначе бы я сдержался. Слёз не показывал.

Через полчаса мы выдвинулись в конец Отростка, где оборудован наблюдательный пункт. Мы прошли гуськом двести пятьдесят шагов, снова повернули в трубу с тем же диаметром, ещё сорок гусиных шагов. Далее труба сужается до восьмидесяти сантиметров. Она не длинная. Метров десять. После неё взорванная металлическая труба, которая расположена внутри холма. Проползли сквозь отверстие в ней. Дальше идёт лаз метра четыре вверх, со ступеньками, к вершине холма. Оттуда видно многое. До неприятеля можно доплунуть.

Мы знаем сколько немцев сидит на линии перед нами, когда ротация, какой у них боеком-

плект, где они спят, что едят, куда ходят в туалет. О нас они не знают ничего.

Даст Бог вернуться с войны, постараюсь склеить семью. Буду чаще собирать оставшихся. Возьму под крыло разбежавшихся по городам и весям детей. Надо, чтобы мы были вместе, чувствовали плечо друг друга.

Я знаю, за что воюю, знаю, почему ушёл на войну. Хочется вернуть некогда великую страну, некогда большую семью. Ведь моя вина в том, что прежний мир – добрый, чистый, светлый – рухнул, тоже есть.

2 октября, 20:01

Томаш и Ра завтра выходят из Отростка. Местный Кот сегодня утром вышел. Остаётся моя команда и три человека из штрафников – две Бороды плюс Элпэка. Говорят, что пришлют усиление в три человека. Тоже из штрафников. Нам пока замены нет. Ротации не предвидится. Людей не хватает. Людей много, и всё равно не хватает.

Солдатское радио передало, что в нашем подразделении семь человек двести. Снайпер при заходе в Сердце Дракона. Заходили ночью. Дурная практика. Перед этим Дик-двести – «ноги», тоже ночью шли. Второй раз можно было не рисковать. Зачем?

Позывных пока не знаю. Просто молюсь за всех наших парней. Семь человек. Больно в груди. Пусть солдатское радио соврёт или преувеличит в очередной раз.

Костек сказал, что больше на б. з. не пойдёт. Я ему ответил, что мы ещё не вернулись и когда вернёмся, если вернёмся, неизвестно.

Томаш один сползал, поставил растяжку и полтора кило взрывчатки. Через час взорвалась растяжка. Взрывчатка стоит. Заяц задел или мышь. Может, кошка. Зайцев здесь не видел. Завтра сползает посмотреть, что там не так. Минёр...

Костек – мусульманин. Отрезал кусок сала и съел его. На слова «Какой же ты мусульманин, если сало ешь?» сказал: «Главное в жизни верующего человека – никого не обидеть. За то, что я сало съел, перед Всевышним отвечать буду, а не перед вами».

3 октября, 10:34

Мыслей нет. Слов нет. Одна молитва в голове.

Боже милостивый, спаси и сохрани. Дай сил, терпения, стойкости, мужества.

Костек начал жаловаться на почки и боль при мочеиспускании. Скорее всего, камни.

Ещё бы неделю нас не трогали. Работа есть, много работы. Накидывают. Правда, начинаем лениться, медленнее дела идут. Но ведь идут!

Обстановка стабильно напряжённая, как всегда.

3 октября, 16:22

По радейке, голоса:

- Проверь там, Томаш и Ра дошли?
- Томаш и Ра дома.
- А нас когда выведут?
- Нас – это кого?
- По голосу не узнаешь, что ли?
- Тебя выведут одиннадцатого.
- Почему так поздно?
- У тебя морда страшная.
- У тебя лучше, что ли?
- Так меня и выведут двенадцатого, ах-ха!

3 октября, 21:19

Томаш вышел. Я перешёл спать на его лежанку. Она основательнее, и теперь у меня два спальника. Мой, летний, и Томаша, зимний. Летний постелил на мешки. Не так больно будет. Зимним укроюсь. Ра оставил мне свой бушлат. Можно считать, что теплом обеспечен.

Пару раз забегала трёхцветная беременная кошка. Покормили. Нашу еду – бурдистику (это когда в кастрюлю кидают всё, что имеется под рукой, и варят) – не ест, но с удовольствием слопала паштет из консервной банки. Гурманка.

Вызвали сапёра, чтобы нормально заминировали поляну. Томаш не успел. Сам я не рискнул и своих парней не пустил. Нужен профи.

День прошёл тихо. Проводили ребят, гоняли чаи, разговаривали ни о чём. Мешками для трупов закрыли трубу, в которой отдыхаем, чтобы теплее было. Мешки крепкие, непродуваемые. Теперь уютнее.

Нас на Отростке осталось немного. Мне так больше нравится. Хуже, когда задами друг о друга трёмся, не протолкнуться. На завтра наметили объём работы, обговорили, обсудили. Проснёмся – выйдем.

4 октября, 09:44

На новой лежанке спал как у Христа за пазухой. Теплее, и острые углы камней не так сильно впиваются в бока. Новый день, новая жизнь.

На войне каждый новый день можно считать днём рождения.

Обезбол закончился. Надо искать таблетки. Боюсь, без них не потяну. С ними руки вместе с ногами отказывают, а уж без них...

Новостей никаких. Стабильно напряжённые. Стреляем чуть меньше.

С утра пораньше выскочили пошуметь из РПГ, но почему-то не выстрелило. Либо порох отсырел, либо мы оступели. Скорее всего, второе. Но первого тоже нельзя исключать.

Передвигаюсь с трудом. Вида не показываю. Костек говорит, что моя борода совсем белой стала. Голова тоже. Что поделаешь, даст Бог вернуться с войны, буду блондином щеголять в лакированных штиблетах. Не худший вариант.

4 октября, 15:55

Хорошо отработали, хорошо отъели пузо. Элпэка борщец сварил. Утром хуже себя чувствую, чем ближе к вечеру, после хорошо проделанной работы.

Элпэка с нами не ходил. Взяли Чика попробовать. Не тянет он. Крупненький. Больше нитья, чем пользы. Наверх поднимался с Костеком. Он при хорошем настроении. Костек в хорошем настроении и Костек в плохом настроении – два разных человека. Когда Костек в духе, одно удовольствие с ним в паре работать. Но это, наверное, у всех так. Я тоже невыносим, если встаю не с той ноги. Правда, здесь слабину себе не даю. Стараюсь держаться так, чтобы никто не заметил, как мне тяжело.

Долго ли коротко, а ведь мы в Отростке одиннадцатый день. Выходили всего на недельку.

Сигареты закончились, лекарства тоже. Не думал, что задержимся. Мало брал.

Положа руку на сердце, могу сказать, что мне на выходах нравится больше. Время быстрее идёт. Постоянно что-то происходит. В располаге на пятый день места себе не нахожу, дурные мысли в голову лезут.

4 октября, тёмная и холодная ночь

К вечеру вытащили наушники наверх и подключили радио, чтобы послушать о встрече больших политиков. Встречи не было. Понятно. Воюем дальше. Без проблем.

«Ноги» не принесли бензин. Генератор молчит второй день. Рации сели, повербанки тоже. Мы без связи. Осталось немного заряда на телефоне. Ночной фонарик включить не можем, по-

этому зажгли блиндажную свечку. Заметно потеплело.

С ужином не заморачивались. Ограничились бич-пакетами. Я открыл свиную тушёнку и вывалил себе в тарелку половину банки. Вкусно неимоверно. Нашёл в кармане запылённую конфетку. Съел с чаем.

Разговор Чика и Элпэка.

Чик спрашивает:

– Элпэка, ты чай или кофе пьёшь?

– Чай.

– Оставь мне на пару глотков.

– Чай без сахара.

– Неважно.

– Без заварки.

– Неважно.

– Без воды...

– ?

Элпэка, отправляясь на ночное бдение, повторяет за мной: «Пойду Родине послужу...» Обычно с такими словами я ухожу на пост.

5 октября, 09:03

Большой блиндажной свечки хватает на пять-шесть часов. Фонарики не включаем, бережём энергию. Нам ещё ползать под землёй.

При ротации одного подразделения на другое бардак полный. Парни не распределены по участкам, за которые отвечают, а те, которые уже распределены, не понимают не только того, как вести боевые действия, но и того, как организовать быт. Организованный быт – основная опора солдата.

Генератор молчит третьи сутки. Не могут понять, кто должен принести нам бензин. Хорошо ещё, успел на последнем издыхании банки подзарядить себе телефон.

5 октября, 20:53

День прошёл плодотворно. Дали команду рыть подземный ход от пункта наблюдения до остатков бетонного забора, которым окружено Сердце Дракона. Двадцать метров. По моим прикидкам – это около двадцати тонн земли. Рыть – не проблема. Проблема – куда девать землю. Наверх не вынести. Любое изменение ландшафта будет отмечено чубатыми птичками и отрехтовано яйцами – ВОГаи. Трубы вниз уже забиты мешками с землёй. Подземных туннелей много. Парни роют ходы, блиндажи, ставят огневые точки и аккуратно по бокам труб складывают в мешках землю. Не знаю, как бу-

дем решать проблему. Надеюсь, что-нибудь придумаем. Наш с Костеком дембельский аккорд. Если сказали рыть, значит будем рыть. Штурмовики, ах-ха. Больше никаких серьёзных заданий не было. Лазая по трубам, называем себя черепашками-ниндзя. Эти парни досуг проводили в таких же трубах. О том, когда мою группу выведут, пока молчат.

Под вечер объявили боевую готовность. Опять замечено скопление немцев недалеко от наших позиций. Рация плохо заряжена, банку раздобыли. Прорвёмся.

Немцы по ночам не штурмуют. У нас. Не знаю, как на других участках фронта. Обычно выползают в районе четырёх-пяти утра.

6 октября, 14:42

Ночь тихая, утро тихое. Прорыли метра полтора подземного хода. Пришёл до меня разведчик из бывших музыкантов. Позывной сложный. Не запомнил. Назову его Рубероид.

Мы с Костеком копали, а парни – Шакай и Борода – ниже в трубе собирали накопанную землю и разносили в мешках по трубам. Слышу, зовут меня: «Командир, командир, запах пошёл по трубам!» Парни подумали, что немцы пустили по трубам газ, чтобы нас отравить.

Спустился к парням, принял. Пахнет одеколоном. Слышим, ползёт кто-то к нам. Осветили трубу, свой. Крикнул пароль. Подполз ближе, назвался Рубероидом и сказал, что исследует трубы. Разведчик, в общем. Зачем разведчику поливать себя одеколоном перед выходом на задание? Вопрос нерешённый. На войне огромное количество странных людей. Тем не менее, все эти странные люди – герои.

«Пришёл до меня» – не по-русски, по-местному. Да и не шёл он, а полз. Ходить здесь невозможно. Так вот, сели мы с Рубероидом разглядывать карту, пытаюсь понять, зачем нужен подземный ход, когда ниже есть труба-восьмидесятка, идущая до коллектора, из которого можно безопасно выскочить за бетонные перекрытия и оказаться прямо перед немецкими позициями.

Решил остановить работу и дать парням отдохнуть. Они уже тринадцать дней пахнут без отдыха. С утра до ночи. А ночью на постах. Разведчик сказал, что командир в отпуске, поэтому неразбериха с ротацией. Его зам, похоже, даже не в курсе, где мы и какие задачи выполняем. Забавно. Передний край, война, а жизнь – как

в Советской армии в мирное время. Копайте отсюда и до обеда. Смеюсь.

6 октября, 20:16

Костек собирается голым бежать по Тропе ярости, когда команду на ротацию дадут. В голого, говорит, стрелять никто не будет. «До трусов разденешься?» – спрашиваю. «Нет, – отвечает, – догола, полностью разденусь». – «Кроссовки не снимай, – даю совет, – чтобы ноги не поранить». Кино и немцы. Представил маленького кумыка с калашом в руках, который нагишом в кроссовках бежит под птичками мимо вражеских позиций. Будущая звезда ютуба.

Костек считает дни до конца контракта. Меня это подбешивает. Когда дни считаешь, время идёт медленнее.

Вернёмся, даст Бог, в распорягу, пойду к парикмахерше и признаюсь ей в любви. Мне срочно нужно признаться кому-то в любви. Чувствую себя мертвецом, если долго никому не признаюсь в любви. Не хочу быть мертвецом. Хочу быть живым. Парикмахерша не в моём вкусе, правда, но это не такая большая проблема. У меня хорошо развито воображение, и я могу представить её какой угодно (и кем угодно, вплоть до моей реально любимой женщины). Просто мне нужно выплеснуть нерастратченную энергию любви, чтобы она не закисло и не превращалась в ненависть. С ненавистью на войне делать нечего. Убьют сразу.

Мыши съели наушники. Радио не будет. Рации нет. Бензина тоже. Генератор молчит. Дождь капает. Пью чай и разговариваем о мирной жизни. Один был фермером, другой вором, третий дальнбойщиком, четвёртый студентом. Я только слушаю. О себе ничего не говорю. Теперь мы все как один – доблестные русские воины.

7 октября, 10:54

Сегодня едет домой поток, в котором Рутул и Сава. Через двенадцать дней едет домой поток, в котором Давинчи и Малыш.

Плохо себя чувствую. Целый день буду отдыхать. Холодно.

7 октября, 17:38

Проспал до двух. Выспался. Плотно поели с парнями. Разговоры, анекдоты, истории. Спокойный день. Разок жажнули по немцам из РПГ. По нам почти не били. Укрепили Отросток.

Накрыли мешками для трупов дыры. От дождей. Засыпали мешки камнями – для маскировки. Вечером будем чаёвничать, а ночью бдеть.

Решили завтра идти копать. Только в другую сторону, к разбитым блиндажам, чтобы посмотреть, что там есть – оружие или вдруг наши павшие. Хотя по картам там не было наших блиндажей. Скорее всего, немецкие. Посмотрим. Всё равно о ротации пока не слыхать. Новых команд не поступает. А делать что-то надо.

7 октября, 23:57

Напечатал у себя в тг-канале:

«Если вы читаете эти строки, значит со мной всё в порядке. Вернулся с передовой и нашёл возможность скинуть весточку. Контракт заканчивается. На боевое больше не отправят. Надеюсь. Немного устал. В остальном – норма.

Этот контракт начинал с караульного в коммандантском взводе, а заканчиваю командиром боевой группы штурмового подразделения.

Даст Бог, вернусь в Москву в первых числах ноября. Вернусь с книгой (с книгой в телефоне). Старался не забывать о том, что я всё ещё литератор, несмотря на то что приходится быть доблестным русским воином.

35 Пока нет уверенности в том, что книгу стоит отдавать на читательский суд. И дело не в том, что писалась она буквально на ходу, в окопах, в коротких перерывах между боями, и потому не дотягивает до какого-то небесного художественного уровня. Книга с перебором откровенная, а война ещё не закончена. Важен принцип: не навредить. Главное, что книга есть, а когда она будет напечатана – уже не имеет значения.

Проза. «Дневник добровольца». Почти десять авторских листов. Стихи, к сожалению, не шли. Были, но мало.

В «Дневнике...» записывал мысли, события, рассказывал о солдатском быте, о боевых товарищах, о хороших и плохих людях, с которыми встречался на войне. Это моя история моей войны. Иногда смешная, чаще трагическая.

Поначалу заводил дневник как некую терапию. Он помогал молчать. На войне надо быть молчаливым. Потом привык к нему, и дневник превратился в доброго собеседника, всё понимающего, умеющего слушать и прощать.

В «Дневнике...» мало войны, много любви. Только в той жизни, которой живу сейчас, войны больше. Уверю вас. Безжалостной и беспощад-

ной. Любви совсем нет. В жизни любви нет, но она есть в моём сердце, как раз там, где нет войны.

В «Дневнике...» нет ни одного топонима. Избегал упоминать позывные командиров. Не описывал сути боевых заданий, на которые выходил. Объектам, где приходилось бывать, придумывал смешные или романтические названия. В зависимости от настроения. Тому есть причина. В случае моей гибели телефон мог оказаться в руках неприятеля и навредить моим товарищам.

Вот вроде и всё. Зачем я вам об этом написал? Чтобы знали. Я жив. Несмотря ни на что. Я не предал ни вас, ни себя, ни нашего Отечества, ни своей любимой русской литературы. Мои дети могут гордиться мной».

Вернусь с боевого, отправлю. Мыслями я уже на большой земле. Тяжёлый месяц. Психологически. Постоянно думаю о доме.

8 октября, 14:32

Не мог уснуть до трёх ночи. Мысли не дают покоя. Крутился на камнях, вертелся так, что протёр дырку в камуфляже. На боку. Встал в районе семи. Выпили кофе с Элпэка.

Парни начали к девяти подтягиваться к нам. Обсудили то, что появились проблемы с бензином и рацией. Эти проблемы нами не решаемы. Доставка нет. «Ноги» не справляются. Продумали план сегодняшней работы. Будем копать ход до лисьей норы, которую давно заметили, но не заглядывали туда. Вдруг заминирована.

В районе одиннадцати вышли, а к часу дня уже прокопали ход под землёй до норы, где нашли ящик с патронами для пулемёта. Крупнокалиберного. Полностью заряженная лента. Ящик с американской маркировкой, но лента, похоже, наша. Завтра перенесём в Отросток.

Попросил Костека взлезть в нору и пошебуршить там землю, вдруг пулемёт найдём. Костек залез целиком, одни ноги торчат. Лежит не двигается. Испугался, подумал, что с ним что-то случилось. Позвал. Не отзывается. Слышу, Костек начал как бы сам с собой разговаривать. Всё, решил, с ума спятил. Рядом жажнуло. Наверное, с испуга фляга потекла.

Подёргал Костека за ноги. Он развернулся. Смотрю, а у него в руках телефон. Парень, оказывается, залез в нору и снимал там себя. Я расхохотался и назвал его чёртовым блогером. Дал команду на выход, и к двум часам дня мы уже вернулись в Отросток. Перекусили.

8 октября, 21:11

Перекусили, отдохнули часок, занялись наведением порядка в Отростке.

Ветер и дождь то затихнут, то снова усилятся.

В Отросток вода не проходит. Заранее затыкали все возможные и невозможные дыры. Герметичненько сидим.

Вечером покошмарили немцев из РПГ и стрелковым. Ответки почему-то не было.

Переходим в статус ночного бдения.

Дежавю. Каждый новый день похож на предыдущий. Стабильное положение.

Бензин принесли. Генератор урчит, как гигантская кошка.

9 октября, 13:42

Сплю плохо, работаю хорошо. Мокрый, грязный, уставший. Прямо как рыжий, честный, влюблённый. Фильм такой был. В детстве. Помню только название.

Вчера вечером с парнями смотрели что-то американское. Чушь полная. Мужик пристегнул себя к женщине наручниками и застрелился. Женщина потом полфильма таскалась с его трупом, пытаясь отстегнуться. Так и мы таскаемся с окраиной Российской империи, которая назвалась Украиной и торгует подаренной нами государственностью. Украина пристёгнута к нам корнями. Она добровольно пустила себе пулю в лоб и теперь трупом путается под ногами. Корни не обрубить. Выход один. Перестать считать её окраиной и сделать частью Российской империи.

Украины нет. Есть одна неделимая Россия. За неё и стоим.

9 октября, 21:25

«Помните, что вы герои, – говорю парням, – и вам будет легче...» Они помнят и улыбаются, когда иные плачут от боли и страха.

10 октября, 10:31

Рамзан (боевой санитар) как-то сказал, что если человек падает от изнеможения, значит, он потратил всего лишь третью часть своей жизненной энергии. Останется запас в целых две трети, то есть в два раза больше истраченного. Слова Рамзана вспоминал, когда валился с ног от усталости. Поднимался и снова бежал, шёл. Когда не мог идти, полз.

Группу из Кишки Дракона сменили. Значит, скоро придёт замена нам. Получилось самое длинное б. з., несмотря на то, что задачу выполнили в первую неделю. Всё остальное время самостоятельно искали себе работу, ставили задачи и выполняли их. На войне это нормально. Обычное дело, и всё же хочется сказать, что парни моей группы – молодцы. Почти не ныли. Со всем справлялись.

Время болезненно замедляется. Кто хочет почувствовать на своём языке жвачку минут, должен непременно сходить на войну. Здесь время не движется, следовательно, люди живут дольше. Такой вот парадокс войны.

10 октября, 16:01

Психически совершенно здоров. У меня чистое сознание, внутренний покой. Есть даже некоторая лень, присущая мне в мирной жизни. Но откуда это острое ощущение того, что я пишу то, что уже было сто раз мной написано? Говорю, что проговорено, и думаю, что думано-передумано? Надо будет перечитать дневник в другой обстановке. На базе. Может быть, это не ощущение, а реальность. Неужели я сейчас так пуст, что сознание само гоняет старые мысли, будто крутит заезженную пластинку, чтобы я не считал себя спятившим с ума?

Передали, что Князя назначили старшиной. Хорошая новость. Мозги прапорщика дембельнулись. Больше никаких новостей. Чик убежал в Кишки за водой. Может, принесёт какую-нибудь интересную инфу, и моя голова перестанет циклиться. Отсутствие информации раздражает. Думать становится не о чем, а думать я люблю.

10 октября, почти ночь

Чик ничего интересного, кроме воды, не принёс. Вокруг нас будто всё замерло. Слышны только автоматные и пулемётные очереди, которые как бы говорят о том, что где-то кипит жизнь.

Парни рано легли. Сажу в одиночестве на ухах. Должен был с Элпэка, но он плохо себя чувствует, и я отпустил его спать. Дневник уже в курсе, что я люблю одиночество. Повторяться не буду.

Голова, смени пластинку!

11 октября, 18:24

Закончились газ, еда, сигареты. Сообщения с нулём нет. Поставок нет. Рыжего и Трёшки нет. Холод собачий.

11 октября, 18:24

Я справляюсь. Не факт, что парни справятся и не начнут ныть. Если такое случится, то нахлынет чувство вины за происходящее. Чувство вины я не переношу.

Основное: газ, чай, сахар. Их нет. Нет ничего. Съели три банки ветчины на шестерых за целый день и запили холодной водой. По половине кружки.

«Ноги» говорят, что Тропа ярости под огнём. Не смогли выйти сегодня за подарками. Подарками называют здесь рюкзаки с едой и прочей надобностью, которые доносят до точки сброса «ноги», бегущие из зелёной зоны. Сама точка сброса находится в жёлтой зоне. Забирают оттуда наши «ноги», которые бегают исключительно по красной зоне.

Заранее никто не позаботился, и ситуация стала критической. Надеюсь, завтра утром по серости подарки доставят.

Днём отрубился на часа полтора. Приснилось, что мы вернулись с б. з., и нам должны сделать укол. Но укол в грязное тело не колют, поэтому попросили раздеться и лечь на скамейки. Я спросил: «До трусов?» Женщина-врач ответила: «До ягодиц!» Чик и Шакай первыми разделись и легли.

Пришли женщины и начали тереть им спину. Женщины обычные. Сорокалетние тётки, ничего сексуального. Но помню довольное лицо Чика. Он был похож на Смайла. На Смайла в первый день моего с ним знакомства в пункте приёма добровольцев. Улыбчивый и волосатый. На волосах лежала мыльная пена. Чик улыбался белозубой улыбкой Смайла.

Я тоже разделся. Замотал полотенцем яркую часть тела. Ко мне подошла женщина и спросила: «Готов?» Кивнул головой. Она поманила меня рукой, и мы вместе вышли на улицу. «Вот, – сказала женщина в белом халате, – видишь лампочки?» На улице висела гирлянда, будто город готовился к новому году. Снега не было. Я отчётливо помню дорогу, выложенную брусчаткой. Я опять кивнул женщине – дескать, лампочки вижу. Она продолжила: «Пойдёшь по дороге, отсчитаешь тридцать лампочек. За тридцатой лампочкой будет дверь. За этой дверью заряжают телефоны, но тебе туда ходить нельзя. Там работают наши конкуренты».

В этот момент я проснулся. Рядом жажнуло. Попытался снова уснуть, чтобы досмотреть сон

до того момента, как меня начнут тереть мочалкой. Не получилось.

Элпэка сказал, что прилётом разорвало провод. Связь между Кишками Дракона и его Печенью идёт через нас по проводам. Стоит тапик. У нас самих только рация, которая на холоде быстро разряжается. Но это не суть. Я выскочил на улицу по проводам. Нашёл разрыв. Зубами оголил провода и скрутил их. Вернулся в Отросток. Крикнул по рации, чтобы проверили связь. Связь появилась.

12 октября, 09:52

Чик ушёл за подарками. Надеемся, что газ передали. Второй день на холоде без горячего будет ягодками. Цветочки были вчера.

В Отростке минусовая температура. Бетон. Мы в летней камуфле. Не до войны. Что-либо делать вряд ли сможем. Ждём проводника, чтобы вернуться на базу. Ждём уже давно. Неделю.

12 октября, 16:39

Элпэка залетел в Отросток довольный. Где можно было бы закрепиться в серой зоне, не нашёл, зато надыбал треть газового баллона и огромный кусок сыра. Баллон выпросил у парней в Кишке, а сыр, как сказал, передали именно мне по позициям. Позывной передавшего забыл.

Это божественное провидение. Я ведь не жаловался. Но кто-то подумал, что мне может быть тяжело, и передал – оторвал от себя – кусок сыра. Бог есть.

Мы с парнями тут же вскипятили воду, сделали чай и запили им вкуснейший сыр от неизвестного моего боевого товарища, который, даже находясь вдали и в такой же, скорее всего, тяжелой ситуации, вспоминал, переживал, волновался за меня.

До слёз. Когда-то шутя комментировал такими словами чужие понравившиеся стихи. Теперь не шучу. Плачу, плачу от счастья, что у меня есть настоящие друзья. Настоящие.

12 октября, 19:55

Бегаю по трубам, расцарапал спину. Выйди сейчас на пляж, мужики посмотрят, присвистнут и подумают, что я шикарно провёл время.

Подарки есть. Принесли. Еда по мелочи. Газа в подарках нет. Банки на холоде сели. Аккумуляторы на рациях тоже. Ночь будет тёмной. Глухой и тёмной.

13 октября, 14:47

Чик сходил до Кишки за газом, надеясь, что принесли. Не принесли. Бензин вроде есть, закинули. Свет будет, чего не скажешь о горячей кружке чая. Пью холодный кофе. Армейский. Готовится так. В бутылку с холодной водой засыпается растворимый кофе. Бутылка плотно закрывается крышкой и взбалтывается до тех пор, пока всё кофе не разойдётся. Периодически крышка открывается и впускается кислород. Получается кофе с пенкой. Как капучино. Только холодный и без молока.

Костек отдыхает. Устал. Элпэка попробовал выбраться с Рубероидом до серой зоны. Не получилось. Мы с Шакаем сползли до Печени Дракона. Освободили её от мешков с землёй, из которых соорудили небольшой дот, чуть выходящий из земли. Там будет удобно и безопасно складывать землю, которая набирается у штрафников, копающих кротовую нору до блиндажа из Драконьего глаза, открытого нами полторы недели назад.

Пока переносили мешки, вспотел. Насквозь. В Отростке холодно. Согреться нечем. Чуть знобит. Не критически. Хочется горячего.

13 октября, 21:23

Дневник, сколько раз надо повторить, что газа нет? Слышишь меня? Газа нет. Обычно, если я тебе на что-то жаловался, ситуация исправлялась. Что происходит? Почему не реагируешь?

Вторая половина дня прошла спокойно. Разговаривали, курили – сигареты есть, опять разговаривали и курили. Вчерашний газ ушёл на приготовление обеда. Ели недоваренную крупу. На остатках блиндажной свечи вскипятили пару кружек воды.

Передали, что двоих из «ног» затрёхсотило, причём именно тех, кто хорошо знал тропу до Отростка. Видимо, будут (или они уже начались) проблемы с выводом моей группы. По сути, выйти должны были самое позднее неделю назад. До сих пор здесь.

Не знаю, как снаружи, солнца не видели три недели, но под землёй, в бетонных трубах, пар изо рта идёт.

Таких длинных и крепких ногтей у меня в жизни никогда не было.

Мышей пруд пруди. Трубы ими кишат. Они ходят по нам не стеснясь. Залезают в спальни, штанины, капюшоны и копошатся там, как у себя дома.

14 октября, 12:05

Ничего существенного. Газа по-прежнему нет. Дата ротации неизвестна. Грязь отваливается кусками. Глаза не видят, уши не слышат. До конца контракта чуть больше двух недель. Бьём рекорды. Даже залётчики так долго не сидели на перерыве после выполнения поставленной задачи. Вылез наверх. Наверху тепло. Солнце. Бабье лето, наверное.

14 октября, 16:44

Докричался по рации до Солнечного сплетения Дракона – места, куда сходится информация с переднего края.

– Как обстоят дела с газом? – спрашиваю.

– В целом в России или в нашем убожестве? – вопросом на вопрос ответил Сова, в тот момент находившийся на связи.

– В России с газом, брат, всё хорошо, и мне это известно. Что с газом в нашем?

– Обещают. Обещают закинуть.

– Принято, брат. – Закончил связь и подумал, что у нас обещанного три года ждут.

Парни повесили маленькое зеркальце рядом с рацией. Свет от него скользнул по моему лицу. Я увидел своё отражение и улыбнулся. Выгляжу не так страшно. Только зубы, передние зубы почернели.

15 октября, 07:36

Ночью случайно смахнул долгоиграющую линзу. Попытался расстроиться из-за этого, но ничего не получилось. Уснул часа в два ночи. Проснулся в пять на пост. Почистил руки, надел линзу и приступил к утреннему бдению. Ничего не происходит. Вот и хорошо.

Мыслями уже дома. Это печалит. С трудом концентрируюсь на нынешних проблемах и задачах. Начинает пугать путь на базу. Появляется страх Тропы. Раньше его не было. Боялся только того, что не вытяну. Сейчас новое состояние. Столько пройдено, и погибнуть на последнем отрезке будет... – как бы это сказать? – неловко, что ли. Матом не хочется ругаться. Прозвучало бы точнее. Ладно, Бог даст, выберусь.

Знобит.

15 октября, 12:19

Есть хорошие новости. Нет, фронт мы не прорвали. К сожалению. Всего лишь нам принесли газ. Два баллончика. Если разумно пользо-

ваться, дня на четыре-пять хватит. К газу добавились печенки и бичики. Тушёнка у нас ещё оставалась в запасе. Планируем горячий обед.

Рубероид, который Урбани, разведаль новую тропу. Она в три раза длиннее, но совершенно безопасная. По его словам. Посмотрим, что будет на деле.

Передали инфу, что одну из групп сегодня-завтра выведут. Либо мою, либо группу Совы, сидящую в Солнечном. Думаю, что Совы. Он зашёл на день раньше нас. Так или иначе, процесс сдвинулся с мёртвой точки. Воевать в неведении и с мыслями о том, что о тебе все забыли, врагу не посоветовал бы. Будем на фоксе, как говорил Давинчи.

Выругался на Костека в мать. Не разбудил напарника и ночью дежурил в одну яичную голову. «Он спал, как младенец!» – заявил в своё оправдание. Устал от его дебильных шуток. Матюкнулся. Костек обиделся и сказал, что больше со мной не разговаривает. Я, конечно, не прав. Надо быть сдержаннее. И всё же...

Парни вышли поправить вход в Отросток. Их засекла птичка. Успели уйти, но по входу начали активно работать. Четыре яйца прилетело. Одно не взорвалось.

39 15 октября, 20:03

Вспомнил. О тропе, которую якобы разведывал Урбани, говорили ещё месяца три назад. Ею никогда не пользовались. Почему – не знаю. Скорее всего, потому что не такая уж безопасная, плюс длиннее.

В обороне. Боевая готовность.

В темноте почувствовал, что кто-то прошёлся по моей ноге. Мышь или крыса? Нога машинально дёрнулась. Услышал лёгкий тупой шлепок. Опустил голову, смотрю, трёхцветная. Случайно заехал ей по мордочке. Убежала.

Непонятно, кто хуже: комары или мыши? Мыши обнаглели дальше некуда. В спальник пролезают и бегают по мне.

В детстве рассказали историю о том, как мужичонка уснул на сеновале с открытым ртом. Мышь залезла ему прямо в глотку, и он задохнулся. С такой историей в голове трудно уснуть. Смерть не из героических. На похоронах люди смеяться будут.

16 октября, 11:34

За последние трое суток спал всего восемь часов. С утра вырубил. Два часа проспал мёрт-

вым сном, ничего вокруг не замечая. Проснулся, и вроде нормально.

Пришли подарки. Три баллончика с газом, сладкое и еда по мелочи. Жизнь налаживается, несмотря на напряжённую обстановку.

Костек заявил, что ему на всех наплевать и он пришёл на войну заработать денег. Так у меня не стало ещё одного боевого товарища. Какое всё-таки слабое существо человек, и как дешёво он ценит свою жизнь. Умирать за деньги – пошлее ничего не придумаешь. Не по себе стало. Руки опускаются оттого, что встречаешь на войне подобное. Пытаюсь убедить себя, что заявка Костека от накопленной усталости, проявление детской истерии, а не то, что он чувствует на самом деле.

16 октября, 15:49

Выпили по кружке кофе. Расширили Глаз. Отработали немецкие позиции. Ещё раз отработали. Ещё. Сварили обед. Наелись. Пьём чай.

Дополнение на 18:18.

Пошёл дождь. Птички улетели. Пулемёты замолчали. «Ноги» побежали. Принесли много вкусняшек. Поужинали. Выпили по кружке чая.

Перешли на ночные бдения с короткими перерывами на сон.

Из приключений. Штрафник оставил позицию и побежал по трубам в сторону немцев. Поймали. Дальше скучно и неинтересно.

Подключили тапик. Теперь круглосуточно на связи, независимо от батареек в радиии. В курсе всех междусобойчиков на нашем участке фронта.

17 октября, 07:38

Ночью вспотел. По всей видимости, накануне вечером поднималась температура. Лёгкие заболевания – простуду и пр. – не замечаешь за одной острой болью по всему телу.

Урбани связался по тапику. Просил держаться ещё дней пять. Потом выведут. Выводить, наверное, он будет. Спросил, что нужно. Вроде ничего не нужно, и нужно много чего. Газ, чай, сладкое. Запросил ещё «морковок». Заканчиваются.

Б. з. получилось масштабное. Тридцать дней безвылазно на самой маковке войны. Седьмого октября записал «привет» подписчикам тг-канала, думал, восьмого выйдем. Как бы не так. Впредь наука: бежать впереди паровоза не рекомендуется. Смеюсь.

С утра успели покошмарить немцев. За кружкой кофе обсудили наличие тапика и нашли в этом огромное количество новых проблем. Теперь все кому не лень звонят и спрашивают про обстановку. Добавилась каждодневная команда «Боевая готовность номер один». Обстановка стабильная. Готовность номер один постоянная.

17 октября, 21:25

В Сердце Дракона ранило одного из штрафников. Осколок в бочину под броню. Элпэка пошёл выводить его на ноль по ночи.

18 октября, 06:14

В голове обывателя война приравнена к способности убивать, а в голове солдата – к умению выживать.

– Огогош, в конце Отростка виден свет! У нас гости?

– Рассветает, Костек.

Поток Давинчи разлетается по домам. Мой поток становится дембельским. Вчера Сургут вышел на б. з., а я ещё тут. Дембелям на войне тяжелее, чем молодым. Больше ответственности, больше нагрузки. На всё это накладываются мысли о доме, о родных и близких. Я бы не прочь отработать до самого талого, как говорится, лишь бы дали помыться, поесть нормально и пару дней поспать.

Элпэка вернулся. На обратном пути задело осколком. Мелкий, под коленку.

Доберман – банщик, уволившийся пару недель назад, напился и подрался. Ему порвали селезёнку. Умер в больнице.

18 октября, 21:34

Без происшествий. Передали, что Сову затрёхсотило на выходе с б. з. По всей видимости, неосторожное обращение с оружием. Не поставил на предохранитель, когда бежал. Задело ногу. Насколько серьёзно, пока не знаю.

Мы занимались мелкими делами. Перенесли БК из Кишки Дракона в Отросток и Драконий глаз. Немного покошмарили немцев, а немцы нас. Доели последнюю банку тушёнки (цыплёнок) на шестерых.

Элпэка притащил с ноля пряников и конфет. Чаепитие было знатное. Больше поделиться нечем. Разве что холодом. Холода у нас много. Вода по ночам замерзает. Только холод никому не нужен. Не поделишься.

Желудок расстроился. Я старался его не обижать, давал, что мог, но он всё равно рас-

строился. Выпил две таблетки активированного угля. Больше ничего нет. Может, поможет. Помню, как Саву три месяца назад от угля закупоривало. На целую неделю. Мне такое не помешает.

19 октября, 23:35

Не записывал целый день, потому что физически не мог. Попробую по порядку. Постараюсь последовательно. Пока силы есть.

Вчера вечером Чик болтанул, что мы уже скоро месяц (если быть точным, двадцать шесть дней на б. з. – бьём Дракона), но у нас ничего страшного не происходит. То есть мы целы и невредимы. Попросил его сплунуть и больше таких вещей на войне не говорить.

Ночью плохо спал. Это не впервой. Не столь важно. В пять утра мне нужно было выйти на пост, но Костек, увидев моё болезненное состояние, предложил часок за меня отдежурить. Действительно плохо себя чувствовал, поэтому не отказался. Костек заботливо накрыл меня вторым спальником и ушёл на пост. Через час вернулся, разбудил, спросил о моём состоянии. Ответил, что в норме.

Отработал на ушах два часа.

«На ушах» – это значит, что врага видеть не можешь, но сидишь и слушаешь тишину. При посторонних или непонятных звуках поднимается тревога, парни подскакивают, и мы работаем. Дежурство прошло тихо. После меня заступал Шакай. Трудяга-татарин. В мирной жизни дальнобойщик. Умный, крепкий, спокойный парень.

Мы поменялись. Пошёл вздремнуть ещё пару часиков, а Шакай остался сидеть на ушах. Часов в девять Чик отправился за водой в Кишки Дракона.

В районе десяти утра прогремел взрыв. Подумал, что ударило восьмидесяткой или сто двадцаткой по месту, под которым отдыхал подраненный Элпэка.

Элпэка спит метрах в десяти от поста, а я прямо за постом. Спросил у него, всё ли в порядке. Дым, запах пороха, бетонная пыль. Ничего не было видно. Элпэка крикнул, что в норме.

Из дыма появилось лицо Шакая. Белое, обсыпанное бетонной пылью. Глаза растопыренные, безумные, смотрят на меня не моргая.

Оказывается, ударило со стороны входа. Там у нас были сложены три ряда мешков с землёй и камнями, на случай наката. За ними в полуметре выставлены ещё два ряда мешков,

один из которых прикрывал собой место, где мы сидим на ушах. Укрепляли сами. Первым делом, как только пришли на Отросток. До нас позиция была слабо укреплена.

Спросил у Шакая, что с ним. Он пожаловался на грудь. Отвёл его вглубь Отростка, осмотрел. На животе в районе печени дырка и под коленной чашечкой такая же, небольшая. Осколочные. Шакай за мгновение до взрыва находился напротив первого ряда мешков у самого входа. Сказал, что пошёл поправить штору, сделанную из спальника, потому что сильно дуло.

Уложил Шакай на лежанку Элпэка, залил дырки перекисью и залепил пластырем. По тапику передал Солнечному о случившемся и пошёл посмотреть, что стало со входом. Первые три ряда мешков были полностью разбиты. Из груды камней и земли торчал хвост камикадзе – самовзрывающейся чубатой птички. Верхние мешки, прикрывавшие пост, свалились.

Вернул свалившиеся мешки на место – они тяжеленные, поэтому сел после этого на свою лежанку, чтобы отдышаться. Прогремел второй взрыв. Шума летящей птички не слышал. Второй камикадзе застрял на тех мешках, которые старательно поднял после первого взрыва. Никого не задело. Вернулся Чик. Услышал сообщение по тапику о случившемся и сразу побежал к нам в Отросток.

Поступила команда дать ответку. Сделали два выстрела из РПГ по немецким позициям.

Попросил Чика внимательнее ещё раз осмотреть Шакай, а сам направился к входу. Поправил развалившиеся ряды и уже было хотел собирать землю и камни из разорвавшихся мешков в новые, чтобы лучше укрепить вход, как раздался третий взрыв. Меня откинуло. Тупая боль в ноге в районе бедра. Нога онемела. Пополз вглубь Отростка.

Три камикадзе в одну точку и на одну группу. Больше двух никогда не кидали. «А ведь неплохо поработали, если немцы так взбесились», – мелькнуло в голове.

В глубине Отростка стянул с себя штаны и увидел дырку в бедре. Кровоточила. Залил перекисью и залепил пластырем, который подал Элпэка. Поднял трубку, чтобы передать инфу о третьем камикадзе, и услышал, что по Кишке тоже вдарило. Там затрещотило Ибрагима – «ноги» моей группы и... двести, один, из штрафников.

Три человека из моей команды триста и один двести из штрафников. Передал инфу на Солнечное сплетение. Мне тут же сообщили, что за нами выходит эвакуация.

Через полчаса мы с Шакаем переместились в Кишки Дракона. Перед уходом Элпэка сунул листочек бумаги, на котором записал телефон своей мамы. Попросил позвонить и сказать, что с ним всё в порядке.

До Кишки еле дошёл. Обезбол не колол. Хотел проверить, насколько сильной будет боль, когда пройдёт первый шок. Боль сносная.

На Кишке Луна – командир группы разведчиков – уже ждал. Да, командир группы Смайла. Долетел к нам за считанные минуты. Сказал, что будет сам выводить. Решили выходить по серости. В шесть вечера.

Сели с Шакаем на пустой лежак, рядом с которым стоял лежак с погибшим воином. Позывной Шило. Двадцатипятилетний парень. Осколок в левый бок в районе сердца. Видимо, задето было и лёгкое, потому что вокруг рта заметил следы крови. Умер, как сказали парни, сразу. В момент удара он сидел рядом с Ибрагимом. У Ибрагима осколки в спине и голени.

Устал. Знобит. Остальное завтра допишу.

20 октября, 12:16

Так... На чем я остановился? В раскладе (девять вечера) Шакай взял чистое бельё и уехал лечиться, а мы с Ибрагимом пошли в баню.

Чудесное место наша баня. Будто смываешь, выпариваешь грехи, накопившиеся за долгое время, проведённое в походе на Дракона. На вид обычный домик. В коридоре раздевалка, потом дверь в помывочную, а из помывочной – в парилку. Ручка на двери парилки всегда горячая. Она приятно обжигает руку.

В помывочной огромная приземистая печь, на которой стоят баки с горячей водой. Рядом с печкой на полу – баки с холодной. По периметру помывочной скамейки. На одной стене туалетное зеркало. Парни бреются. Не все, некоторые. Те, что помоложе.

В парилке ступенчатые полати. С правой стороны от двери маленькая печка, на которой лежат камни, для того чтобы подбавлять парку. Полати накрыты покрывалами.

Я сначала обдался водой в помывочной. Чуть смыл грязь. Потом пошёл в парилку. После парилки опять обдался водой, намылился, смылся и снова в парилку. И так раз пять. Под конец

облился холодной водой. Глянул на себя в зеркало. Похудел я, конечно, страшно. Кости и кожа. Но кое-где приросли мышцы.

После бани пошли с Ибрагимом в таверну. Она изменилась в лучшую сторону. Стала изнутри красивой, ухоженной, уютной. Повар новый. Марсель. Шестидесятилетний доброволец. Мы разговорились. У парня семеро детей. Кавказец. Ушёл на фронт по идейным соображениям. За Россию. Через военкомат не брали. Удалось попасть через наше подразделение. Тоже хочет быть нужным Отечеству. Накормил отменно. Рассольник с мясом! На второе пюре с курицей. Положил в тарелку помидоров и зелёный перец. Почистил головку лука. Чтоб я так жил! На третье чай с вафлями, печеньями и пряниками. Лучшее завершение дня.

К половине двенадцатого добрался до своего родного флигеля. Боже, как же мне было хорошо! Только нога немного ныла.

Уснул в седьмом часу утра. Проспал до половины одиннадцатого. Разбудил Газпром, которого отправил новый старшина, – улыбчивый, крепко сбитый блондин ростом выше среднего, с красноватым оттенком лица. Газпром сказал, что меня ждут на перевязку.

72

Собрался, доковылял до Чеха. Он осмотрел меня, поменял повязку. Пока ещё хромаю. Надо до Москвы полностью привести себя в порядок, чтобы никого не испугать. Повар из таверны попросил меня ходить к нему чаще. Я, говорит, откормлю тебя, не беспокойся, поедешь домой толстый, розовощекий и здоровый. После перевязки зашёл к нему. Опять наелся до отвала, поболтали. Отличный парень. Спросил меня про Саву, знаю ли. Он как раз сменил его в таверне. Да, говорю, ходил с ним на своё первое б. з. Посмеялись вместе. «Но я, – добавил, – никого не осуждаю». Ни один пятачок не скажет обо мне дурного слова, будто я с презрением к ним отношусь. Каждый человек, пришедший на войну добровольно, в моём понимании – герой.

Такие дела.

Позже, если вспомню какие-нибудь неупомнутые нюансы своего выхода с б. з., дополню.

Сейчас планирую дойти до парикмахерши, а потом до штаба, чтобы отправить весточку на большую землю.

20 октября, 13:43

Забыл сказать, что вчера, вернувшись из госпиталя, прошёл мимо своего дома – темно –

и уткнулся в пост, который стоит как раз за ним. На посту Китаец. Он сейчас в комендантском взводе, ходит караульным. Обнялись, как старые добрые друзья. Долго не разговаривали, я спешил в баню. Договорились позже пересечься, поболтать. Китаец, обнимая меня, сказал: «Как же я рад, Огогоша, что ты живой!»

Вернулся из парикмахерской. В любви не признавался. Но мы с девчонкой, пока стригся, душевно поговорили. Она мне рассказала о том, как живёт. У неё двое детей. Мальчишка четырёхлетка и девочка-грудничок. Мальчишка до сих пор не разговаривает. В садик ходит по полтора часа два раза в неделю. Вспомнила, кстати говоря, про Саву, после того как я рассказал о том, в какое чудо превратилась наша таверна. Говорит, он часто к ней ходил, бороду стриг. Поговорили о Дике, погибшем на выходе из Сердца. Ей нравился наш красавчик. Хорошенький был, молодой, как она выразилась. Ещё заходила тема о переживаниях мирняка, что наши доблестные дадут обратку. Сказал, чтобы не переживала. Не дадим. Главное-командующий нас не подставит.

В любви не признавался, потому что решил сохранить слова для женщины, которую люблю. Думал, позвоню и скажу. Но свет отключили. Поэтому связи с большой землёй нет. Как только дадут электричество, пойду позвоню. Обязательно. Позвоню и скажу всё, что чувствую.

20 октября, 18:43

Когда ходил на телефон отправить весточку подписчикам тг-канала, записанную мной тринадцать дней назад, встретил Ковбоя. Говорит: «Огогош, я горжусь тобой. Смотрю на тебя и радуюсь». Ковбой произнёс те слова, которые я хотел сказать ему. Смотрю на него, на наших молодых парней и горжусь ими.

Успел постираться. Днём отключали свет. Занёс вещи к новому банщику, оставил. После телефона, когда свет дали, встретил его по дороге из штаба. Он ехал на водовозовской машине. Банщика и водовоза совместили. Теперь две работы делает один человек. Банщик помахал мне рукой и крикнул, что закинул мои вещи в стиралку. Святой человек. Тоже, как новый повар, кавказец в летах. На вид за полтос.

Шакай в госпитале, Чик и Костек ещё не вернулись с б. з. Я в доме один. Но сижу всё равно в своём привычном флигеле.

В гости зашёл Калуга. Высушенный какой-то. На б. з. его не пустили. Пока сидит в коменда-

чах. Просится рыть блиндажи на нуле. Вид у него потерянный. Жалкий.

Князь ушёл работать в полевой штаб. В полевом штабе жарко бывает. Ну, сразу было понятно, что в комендачах он долго не просидит. Затоскует по нормальной мужской работе.

Атмосфера в располаге мне нравится. Парни чётко делают каждый свою работу.

На бабье лето не успел. На земле стало так же холодно, как под землёй. У меня во флигеле газовая плита. Зажигаю, чтобы согреться.

Списался с Летучим и Ошем. Боевые товарищи из первого контракта. Летучий сообщил, что Штурман и Композитор – парни, которые меняли нас, когда мы увольнялись, – погибли. Ош обрадовался, что я жив. Прямо как ребёнок. Договорились встретиться, посидеть за кружкой пива.

Парень из молодых, что при штабе, спросил, боялся ли я? Ответил, что если скажу: «Мне страшно не было», то сочтёшь за психа или придурка. Молодой засмеялся, а я подумал про себя, что да, боялся. Боялся не справиться и подвести. Но я справился и не подвёл. Более того, мои действия сохраняли человеческие жизни. Не только наших бойцов, но и мирных жителей.

20 октября, 22:22

Чех попросил подойти на медпункт. Передал приказ командира: «Лечь в госпиталь!» Я начал бурчать, что со скуки сдохну. Чех повторил: «Приказ!» Добавил, дескать, тебе потом будет проще получить выплаты, которые положены раненым. Какие выплаты за осколок в ноге? Я думал, у нас выплаты только тяжёлым положены.

Мне, пятидесятилетнему солдату, трогательно было узнать, что командир отряда беспокоится о выплатах подраненным бойцам. Благородно. По-офицерски.

Завтра с утра поедем с Ибрагимом в госпиталь. Сказали, дней на пять. Новое пространство, новые люди, ещё одна Тропа ярости (физически не переношу больницы!), ни разу мной не хоженная.

21 октября, 12:11

Глупое солдатское радио. Будто кривое зеркало. Только искажает не видимое, а услышанное. Искажает изрядно. До меня доходила информация, что на выходе из Сердца погибло то ли шесть, то ли семь человек. В реальности за-

трёхсотило, и только одного. Причём не на выходе. Боец-чеченец сам выбежал из Сердца и начал фотографировать себя на фоне развалин. Селфился. Его и подранили немцы. Боец, видимо, забыл, или ему не сказали, что здесь настоящая война, на которой нет места тиктокерским привычкам. Если хочешь остаться живым, естественно.

Сидим с Ибрагимом в медроте, ждём, когда повезут в городской госпиталь. Мы здесь с восьми утра. Прибегал дежурный врач (или тут единственный врач на каждый день, не знаю) и наорал, что сразу после ранения не приехали, дескать, раны могут загноиться. Спросил, делали ли нам обезболивающие уколы. Уколов нам не делали. Но я с болью сейчас даже без таблеток справляюсь. Комфортная палата. Прекрасная кушетка. Одеяло, подушка, простынка. Но парни всё равно лежат не раздевшись. Можно спокойно выйти на крыльцо и покурить. Бабахов не слышно. После месячного безвылазного пребывания на передовой кажется райским уголком.

22 октября, 01:36

К вечеру нас забрали из медроты и отвезли в госпиталь, находящийся в часе езды. В другом городе.

Приняли хорошо. Сделали повторно рентген, заполнили кучу бумаг, выслушали жалобы (я сказал, что в ушах звенит, нереально звенит, и уже давно). Сто раз каждая медсестра и каждый врач, работающий с нами, говорили, чтобы мы берегли справку формы сто, которую нам выдали в военном госпитале сразу, как вернулись с передка.

— Вы прививку от столбняка будете делать? — спросил врач, заполняя бумаги.

— Если надо, сделаю, — коротко ответил.

— Мне не надо, это надо вам. — Врач посмотрел на меня поверх очков. — Ну?

— Да, буду делать прививку.

Точно такой же разговор у врача был с Ибрагимом. Один в один. Прививку сделали.

Часа два-три длились осмотр и заполнение бумаг.

Сестра отвела в палату. Рассказала о расписке, показала в окно, где находится магазин, если вдруг захочется что-нибудь купить из еды. Время было позднее. Магазин закрыт. Мы целый день толком не ели. Сказал об этом медсестре. Она принесла мне чай и бутерброды с маслом.

Нашли Шакая. Его поселили выше этажом.

Сходили покурили, поболтали. Потом Шакай принёс колбасы и сникерсы. Он ходил в магазин до нашего приезда. Дружно перекусили. Подключились к интернету и потерялись. Смеюсь.

22 октября, 11:24

Внутренняя потребность вести дневник отпадает. Чувствую себя в полной безопасности, ослабленным и мягкотелым. Жёсткость и собранность ушли.

Не могу осмыслить происходящего и оценить изменения в себе. Есть ощущение, что изменений нет. Похудел, в ушах звенит, хромаю. Это всё? Мне этого мало. Вернее, мне не такие изменения нужны. А какие? Но я и на этот вопрос не могу ответить.

Отчётливо понимаю только то, что последние четыре месяца были лучшими в моей жизни. Я научился ценить себя и верить в себя. Может быть, это самое главное, чего удалось добиться. Мальчишество, фиглярство, капризы а-ля инфант террибль в почтенном возрасте, алкогольные скандалы и прочее, не украшающее меня поведение, — случались от недоверия к себе, дескать, а гори оно всё... Но не вернутся ли они вместе с моим возвращением с войны? Я опять превращусь в жалкого, никому не нужного человечка, который без алкогольного допинга боится с людьми общаться?

На войне нет будущего. Только настоящее. С настоящим я справляюсь. Как справиться с будущим, которое появляется при возвращении к мирной жизни?

Вот он страх. Я чувствую страх. Я боюсь.

22 октября, 13:55

Родные Калаша — боевого товарища по первому кругу — сообщили, что он три месяца назад подписал контракт на год и снова ушёл на войну. Не оскудеет земля Русская героями!

Калаш работает на том участке фронта, с которым в скором времени соединится наш. Мы двигаемся по направлению друг к другу, чтобы выровнять линию фронта.

22 октября, 21:26

В палату заходили молодые девчонки. Волонтёры (или правильно будет — «волонтёрши»?). Принесли печенюшек, сока, конфет.

— Вы местный? — самая бойкая и взрослая спросила меня.

– Да, – ответил, имея в виду палату, в которой находился.

– Из нашего города? – сделала неопределённое лицо.

– Из Москвы.

– А хотите носки тёплые? – оживилась.

– У меня есть.

– Возьмите ещё, носки хорошие!

Она достала из пакета носки и показала мне. Снисходительно улыбнулся. Не стал отказываться. Выглядело бы как неуважение.

Она оживилась пуще прежнего:

– А трусики, трусики возьмите!

Протянула трусы. Я закатил глаза.

– Что же вы такие стеснительные, мальчики. Возьмите трусики!

– У меня есть, – тоном, не терпящим продолжения разговора, остановил её энтузиазм.

– Мальчики-мальчики! – Покачала головой.

– Спасибо, девочки! – Хотелось расцеловать их (её особенно), но сдержался.

Сдержанность мне идёт.

22 октября, 22:43

Ранение случилось, потому что я обидел беременную трёхцветную кошку. Будто отогнал от себя удачу. Прилетела ответочка. Ранение не смертельное, потому что обидел не специально.

Старался читать знаки судьбы, предугадывать развитие событий, просчитывать на два-три хода вперёд, а такое пропустил мимо, не подготовился.

Легко перепрыгивал брёвна, перешагивал кочки, а споткнулся на ровном месте.

Кто мог подумать, что немец потратит целых три камикадзе на мою группу, запуская их в одну и ту же точку, чтобы пробить укрепление? Максимум – пара. Но три! Укрепление всё равно не пробил, а меня подранил.

Третья трёхцветная кошка, третий камикадзе. Должен был дожидаться третьего и только потом выйти. Ведь легко предугадывается! Не предугадал.

23 октября, 10:12

Бесприютность. Замечаю за собой неприютность. В распоряжении хотел на б. з., на б. з. – в госпиталь, а из госпиталя – в распоряжение.

Привык спать на мешках с битым бетоном, и теперь спина болит от ортопедического матраца, который лежит у меня на кровати. Четыре ме-

сяца мечтал о таком матрасе. Получил, и что? «Держи матрас и мечтай о чём-нибудь другом!» (с+)

Сдал анализы: моча, кровь. Попросил лечащего врача, чтобы меня ЛОР посмотрел. В ушах звенит. Звон монотонный. Громкий. Когда тихо говорят (или невнятно артикулируют), не слышу, а когда кричат, уши закладывает и больно внутри. Ещё такой прикол в последнее время. Слушаю музыку из телефона в наушниках. Потом наушники снимаю, а музыка ещё часа полтора играет. Сначала думал, это радио за стенкой. Удивлялся, что радио играет записи с моего телефона. Только радио за стенкой нет. Посмотрел.

В правой ноге незначительный осколок. Она значительно тяжелее левой.

На перевязку длинная очередь, как за колбасой в конце восьмидесятых, накануне обмена Отечества на жвачку.

23 октября, 19:00

Новый повар обещал к увольнению откормить. Уж было обрадовался. Но пришлось госпитализироваться. Кормёжка здесь такая же, какой была у нас на базе до появления Марселя. Это не страшно. Рядом есть магазины и девочки-волонтёры приносят всякие вкусности. Проблема в другом. Совершенно не хочется есть. У меня уже тумбочка забита шоколадками, мандаринками, соками и печенюшками. Есть не могу, и всё. Аппетита нет. Был бы волшебником, взмахнул бы палочкой и отправил вкусности в Отросток Дракона – парням, которые сейчас там держат оборону и кошмарят немцев. В Отросток, в Сердце, в Солнечное, в Кишку. Сладости там нужны. Такое трудно объяснить волонтерам, которые из всех сил стараются нам помочь. Новые трусы, носки, майки нужны не здесь – на мирной территории, а там – на линии соприкосновения, парням, которые неделями не вылезают с передка, не имея возможности помыться.

ЛОР проверил уши. Барабанные перепонки в целости. Сказал, что чего-то там изменено. Что именно, не расслышал. Деформация. Выписал таблетки. Просил аккуратнее пользоваться наушниками.

24 октября, 10:54

Сделали кардиограмму. Спросил, всё ли нормально, сказали, что да, нормально.

Врач на обходе отправил на «магнит». Я слышал, что с помощью магнита вытаскивают осколки. Процедура не из приятных. Можно порвать мышцы. Поэтому подскочил с койки и закричал, что никаких магнитов не надо мне, я вытащу осколок сам, когда вернусь домой. Врач посмотрел на меня как на душевнобольного и произнёс: «Конечно, сами вытащите...» Развернулся и ушёл.

Оказывается, «магнит» — это такая пятиминутная процедура. Заходишь в кабинет, ложишься. На рану кладут пластмассовую шутовину с магнитом внутри, подключённую к аппаратам с лампочками. Шутовина называется «магнитёр». Не тяжёлая. Может, полкило. Не больше. Лежишь, ничего не делаешь, тупо смотришь в потолок и ждёшь, когда истечёт положенное на процедуру время.

В направлении написано, что я должен пройти десять подобных процедур, значит, десять дней. Столько я здесь не высижу. Максимум через пару дней начну возмущаться, чтобы отправили назад, к парням. Сказал об этом медсестре, которая провожала до «магнита». Медсестра лукаво улыбнулась и попросила вести себя прилично, иначе оставят в госпитале на месяц. Это она так пошутила, чего я сразу не понял.

24 октября, вечер

Бестолковый день. Проторчал в интернете, читал и писал глупости. Маюсь. Организатор одного малоизвестного как бы патриотического фестиваля в своём канале написал, что меня больше никогда на этот фестиваль не пустят, потому что я плохо отношусь к «Детям Донбасса». Люди умеют переворачивать сказанное. Я писал, что не люблю людей, которые наживаются, используя трагедию детей Донбасса. Да и дети Донбасса для меня — это не только погибшие дети донбасского мирняка, но и наши двадцати-тридцатилетние парни из разных уголков России, вставшие на защиту того же Донбасса, Отечества.

25 октября, утро, семь утра

Мы с Ибрагимом вдвоём в пятиместной палате. Радостно наблюдать, что госпитали не забиты до краёв. Ничего особенного не происходит. Не происходит ничего. Отвык от этого. Процедуры, осмотры, курение в туалете, соцсети, четырёхразовая кормёжка. Сна нет. Не спится. Одной ногой — здоровой — уже дома. Больная пока ещё здесь — на войне.

На утреннем обходе врач спрашивает фамилию. Называю. Врач на секунду замирает. Видно по глазам, что у него что-то непонятное в голове шебуршится. Замешательство проходит, и он произносит:

— Достаточно одной фамилии!

О, если бы я прибавил к фамилии литературный псевдоним, а к нему позывной, он бы меня в психиатрию определил с диагнозом «шизофрения». Расщепление сознания. Во мне много человек живёт, и у каждого есть своя фамилия.

Не хромаю.

25 октября, 23:26

В палату добавили ещё одного парня. Расписной. Будет третьим. Молодой, но уже с бородой. Долго не брился. Привезли с ожогами. Рука и лицо. Левая сторона. Работал на том участке, где сейчас Калаш.

Расписной назвал меня дяхой. Сразу вспомнил Рутула.

— Ты из Дагестана?

— Из Саратова.

— Меня боевой товарищ из Дагестана дяхой называл. Поэтому спросил. Его позывной Рутул.

— У нас тоже есть парень с таким позывным.

— Да?! Значит, у вас брат нашего Рутула. Брат-близнец.

— У него ранение в голову было. Осколок.

— Рутул рассказывал.

26 октября, 10:30

Процедуры, процедуры, процедуры.

Перечитал начало дневника. Пережил заново.

26 октября, 18:20

Стою перед выбором. С одной стороны, хочу попроситься из госпиталя в распорягу — сил нет здесь находиться на пороге дембеля, а с другой... Меня одного забирать не будут. Ибрагима и Шакая присоединят. Значит, не дам парням возможности нормально отдохнуть и подлечиться. Получается, что на другой чаше весов здоровье боевых товарищей.

27 октября, 13:29

Не выписывают.

28 октября, 14:57

Изменился ли я? Внешне — да. Поседел. Похудел. Отрастил бороду. Полюбил короткую

стрижку. Меньше сутулюсь. Дыхание стало тяжелее. Но голова, кажется, лучше работает.

Нет прежнего бардака. У каждой мысли своё место. Можно взять любую, поносить, а потом аккуратно снять и положить на место.

Не думаю, что, когда вернусь домой, голова останется такой же собранной. Скорее всего, окажется во власти творческого беспорядка, в котором жила до моего ухода на войну.

Натура гибкая. Быстро встраиваюсь в среду и впитываю в себя окружающее пространство, становясь ничем от него не отличимым. С этим помогла разобраться война, и в этом увидел большой минус.

Общаясь с плохими людьми, становлюсь плохим. До отвращения к самому себя. С хорошими – хорошим. Но никогда не бываю настоящим.

Отсюда, видимо, взрощённая интровертность, которая помогала сохранять идентичность.

Гибкость – неизменное качество натуры. Надо принять и перестать искать подпорки. Поэтому, вернувшись с войны, постараюсь ещё меньше общаться с людьми. Хочу быть до конца настоящим.

Моё отношение к происходящему не изменилось. Война способна открыть в человеке его лучшие качества, которые в условиях мирного существования пылятся за ненадобностью где-то глубоко внутри.

Война – это самое прекрасное, что произошло со мной за пятьдесят лет жизни.

Дырка в ноге чешется. Рана заживает.

29 октября, вечер

Этаж, где размещаются раненые из нашего подразделения, атмосферой похож на пансионат. Парни стригутся, стираются, торчат с телефонами в курилке – курить разрешили у туалета, не у всех есть возможность спускаться вниз на улицу, ходят или катаются на инвалидных креслах с кружками, из которых дымится свежезаваренный чай. Спокойные лица, лёгкие. Медсёстры называют нас мальчиками. Всех, независимо от возраста.

Пытался дозвониться до мамы Элпэка, но не получилось. Звонок через ватсап не проходит. Скорее всего, у неё в телефоне этого мессенджера нет.

Завтра, надеюсь, нас выпишут. Меня, Ибрагима и Шакая. Парни в госпитале порозовели,

подлечились и отдохнули. Надеюсь, у них будет всё хорошо. А я... а я буквально через пару дней домой.

30 октября, день

Выписывают. Сегодня на базу, завтра в сторону дома. Курю, курю, курю, накуриться не могу.

Сфотографировались с Ибрагимом и Расписным. Расписной полночи в телефоне торчал. К обеду только проснулся.

Впрочем, я тоже читал новостные ленты, силась понять, что в моё отсутствие происходило на большой земле.

Многое кажется смешным и ненужным. Наносным, не стоящим внимания. Пустым.

Есть некоторый мандраж, потяну ли я теперь мирную жизнь? Как впишусь? Столько всего чуждого стало. Ещё одно испытание.

Боже милостивый, спаси и сохрани. Дай сил, терпения, стойкости и мужества.

30 октября, 19:17

За нами в госпиталь приехала скорая помощь медроты. Вышли во двор. Во дворе стоит Прочерк с перевязанной головой. Затрёхсотило в Сердце Дракона.

Последние десять дней, пока я был в госпитале, Прочерк находился там. Говорит, тяжело. Немцы как с цепи сорвались. Отбивались. С доставкой совсем плохо. «Ноги» не могли зайти. Плюс ко всем бедствиям – нашествие мышей.

Двадцать восьмого вывели. Его и Сургута. Ранено дней за пять до выхода. Ранение – царапина. Рассечена кожа. Сразу отвезли в столичный госпиталь. Положили в фойе. Мест нет. Битком. Проверили. Череп цел. Отправили назад.

Стояли во дворе госпиталя, в котором я лежал, ждали сопровождающего. Болтали. Прочерк исхудал. А я, наверное, чуть поправился. Пришёл сопровождающий, погрузились и поехали. Я, Прочерк, Ибрагим и Шакай.

Привезли в медроту. В распорягу завтра. Сегодня ночуем здесь. Встретил нас Снежок. Разместил по разным комнатам. Я в комнате у Снежка.

Думал, что Снежок не узнал меня. Но когда расположился в комнате, присел на кровать и закурил, принёс еды, колу, сникерс и сказал, что память у него хорошая, к тому же, как он выразился, я – единственный человек на войне, который читал Стругацких.

Снежок повзрослел. Но говорит так же много. Слушать тяжело. Рассказал, что отпускали домой на похороны мамы. Долго расспрашивал про деньги. Сколько получил и прочее.

Планирует по возвращении с войны начать какой-то бизнес. Какой – не расслышал. Потом сказал, что может быть займётся политикой. Дескать, говорить умеет, а перед ветераном боевых действий все двери открыты.

Потом рассказывал о том, что у него друзья-юристы и он обязательно выбьет из Минобороны «боевые». Какие боевые, если на Дракона никогда не ходил? Не знаю. Снежок странный.

У меня разболелась нога. В госпитале давали таблетки, думал, что они от звона в ушах. Но Ибрагим сказал, что обезболивающие. Получается, я десять дней на обезболе, поэтому боли не чувствовал. Не хромал. Сейчас чувствую. Нога начинает ныть.

31 октября, 09:25

Бизнес Снежка: хочет купить караоке, колонку, микрофон и петь на площади военные песни. Деньги, говорит, хорошие.

Снежок – это персонаж. Такие люди только в литературе бывают. Зачем он здесь, на войне?

31 октября, обед

Мы вчетвером в медроте. Я, Прочерк, Шакай, Ибрагим. В начале седьмого утра звучит команда: «Дембеля с вещами на выход». У меня с Прочерком последний день контракта. Мы из госпиталя, без вещей и без оружия. Они в расположении. Вышли.

На территорию медроты заехало несколько «КамАЗов», в которых сидели парни нашего потока. Парни выскочили из машин. Счастливые. Обнялся со всеми.

Ко мне подошел Кубань и крепко пожал руку со словами:

– У меня получилось. Я справился. – На лице гордая улыбка, спина прямая.

– Я тебя всё время теряю, – ворчал Ахмед, по-детски жмуря глаза, которые наполнились слезами.

Ещё раз поблагодарил Луну, который прибежал вытаскивать меня, подраненного, из Кишки Дракона.

Сто раз обнял Смайла. Подошёл Ковбой в чёрных очках. Они накануне зацепились с Луной. Ковбой прятал за очками результат сцепки.

– Наслышан, наслышан о твоих подвигах, – сказал, по-отечески обнимая Ковбоя.

Ковбой покраснел.

Обменялся с Китайцем телефонами, попросил его не пить без меня.

Мы с Прочерком ехать со всеми не могли, потому что нужно было сначала попасть в расположение, забрать вещи и оружие. Госпиталь смазал финал.

Парней построили, пожелали им хорошей дороги до дома. Прозвучала команда: «К машине!» Парни загрузились и поехали. Долго смотрел им вслед. Перекрестил.

– Я – Прочерк... – сказал Прочерк. – Даже дембельнуться со всеми не могу. Будто лишний. – Посмотрел на меня и добавил: – И тебя заразил своим прочерком...

Через полчаса приехала за нами машина. Шакай с Ибрагимом остались – молодые, а мы поехали в расположение.

В распологе собрали вещи, взяли у старшины своё оружие. Старшина, смеясь, рассказал, что Костек обналичил зарплату и сумку с деньгами оставил в домике. Сумма приличная. На радостях, что с войны возвращается, забыл обо всём на свете.

Машин свободных не было. Командир отряда повёз нас и сумку с деньгами Костека на своём личном «Патриоте» догонять колонну.

31 октября, вечер

В Ростове-на-Дону. У батюшки, о. Сергия Красникова. Почти год назад он благословлял меня на путь ратный. Было честью и долгом при возвращении с войны приехать к нему в храм Всех Святых, в земле Русской просиявших, и преклонить колени.

Расскажу о дороге, которую мы проехали.

С командиром отряда долетели до города, в котором сдали оружие, быстро. Но колонну всё равно не догнали. В городе поймали Костека, вспомнившего, что оставил деньги в распологе. Ему передали, что командир отряда едет и везёт его сумку, поэтому он отстал от колонны, сидел и ждал нас.

Сначала командир отряда хотел докинуть нас до автостанции, где бы мы, пересев на рейсовый автобус, переехали границу, но махнул рукой:

– Вы будете первыми солдатами, которых я лично на своей машине довезу до самой границы и провожу.

Всю дорогу пытался найти какие-то слова благодарности, но язык плохо работал. То ненужный пафос пёр, то начинал мямлить. В конце концов просто ладонью легко постучал себя по груди и произнёс:

– Мне вот здесь хорошо, командир.

У командира три брата воюют на той стороне. Не думаю, что по своей воле. Сам командир на войне с апреля двадцать второго. Украинец. Отработал два контракта штурмовиком. На третий контракт позвали командиром отряда. Он лучший. Лучший командир, которого встречал на этой войне.

Перейдя границу – таможенный контроль – обернулся. Он стоял и смотрел на нас. До последнего. Проконтролировал наш переход – мой, Костека и Прочерка. Я сжал руку в кулак, приложил её к груди и наклонил голову. Попрощался с командиром. Он кивнул в ответ.

Взяли такси, на котором доехали до Ростова-на-Дону. Я пошел в храм, Костек на вокзал, чтобы оттуда рвануть поездом до Махачкалы, а Прочерк, созвонившись с Сургутом, который снял на сутки квартиру, пошёл к нему.

1 ноября, день

С утра позвонил Прочерку, узнать, как у них дела. Трубку никто не снял. Напились, подумал, куролесят или спят после шикарно проведённой ночи.

Днём позвонил Сургут.

– Прочерк – двести, я повёз его домой...

– Напился, что ли, Сургут? Прочерк тоже пьяный, он спит?

– Прочерк – двести. Сердце остановилось.

Через несколько дней Сургут похоронит Прочерка дома, в Тамбове, с флагом и салютом, как настоящего воина, коим он был за ленточкой. А сейчас я первый раз за всё время, которое был на войне, заплакал, не скрывая, не пряча слёз.

СТИХИ. ФРОНТОВЫЕ

*Забубенил крутой позывной
и живу на себя непохожий:
то надменно трякну стариной,
то старательно лезу из кожи.
И луна, будто ломаный грош,
светит мордой лихого героя.
Называйте меня Огогош,
потому что ещё ого-го я.
Если Родине пальцем грозят
и летят над Отечеством го'вна,
Огогошу в свои пятьдесят
не сидится на заднице ровно.
Он хватает зазубренный нож
и кричит, будто матами кроя:
«Называйте меня Огогош,
потому что ещё ого-го я!»
На портянки порву тишину,
раскроится на флаги зарница...
Добровольцем ушёл на войну,
чтобы насмерть за Родину биться.*

*Сделай через немогу
три затяжки на бегу,
будет полный шоколад
и зарубка на приклад.
Перекопанный окоп.
Там петрушка, тут укроп.
Кто не ранен, тот убит.
Вот и весь солдатский быт.*

*Тихо-тихо. Бой прошёл, и
не свистят над ухом пули.
Спрятав лица в капюшоны,
парни русские уснули.
Спят в окопах автоматы
после страшной заварушки.
Замолчали виновато
куковавшие кукушки.
Было жарко, стало сыро.
Ветром облако полощет,
и висит кусочек мира
над задумавшейся рощей.*

*Не видать
в прицеле солнца.*

Фронт стоит,
не шелохнётся.
Распустившийся
мороз
на два метра
в землю врос,
и порывистым
галопом
скачет ветер
над окопом,
выбивая по пути
из патронов
конфетти.

Я здесь, и мысли о тебе
наполнены любовью.
Жую простуду на губе
и сплёвываю кровью.
Смотрю, процеживая мрак,
и слепну от пожаращ.
Лицом к лицу заклятый враг,
плечом к плечу – товарищ.
Ты с нами, мы в одном строю,
ты тоже месишь глину.
Я грудью за тебя стою,
ты – прикрываешь спину.
Мороз нахлынувшей зимы
и жар лихой години...
Ты тоже здесь, и, значит, мы
никем непобедимы.

Едем на раздолбанных «КамаЗах»,
тишину колёсами размазав,
в сторону вчерашнего ристалища
забирать погибшего товарища.
Он один лежит на поле боя,
всматриваясь в небо голубое
белыми, как облако, глазищами,
не двумя глазищами, а тыщами.
Едем по колдобинам и пашням
за как будто без вести пропавшим,
чтобы от прекраснейшего воина
было хоть чего-то похоронено.

Вернулись парни с боевого,
вернулись на своих ногах.
Жива Россия и здорова,
чего не скажешь о врагах.

Сгущались над равниной тучи,
но верен был и был суров,
как Божий суд, отряд летучий
безбашенных штурмовиков.
Отваге есть куда излиться
слепащим ливнем из ведра.
На месте вражеских позиций
теперь бездонная дыра.
И проще самого простого
сказать о сущностях земли:
вернулись парни с боевого,
распили чай и спать легли.

Целый
день
на бетезрах
перекрашивали
снег,
и под
вечер
батарея
разрядилась
на ночлег.
Парни
расползлись
по норам,
я остался
до утра
брать
бессонницу
измором
под журчание
костра.
Много жара,
мало дыма.
Ночь
исполнена
огней.
Можно
думать
о любимой,
как о женщине
своей.
Сохнет
сброшенная
каска,
скачет
месяц
голышом.
Всё настолько
распрекрасно,

что немного
хорошо.
Лес молчит,
но ловишь
ухом:
всякой нечисти
в укор
звучно тянет
русским духом
изо всех
звериных
нор.

СИНИЦА

Полночь.
В небе
звёздный улей.
Поле белое
лоснится.
Развлекает
в карауле
сердобольная
синица,
и шевелятся усы
нашей
лесополосы.
В блиндаже
чужая нычка
переполнена
бычками.
Птичка
ростом невеличка,
а по воздуху
чеканит,
чтоб
уставший караул
от мороза
не уснул.
Сколько
клювиком
ни щёлкай,
не возьму тебя
на мушку!
Время льётся,
как сгущёнка
в металлическую
кружку,
и как будто
сотню лет
нет войны
и смерти
нет.

57

Поднимется ветер, уляжется боль.
Война как вершина искусства.
Мне так не хватало разлуки с тобой,
что я обесценивал чувства.
Не думал, что буду способен мечтать,
от пуль укрываясь в траншее,
о том, как любви кровавая печать
свой след оставляет на шее.
Не верил в умение слепнущих глаз
твой образ ловить до рассвета –
в тумане, в дыму ли, который прожгла
ракетница, будто комета.
Не знал, что надменные губы твои
дрожат, если я исчезаю.
Война как вершина искусства любви.
Я думаю, верю и знаю.

Не скулишь
и не пишешь прошений,
просто служишь Отчизне своей.
Здесь на каждую сажень траншеи
по десятку великих людей.
Нервно курит
столичная роскошь,
где под вечер, шагая с крыльца,
обязательно локтем порвешься
о фарфоровый бок подлеча.
Хорошо.
Здесь окопная копоть
петербургского снега белей.
Только свистнешь, увидишь укропа
в об.....том от страха белье.
Натянув
керамический панцирь,
за бабахом услышишь бабах.
Здесь великие мысли роятся
у великих людей в головах.
Бедолага
с жетоном на шее,
рядом с теми, кто лучше и злей,
не скулишь и не пишешь прошений,
просто служишь Отчизне своей.

Растопырило небо
продрогшую лапу
и моргает глазищем:
– За кого ты воюешь?
– За маму и папу!

За могилки
на старом кладбище...
Облака опустились
на черную кочку,
о любви промяукав:
– За кого ты воюешь?
– За сына и дочку,
за родителей
будущих внуков!
Отвечать на простые
вопросы без мата
переходит в привычку:
– За кого ты воюешь?
– За лучшего брата
и за лучшую в мире

сестричку!
– От слепого огня
уходя по туману,
будто прячась в кулису,
за кого ты воюешь?
– За Инну и Анну,
за Марию
и за Василису!
– На тарелку сгужая
овсяную кашу,
что гороховой гаже,
за кого ты воюешь?
– За Родину нашу,
за Россию –
и проще не скажешь.

**Александра
КОРЖОВА**

**ВРЕМЯ – СКАЛЬПЕЛЬ
С ЗОЛОТЫМ СЕЧЕНИЕМ**

*Черёмухи белые флаги
Над городом синим плывут,
И птички из мятой бумаги
Зелёные зёрна клюют.
Прикинулось небушко зеброй
В тельняшке из синих полос.
Тонюсенькой веточкой вербной
В просвет прорастает вопрос:
Надолго ли белые флаги
И неба лазурь надо мной?
Я птичка из мятой бумаги.
Я точка в системе земной.*

*«Иди!» – скажет тот, кто верит,
Коснувшись твоей руки.
Иди на пологий берег
Поющей большой реки.
Прозрачна реки прохлада.
Не звёзды ли там, на дне?
Лишь смелый коснётся клада
В заманчивой глубине.
Сиди и смотри, как воды
Поющей реки быстры...
Ты чувствуешь вкус свободы?
Пора разжигать костры.*

*Ночной погонщик-поезд гонит
Круговорот людей в вагоне.
А ты выходишь на перроне:
Растерян, обездомен, пуст.
И новый пассажир в плацкарте
Сверяет свой маршрут по карте,
За кофейком в вагонном чарте
Его судьба – из первых уст.
А тот, кто едет до конечной,
Плетёт колечко за колечком
Истории случайных встречных
Под пение вагонных муз.*

*Не по-хозяйски, варварски, сердито,
Корёжа и ворочая металл,
Как исполнитель страшного вердикта,
Бульдозер детский городок ломал.
Пустырь. Как будто не было иначе.
Квадрат земли со взрытою травой.
Из центра вверх – пушистый одуванчик.
Растёт, не сломлен. Маленький, живой.*

*Лето ведёт знойный учёт
В маленьком городке.*

КОРЖОВА Александра Николаевна родилась 26 декабря 1984 г. Руководитель ЛИТО для школьников «Чистый лист». Публиковалась в альманахах: «Образ», «Кольчугинская осень», журналах: «Огни Кузбасса», «Веретено», «Нижний Новгород». член Союза писателей России, член Совета молодых литераторов Кузбасса. Живёт в г. Калтане Кемеровской области.

Константин ШАБАЛДИН

ДВА РАССКАЗА

ВЫРЕЗАТЕЛИ

В конце рабочей смены вырезатели бригады Инги-Виолетты обязательно слегка засиживались в своей мастерской, чтобы посплетничать. Они уже скоро как год ходили в передовиках производства, и им позволялись некоторые вольности. Сняв белые халаты, переобувшись, мужики неспешно, с чувством собственной значимости и осознанием уникальности профессии вырезателя, заводили разговор о суточных, премиальных, сверхурочных и прочих важностях, волнующих сердце каждого истинного мастера.

— Слыхали? — колготился от негодования щупленький Деверь Ихний. — Во втором цеху по лекалам силуэты режут!

— Брехня. ОТК не допустит, — отмахивался Балу, получивший прозвище за телесную монументальность. Когда он работал, крохотные тридцать ножнички в его ручищах было не разглядеть. Между тем он считался лучшим микроскопистом. С Деверем Ихним они, само собой, были не разлей вода.

В мастерскую заглянул денщик Эр Зета, скромный парень из обычных накопителей. Его звали, кажется, Дэк, и он нравился Инге. Но она ещё не докатилась до того, чтобы путаться с рядовым накопителем.

— Эр Зет хочет вас видеть, — уважительно сказал Дэк и поклонился Инге.

ШАБАЛДИН Константин Алексеевич, родился и живёт в Новокузнецке, телеоператор, публиковался в журналах: «Кузнецкая крепость», «Уральский следопыт», «Эдита», альманахе «Полдень». Дважды лауреат премии «Полдень» в номинации «Средняя форма».

Инга вскочила и снова надела белый халат. А мужики молниеносно спрятали банку со спиртом. Это было чистое кокетство, никто бы их не наказал.

Инга-Виолетта. С эдакой персонификационной амбивалентностью, да ещё и родившись под знаком Весов, трудно быть решительной, целеустремлённой и самодостаточной. Инга такой и не была. Бригадой вырезателей управляла ласково, где надо требовать — просила, если надо ругать — мягко журила. Когда назначили бригадиром, два раза плакала. Но она была отличным профессионалом, вырезатели это оценили, стали относиться к ней с уважением и не доставляли хлопот.

Трясаясь от липкого страха, она вошла в огромную директорскую приёмную. Величественная секретарша Эр Зета поднялась ей навстречу, мило улыбнулась и открыла дверь кабинета, приглашая войти. Такие почести напугали Ингу ещё больше. С колотящимся сердцем она шагнула через порог и замерла. В креслах сидели сам Эр Зет и собственной персоной Кри Мэнг — Главный Распределитель, второе после Главного Накопителя лицо в государстве. Инга была на грани обморока.

Главный Производитель Эр Зет размеренно начал говорить:

— Инга Виолеттовна...

— Я Инга Витальевна, — чуть слышно поправила Инга.

— Что? — не понял Эр Зет.

— Меня зовут Инга-Виолетта Витальевна, — столь же кротко пояснила Инга.

— Ах, простите.

«Хорошо всё-таки, что я не в пед пошла, а в технологический. В школе и вовсе была бы вечной Ингой Фиолетовой», — печально подумала Инга.

Господи, как её только не дразнили! В мире, где давным-давно всем дают такие краткие имена, что многим приходится придумывать себе прозвища, она была белой вороной. Изгоем. По крайней мере, она сама была в этом уверена.

Кри Мэнг взглянул на Ингу с интересом и сказал:

— Проходите, Инга... Вас ведь так все называют? Проходите, Инга, присаживайтесь. Да, вот тут. Я тщательно изучил вашу анкету. Вы, по нашему мнению, на сегодняшний день лучший вырезатель «Мельницы». Не возражайте, это объективные показатели. У вас лучший уровень по эмпатии, пространственному воображению и координации.

— И уровень ответственности, — добавил Эр Зет.

— Да, и уровень ответственности, — согласился Кри Мэнг. — И это может быть и стало решающим фактором.

Инга сидела, боясь шелохнуться.

— Короче, мы решили поручить вам ответственнойшее задание, — сказал Главный Распределитель. — Вы нам вырежете человека. Человека из прошлого.

«Чапаев, — подумала Инга. — Бог мой, Чапаев...».

А Кри Мэнг сказал:

— Да. Это запрещено. Категорически и под страхом растворения. Но у нас нет другого выхода.

Инга совсем уже испуганно посмотрела на Кри Мэнга и заметила, что он выглядит гораздо старше, чем в ежевечерних выпусках новостей.

— Я не понимаю, — жалобно сказала Инга.

Кри Мэнг томно взглянул на Эр Зета и сказал:

— Давайте лучше вы, я что-то устал.

— Конечно-конечно, — сказал Эр Зет. — Всё дело в том, Инга Виолетт... Всё дело в том, Инга, что у нас кризис.

Он встал, прошёл к столу и стал рыться в бумагах, продолжая говорить.

— Всё просто. Производство качественной продукции упало ниже уровня до Твэмпээр. Причины очевидны. Ментальный и творческий потенциал вырезателей не удовлетворяет больше сегодняшним требованиям. Попросту говоря, мы все уже порядком подзабыли, как выглядели изначальные предметы. Нам нужен тот, кто это хорошо помнит. Человек из прошлого. Учёный и практик. Теоретик и ремесленник. Умеет и руками работать, и головой.

Из кипы бумаг он наконец выудил файл и подал его Инге.

— Вот, надо вырезать его.

— Кто это?

— Некий Фрэнсис Бэкон.

— Да? Никогда не слышала.

— Ну... Большой был умница, философ. Шпион, интриган. Тот, кто нам и нужен. Вы получите самую подробную информацию, чтобы хорошо представлять себе и внешность, и, самое главное, ментальный слепок.

Инга была в панике. Два наиболее уважаемых человека в государстве поручают ей совершить неслыханное преступление. Нет, не просто преступление, а нечто кошунственное, надругательство какое-то. Вырезать живого человека!

— Это противоречит всему, чему я училась долгие года, всей доктрине, — осторожно произнесла Инга. — Это не просто за гранью этики... Это отвратительно.

В кабинете повисла неприятная пауза. Инга с тоской подумала, что теперь-то ей наверняка придётся устраиваться на работу в школу. Ничего, говорят, учителем вырезания можно и в ПТУ. И неплохо зарабатывать. А можно и надомницей.

— Мы ведь и называемся «Мельница», потому что перемалываем континуум в предметы, протоматерию в вещество, — вкрадчиво сообщил Кри Мэнг.

Инга вынуждена была кивнуть.

— Накопители копят, вырезатели вырезают. Распределители распределяют. Так устроен наш мир, — продолжил Главный Накопитель.

И это не вызывало у Инги сомнений.

— Ну а ваше дело резать то, что вам скажут. Просто надо взять и нарезать, — Кри Мэнг пальцами показал как надо. — А вопросы этики оставьте людям более опытным и более компетентным. Не думайте о том, что вы нарушаете все мыслимые профессиональные заповеди, думайте о том, что вы спасаете человечество.

– Этично то, что жизненно необходимо, – сказал Эр Зет. – Вы что, не слушаете меня? Я же сказал: у нас кризис. Мы на грани голода. Понимаете? Го-ло-да.

Инга смотрела с недоверием.

– Вы слышали о ЧП, которое недавно произошло у ваших смежников, вырезателей сырья? – спросил Кри Мэнг.

Вырезатели сырья были низшей кастой, их делами мало кто интересовался. Инга сказала:

– Нет.

– Ещё бы, – с каким-то странным удовольствием усмехнулся Кри Мэнг. – Они нарезали несколько тонн манной крупы, но в мешках оказался цемент. Представляете?

Инга не представляла, а Эр Зет, не скрывая раздражения, сказал:

– Я всегда настаивал на предметном производстве. У нас прекрасные предметники, резать сырьё анахронизм.

– Ага, – кивнул Кри Мэнг. – И производительность упадёт на тысячи процентов.

– Не упадёт, не упадёт! – горячо воскликнул Эр Зет. – Я же представлял отчёты, вы читали мою служебную записку?

Это была давняя межведомственная дискуссия, Инга слышала краем уха. В другое время она бы с удовольствием высказалась по этому поводу, но сейчас ей просто хотелось, чтобы её скорее отпустили. Тем не менее она спросила, перебив и Эр Зета, и Кри Мэнга:

– Но расход протоматерии?

– Будет чудовищным, – подтвердил Кри Мэнг. – Мы идём на этот риск.

– Чудовищный риск, – пробурчал Эр Зет.

У них видно снова начинался какой-то свой незаконченный спор, и Инга сказала:

– Я пойду?

– Идите, Инга, готовьтесь, – торопливо сказал Эр Зет. – Отдохните как следует. Подробные инструкции вы получите завтра непосредственно перед операцией.

– А если вы проболтаетесь хоть кому-нибудь, вас растворят в континууме, – равнодушно сообщил Кри Мэнг.

Придя домой, Инга сразу включила интэкран, запустила режим общения. Легендарный командарм ел картоху в мундире. Инга пожалела, что не попала на свой любимый момент психической атаки. Спросила у Чапаева:

– Причём тут какой-то Фрэнсис Бэкон? Почему не ты, а он?

Чапаев усмехнувшись, ответил ей чужой репликой:

– А ты за большевиков али за коммунистов? – Инга вздохнула. Генератор диалога в её искине был слабый, предыдущего поколения.

Чапаевым она увлеклась ещё до того, как в моду вошли сериалы про жизнь до Твэмпээр. Из всех супергероев школьной программы именно Чапаев восхищал Ингу своей натурной сущностью. Капитан Америка был слащавый какой-то, Брюс Ли визглив, Маугли откровенно глуп. А Капитан Конкассер и вообще, Господи прости. Нет, именно Чапаев...

Чапаев перочинным ножиком аккуратно счищал кожуру с луковицы. Вот из кого бы, несомненно, вышел знатный вырезатель. Как ловко он орудует лезвием, вскрывая жестянки консервов! Как лихо он машет саблей! Она бы сама его всему научила. Как славно было бы нестись за ним в конной лаве на вражеские позиции, навстречу славе, наперекор судьбе. У Инги дух замирал лишь от мысли, что вот её конь ранен и сейчас упадёт, но командарм сильной рукой подхватывает её, и вот они мчатся с ним в одном седле, а она обнимает его за плечи... Но имитатор присутствия стоил кучу лимитов, о нём Инга пока могла только мечтать.

«Вот вырежу им Фрэнсиса Бэкона и потребую себе в награду самый лучший интэкран», – подумала Инга.

Она рано легла спать. Надо было хорошо отдохнуть. Ей приснился Чапаев.

Пока готовились к операции, Балу и Деверь Ихний снова сплетничали.

– Мне Урик Мяу рассказал, – говорил Деверь Ихний. – У него сестра в накопителях. Так вот их на казарменное положение перевели.

– Кого перевели? – не понял Балу.

– Накопителей, дубина. Всех накопителей сектора перевели на казарменное положение. Днём и ночью тянут на себя протоматерию, сырьём все катушки забиты, континуум трещит по швам. Скоро и нам план поднимут.

– Брехня, – как обычно ответил Балу. – Эр Зет не допустит.

– Хватит болтать, начинаем резать, – сказала Инга, и все удивились резкости её тона.

Балу и Деверь Ихний ассистировали ей с завязанными глазами, на ощупь. Им не полагалось увидеть конечный продукт.

Поэтому они не удивилась разразившейся катастрофе.

Фрэнсис Бэкон вышел из-под ножиц двухмерным. Он шлёпнулся на пол куском мокрого линолеума, воскликнул: «Oh shit!», — и скончался.

— Вы понимаете, что наделали? — спросил её Кри Мэнг.

На этот раз секретарша не открывала двери перед Ингой, а в кабинете ей не предложили присесть.

— О чём вы думали в тот момент? — вопрос Эр Зета был не риторическим, а строго профессиональным. — Каким образом можно умудриться выпустить двухмерную модель с вашим-то уровнем подготовки?

— Я думала о новом интэкрane, — смиренно призналась Инга. Она уже понимала, что её никак не накажут, а дадут второй шанс.

— Что?!

— Причём тут интэкран?

— У меня старая модель, а я хочу новый и всё время про это думаю...

Кри Мэнг зажмурился и шумно дышал. Эр Зет смотрел на Ингу, не отрываясь.

— У меня не получилось, — сказала Инга.

Они вскочили и начали кричать.

Её много раз назвали дурой.

Её больно ущипнули за плечо. Кажется, это сделал Эр Зет.

Её схватили за шиворот и трясли. Это точно сделал Кри Мэнг.

Они стояли с двух сторон и гневались, и негодовали...

Потом видно заметили, что Инга уже близка к обмороку, и усадили её в кресло. Кри Мэнг набрал в рот воды из графина и побрызгал на Ингу. Затем налил воды уже в стакан и залпом выпил.

— Простите нас, Инга, — сказал Кри Мэнг, но глаза его были очень злыми.

— Да, мы несколько... — сказал Эр Зет, но Инга перебила его:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Ну, пожалуйста, назначьте кого-нибудь другого, — простила она.

Они переглянулись.

— Нет, — сказал Кри Мэнг. — Теперь уже поздно.

— У нас нет другого выхода, — сказал Эр Зет.

— И у вас нет другого выхода. Инга, я вас очень прошу: сделайте всё как надо. У нас осталась одна попытка. Я не буду вас пугать наказанием,

потому что если вы снова не справитесь, любое наказание теряет смысл.

— Просто сделайте свою работу, — сказал Кри Мэнг. — И будет вам сто новых интэкранов.

— Я назначу вас своим первым советником, — подтвердил Эр Зет.

По дороге домой Инга зашла к По Ину. По Ин не так давно отправился на покой, но именно он делился с ней сокровенными тайнами практического вырезания, когда Инга только пришла на производство.

— По Ин, скажи, — обратилась она к старейшему вырезателю. — Кого бы ты выбрал на моём месте?

— С точки зрения максимального соответствия техзаданию я бы, не колеблясь, вырезал Чапаева, — не задумываясь ответил По Ин. — Именно ему ты сможешь придать максимальную адекватность. С такой степенью твоей увлечённости это будет не копия, не подобие, а образец мало отличимый от оригинала.

— И меня растворят? — снова спросила Инга.

— Кто знает? — печально сказал По Ин.

— Неужели поможет реинкарнация одного человека?

— Такие штуки уже проделывали. Да-да, не удивляйся. Я точно знаю о двух случаях. Может, их было много больше.

— Но ведь это значит, что вся теория Твэмпэр просто несостоятельна, — сказала Инга и задохнулась от кощунства, ею произнесённого.

Старый учитель мудро прищурился.

— Во времена Творческо-эмпатической революции люди мало задумывались о последствиях, — поведал он. — Отказаться от пошлой вещественности казалось абсолютным благом. Но мир таков, каким его создали не мы, а Тот, Кто Первым Взял в руки ножницы. И замысел его нам не постичь никогда. Поэтому, вырежешь ты Чапаева или Фрэнсиса Бэкона, решать тебе. Но для Него это не имеет никакого значения.

Инга решила не рисковать и резать силуэт по шаблону. Она взяла с собой древнюю семейную реликвию — фрагмент целлулоидной плёнки с Чапаевым. Она, не особо скрываясь, пронесла его в операционную. Она решила — будь что будет. Балугу и Деверь Ихний уже ждали её.

Целый сектор накопителей работал над обеспечением операции. Они с опережением графика вытягивали из пространственно-временного континуума последние крохи протоматерии.

Воздух в операционной был так насыщен континуумом, что его присутствие ощущалось физически. Давило на грудь, покалывало глаза. Инга впервые наблюдала такую плотность сырьевой протоматерии. Любое неловкое движение могло спровоцировать неконтролируемую реакцию спонтанного проникновения вещества.

Инга-Виолетта решительно взяла в руки ножицы.

Чапаев получился чудо как хорош. Он был настоящий. От него воняло конским навозом, водочным перегаром и несвежими портянками. Он судорожно рванул ворот гимнастёрки и вцепился кулаком в ремень портупеи.

– Ты кто, девка? – угрожающе спросил он у Инги, кривя губы.

– Василь Иванович! – восторженно прошептала Инга, но тут Чапаев заметил у неё на плечах погоны старшего вырезателя. А у Балу погоны унтер-вырезателя. А у Деверя Ихнего погоны вырезателя третьего класса.

– Беляки, – обречённо сказал Чапаев. – Сонного повязали.

– Василь Иванович, успокойтесь, – сказала Инга как можно мягче. – Мы специалисты по...

– Империалисты?! – заорал Чапаев. – Порубаю к чертям!!!

Оскалясь, он выхватил из ножен верную подругу, кавалерийскую саблю, крутанул перед собой. Сверкающим веером замерцала сабля в плотном воздухе операционной. Протоматерия хрустнула под напором острого лезвия. И он порубал к чертям весь концентрат пространственно-временного континуума. В щепу, в лапшу, в капусту. Весь. Раз и навсегда.

СТАРИК, РОМАНТИКА И МАРСИАНЕ

Прощай романтика – забрызган кровью белый бант.

И губы бантиком – друзья пропили мой талант. Отбрось сомнения – мы переплавим сталь в руду.

Есть ощущение, что всё летит в звезду.

Андрей Карунос

– Послушали б вы его нелепую и зловредную болтовню! «Каждая станция должна быть как бы маяком на пути, который ведет к прогрессу; это не только центр торговли, но и центр гуманности, усовершенствования,

просвещения». Представляете себе – какой осёл! И он хочет быть начальником! Джозеф Конрад, «Сердце тьмы»

Я играл с ним в шахматы. Но только до тех пор, пока он не начинал рассуждать о Содружестве. Такая у нас была договорённость, о которой он постоянно забывал и начинал свои проповеди, отвлекаясь от партии. Тогда я сметал фигуры с доски, останавливал часы и вытаскивал Старика на марсианский холод. Это шло ему на пользу, он успокаивался и через какое-то время снова скрёбся в дверь кессона. Я впускал его, мы пили чай с джемом, намазывали батон сливочным маслом, грызли карамель и шумно отдувались. И Старик начинал рассказывать о марсианах.

– Хрен знает, сколько миллионов лет накопления информации, – говорил он. – Ясен пень, они устали. Им ничего не интересно.

– Скажешь тоже – миллионов, – подначивал я Старика, зная, что он заведётся.

– А сколько, по-твоему?! – сразу шёл в атаку Старик. – Вот говори – сумели ваши супер-пупер генетики определить возраст их популяции?

– Насколько мне известно, супер-пупер генетики круто обломались. Но ведь у них очень мало фактического материала, марсиане крайне неохотно идут на контакт, – я отмечал про себя, что он уже говорит «ваши», а не «наши», но тогда меня это не настораживало.

– Кто тебе это сказал?

– Ну, это официальная точка зрения.

Старик гулко смеялся и переходил на менторский тон.

– Понимаешь, «крайне неохотно идут на контакт» несколько не соответствует действительности. Они попросту игнорируют поисковые группы. Всех этих экзопсихологов, сапиенсологов и прочих контактеров. Они попросту не обращают на них внимания.

Я важно кивал, соглашаясь, хотя знал, что сам он и был когда-то таким «контактёром». Его экспедиция стала первой, кому повезло не только обследовать верхние карстовые полости, но и пообщаться с марсианами. Пообщаться... Это, конечно, громко сказано. Величаво-медлительные, без признаков мимики на красивых лицах, прекрасно сложенные анатомически, высокие, изящно-утончённые марсиане оказались крайне замкнутыми ребятами. Без признаков технологий. Голые. Без огня, жилищ, инструментов. Без

выявленной социальной структуры. Лениво поедающие фиолетовый мох, сплошняком покрывающий стены пещер, в которых паслись и лениво совокуплялись марсиане. Возникло сомнение в их разумности, но именно Старик установил подобие контакта и даже сумел составить примитивный англо-марсианский словарь. Но потом его группа бесследно исчезла, а сам он поселился среди марсиан. Иногда приходил ко мне пить чай, играть в шахматы и рассуждать о необходимости Содружества. И всем было плевать. Его считали чокнутым.

— Ты постоянно призываешь к содружеству с марсианами, к сотрудничеству, — говорил я Старiku. — Но ведь они сами нас избегают.

— Надо их заинтересовать!

— Но ведь ты уже два года живёшь среди них, а до сих пор ни разу не привёл ко мне в гости марсианина, — шутил я.

— Они привязаны к области карста, только там давление и состав атмосферы позволяют не загнуться от холода и удушья, — на полном серьёзе оправдывался Старик.

И разговор снова ходил по кругу, и я уже жалел, что опять поддался на провокацию и свернул на излюбленную Стариком тему.

Самое поразительное, что ни открытие марсианского карста, ни обнаружение марсиан не стало на Земле сенсацией. Точно так же, как марсианам было наплевать на землян, землянам было наплевать на неожиданно обрётённых братьев по разуму. На Земле хватало своих проблем. Сырьевой кризис, истощение ресурсов, амбиции политиков и равнодушие электората. Голод и эпидемии. Всё катилось в пропасть, и начало большой войны становилось вопросом времени.

— Марсиане могут быть весьма нам полезны, — утверждал Старик. — У них, безусловно, уникальный опыт выживания. Но я не знаю, как ещё можно аргументировать необходимость новых экспедиций. Никто не хочет рисковать.

— А что случилось с твоей группой? — в сотый раз спрашивал я. — Как они пропали?

— Они стали марсианами! — сразу начинал заговариваться Старик. — Им очень хорошо. Я хочу, чтобы всем было хорошо. Необходимо содружество. Марсиане хорошие.

Он ими восхищался, и я чувствовал, что он совершенно искренен в своём восхищении. Я вообще очень хорошо чувствовал.

Марсиане. Удивительные существа, преисполненные достоинства и благородства, безус-

ловно, разумные и, безусловно, со своей таинственной культурой, которую или они скрывали от нас, или мы не могли разглядеть очевидного. Мы были слишком заняты своей работой, готовились к массовой экспансии с Земли, а они жили в занятой природной нише и в ус не дули. Пожалуй, я был единственным человеком, по-настоящему интересующийся марсианами. Нет! Был ещё Орсон Херст. Инженер по технике безопасности. Видали мы таких инженеров, особист он и есть особист.

— Ты не понимаешь! — восклицал Херст, когда заходил ко мне за сводкой погоды. — С Землёй покончено. Не сегодня, так завтра они сожгут планету, к этому давно идёт. Самое страшное, что на психологическом уровне все давно уже к этому готовы. У меня друг работает в Бюро, он давал мне почитать отчёты социологов. Это чудовищно. В социуме доминирует желание со всей дури гульнуть напоследок, а там будь что будет.

Я не был настроен так пессимистически, но спорить с Херстом было себе дороже. Запишет ещё в неблагонадёжные, доказывая после, что ты не каинитский фундаменталист. Тем более, что кое в чём он был определённо прав. Народ с Земли бежал. Инициировались самые безнадёжные космические проекты, росли города на Луне, на орбите сотнями монтировались гигантские станции. Лишь бы оказаться подальше от планеты, когда грянет большой барабум. Но я верил в лучшее. Возможно, потому, что сам уже давно находился на Марсе.

— Западно-Европейский Союз и Единый Континентальный Блок спят и видят, как бы оттяпать кусок пожирнее у Морской Федерации, а за всем этим наблюдают торгаши из Организации Коммерческих Сообщений, которые уже сгрузили барахло на свои космические яхты и ждут, чтоб напоследок сорвать куш и драпать с горячей планеты. Вот увидишь — если они не развяжут в ближайшее время глобальную войну, то из какой-нибудь секретной лаборатории как бы случайно вырвется особо мерзкая инфекционная зараза и начнётся пандемия.

Я подумал, что где-то уже это слышал, и вспомнил: «Если хонтийцы не дураки, они откроют огонь из дальнобойных пушек по заградотрядам, но они, надо думать, дураки, и займутся они, надо думать, взаимоистреблением — Лига в этой суматохе налетит на Унию, а Уния вцепится зубами в задницу Лиге»...

Херст психовал, и его можно было понять – под Куполом творилось неладное. Многие жаловались на галлюцинации, за последний месяц произошло два случая белой горячки, а у рудокопов покончил с собой прораб. Ни с того ни с сего прыгнул в карьер. При свидетелях. И не важно, что притяжение вполтину меньше, чем на Земле – высота триста метров, хватило, чтобы разогнаться. А ещё были пьянки, драки из-за стриптизёрш в баре и воровство в раздевалках.

Всё это мешало работать, выполнять план. Это давало почву для сплетен и пересудов. Но штатные медики как дважды два объясняли всё нервным напряжением из-за тревожных событий в метрополии, а также неверным использованием дыхательных смесей в скафандрах. Только вот галлюцинации случались и под Куполом, где в скафандрах никто не ходил.

Меня это мало касалось, пока над Куполом не нависла угроза голода. На Земле видно решили, что мы и сами в состоянии о себе позаботиться, и очередной транспортный борт с продовольствием попросту не пришёл. И тогда Херст решил, что мне надо сходить к марсианам.

Они пришли с начальником Купола и с начальником медицинской службы и втроём принялись усердно ездить мне по ушам.

- Неужели всё так серьёзно? – спросил я.
- Более чем, – раздражённо ответил Херст.
- Но почему я?

– Мы думаем, вы сможете договориться с марсианами, – сказал начальник Купола. – Нам надо понять, что они едят и чем они дышат. Как выживают при таком холоде.

– Мох они едят! Фиолетовый. Это давно известно.

– Запасы. Возможность культивировать в условиях Купола. Химический состав. Метаболизм. Это всё надо выяснить. Как вариант – возможно ли переселение колонии в марсианский карст?

- Да, но я-то тут причём?

– Не притворяйтесь, – сказал медик. – Я же читал вашу карту. Вы эмпат. Причём патологический эмпат. Таких, как вы, рождается один на десятки миллионов. Вы мутант, батенька. Поэтому и сбежали с Земли, поэтому и выбрали специальность, которая позволяет вам как можно меньше общаться с людьми.

– Ты сможешь их понять, – сказал Херст. – Или они тебя. Ведь не случайно именно к тебе ходит этот малахольный.

– Старик? Вообще-то он только этого и добивается, чтобы мы установили контакт с марсианами.

– Ну вот идите и устанавливайте, – сказал медик.

– Какого чёрта? – я вскочил и попытался ходить из угла в угол, но при таком количестве гостей в тесноте метеорубки это оказалось затруднительно. Я снова сел и сказал:

– Этим должны заниматься специалисты. Там уже одна экспедиция сгинула, я не хочу.

– Думаешь отсидеться в своей конуре? – Херст ударил кулаком по подоконнику, и горшок с кактусом подпрыгнул. Между прочим, это был единственный кактус на Марсе. – Две тысячи человек находятся на краю гибели! Кому нужны теперь твои метеопрогнозы?

А начальник Купола устало потёр лицо ладонью и сказал:

– Сегодня я распорядился урезать нормы выдачи на пунктах питания. И это лишь начало. Мы не сможем существовать автономно. Нам нужны реактивы, запчасти, удобрения. Горючее. Если Земля прекратит снабжение, а она, судя по всему, его прекратит, мы продержимся от силы полгода. Речь идёт о выживании.

– Не пойду, – сказал я. – Это не входит в мои служебные обязанности. Я метеоролог, а не Христофор Колумб, не Магеллан и даже не Афанасий Никитин.

– Кто такой Афанасий Никитин? – подозрительно спросил Херст.

– Бросьте капризничать, – сказал тогда медик. – С такой степенью джуэинизма, как у вас, мне очень легко будет объявить вас профнепригодным. И отправят вас на Землю. И что вы там будете делать?

А начальник Купола спросил:

– Неужели вам самому не хочется? Это же так интересно. Мы дадим вам всё необходимое. И хорошие премиальные.

Хотелось ли мне? Ещё как хотелось. Увидеть марсиан, пообщаться с ними, потрогать фиолетовый мох... Но я боялся. Я очень боялся. Я уже тогда чувствовал, что это всё плохо кончится. Но начальник Купола сказал:

– Собирайтесь и идите спасать людей. Так уж вышло, что теперь люди зависят от марсиан. И от вас. И у вас нет выбора.

А Херст добавил:

– Ты оружие с собой не бери. Не годится посылу с оружием. Возьми на всякий случай про-

мышленный огнём, которым забойщики грунт сушат.

И я дождался Старика и отправился с ним к марсианам. Вот такой дурак я был.

Старик светился от счастья. Он ёрзал на сиденье краулера и всё пытался мне рассказать, как следует правильно себя вести при встрече с марсианами, но у него плохо получалось.

— Как они приветствуют друг друга? — спрашивал я.

— Приветствуют? А-ха-ха! — покатывался Старик. — Вот ты насмешил. На кой хрен им друг друга приветствовать? Скажешь тоже.

— Ну, как-то же они выражают эмоции? Доброжелательность, например. Жесты какие-то есть? Слова?

— Слова есть. Мало. Ими почти не пользуются. Незачем им. И эмоции тоже. Им же проявлять их смысла нет.

— Почему? — удивился я.

— Им и так хорошо.

Я ничего не понимал из его объяснений, как и раньше он говорил только ему понятными намёками, хихикал и кхекал. И тогда я впервые заподозрил, что Старик не так безумен, как пытается показать, и всё это время преследует какую-то свою определённую цель. И тут меня накрыло галлюцинацией. Или это был мираж? Или бред от неверного использования дыхательных смесей в скафандре?

Сначала я услышал музыку. Играл симфонический оркестр, что-то из Моцарта. А прямо по курсу метались огромные полупрозрачные фигуры балерин. Их было очень много. Они подпрыгивали до звёзд и плавно опускались на песчаные дюны. И снова взлетали, и их пачки напоминали гигантские дирижабли, а пуанты продавливали в песке следы полуметровой глубины. Я узнал этих балерин. Это были стриптизёрши из бара. Но увеличенные раз в десять. «И это всё мне?» — подумал я. Потом видение исчезло, музыка стихла, и я сосредоточенно тянул рычаги краулера, объезжая микрократеры. Рядом со мной хихикал Старик, и я не понимал, что здесь делаю.

А перед нами по-прежнему тянулись пески Марса, бескрайние дюны в тусклом свете далёкого Солнца. И я знал, что такой пейзаж будет сопровождать нас до самого карста, и когда войдём туда, ничего не изменится, как не менялось

миллиарды лет со дня сотворения этой убогой планеты. Какой фантаст придумал, будто бы Марс красный? Он серый, как дохлая мышь. Здесь нельзя жить. Жить надо на Земле. Там зелёная трава и ласковое Солнце, и много девушек в обтягивающих джинсах. Но я эмпат, мне противопоказано находиться среди людей. Я слишком хорошо их чувствую.

Остановив краулер возле карстового провала, я выбрался наружу, неловко цепляясь скафандром. А Старик обходился без скафандра. Меня это и раньше поражало, но на все мои расспросы он лишь бормотал: «Тут недалеко, ничего, мох надо больше кушать...». И что поразительно, это казалось в порядке вещей, и ни одному долбаному медику под Куполом не пришло в голову взять у него хотя бы элементарный анализ крови.

Я привязал верёвку к стойке краулера, и Старик удивлённо спросил:

— Зачем это?

— Возвращаться удобней будет, — ответил я.

— Возвращаться! — он даже согнулся от хохота. — Вот умора, возвращаться он собрался.

Не обращая внимания на кривляния Старика, я легко подхватил огромный рюкзак и, разматывая верёвку, начал медленно спускаться в карст. А Старик, лихо отталкиваясь от скальных выступов, помчался вниз гигантскими прыжками. Чем-то он напоминал Человека-паука и Супермена одновременно. Только развевающегося плаща не хватало. Я же, неспешно разматывая верёвку, спускался всё глубже и глубже, пока не очутился в царстве марсианского карста.

Фиолетовый мох чудовищно красивыми потоками устилал своды и стены пещеры. Он был отвратителен как лиловые кишки на бойне и в то же время невероятно прекрасен совершенством чуждой, неземной эстетики. Он струился повсюду, заполнял галереи и анфилады, громоздился причудливыми наростами. И в хаосе этих переплетений чувствовалась неведомая человеку закономерность, логическая упорядоченность. Но это была непостижимая, шизоидная логика.

Я спускался вслед за Стариком, восторженно любуясь марсианскими чудесами, мне было страшно, и вместе с тем я испытывал бурлящий восторг, эйфорию от увиденного. Ещё немного, и появились первые марсиане. Я видел их раньше только на фотографиях и видеозаписях, и теперь мне стало понятно, что никакое изображение не в силах передать томную грацию и утон-

чёрное изящество этих существ. Как и следовало ожидать, марсиане не обращали на меня никакого внимания. Спуск закончился в гигантском гроте, из которого во все стороны уходили катакомбы, освещённые слабым фосфорическим светом фиолетового мха. Отбросив верёвку, я огляделся.

— Уже скоро, друг мой, уже скоро, — несколько печально, как мне показалось, произнёс Старик. — Ты уже можешь снять скафандр.

Я лишь откинул защитный щиток шлема и двинулся вслед за Стариком по одному из коридоров. Морозный воздух карста пах клубникой. В ушах снова тихонько зазвучала симфоническая музыка, и я тряхнул головой, отгоняя морок.

— Вот мы и пришли. — Старик устало присел на корточки, отломил от стены кусочек мха, засунул в рот и стал жевать.

— Где мы? — спросил я.

— Ты в гостях, а я дома, — как обычно туманно ответил Старик.

— Позови кого-нибудь из них, — попросил я, указывая на группу марсиан неподалёку.

— Они подойдут сами, — сказал Старик. — Если захотят.

— Но мне надо взять у них образцы крови, слюны, — сказал я.

— Говна тебе не надо? — спросил Старик.

— Мне надо установить контакт, — терпеливо объяснил я.

— Ага. Тут уже приходили до тебя. До сих пор устанавливают.

— У них есть кто-нибудь главный?

— Скоро узнаешь, — пообещал Старик.

Тогда я скинул рюкзак, развернул экспресс-лабораторию и взял на анализ фрагмент фиолетового мха. В конце концов, именно для этого я сюда забрался — исследовать. И, по возможности, установить с марсианами подобие дипломатических отношений. И я их устанавливаю, чего бы мне это не стоило.

А где-то вдалеке снова зазвучала музыка, только теперь это был древний блатняк. Я даже разобрал слова. Что-то про загубленную молодость и поседевшие волосы. Незаметно для себя я начал подпевать: «Приморили гады, приморили...» В воздухе ощущимо запахло табачным дымом и каким-то кабацким угаром.

Вскоре экспресс-лаборатория выдала результат. Состав фиолетового мха, как и предполагалось, содержал все необходимые элементы полноценного питания. Белок, углеводы, аминокислоты.

Маловато жиров и избыток клетчатки, но это не смертельно. Вполне сбалансированная жвачка. Мог ли такой вид флоры возникнуть естественным путём? Очень сомнительно.

Тем временем марсиане наконец удостоили меня своим вниманием. Незаметно ко мне приблизилась... самка? Язык не поворачивался назвать её женщиной. Особь женского пола. Намерения марсианки были совершенно очевидны, но я с ужасом узнал в прекрасных чертах её лица образ Лизы Копаловой, археолога из пропавшей экспедиции. У Лизы была татуировка на лопатке, это я хорошо помнил. Желая подтвердить подозрение, я осторожно взял марсианку за плечи, повернул её спиной к себе и увидел едва различимый под новой кожей рисунок смешного дракончика.

Я снова положил руку на плечо марсианки и спросил шёпотом:

— Лиза, ты узнаешь меня? Лиза!

Ни малейшей эмоции не блеснуло в её глазах. Ни сожаления, ни разочарования, ни негодования. Ничего. Она просто плавно и не спеша удалилась в сторону сородичей. Это была не Лиза, мне показалось.

— Вот ты лопух, — сказал Старик. — Что там анализы твои показывают?

— Показывают, можно есть.

— Вот кто бы сомневался. Это же амброзия. И отнюдь не фигурально выражаясь. Возьми, попробуй. Я уже два года только это и хаваю. Сможешь без скафандра на поверхности ходить. И много разных других бонусов.

Он разговаривал намного осмысленнее, и вид у него стал деловой, подтянутый. Старик отколупнул от стены и протянул мне кусочек мха. Я понюхал. Пахло отварной говядиной, свежим хлебом и яблоками одновременно. Я откусил. Было вкусно. Очень вкусно, но мгновенно скрутило живот, так что я кое-как успел стянуть с себя скафандр и отбежать в закуток пещеры. Когда я вернулся, Старик снова ржал как ненормальный.

— Это да, с непривычки непременно обгадишься, но потом всё нормально будет, на обычную пайку уже и не потянет. Метаболизм очень быстро меняется.

— Что ж ты тогда мои конфеты жрал? — спросил я. Мне хотелось убить его.

— Из вежливости, — отрезал Старик. — Я научился этому у марсиан. Предельная корректность и невмешательство. Ты же видишь.

Я видел. Марсиане по-прежнему оставались воплощением корректности и невмешательства. Собравшись небольшими кучками, они поглядывали на то, как мы орём и машем руками, но весьма, весьма отстранённо. Их ничего не волновало. Ну, сволочи, я вам покажу корректность! Я подскочил к ближайшему марсианину и со всей дури вмазал ему по смазливой роже. Прямо по носику его аккуратненькому. И по зубам. И в ухо ему, скотине! И ничего не произошло.

Я шипел от боли в разбитых костяшках, а марсианин безмятежно хлюпал кровавыми соплями, даже не пытаясь отойти от меня.

— Вот ты ему по башке настучал, — раздался голос Старика, — а на Земле сейчас где-нибудь землетрясение происходит.

— Что? — удивился я.

— Задолбал ты, — сказал старик и принялся сдирать куски фиолетового мха с ближайшего сталагмита. Он расковыривал внутренности карста как пёс лисью нору и бормотал себе под нос: «Ну, что поделаешь, совсем тупой попался. Я его и так и эдак — нет, не доходит до человека».

— Смотри! — крикнул старик.

И я увидел Эйфелеву башню. Маленькую. Модель.

— Очень интересно, — сказал я. — Откуда это здесь?

Старик засмеялся и продолжал ковыряться в глубинах фиолетового мха, выуживая Статую Свободы, Пирамиду Хеопса, Мавзолей Тадж-Махал... Наконец он запыхался и, устало отдуваясь, произнёс:

— Это сектор, отвечающий за архитектуру. Если пройти дальше, мы найдём сектор с оружием, от копья до атомной бомбы, сектор с транспортом, от телеги до пассажирского лайнера, финансовый сектор, где будут платёжные средства — от оболов до кредиток. И так далее. Понял?

— Нет.

— Весь карст, — назидательно произнёс Старик, — это как бы проектор, модулятор реальности. Всё происходящее на Земле сперва придумывается марсианами, их коллективным разумом. Материализуется и тестируется. А потом с помощью карста, который является гигантским резонатором, и фиолетового мха, который также частично разумен, проецируется на Землю. Марсиане прекрасные выдумщики, они разрабатывают сценарии, изобретают религии, провоцируют войны и стимулируют научный прогресс, они следят за мо-

дой, кулинарией, искусством и философскими доктринами. Это у них только вид такой — скучающий. На самом деле они постоянно что-нибудь выдумывают. Для этого им созданы все условия.

— Кем?

— Вот ты и задал главный вопрос. Как же долго пришлось этого добиваться! А ты всё не слушал, не понимал. Но ты хотя бы чувствовал. Спасибо тебе за это.

— Да не за что, — сказал я.

— Я очень устал и теперь ухожу, — продолжал Старик. — А ты сменишь меня. Я это заслужил.

— Ты не ответил. Если марсиане сценаристы, кто показывает кино? Кто тут режиссёр?

Но Старик уже не слышал меня. Его фигура и черты лица начали стремительно изменяться. Одежда истлела и осыпалась прахом на каменный пол, и вот передо мной уже стоял не Старик, а обычный марсианин. Высокий, красивый, равнодушный.

Делать здесь мне было больше нечего, и я собрался уходить. Тут-то мне и пришёл конец. Мои эмпатические способности всё же доконали меня. Я почувствовал, я очень остро, на грани физической боли ощутил, как марсианам не хочется со мной расставаться. Каким для них будет горем моё отсутствие. Как они жаждут, чтобы я остался здесь, с ними, навсегда... Невероятным усилием воли я заставил себя надеть рюкзак и двинуться к выходу из карста. Ноги не слушались меня, всё плыло перед глазами, но я упорно, шаг за шагом, продвигался вперёд.

— Ну и куда ты собрался? — сварливо спросили меня.

Голос звучал в моей голове и принадлежал, скорее всего, подростку.

— Кто это? — спросил я.

— Кто, кто... конь в пальто! — ответили мне басом и захохотали.

Трясущимися руками я полез в рюкзак за аптечкой, но мне сказали:

— Нет, ты не свихнулся, таблетки тебе не нужны.

— Вы те, кто устроил так, чтобы марсиане ни в чём не нуждались, — понял я.

— Те, кого ты называешь «марсиане», нужны нам как биологические носители генетической информации. Тот, кого ты называешь «Старик», был нужен нам для связи с такими, как ты. Ты нам нужен, чтобы с тобой играть, — сказали мне.

– Вы боги? – спросил я.

Последовала долгая пауза, и теперь уже женский голос зазвучал в моей голове:

– Мы смеялись над твоим предположением. Мы не ошиблись в выборе. Ты забавный.

– Вы не ответили!

– Боги ли мы? Нет. И мы не знаем, есть ли бог вообще и кто автор мироздания. Но мы так давно играем с разумными, что уже стали для них чем-то вроде богов.

– Много ли разумных вы встретили на своём пути?

– Да. Очень много. Ещё больше создали. Но они быстро надоедают.

– Я могу стать посредником между вами и земным правительством.

От хохота в моей голове мне чуть не разорвало черепную коробку. И тогда тот, кто был Стариком, сказал мне:

– Ты не понял? С человечеством они наигрались, мы им больше не интересны. Иди в Купол. Скажи, что жратвы здесь навалом. Или оставайся здесь. Делай что хочешь. До той поры пока тебе не скажут, что нужно делать.

Я сел на свой раздутый рюкзак и крепко задумался.

Вот значит как. Теперь я буду эмиссаром Игроков, которые через марсиан станут внушать мне свою волю, а я буду пытаться объяснить, что происходит на самом деле, и никто не поймёт меня, как никто не понимал Старика, когда он пытался говорить о Содружестве, стараясь эзоповым языком предупредить всех об опасности. Я вернусь в Купол, мне будут благодарны, мне отстегнут премиальных, угроза голода исчезнет, но все мы будем марионетками Игроков. Я искал уязвимое место в логике заигравшихся хозяев, лазейку в их правилах. И мне показалось, что я нашёл. Марсиане. Генетический материал? Я вам покажу генетический материал! Выдернуть из рюкзака промышленный огнемёт было делом одной секунды.

Огненная струя била вдоль тоннеля, и марсианам не было спасенья. Впереди тупик, а на выходе я – воплощение бога огня, Локи, Агни и Нуску в одном лице. Каратель и судья, искупление и возмездие. Дикие вопли сотрясали высокие своды пещеры, объятые пламенем корчились изящные тела, и вонь горелого мяса была мне в ноздри. Где-то там догорал тот, кого я звал

Стариком. И я почувствовал, что марсиане, погибая в высокотемпературной плазме, были благодарны мне за избавление от вечного служения Игрокам.

Я отключил огнемёт. На зубах скрипела сажа.

– Зачем ты это сделал? – довольно равнодушно спросил голос в моей голове.

– Я буду ломать ваши игрушки, вы останетесь без развлечений, – сказал я. – Если я не могу вас уничтожить, то хотя бы заставлю поскушать.

– Но нам совсем не скучно. Ты прекрасно нас развлекаешь, мы в тебе не ошиблись.

– Вы остались без генетического материала! – крикнул я.

– Ах, это такая мелочь... Лучше спой нам песенку.

– Нет, пусть спляшет!

– Пусть поёт. Вот эту – «Под Ленинском-Кузнецким, есть городок такой, в колонии особого режима». Очень мне нравится!

– Пусть, сволочь, таблицы Брадиса наизусть рассказывает. С выражением.

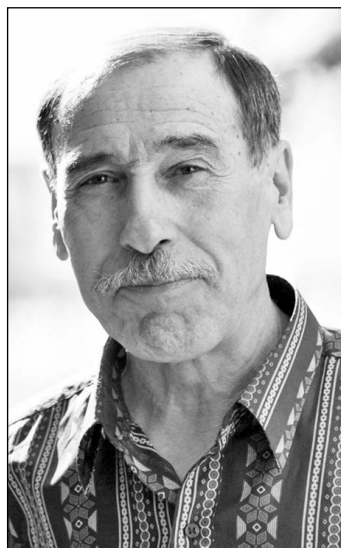
Голоса в моей голове множились, я уже не различал отдельных реплик, это был шум толпы. Ленивой, сытой, скучающей толпы, как на стадионе перед матчем. Перед захватывающим зрелищем.

Они не оставят меня, это было понятно с самого начала. Сделают личным клоуном, исполнителем их воли, каким был Старик. Меня это не устраивало. Я направил раструб огнемёта на себя и нажал на спуск. Но мой палец жидким киселем растёкся по патрубку, а вслед за ним и рука превратилась в желеобразную массу. Вскоре и всё тело потеряло форму, и я лужей студенистого дерьма растёкся по каменному полу пещеры. У меня не стало глаз, но я всё видел, не стало ушей, но я всё слышал. Фиолетовый мох впитал меня, и теперь я Старик, марсиане, Марс, Солнце, Вселенная и новая игрушка для тех, кто создал всё то, что я есть. Мне подвластно течение времени, и я постиг законы мироздания. Я знаю продолжение игры. Старые игрушки ломают или выбрасывают, их место на помойке. Земля сгорит, с человечеством покончено. Как и со многими цивилизациями до нашей.

Но мне интересно, кто теперь будет их следующей игрушкой. Я подожду. Подожду и непременно придумаю, как игрушкам стать игроками.

**Василий
ГУЛЯЕВ**

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

**Дорогой Василий Дмитриевич!
Поздравляем вас с юбилеем, желаем
крепкого здоровья, новых поэтических
открытий и книг!**

РЫЦАРСКИЙ РОМАН

Пока не очумел от домоседства,
Я, по примеру славного идальго,
На подвиги во имя дамы сердца
Пущусь на Россинанте двухпедальном.
Родимый край по-прежнему заманчив,
В любую, даже скверную, погоду
Моя Сибирь прекраснее Ламанчи,
Хоть в Пиренеях не бывал я сроду.
А наши сосны выше ихних мельниц,
Бери копьё, сражайся, коль угодно,
Но я – с природой драться не умелец,
Не по душе и как-то старомодно.
Ведь подвиг – не сражение, а поступок,
Вот прикачу к своей любимой босым,
Она оценит, скромно взгляд потупит,
Не то что Дульцинея из Тобоссо,
Введёт меня в свой замок пятистенный,
Лафитники достанет из серванта.
А дальше мы отступим с ней от темы,
Которую открыл старик Сервантес.

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Влетел он в двери, как орёл,
Схватил меня за плечи
И крикнул: «Дед, я изобрёл!
Мотор придумал – вечный!»
«Ты загляни-ка в интернет, –
Остановил я внука. –
Ведь вечных двигателей нет,
Доказано наукой».
Из глаз его струился свет,
Душа плыла в нирване –
Вот так был счастлив Архимед,
Когда плескался в ванне.
Так радовался Пифагор,
Когда «кроил штанину»,
Но прозвучал мой приговор
Больней, чем выстрел в спину.
Нельзя помиловать, казнить
Склеротика, невежду –
Я оборвал живую нить,
Я погубил надежду.
И впрямь я, видно, постарел –
А вдруг, презрев науку,
И вправду бойкий мой пострел
Создал бы эту штуку?!

ГУЛЯЕВ Василий Дмитриевич родился в 1949 году в селе Косьма Кемеровской области. Жил в Казахстане, служил в Узбекистане. Работал сварщиком, строителем, монтажником-высотником в Москве на Останкинской телебашне, в Казахстане, в Прибалхашье. Участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Первые публикации – в армейской газете во время срочной службы. Публиковался в коллективных сборниках и журналах Казахстана, альманахах: «Образ», «Кольчугинская осень», журнале «Огни Кузбасса». Автор пяти книг стихов. Живет в Ленинске-Кузнецком.

МОНОЛОГ СТАТИСТА

Я не являюсь славы узником,
 Галёркой бойкой не освистанный,
 Хожу по улицам неузнанный,
 Не лезу в склоки закулисные.
 По мне не станут сплетни стряпаться,
 Когда пройдёт спектакль... итоговый,
 И у моей гримёрки тряпочной
 Поклонниц нету за автографом.
 Вот те – увешанные цацками,
 Обременённые авансами,
 Играют Гамлета и Чацкого
 И кланяются под овации.
 Они способны без исподнего,
 Чтоб помодней, понатуральнее,
 А я – всего лишь: «Кушать подано!»,
 Но с каждым разом гениальнее.

ЧАЙНОЕ

День окончен. Сиди и скучай,
 Рыжий кот замурлыкал усерднее,
 Но меня пригласили на чай
 С пирожками –
 Про жизнь побеседовать.
 Перламутром взошедшей луны
 Зимний сад и дорога подсвечены
 И хрустит леденец тишины
 На зубах у морозного вечера.

РАЗГОВОР С ДЕДОМ

Поговори со мною, дед Илья,
 Мне верится, что ты мечтал об этом –
 Тебе подарят внуков сыновья,
 И вырастет один из них поэтом.
 А ты, на «хромке» перебрав лады,
 Его словам мелодию озвучишь,
 Но кто мог знать, какой большой беды
 Над Родиною соберутся тучи?
 Оставить сыновьям пришлось гармонь,
 Сменив её на «инструмент» с прикладом,
 И под команду «По врагу! Огонь!»
 Ты принял смертный бой под Ленинградом.
 Я бабушке бумагу составлял
 (У ней под старость ослабело зренье),
 Мне в кипе справок на глаза попал
 Помятый бланк с печальным извещеньем,
 Где текст казённый сухо говорит
 О том, что, верный воинской присяге,
 Ты был в бою за Родину убит.
 Спасибо, дед, твоей святой отваге.
 Да ты и дедом не успел побыть,
 Ушёл на небо в возрасте христовом,
 А мы могли б с тобой поговорить
 О нынешнем порядке непутёвом,
 Который с вашим трудно не сравнить,
 Где, как мне жить, решается не мною,
 Но только знай: не оборвалась нить –
 Наследники твои готовы к бою.
 Когда-нибудь, бородку беребя,
 Мой внук о предках заведёт беседу.
 Я расскажу, чтоб помнил про тебя
 И чтоб гордился, – про твою Победу.

Юлия
СЫЧЁВА

ВЕЩИ И ЛЮДИ

ГРЕБЕШОК

Как я обрадовалась, увидев его в галантерейном отделе магазина, скромно лежащим в дальнем углу витрины как не самый ходовой товар!

Штампованное пластмассовое изделие советской промышленности, отличающееся разве что цветом – от скромно-бежевого до броского вишневого.

Сколько помню себя, столько помню и его в причёске бабушки, бабы Дуси.

Баба проводила гребешком по коротким платиновым волосам трижды: ото лба слева, справа, по центру, и закрепляла на затылке. Аккуратная причёска готова! Волосы не лезут в лицо, не мешают управляться по дому.

И бабушка идет управляться. Растапливает печь, аккуратно выкладывая бересту, затем тонко нащипанные лучинки, потом наколотые полешки. Чистит некрупную картошку на суп, сидя на табурете и поставив старую мятую алюминиевую миску под очистки на пол. Натаскивает с колонки воду для стирки, греет ее на печке, затем долго трет грязное белье на стиральной доске. Аккуратно подметает веником половики, встряхивает лежащие под порогом круги, собственноручно связанные из ремков.

Когда развалился Советский Союз и стали пропадать из продажи самые, казалось бы, обычные вещи, исчезли и гребешки. И бабушка просила меня привезти ей из Кемерово «хребёлку». Обрыскав весь город в поисках гребешка, я привезла бабушке привычную ей вещичку.

Куплю! В память о бабе Дусе. Дома проведу по своим коротким, пока еще не совсем седым волосам трижды: ото лба слева, справа, по центру, закреплю гребешок на затылке. И пойду управляться.

Нажму кнопку на стиральной машине, загрузив грязное белье и выставив программу. Нажму кнопку на микроволновке, достав из холодильника и поставив в нее готовые продукты из магазина. Пройдусь пылесосом по ламинату.

Насколько проще стал наш быт в двадцать первом веке! Спасибо техническому прогрессу.

И какими великими тружениками были наши бабушки и дедушки, какая тяжелая выпала им судьбина.

КОВЕР– САМОЛЕТ

Моя молодая будущая мама, переведясь на заочное отделение физико-математического факультета Кемеровского пединститута, в далеком 1962 году была направлена на работу учителем

СЫЧЁВА Юлия Валерьевна родилась в городе Мариинске Кемеровской области. Окончила математический факультет Кемеровского государственного университета. Редактор поэтического сообщества «Термитник поэзии». Автор книг: «Вне времени», «Тёмные источники» и «Семейные ценности». Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Балтика», «Фантастическая среда» и др. альманахах и коллективных сборниках. Член Союза писателей России. Живет в городе Кемерово.

математики в село Таежная Александровка Мариинского района.

Глушь ужасная! Добраться в Таежную Александровку можно было так: автобусом до села Колеул, потом километра три проселочной дорогой до реки, а там кричи перевозчика на лодке!

Хотя в советское время была развита малая авиация, из Мариинска в Таежную Александровку летал самолет Ан-2. А вдруг нелетная погода? Ненадежно.

Поселок стоял на песчаном языке, поэтому грязи после дождей не было, вода уходила в песок. И картошку жители поселка не сажали – не росла она на песке. Возник поселок около производства, в Таежной Александровке размещался цех тарной дощечки.

В школе насчитывалось примерно сто семьдесят учеников.

Жила мама вместе с коллегой, тоже молодой учительницей, на квартире у бабушки. Сами пекли хлеб из привезенной муки, пекарни в поселке не было. Общественной бани не было тоже, просились мыться к соседям в баню по-черному, на таскивая ведрами воду из криницы под горой.

Учителей в поселке уважали. Как-то идет мама из школы, окликает ее продавщица из поселкового магазина:

– Нин Иванна, нам ковры завезли, я вам оставила! Брать будете?

– Буду! – твердо сказала мама. Мама сторонник быстрых решений, без всяких там колебаний.

Оплатила, скатала в трубу, положила на плечо и понесла домой.

Ковер был небольшой, глубокого темно-вишневого цвета, с геометрическим орнаментом в бежево-серых тонах. Красивый.

Вместе с мамой ковер приехал в Мариинск, в дом родителей на улице Береговой.

Примерно в это же время ее средняя сестра Валентина (мама старшая из трех сестер) уехала жить и работать на крайний север, в Мурманскую область, в молодой город Апатиты. Жила в деревянном общежитии на улице Бредова. Мерзла. И выпросила ковер себе, и получила его по почте, свернутым в рулон, аккуратно зашитым в белую ткань с подписанным на ней химическим карандашом адресом.

Да-да, ковры, которые в поздний советский период считались предметом роскоши, а некоторыми презирались как символ мещанства, в первую очередь выполняли практические функции

звукоизоляции и защиты от холода, и именно поэтому расстилались на полах и вешались на стены.

Мама вышла замуж и переехала в дом моего отца на улицу Чапаева. Жили сначала вместе с бабушкой и младшим братом отца, но вскорости бабушке дали квартиру во втором пятиэтажном кирпичном доме, построенном Мариинским спиртовым комбинатом, где бабушка работала главврачом здравпункта, и молодые зажили одни. Родилась я, через пять лет – братишка Кирилл.

После внезапной трагической смерти отца бабушка хотела выселить нашу семью из дома на улице Чапаева, но мама решительно отстояла свое право. Куда было ей идти с двумя детьми? Возвращаться в небольшой дом родителей, к ним и подросшей младшей сестре? Им и самим тесновато.

Тогда бабушка забрала все свои ковры.

Стоял стылый январь 1975 года.

Предыдущим летом отец пристроил к дому комнату для меня, будущей первоклассницы, заказав необычное для частных домов большое трехстворчатое окно и резную двустворчатую дверь. Водяное отопление провел тоже, но всё равно в новой комнате было холодно. Да и сам дом был не особо теплым.

Мама написала сестре в Апатиты с просьбой вернуть ковер. Но пришлось бы долго ждать. И в итоге дорожками поделилась другая моя бабушка. Одну длинную дорожку мама разрезала поперек и сшила ковер, и повесила его на стену.

Прошло много лет. Настал новый век, необходимость в коврах отпала, они вышли из моды. Модным стал сначала евроремонт, голые белые стены, затем – дизайнерские изыски. От шума и холода нас защищают стеклопакеты, натяжные потолки, теплые полы. В своей квартире мы избавились от ковров, только в зале лежит (о, я сентиментальна!) ковер из моего приданого, подаренный бабушкой и дедом, сопровождая мою семью уже более тридцати лет.

И вдруг раздаётся звонок из Мурманской области. Тетушка Валентина торжественно сообщает, что вышлет мне ковер! Дескать, он стоит у нее в кладовке без всякого дела, а мне он просто необходим!

Обалдевшая, я всячески пытаюсь отговориться от подарка, советую отдать ковер детям, внучке, тетушка горестно сообщает, что все отказались и никому ковер не нужен. Я категориче-

ски отказываюсь тоже, и тетушка подозрительно быстро меняет тему.

В очередном телефонном разговоре, выдержав таинственную паузу, она сообщает, что таки отправила мне посылку! И жалуется, как нелегко было купить плотную белую ткань, но она, обойдя все Апатиты, нашла. И свернула ковер в рулон, обшила его белой тканью и написала химическим карандашом мой адрес. Взвалив на плечо, отнесла в почтовое отделение.

Через некоторое время я в Кемерове получила на почте белый рулон, взвалила его себе на плечо, как тетушка и как когда-то (давным-давно) моя молоденькая хрупкая мама, и притащила домой свалившееся мне на голову наследство...

Надо отдать должное тетушке, большой аккуратистке, ковер оказался в прекрасном состоянии, краски по-прежнему яркие и ворс не вытерт. Раз в год она обязательно доставала ковер из кладовки, чистила его, просушивала и снова сворачивала в рулон и убирала в кладовку.

Теперь ковер глубокого темно-вишневого цвета с орнаментом в бежево-серых тонах, возрастом старше меня, лежит на полу перед зеркалом и, когда я по утрам наношу макияж, согревает мне не только босые ноги, но и душу.

ОБИТАТЕЛИ СЕРВАНТА

Одним из любимых моих домашних дел в детстве было наведение чистоты и порядка в серванте с посудой. Рассказать почему?

Надо отдать должное вкусу мамы. Выбранная ею посуда была прекрасна и неизменно будоражила мое воображение.

Пузатый пупырчатый графин зеленого стекла под тяжелой крышкой и шесть таких же зеленых пупырчатых стопок. Этот комплект представлял собой для меня толстую бонну в шляпе, прогуливающую своих подопечных.

Шесть стаканов чешского стекла. Простая цилиндрическая форма. Верхняя половина стакана прозрачная, украшена поверху тонким золотым ободком, нижняя цветная – синяя, зеленая, желтая. На каждом свой рисунок, соответственно цвету.

Желтый – по пустыне идет слон в нарядной попоне, на спине которого мальчишка-возница в чалме и с палкой и шатер, украшенный полумесяцем, в шатре возлежит знатный вельможа, вдали мечеть с минаретом, похожая на мираж.

Зеленая – по траве мчится экипаж, запряженный парой лошадей, на облучке – мужчины

в шляпах, в окошко с любопытством выглядывает девушка.

Синий – по снегу бредут северные олени, запряженные в сани, в санях сидят якуты в шубах, фон рисунка – конусы чумов.

Почему-то эти стаканы ассоциировались у меня с бравыми гусарами.

Глянцевый черный кувшинчик с узким горлышком и одной ручкой, расписанный золотыми узорами, и к нему шесть черных же с золотом крохотных чарочек – красота несказанная! В моем воображении это была сказочная черная лебедь с маленькими лебедятами.

Моя добыча! В семидесятых годах двадцатого века, когда для советского гражданина заграничная поездка была редкостью, бабушку, главврача трех районов, премировали турпутевкой в Болгарию. Вернулась она, разумеется, с подарками. Сыну, моему отцу, привезла нарядный свитер, чуть больше размером, чем надо бы, и мой добрый папа, уйдя в нем в гости, вернулся налегке – другу свитер подошел больше... Мне досталась ходячая кукла, почти с меня шестилетнюю ростом; к неудовольствию бабушки, я тут же назвала ее самым красивым на свете именем, маминым – Нина. Маме бабушка тоже что-то подарила.

70

Но тут я, придя к бабушке в гости, увидела несказанной красоты кувшинчик и чарочки и влюбилась в это изделие болгарских народных промыслов с первого взгляда! И никак не соглашалась уйти без них. Бабушка сдалась моему громкому реву, и домой я шла, нежно прижав вожделенный графинчик к груди.

Однажды я уронила одну из чарочек, и краешек откололся, скол оказался нарядного яркорыжего цвета.

Самым трудным для мытья был чайный сервиз на шесть персон из пятнадцати предметов. Тончайшего фарфора, такого, что сквозь поднятое к свету блюдце просвечивали пальцы, и строгого рисунка в черных и серых розах на белом фоне. У чашек и блюдец золотой ободок. Ручки заварочного чайничка и сахарницы тоже золотые. Внизу на каждом предмете написано «Дулёво». Мама рассказывала, что сервиз целую вечность стоял в магазине – уж очень дорого стоил, сто шесть рублей. Она долго любовалась им и купила со своих больших учительских отпускных.

Были в серванте еще тонкие хрустальные рюмочки-балеринки на длинных тонких ножках, и

важные фужеры, и тяжелые вместительные хрустальные салатницы для семейных праздников, и высокие вазы для цветов. И нужно было периодически протирать пыль на полках, перемывать с пемоксолью всё это великолепие в двух тазиках – с горячей и с холодной водой, и заново красиво расставлять в серванте, чтобы посуда сверкала и радовала взгляд. И будоражила мечтой о празднике, когда за покрытым скатертью с бахромой раздвинутым столом соберется большая шумная семья. И будет стоять на столе блюдо с желтой дымящейся горой картошки-толчёнки, обложенной по кругу сочными поджаристыми котлетками, и хрустальные салатники с ярким винегретом и бледным «зимним» салатом (во времена моего детства не существовало современного салатного разнообразия). Будут звучать тосты и звенеть рюмки. И будет чай из красивых чашек (осторожно, горячий, не обожгись!) и испеченный мамой торт. И это счастье и радость!

Конечно, не вся эта прекрасная посуда из моего детства сохранилась до сегодняшнего времени. Спустя полвека я бережно храню пупырчатый графин зеленого стекла без крышки, черный с золотом глиняный кувшинчик с трещинкой, тонкого фарфора надколотое блюдо с черными и серыми розами и золотым ободком. Цветные с рисунками стаканы чешского стекла сохранились в полном составе и по-прежнему радуют взгляд.

ДВА ПОРТРЕТА ЕСЕНИНА

Знаете эту фишку, когда члены семьи, сидя дома каждый за своим компьютером, не переговариваются, а перекидываются сообщениями в сети?

В один прекрасный вечер дочь пересылает мне такой текст неизвестного автора:

«У бабушки в комнате висел портрет мужчины. Всю жизнь я был уверен, что это портрет моего покойного дедушки. И только недавно узнал, что это портрет поэта Сергея Есенина...»

Прочитываю текст и начинаю хохотать.

Дочь прибегает ко мне из своей комнаты, и мы хохочем вместе.

Марина сквозь смех говорит: «Только я всегда знала, что это Есенин!»

Дело в том, что у моей мамы Нины Ивановны всю мою жизнь (и, соответственно, всю Маринкину жизнь) висят два портрета Есенина.

Портреты эти одного размера, примерно с альбомный лист, и представляют собой кусок

картона, обтянутый пленкой с изображением Есенина. Поворот головы одинаков, на одном – только голова и воротничок рубашки, второй дополнен костюмом до груди. Поэт кудряв, спокоен, серьезен.

Я помню эти два портрета еще в старом деревянном доме, доме моего детства, на улице Чапаева. Вместе с нами они несколько раз переезжали, меняя место жительства, но неизменно оказывались на стенах нашего жилья. Вот и теперь, в двадцать первом веке, в маминой квартире в Мариинске один Есенин по традиции над стеллажом с книгами в зале, второй – в спальне.

Я пересказала маме этот случай как анекдот.

И услышала в ответ историю этих двух портретов, столь дорогих маме – историю из жизни моей семьи.

Младший брат отца, Сережа Воронин, как и мой отец Валерий Воронин, со школьной скамьи был увлечен поэзией, сам писал стихи, которые охотно печатала мариинская газета «Вперед!». Тезка Сережи – великий русский поэт Сергей Есенин – был его кумиром. Моя мама, чтобы порадовать юношу, заказала ему на день рождения в каталоге «Товары-почтой» плакетку с портретом поэта. Ее можно было повесить на стену или поставить на стол, отогнув картонный галстук на обороте.

Да-да, напрасно молодежь думает, что интернет-торговля – изобретение новейшего времени. Еще в 60–70-е годы в Советском Союзе при дефиците некоторых «товаров народного потребления», как их тогда называли, на почте лежали толстые каталоги «Товары-почтой» с перечнем товаров, их ценой и стоимостью пересылки, можно было сделать заказ и получить желаемое посылкой или ценной бандеролью.

Сережа крайне обрадовался подарку.

Он окончил среднюю школу № 6, поступил в Иркутский университет на факультет журналистики и, уезжая в Иркутск, забрал портрет Есенина с собой, чтобы повесить в студенческом общежитии как напоминание о родном доме. Мама подумала: а почему же она заказала только один портрет? В их молодой интеллигентной семье (мама – учитель, отец – инженер) тоже любят стихотворения Сергея Есенина. И заказала по каталогу «Товары-почтой» второй портрет, и повесила его в доме на улице Чапаева.

Университет Сережа не окончил. Его юную жизнь прервал пьяный водитель на самосвале. Тело юноши доставили на родину, в город Мари-

инск, и захоронили на местном кладбище рядом с могилой отца – Александра Фомича Воронина. После похорон бабушка предложила родным взять на память что-то из вещей Сережи, и мама взяла плакетку с портретом поэта и тоже повесила дома.

Давно уже нет на этом свете Сергея и Валерия Ворониных. Моя бабушка Таисия Федоровна Воронина пережила обоих своих сыновей, уйдя ровно через тридцать лет, день в день, после младшего, Сережи. А поэт Сергей Есенин всё так же серьезно смотрит с портретов, кудрявый и вечный.

КНИЖНАЯ ЭПОПЕЯ

Я смутно помню семидесятые годы прошлого века, время, когда я пошла в школу.

Я не умела читать, тогда не принято было детей учить чтению до школы. Дескать, пойдут в первый класс, там всему и научатся – и читать, и считать, и писать.

Из моей детсадовской группы читать умела одна только Ирка Жаркова. И я страшно завидовала, когда воспитательница сажала ее перед всеми нами на отдельно стоящий стульчик, и Ирка, водя пальчиком по книжной страничке, медленно, трудно, но громко, по слогам читала нам сказку.

Грамоту я осилила быстро, на проверках скорости чтения тараторила слов в минуту больше всех одноклассников. И достаточно быстро стала брать в детской библиотеке Мариинского спиртового комбината не тонкие книжечки, а толстые и интересные. И быстро перечитала все выставленное на стеллаже и рекомендованное для моего младшего школьного возраста. Иногда, видя мои мучения при выборе новой книги взамен прочитанной, совершенно сказочная старушка-библиотекарь Федосья Петровна в очках с толстыми линзами, делавшими ее глаза огромными, ныряла в ящики своего письменного стола и доставала какую-нибудь книжку специально для меня – Майн Рида или Жюль Верна.

А еще книжки вручались на школьных линейках как награда за отличную учебу и примерное поведение или за участие в серьезном мероприятии. Открываю какую-нибудь детскую книгу из семейной нашей библиотеки, а там в верхнем левом уголке надпись наискосок: «Победителю предсезонной вахты Юле Ворониной, 5 класс В».

В книжном магазине нашего района (бабушка старомодно называла его «КаГИз») работает монументальная дама с великолепной «халой». Из развлечений – книжная лотерея, билетик стоит 25 копеек. Крутанешь барабан, достанешь билетик, развернешь, а там, как правило, надпись «без выигрыша». А если повезет, то «выигрыш 50 копеек» или даже «выигрыш один рубль». И возвращаешься окрыленный к полкам, выбирая из небогатого ассортимента. Иногда идем в магазин с мамой с уговором: выбираем по одной книжке. Я прочитываю и свою, и мамину, и самодовольно думаю: моя-то интереснее! И только много позже понимаю, что у мамы – ранний Владимир Маканин, а у меня одноразовая беллетристика.

Каждый месяц по подписке, которую чудом оформила мама, приходит толстенный вишневого цвета том «Большой Советской Энциклопедии» в картонном футляре, вкусно пахнущий свежей типографской краской, с мелованными страницами, которые приятно перелистывать, готовя школьные доклады на самые разные темы.

Семейная библиотека, которую начал собирать еще мой дед Воронин, растет и пополняется.

Я хорошо помню восьмидесятые годы прошлого века, когда книги были настоящей ценностью. В Кемерове на месте теперешнего Знаменского собора находилась барахолка. Прямо на земле, на газетах, предлагались к продаже дефицитные джинсы, польская косметика. И книги. Книжки, которых не было в продаже в магазинах. Например, Александр Дюма. За сумасшедшие по тем временам деньги – 10 рублей, 15 рублей.

Еще можно было сдавать макулатуру. Целых двадцать килограммов старых газет и журналов только для того, чтобы получить талон на одну книжку. А вообще это была та ещё задачка! Регулярно подходить к пункту приема макулатуры и следить за объявлениями, когда появится талон на хорошую книжку. Потом галопом мчаться в общежитие университета и топтать обратно, пытая и отдуваясь, с помощью кого-нибудь из друзей тащить связки накопленной бумаги. Получить в обмен на макулатуру заветный талон. Но и это еще не всё! Не конец эпопеи. Теперь нужно следить за объявлениями в книжном магазине, когда же появится сама книга, чтобы выкупить ее, предъявив талон. А если это был двухтомник?

Я прекрасно помню девяностые годы, сейчас их называют «лихие девяностые». Это было время, когда на книжный рынок вывалили горы литературы – и отечественной, и переводной.

Предприимчивые кемеровские ребята-студенты с рюкзаками за спиной садились на самолет до Москвы, набивали там рюкзаки дефицитной литературой, потом у драмтеатра с раскладных столиков торговали с накруткой 500, а то и 1000%. Трудно в такое поверить сейчас, но книжки разлетались как горячие пирожки! Страна самозабвенно утоляла книжный голод. Книги стали доступны, не дешевы, это верно, но их можно было приобрести и прочесть!

Сначала зарубежные: детективы Чейза и Рекса Стаута, триллеры Стивена Кинга, сентиментальные романы Даниэлы Стил, зачастую в корявом, наспех сделанном переводе, но это не смущало ни продавцов, ни покупателей. Потом спохватились отечественные писатели: а чем мы хуже? И появились Александра Маринина и Дарья Донцова, Александр Бушков и Василий Головачев.

«Мастер и Маргарита». Бесконечные продолжения «Унесенных ветром» и «Поющих в терновнике». «Роза мира» Даниила Андреева. Уринотерапия от Геннадия Малахова и прочая нетрадиционная медицина.

Наша библиотека прилично увеличилась в эти годы, нам пришлось покупать книжные стеллажи.

В начале двадцать первого века, войдя в литературное интернет-сообщество, я стала привыкать к другим книжкам. Это были тоненькие поэтические сборники, самиздат. Они не продавались в магазинах и на книжных развалах. Их отправляли друзьям бесплатно, с оказией, почти голубиной почтой. Немало таких сборников с теплыми словами авторов собралось в моей библиотеке. Когда в 2017 году у меня вышла первая книга стихов «Вне времени» небольшим тиражом 300 экземпляров, порядка сотни я тоже подписала друзьям и отправила почтой России по всей стране от Мурманска до Владивостока, в Молдавию, на Украину.

А сейчас я слегка побаиваюсь сетевых книжных магазинов. Огромные пространства, полки до потолка набиты томиком в ярких обложках. Как найти нужное? Или то, что придется по душе? Продавцы перестали быть советчиками. Читают ли они книги? Или хотя бы пролистывают? Не уверена. В ответ на вопрос в лучшем случае махнут рукой: Ищите на том стенде! И стоят на полках в ожидании своего читателя дефицитные ранее Дюма и Пикуль, Цветаева и Ахматова.

Хорошо еще, если на полках магазинов!

Стоят и на буккроссинге, а то и лежат стопками около мусорных контейнеров....

Но я рада, очень рада, что для моих друзей, для моей дочери и ее друзей книга по-прежнему остается ценным подарком. Несмотря на астрономические цены.

73

**Ирина
НАДИРОВА**

**МЫ ЖЕ С ТОБОЙ
ОЗИМЫЕ...**

Направо,
Налево
удары.
Поэт – он солдат и боец.
На пары,
На пары
На пары
Разбиты шеренги сердец.
Последний рубеж обороны.
Сигналят поэту – отбой!
Летают не птицы, а дроны
Над общей, единой судьбой.

Юрию Перминову

Знакомлюсь я с кустами и дорогами.
Собаки лижут руку – признают.
Земля, не озабоченная родами, –
Луга встают, и птицы гнёзда вьют.
Не прошибить сердца полынным запахом,
Волной ковыльной, мякотью плодов...
По-христиански жить –
Стоять распаханным,
Готовым зёрна принимать от вдов.
Где ложь, где правда, что такое истина?
Не отделяем плевел от зерна,

Латаем дыры и не верим в мистику –
Мы поздние, но мы твои, страна!

Я попробую день описать, но смогу едва.
Всё едино и неделимо – нет цифры два.
На горе домишко – словно ещё в пути.
Мне от этого вида не отойти.
Дошагал он до края вершин,
близны небес...

я давно от природы не жду никаких чудес.
Мы стояли на том краю и смотрели вниз,
Словно время тебя держало, вливало
жизнь.

На полянке сидеть устала, плести венки...
А закрыла глаза – поле вспыхнуло –
огоньки!

Научи меня, где же силы для жизни брать?
Я устала врать.

Всё, чего я боюсь, – без тепла взять
и околеть.
Но откуда жадность к деревьям, полям,
земле?..

О Господи, меня не повтори.
Ранетки ран склевали снегири.

НАДИРОВА Ирина Азаровна родилась 22 ноября 1984 года в г. Ленинске-Кузнецком. Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «После 12», «Фантастическая среда», «Байкал», «Москва», «Южный маяк», альманахах: «Кольчугинская осень», «Образ», «Между». Автор книг «Дышите жабрами» и «Снеготочие...». Участница литературного цеха «Образ». Член Союза писателей. Живет в Ленинске-Кузнецком.

**Елена
ЛОБАНОВА**

ДВА РАССКАЗА

ГЕШТАЛТ

На площадке Лиза чуть не столкнулась с Гавриловной. С последним человеком, которого хотелось бы увидеть сегодня.

– Здравствуй, Лизонька, – пропела та и, бросив возиться с ключами, развернулась всем тучным телом. Естественно, без маски.

– Здравсте, – пробормотала Лиза и шмыгнула к лифту.

Гавриловна имела привычку ощупывать людей глазами, как товар в магазине. Хорошо хоть лифт сразу распахнулся, так что вопросы «Далеко ли собралась?» и «Ну, как на личном фронте?» повисли в воздухе.

Штрафовала бы Лиза таких любопытных. В размере пенсии. Но губы привычно напряглись в вежливой улыбке.

Конечно, ещё совсем недавно она не то что с Гавриловной – с берёзой за окном готова была беседовать. Однако то была жизнь в другом мире. Под названием «карантин». И ещё – «самоизоляция». А как ты его ни назови, по сути – в одиночной камере. Только вместо тюремной робы на тебе халат с розами.

Лиза старалась как могла. Несколько дней, конечно, повалялась на диване, засыпая и просыпаясь под бубнёж телевизора, но потом, уви-

дев в зеркале опухшую тётку в розах, ужаснулась. Взяла себя в руки и вспомнила маму. Вот уж у кого и минутки не пропадало – даже в больнице лежала с вязанием! Из инфекционки после отравления вернулась с жилетом, вязанным тунисским узором – папа с ним до конца жизни не расставался. А в последний раз, уже в кардиологии, успела-таки закончить Лизин свитер...

Нет, нет, не плакать! Особенно сегодня – в великий день, когда наконец-то отменили карантин и открыли парки!

С другой стороны, если б не воспоминания – как бы Лиза это заточение пережила? Она уже и удивляться перестала, когда в самую унылую минуту из телевизора вдруг донесётся любимая мамина: «Надежда – мой компас земной...» Или попадётся в книге забытая фотография – папа, прямой, улыбающийся, смотрит прямо в объектив, словно подбадривает: «Держись, доча!»

И нельзя отрицать: за весь срок она не только рассудок сохранила, но ещё и занятие нашла – перекрасила все двери (благо, в кладовке нашлась эмаль без запаха) да в придачу изучила основы гештальт-терапии. Терапия оказалась простая: заканчиваешь все когда-то брошенные дела – это называется закрыть гештальт – и получаешь психологический комфорт. И Лиза добросовестно заканчивала. Вынесла на помойку

ЛОБАНОВА Елена Александровна родилась и живет в г. Краснодаре. Окончила музыкальное училище и филологический факультет КубГУ. Работала концертмейстером, учителем, корректором. Автор четырех романов. Печаталась в издательствах: АСТ, «Написано пером», журналах: «Родная Кубань», «Сибирские огни», «Аврора», «Балтика», «Подъём», «Южная звезда», «День и ночь». Член Союза российских писателей.

весь хлам с антресолей, выкинула целый кулёк таблеток и пузырьков, перестирала занавески, диванные подушки, кухонные прихватки и коврики из ванной... На душе и впрямь каждый раз становилось легче. Особенно по утрам, когда готовила обед под «Модный приговор». Пока по экрану дефилировали красавицы, а из кухни пахло маминым борщом – казалось даже, что всё идёт по-старому, что нет ни страшного вируса, ни леденящих указаний: мыть руки с мылом сорок секунд, продукты заказывать на дом...

Лиза, правда, ничего не заказывала, а сама перед обедом ходила в магазин – как положено, в маске. Неспешно шагала по улице, вглядываясь во встречающих: как-то другие люди всё это переносят? Тоскуют ли о прошлом, в котором было столько счастья, – встречи, смех, магазины, губная помада, путь на работу и с работы?.. Но лица прохожих, даже и без масок, ничего не выражали – замкнутые, какие-то ожесточённые. Редко-редко мелькнёт улыбка. И даже обыкновенного, добродушно-приветливого взгляда не встретишь. Казалось ей или на самом деле все разом обиделись на белый свет?

Ближе к ночи откуда-то из углов выползали страхи. Иногда натуральные детские, когда вдруг прошуршит за шкафом или под телевизором: таракан? мышь? домовая? А бывало, одолеют дикие мысли: что прежняя жизнь никогда не вернётся, вирус вовсе не вирус, а мировой заговор, карантин не снимут никогда, а если и снимут, то она, Лиза, будет уже старухой...

Со временем, правда, выяснилось, что страхи эти боятся домашних звуков: ворчания стиральной машины, жужжания кофемолки, даже щелчка тостера. Чем Лиза и пользовалась. На случай ночной бессонницы – в компьютере поджидала пара исторических мелодрам. Ну а когда всё-таки одолевала тоскливая тревога – приходилось звонить Машке. Мама, правда, называла её пигалицей и фитюлькой, но что было делать, если Машкина трескотня Лизу успокаивала. И вообще не собиралась она, как та, игнорировать масочный режим и разгуливать по общественным местам, не говоря уже – собирать сомнительные компании. Зато Машка ничему не удивлялась – ни звонку среди ночи, ни вопросам: «Как думаешь, а может всё человечество вымереть?» Только зевнёт, хохотнёт в ответ: «И чо?» или «Та ладно!» – и все страхи куда-то улетучиваются.

И Лиза вытерпела-таки заключение! И дождалась, пока вместо тётки в зеркале отрази-

лась похожая на маму, но молодая, всего лишь двадцатисемилетняя девушка в светлом платье – она уже и забыла себя такую! С удивлением разглядывала отросшие волосы, наконец-то распущенные и чуть подвитые; брови и ресницы, как будто потемневшие за два месяца. Представила, как мама сейчас осмотрела её и кивнула – молча, но с одобрительной улыбкой... Хотя, конечно, с мамой никто бы не сравнился: та всегда выглядела безупречно, и причёска, и одежда – даже халаты подогнаны по фигуре. В детстве был случай: отправились в театр – мама в новом серо-голубом пальто, Лиза в своих первых «лодочках». Вечер был весенний, после дождя пахло свежестью, зеленью, с деревьев срывались капли. Они уже почти дошли до остановки, когда мимо пронеслась машина, подняв грязный фонтан брызг. Мама остановилась, оглядела чёрный веер на серо-голубом фоне... И постановила: «Возвращаемся!» Лиза-семиклассница чуть не заревела: ведь они уже почти в театре, какие-то четыре остановки проехать – и вот оно, волшебное место, в котором творится иная, прекрасная жизнь! И она в новых туфлях, ничего страшного, что тоже слегка заляпанных, можно вытереть... но в ТАКОМ пальто, твёрдо сказала мама, идти нельзя.

Сегодня, избавившись от халата с розами, Лиза понимала её как никогда. Шла на прогулку, будто на свидание. Закончились все страхи и печали, и в этот день – тёплый, солнечный, весь в майском буйстве сирени – она должна была стать счастливой!

Поскольку она этого достойна. Как в рекламе. Не каждая реклама – чепуха и бред. Просто в каждой рекламе есть доля бреда, как в шутке доля правды.

Она достойна, потому что мама с папой сейчас точно похвалили бы её: и за то, что выдержала испытание локдауном, и что не поленилась выгладить шёлковое платье, и даже улыбнулась Гавриловне.

Лиза словно смотрела на себя – глазами родителей. Маска больше не скрывала её губ и ямочек на щеках. Ноги ничуть не отвыкли от каблучков, и тротуарные плитки звонко отзывались упругому шагу. Казалось, ничего не стоило ей оттолкнуться и взлететь! Тёплый ветер играл волосами, а мужчины и даже женщины задерживали на ней взгляды – удивлённые, восхищённые, ревнивые, но при этом всё-таки восхищённые! А впереди ждал парк с аттракционами, фонта-

ном и киоском с мороженым – что за чудесные, забытые слова!

Внезапно что-то с рёвом кинулось из-за угла – Лиза еле увернулась. Женщина в джинсах, с застывшим лицом, шагала наперерез ей, неся в левой руке сумку, а правой ведя детский велосипед. Хозяин велосипеда, лет четырёх от роду, висел у неё на той же правой руке и ревел всю глотку. Вопил, орал, дрыгал ногами – Лиза даже отшатнулась. Проводила их взглядом: мальчишка так и висел на руке, рыча, мамаша так и шагала. Это что же за воспитательный метод?! Вздумай она, Лиза, так орать... да ей одного взгляда мамы хватало, чтобы тут же уgomиниться!

Пришлось постоять пару минут, прийти в себя. Вспомнить, что нынче день освобождения от страхов и тоски. С чего ей вообще заморачиваться чужим воспитанием? Не наша печаль чужих детей качать, – это тоже, кстати, мама говорила.

Однако взлетать почему-то расхотелось. Шаги потяжелели.

Впереди замаячил рекламный щит. На нём размещалась весёлая компания: радостные, загорелые и белозубые мужчина с женщиной обнимали мальчика и девочку, таких же загорелых и белозубых – видимо, локдаун семья провела в солярии. Надпись внизу извещала: «Добрососедский квартал «Гармония» предлагает круглосуточное видеонаблюдение!»

Лиза не поняла: добрососедское – наблюдение? Эти счастливики наблюдают за добрыми соседями?

Приостановилась, ещё раз прочла, снова не поняла.

Будь здесь мама, она наверняка объяснила бы, что к чему. А папа пошутил бы... Но Лизе было не смешно. Очевидно, заточение конкретно притупило чувство юмора.

Парк уже показался вдалеке. Нежная юная зелень опушала ветви деревьев. Их кроны чуть покачивались, словно приветствуя Лизу. Она шла вдоль нового, облицованного голубым стеклом здания, в котором, похоже, воплотились последние веяния цивилизации: от фитнес-клуба до инвестиционной компании, включая таинственное «некафе» и загадочную «шоу-рум». У высокого крыльца, между клумбами, собрались курящие.

Да, целая толпа мужчин и женщин, взрослых и совсем юных, дымила слаженно, с вдохновен-

ными лицами, как играет хороший оркестр под управлением опытного дирижёра. И даже одеты все были в одной цветовой гамме: в чёрно-серо-белой. Может, Лиза пропустила момент, когда курение вошло в повальную моду? А то с чего бы среди бела дня из множества фирм одновременно выбежало столько современных, образованных, стильно одетых людей – исключительно с целью подпортить лёгкие?

Она украдкой покосилась на ближайшего парня: у того было лицо человека, получившего известие о выигрыше в лотерею, но вынужденного пока что скрывать его... Лиза отвернулась и ускорила шаг.

Всё вокруг смахивало на заговор. Как будто кто-то твёрдо решил испортить ей праздник. Мир упорно оборачивался неприглядной стороной. А может, других у него не осталось? Может, и весь свет подхватил какой-нибудь вирус?

Нет, нет, главное – добраться до парка. Пройти мимо скучных пятиэтажек, перейти на светофоре – и всё будет как надо. Там, в парке, ровные дорожки, липовые аллеи, скамейки с изогнутыми спинками – красота, свежесть, пение птиц... Оттуда и начнётся её новая жизнь, совсем другая, счастливая.

Напоследок ещё мелькнула в подворотне сомнительная компания подростков: два парня и девчонка с хохотом и визгом не то боролись, не то обнимались. Потом девчонка подпрыгнула и невнятно закричала:

– Дай! Дай! Папа! Папа!

Мальчишка басовито ржал. Другой, матерясь, размахивал руками, в руках мелькал красный блокнот, какой-то знакомый.

Но Лиза твёрдо запретила себе даже смотреть в ту сторону. Не наша печаль – чужих детей качать. У девчонки есть папа – вот пускай он и разбирается.

Ей же, Лизе, осталось только перейти дорогу (знакомый светофор подмигнул зелёным) – и вот они, кованые ворота нараспашку! И никаких тебе запретительных табличек и противных полосатых лент! И птицы щебечут во весь голос. И аромат молодой травы щекошет ноздри. А там, вдали, – не фонтан ли сверкает на солнце?!

Ноги вновь сами понесли её: мимо ярких голубых скамеек, мимо киосков с весёлыми рожицами и смайликами, мимо детишек с мороженым и нарядных людей – до чего же приятно видеть улыбки на лицах, слышать весёлые голоса! Что там за новые аттракционы – какие-то шары, ди-

ковинные лодки? И даже очередь в кассу выглядит весело и празднично. А что там разглядывают, сгрудились вокруг дерева? Птичью кормушку?

– Смотри, белка! Вон, вон, по стволу побежала!

– А вон ещё одна, на той стороне... вот! Видишь? Гоняются друг за другом.

– Не боятся людей. Отвыкли!

И словно напоказ две белки понесли круг ствола – круг, и ещё круг, и ещё! Живые, настоящие, рыжие с серенькими мордочками и пушистыми хвостами, они с шуршанием мчались по спирали сверху вниз, потом снизу вверх – вопреки всем законам тяготения!

Лиза впитывала в себя забытые краски, линии, звуки – наконец-то вживую, а не по телевизору. Вокруг неё настоящий парк, настоящие белки, живой смех. До чего светло, легко люди смеются в парке! Не то что те подростки в подворотне...

И вдруг догадка пронзила её. Она с разгона остановилась, будто налетела на забор.

Тот мальчишка размахивал вовсе не блокнотом – паспортом! Они забрали у девочки паспорт. На Лизином была такая же обложка, красная с металлическим уголком – она с запозданием узнала её. Так значит, кричала девчонка не «папа» – «паспорт»! Мальчишки забрали её паспорт! И она кричала, почему-то невнятно – больная? плохо говорит? Есть ведь такая болезнь, Лиза забыла название, при которой люди всё понимают, но плохо говорят. И двигаются плохо. А обидеть их совсем легко, потому что очень доверчивы. Ещё улыбаются всем вокруг...

Получается – мальчишки издеваются над больной девочкой? И все идут мимо?! Не наша, мол, печаль...

Тело Лизы само собой развернулось – она даже удивилось, как ловко это вышло. Раз – и вот уже мелькают в обратном порядке: люди возле дерева с белками, очередь у кассы, диковинные лодки и шары, скамейки, киоск с мороженым, ещё скамейки, распахнутые ворота...

Наконец, светофор. Как долго горит красный! И как стучит сердце. Сколько дней она не бегала? Сколько пробыла в парке – десять минут, полчаса, вечность? И сколько вечностей вообще длится наша жизнь?

Подворотня где-то сразу за перекрёстком. Но где именно? Вот пятиэтажка, вот ещё одна, ещё... Распахнутый гараж... Могла она, Лиза,

принять гараж на подворотню? Нет, гараж как гараж, в глубине человек перекладывает шины. Или подворотня была во втором ряду домов? Или в том, который стоит наискосок? Дурацкая, беспорядочная застройка! Она прислушалась: ни хохота, ни криков не слышно. Оглянулась: не вдалеке автобусная остановка. Эти мальчишки уехали на автобусе? На маршрутке? И девочка с ними?

И главное, главное: почему она-то, Лиза, сразу не вмешалась? Ведь мама воспитала её... ну пускай не спортсменкой-комсомолкой и просто красавицей, но, по крайней мере, порядочным человеком!

Или это ей только казалось? Или, может, вы мне скажете, что мама была в чём-нибудь неправа?!

Лиза вдруг разом устала. Мысли путались. А вдруг с началом карантина... и даже раньше, раньше... после ухода родителей? Да, да! Вот тогда-то мир и утратил знакомые незыблемые очертания, и сбился с курса... И никому теперь не под силу в нём разобраться, рассудить всех мамаш с детскими велосипедами, и шпионящих соседей, и страстно привязанных к сигарете людей. Хаос, вокруг воцарился хаос! И каждый выбирается из него как может. Решает для себя: курить, не курить? Красить двери, следить за соседями, фотографировать белок и безучастно проходить мимо хулиганов-подростков?

Лиза огляделась. Вокруг расстилались чёткие квадраты тротуарной плитки, зеленели ровно подстриженные газоны, у детской площадки симметрично расположились четыре скамейки. Но то был обман, иллюзия, на самом деле никакой правильности, никакой симметрии в природе не существовало, всё происходило стихийно, кое-как, тяп-ляп: неизвестный вирус, паника, строгий карантин – и, наверное, это и была истинная, неподдельная жизнь, которую она до сих пор умудрялась не замечать.

А теперь, значит, в этой жизни предстояло как-то существовать. Принимать какие-то решения, совершать выбор, прокладывать собственный курс.

И нет, никто больше не подскажет, как правильно. Всё своими силами: криво, косо и наоборот, уж как получится.

...Так что там советует гештальт-терапия?

Надо что-то вспомнить! Незавершённое, недоделанное, несбывшееся...

И исправить.

Но что именно? И с какого места? Когда всё пошло не так? Когда после смерти мамы неделю жила у Машки, не в силах вернуться домой? Или когда узнала, что он – Он! – женат? Или ещё раньше, на втором курсе, когда чуть не завалила сессию?

Вдруг она резко свернула в сторону моста. Там шёл ремонт, пахло гарью, трещали какие-то дробильные устройства. И чем ближе она подходила, тем больше рокот нарастал, заглушая прочие звуки, проникая вовнутрь, сотрясая всё её существо.

Зато здесь нашлось нужное: лужа, уже почти высохшая, но ещё сохранившая в середине немного тёмной воды. Лиза подошла к краю, набрала побольше воздуха в грудь, быстро оглянулась по сторонам...

(двое рабочих у ближней опоры моста разматывали кабель с гигантской бобины; подростки с рюкзаками что-то оживлённо обсуждали на ходу; ещё какие-то люди спешили мимо по своим делам)

...и топнула в самую грязную середину. Брызги будто только того и ждали, бойко взлетели в разные стороны и осели чёрными пятнами на подол платья, сумочку и туфли.

(...но никто даже не обернулся! Все были поглощены собственными заботами, и никто не удивился неловкой девушке, угодившей прямоком в лужу)

Лиза вытащила из сумки пакетик салфеток и протёрла сумочку, туфли, а подол лишь слегка встряхнула. Оттирать его было бессмысленно, да и некогда.

Она торопилась на спектакль, который пропустила в детстве. Правда, было точно не известно, какие театры после карантина уже заработали и остались ли билеты. Но она ещё раз осмотрела подол в пятнах и неопровержимо убедилась: несмотря ни на что, новая, неведомая, её собственная жизнь наконец-то начинается!

К РАДОСТИ

– Вам сейчас радоваться надо, – повторила врач. И посмотрела на Варвару как на слабоумную. – У вас была огромная опухоль! А сейчас остался вот такой кусочек, – и показала пальцами, какой.

Врач нравилась Варваре – красивая пожилая армянка с благородно мерцающими глазами. И говорила хорошо: чётко, спокойно, по-

деловому. И если сказала, что надо радоваться, – значит, действительно надо.

И Варвара охотно порадовалась бы. Но, к несчастью, забыла, как это делается. В последние месяцы эта способность незаметно ускользнула от неё.

Зато память обогатилась всевозможными оттенками страха – от лёгкого беспокойства до неуправляемой трясучки. Особенно изводила тревога в мрачной коридорной очереди. Но случались и паника при вызове на капельницу, и мгновенный холодающий ужас при каком-нибудь слове врача или даже пациента.

Меньше всех пугали тихая процедурная сестра Людочка и вот эта Маринэ Ашотовна.

Отдельно угнездилась боязнь новой напасти – коронавируса. Как будто палитра опасений была неполной без масок, перчаток и неиссякаемых разговоров: кто стал очередной жертвой, кто еле выжил, а кто – счастливчик! – перенёс, даже не заметив.

Единственный плюс – из страха перед новой заразой муж велел ей ездить в такси. Но тут же нашлись и минусы: во-первых, грызла совесть, что дорого, а во-вторых, в пробках стоять тоже не сахар.

Между тем в природе существовали люди необъяснимого бесстрашия, и Варвара видела их собственными глазами. Такие могли на третьем часу капельницы ловко вытащить свободной рукой из сумки судочек со снедью, приговаривая: «Война войной, а обед по расписанию!» Или в очереди на химиотерапию рассказывать, где купила вот эти серёжки: «Конечно, серебряные, разве не видно? А камень – горный хрусталь!» Или же какой-нибудь таксист, поистине человек иного измерения, по дороге в онкодиспансер включал лёгкую музыку, и по его плечам и выражению глаз в зеркале было видно, что там у них, в параллельной вселенной, всюду мир и гармония. Варвара один раз не выдержала, спросила: «Извините, вы всегда такой спокойный?» «Ну да, – удивился таксист. – А чего дёргаться?» Теоретически она была с ним согласна: действительно, чего? Коварный вирус пока что обходил её стороной. И рентгенолог сказал ей удивлённо: «У вас отличная динамика! Опухоль может полностью рассосаться. Это редко бывает!» Тогда она даже сумела чуть-чуть порадоваться, даже помечтать о будущем. Правда, недолго. Страх постепенно одолел.

Так что невозмутимый таксист остался в одном измерении, а она – в другом.

Зато сегодня, уже на обратном пути, водитель попался совсем другой, из породы «себе на уме». Из тех, что хотя и молчат, но даже со спины заметно, как тяжело им терпеть окружающий бедлам. Маску, правда, надел сам, без напоминания.

Но пока ползли в пробке, мрачные мысли опять подступили вплотную, стискивая и мешая дышать, и Варвара вступила в какой-никакой разговор. Однако тут же и пожалела: выяснилось, что страну развалили, молодёжь развратили, дети срослись с гаджетами, а под городом идёт одна-единственная фекальная труба, и та с довоенных времён! И только представьте, если её где-нибудь прорвёт и она начнёт подтекать? Нет, вы представьте, представьте!

Варваре и без трубы было тошно. А по тону водителя уже казалось, что это лично она всё устроила и теперь должна отвечать.

Спорить, понятное дело, не стоило и пытаться. Она молча вздыхала и временами кивала – ожидала, пока человек выговорится.

Но он, видимо, был из тех, кто если уж начал, то скоро не закончит. Она перестала кивать, уткнулась в телефон (как на грех, забыла наушники), удалила сотни две ненужных картинок...

Темы не иссякали.

Когда дошло до тараканов в горбольнице, она попросила высадить её, не доезжая до дома, возле «Магнита».

– Могу даже вот здесь, на перекрёстке. Вы до «Магнита» быстрее дойдёте, чем мы в этой пробке дотащимся, – напутствовал таксист.

Надо ли говорить, что из машины она выпорхнула, как птица из клетки? Пусть даже со стороны казалось, что из дверцы в грязную клумбу вывалился сноп в пуховике.

Декабрь выдался лукавый: с утра подмораживал официальной холодностью, а к обеду, словно устыдившись, спешил обласкать теплом. Сейчас солнце палило вовсю. Варваре сразу стало жарко, пришлось расстегнуть ворот пуховика. В воздухе носились неестественные для зимы запахи: влажной свежести, разогретой земли. Навстречу попадались люди с непокрытыми головами. Даже в душе как будто потеплело. Правда, пока Варвара искала в «Магните» кисло-сладкие яблочки, снова похолодало – яблок не оказалось. Вот именно её любимых,

единственных пробуждающих у неё что-то похожее на аппетит – поскольку в последнее время она не ела, а равнодушно питала организм, – не было! А знакомая кассирша как будто не узнала её, даже не кивнула. Хотя, может, и вправду не узнала – очередь была приличная, и почти каждому приходилось напоминать: «Наденьте маску, – да ещё прибавлять: – Пожалуйста!» Вторая же кассирша, полная блондинка с желтоватыми кудрями, протирала свою кассу, выставив табличку «Технический перерыв». Варвара решила, что покупать ничего не будет, и побрела домой, страдая от жары и боясь простыть под ветром.

Дома наконец-то можно было вздохнуть с облегчением, бросить сумку, размотать шарф и с наслаждением швырнуть маску в ведро. Оставалось умыться, помыть руки с мылом, протереть спиртовыми салфетками всё, от телефона до застёжек пуховика, и тогда наконец-то расслабиться. Почувствовать себя посвободнее, понормальнее, а может, даже повеселее... и поставить чайник, и включить телевизор... а кстати, где телефон?

Странно: его не было в привычном месте, в правом кармане. И в левом тоже не было.

Варвара пошарила в сумке – безуспешно – и принялась выкладывать на обувницу кошелёк, пачку бумажных платочков, воду в маленькой бутылочке, ручку, флакон с таблетками... Телефона не было. Некоторое время она стояла перед обувницей, не в состоянии усвоить произошедшее. Мысль «потеряла телефон» была так ужасна, что она тут же заслонила её другой: «Придётся покупать новый!» И хотя вторая была в некотором роде ещё ужаснее первой, при словах «покупать» и «новый» в душе шевельнулось что-то забыто-приятное. Но тут же одолели страшилки: без связи... а вдруг ей станет плохо... и ни одного номера не вспомнить, ни мужа, ни сына, ни единого человека! И Варвара трясущимися руками заперла дверь квартиры и вскоре уже колотила в соседскую с воплем: «Наташа! Наташа!!!»

Перепуганная Наташа на вопль осторожно приоткрыла и начала было показывать, где звонок, но, взглядевшись в Варварино лицо, смолкла и побежала за своим сотовым. По счастью, собственный номер Варваре удалось вспомнить, хоть и со второй попытки. Наташа тут же набрала его, отмахиваясь от Варвариних заверений всё оплатить.

Номер не отвечал. Варваре ясно представилось: вот её верный мобильный спутник, он же секретарь, справочник и энциклопедия, надрывается сейчас на заднем сиденье такси, а водитель недовольно косится на него и, конечно, не берёт – из упрямства и злости на весь белый свет.

– Ты где шла? Может, он на дороге лежит? Туда бы вернуться, поискать, – втолковывала Наташа.

До чего все умные – давать советы! Когда-то Варвара и сама была по этой части специалистом.

– В «Такси-такси» надо звонить. Я ехала – память чистила, лишнее выкидывала. Значит, он ещё был тогда? А на перекрёстке вышла. Ещё водитель такой противный... Небось себе оставил!

– Ну подожди, тогда позвоню в «Такси». Ты не уходи, вдруг найдут!

– Только намордник надену, – хмуро пообещала Варвара.

На самом деле ей захотелось отойти прочь. Вдруг её стали раздражать здоровые, благополучные, не потерявшие телефон люди.

Наташа согласно махнула рукой, прижав трубку к уху. Варвара отправилась к себе, специально не торопясь, и медлила возвращаться, смутно надеясь...

Но напрасно: лицо у Наташи оставалось по-прежнему мрачно озабоченным.

– Говорят, позвонили водителю, но...

– Ясно, – оборвала Варвара, – ладно!

И, делать нечего, побрела к перекрёстку.

Там, естественно, никакого телефона не обнаружилось. Она посмотрела под голыми зимними кустами, приподняв ветки, – пусто. Было уже понятно, что судьба продолжает испытывать её, непонятно зачем. Всё равно с потерей она уже смирилась. Ну, сходит ещё в «Магнит», из последних сил и в последней надежде...

Главное, как сказать мужу? Придёт после работы, усталый. Сделает, конечно, бодрое лицо, типа ничуть не расстроен, ещё объявит, что давно пора было сменить, а сам будет искать шабашки на выходных. Он и во время «химии», когда волосы выпали, восхищался формой её черепа. Век бы ей не видеть этой формы... Хорошо хоть, сейчас зима, люди в шапках.

Теперь ещё целая канитель с номерами, со всеми контактами... А «Сбербанк»? И понадобилась же ей эта онлайн-система! Муж-то и уго-

ворил: деньги, мол, можешь снять в любой момент... А ведь сколько раз слышала – очень ловко, бывает, умельцы оплачивают покупки с чужих телефонов!

Надо спешить. Если не найдётся, надо срочно отключить, обезопасить его от мошенников! Наверняка как-то это делают, при современных технологиях?!

Шаги сами собой ускорялись. Тяжело дыша, она почти вбежала на магазинное крыльцо, в раздвинувшиеся двери. И куда теперь? В молочный отдел? В хлебный? На всякий случай огляделась: серый плиточный пол был безнадежно чист и гладок. Прошла мимо девушка с детской коляской – кажется, в прошлый раз Варвара видела, как они заезжали... Она подавила глупое желание спросить: «Извините, случайно не видели здесь сотовый?» Нет, уж не настолько она не в себе, чтобы приставать к каждому! Да и вообще, это молодое поколение – оно ведь как с другой планеты. Мышление у них, пишут, какое-то клиповое, сознание инфантильное, волосы на висках выстрижены, уши вечно в наушниках, и разговаривать с ними непонятно о чём и на каком языке.

Оглядевшись, она двинулась к кассам. Положено ведь обращаться к сотрудникам, если что-то потеряли? Знакомая кассирша по-прежнему обслуживала очередь, так что пришлось обращаться к желтоволосой, которая до сих пор возилась со своим аппаратом.

Естественно, та первым делом уставилась на Варвару таким взглядом, будто отродясь не слышала слова «телефон».

Правда, вторым делом осведомилась:

– Оператор какой у вас?

И вытащила из кармана свой.

– Диктуйте номер.

Варвара терпеливо продиктовала и тут же спросила:

– А скажите, могут у меня деньги снять через «Сбербанк-онлайн»?

Желтоволосая опять одарила её своим фирменным взглядом. Потом снизошла до объяснения:

– Сейчас звонить надо на ваш, если гудки идут! Не разрядился, значит, ещё.

После чего продолжала нажимать кнопки и прижимать к уху свой сотовый, в красном футлярчике «книжкой», и чего-то ждать, уставившись в пространство. А Варвара стояла рядом и ждала, пока ей надоеет звонить. Хотя надо было

куда-то бежать и кого-то просить как-то отключить! Но куда, кого и как? Она понятия не имела. Так что оставалось только покорно стоять рядом с противной желтоволосой. А потом ещё просить разрешения позвонить мужу – если, конечно, удастся вспомнить номер! И при ней же объясняться... и ему дальше работать, с этими мыслями... а тем временем какие-нибудь мошенники потратят... сколько там оставалось?

Катастрофа!

– Да! Алло! Наш!!! – вдруг закричала кассирша. – Конечно! В магазине, в «Магните» напротив Дома Быта, знаете? Да! Ждём, ждём!

И повернулась к Варваре. Варвара изумилась: как люди могут меняться! У неё сияли глаза, и вовсе не желтоватые, а золотистые волосы обрамляли светлое, приветливое лицо. Показалось даже, что она немного вскинула руки, как будто хотела обнять Варвару. Она вдруг стала красавицей – не хуже победительниц какого-нибудь «Мисс области»! Варвара слегка оробела.

– Вот! – торжествующе провозгласила красавица. – Я же говорила!

– Вы, да, – проблеяла Варвара, – правильно сказали...

Эта женщина стояла перед ней такая реальная, настоящая, уверенная в себе, так победительно улыбалась! А на сетчатой подставке рядом с ней выстроились рядами шоколадки в разноцветных обложках с рисунками шоколадных ломтиков – от молочно-белых до тёмно-коричневых, и нарисованные ломтики тоже выглядели необыкновенно реальными. Одна шоколадка, судя по обложке, была даже трёхцветная: по розовой обложке шла коричневая с бежевым дорожка с розовыми шариками, и смотреть на эту дорожку было одно удовольствие, и вдруг Варвара почувствовала слюну во рту... Ей захотелось шоколадки?!

– А вон она! Идите! – красотка показала на стеклянную дверь.

Внизу, перед ступеньками, стояла коляска с малышом, а рядом махала рукой молоденькая мама в светлом пальто. Варвара не поняла, как очутилась рядом с ней. Просто вдруг очень близко оказалось улыбающееся розовощёкое лицо, собранные в хвост тёмные волосы и наушник в одном ухе. А в руках мамочка держала её милый, привычный, с чуть-чуть отбитым в уголке стеклом...

– Ваш? – спросила она. – А я мимо проезжала, слышу – играет! Значит, кто-то потерял.

Некоторое время прошло в бессвязных вопросах и восклицаниях. Ещё какое-то – в попытках объяснить мамочке, что должна же Варвара как-то её отблагодарить, и в её отталкивании Варвариной руки с деньгами. Когда розовощёкое лицо стало отчётливо сердитым, Варвара в десятый раз пробормотала: «Спасибо, спасибо огромное!» и опять взобралась по ступенькам и скрылась за стеклянной дверью.

Она успела вернуться, пока коляска ещё не скрылась за углом. Мамочка оглянулась настороженно. Но при виде розовой шоколадки опять улыбнулась и сказала «Спасибо!» И малыш – Варвара только сейчас заметила – тоже улыбался и как будто понимающе посматривал из своего белоснежного укрытия.

Но нужно было успеть и к кассирше. Ведь та могла уйти в подсобку, или вообще уйти с работы – мало ли какие дела случаются у таких красавиц!

К счастью, её ещё не похитил ни миллионер на «мерседесе», ни знаменитый режиссёр. Она теперь работала с покупателями, приговаривая:

– Обратите внимание на товар по акции! И масочку наденьте...

83

Сама она была в маске, из-за которой очарование её было почти незаметно. Но когда Варвара позвала со стороны двери: «Можно вас на минутку?» – опять осветилась улыбкой и приветельски махнула рукой: подходи, мол! И, взяв свою розовую шоколадку, посмотрела на неё, как маленькая девочка. Так же, как сама Варвара, когда заметила её на полке. А Варвара сама себе показалась Дедом Морозом, который раздаёт детям подарки.

Обратный путь был лёгок. Дед Мороз по имени Варвара опустошил свой мешок и шагал налегке, поглядывая по сторонам и удивляясь. Разве это была всё та же знакомая дорога? Разве видел он когда-нибудь такие рельефные очертания домов и обнажённых ветвей деревьев? Разве плыли когда-нибудь в вышине такие нежные, такие чистые облака?

Временами дерзко и звонко перекликались саницы. Навстречу спешил знакомый мальчик и так же звонко кричал:

– Тётя Варя! Я про ваш телефон в интернете объявление поместил, в «Одноклассниках»!

А вслед за ним шла его мать и говорила:

– Ты не расстраивайся, Варь! Моей куме один раз даже кошелек вернули, по объявлению!

– Да всё уже в порядке, Наташ, – Варвара показала им телефон. – Нашлись добрые люди.

И, вынув из кармана последнюю розовую шоколадку, сглотнула слюну и вручила её мальчишке. И вместе пошли домой.

Навстречу попадались прохожие. Они шли как будто в другую сторону, но теперь Варвара ясно видела: все люди были одним потоком, в котором частицы сталкиваются, и ударяются, и разлетаются, и сближаются вновь, увлекая друг друга всё дальше и дальше – в сторону бесконечности.

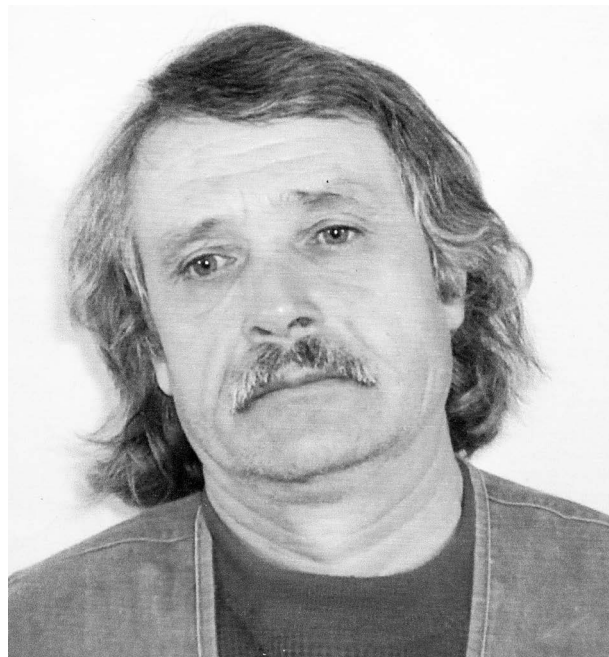
А может быть, просто в сторону радости.

– От же дундук, – проворчала Наташа в сто-

рону сына. – А спасибо кто скажет? Давай зови тётю Варю чай с пирогом пить. Ты с капустой любишь, Варь?

...И как увлекательно было плыть в этом потоке, глядя на знакомые и незнакомые лица; разговаривать, понимать, входить в положение и находить выход из положения; дарить подарки и угощать шоколадками, а иногда и колотить в соседнюю дверь, и жаловаться, и ждать утешения, и пить чай с капустным пирогом, и улыбаться, и вдруг ощутить слёзы на глазах – от облегчения.

Вернее, от внезапной беспричинной радости.

**Дорогой
Александр Николаевич,
сердечно поздравляем
тебя, нашего
многолетнего автора,**

с 70-летием!

**Желаем крепкого
сибирского здоровья
и творческих успехов
и в литературе,
и в живописи!**

**Екатерина
ЯКОВЛЕВА**

**С ЛЮБОЙ ПЕСЧИНКОЙ
В УНИСОН**

*Мир кажется бессмысленной работой,
А не работой радостной творца:
Вот с ёлочных игрушек позолота,
Летит как с крыльев бабочек пыльца.
Как мне с зимою этой примириться?
Я вижу, только сон коснётся век,
Как ворон над заснеженной страницей
Кружит и на лету глотает снег.
И клюв его распахнутый так жаден,
Он, как воронка, тянет белый свет.
Ты просишь: «Возвращайся, Бога ради...»,
А сам ведь говорил, что Бога – нет.*

*День вечным кажется с утра,
Но всё ж идёт к концу.
Не может быть, что мне пора! –
Перечит сын отцу.
Малыш, и ночь не навсегда,
И слёзы не всерьёз,
Вот неба чёрная гряда
Ростки пускает звёзд.
Смотри, вот-вот погаснет свет
Во всех твоих мирах,*

*Сгорит восторг твоих побед
У страха на кострах.
И время плещется за край...
Отец, останови!
Но непреклонен: собирай
Игрушки, не реви.*

*А мне об осени запомнится
И зимней ночью будет сниться,
Как в листопад вплелась лимонница,
Не понимая, что творится.
Казалось, в кружеве кружения –
Разгадка древнего секрета,
А было лишь надежд крушение:
Погожий день – осколок лета.
В полёт ненужный увлекайте
Над полисадником и лавкой.
Зачем вы, мёртвые, летаете,
А не приколоты булавкой?
Под ивой голой и заплаканной
Себя к прохладе пришивая,
Болталась лишнею заплатою,
Так непростительно живая.
Как против смерти преступление,
В вельветовом цилиндре тельца*

85

ЯКОВЛЕВА Екатерина Викторовна родилась в 1986 году в г. Заполярный Мурманской области. Окончила Мурманский гуманитарный институт (2009). Работает в городской больнице скорой помощи г. Мурманска психологом. Публиковалась в журналах: «Наш современник», «Север», «Наша молодежь», «Лад», «Мир Севера», газетах: «Литературная Россия», «Литературная газета», «Мурманский вестник», «Вечерний Мурманск», альманахе «Площадь Первоучителей», в китайском журнале «Иностранная литература и искусство». Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живет в Мурманске.

Качало маятник биения
Огромное – с пылинку – сердце.

Кислит «прощай», как спелая морошка.
Покой лежит меж рёбер в гамаке –
Так отдыхает лунная дорожка
На чёрной опечаленной реке.
Как будто ты на полотне Куинджи –
И всё вокруг подбито ватой сна.
Роль созерцателя кем, как не им же,
Тебе на эту ночь отведена?
Давно обида, словно солнце, села.
И хорошо, что ненавязчив блеск,
Что волосы перетекают в сено,
И сердца стук перетекает в плеск.
И жизнь легка, и мучиться не надо,
Её причудами и блажью дорожа.
Как будто ты, не вырастивший сада,
Уже собрал надёжный урожай.

Всерьёз, на невидимых нам
лоскутках,
Смыкаются крохотных пальцев
замочки.
И спряталось солнце в тугих
завитках
Ушных амарантовых раковин
дочки.
И только попробован жизни
пирог,
Присыпанный радости розовой
стружкой,
На бархатном плечике тает перо.
Конечно же, ангел... какая
подушка?
Ни взрослые, ни трикотажный
комбез,
Ещё не мешают, с проворностью
ленной,

Срывать этикетку лазурных
небес
С игрушечной, даренной Богом,
Вселенной.

Ветер гладит, как твоя рука, –
Только нежность до
изнеможения.

Облака плывут наверняка –
В сторону обратную
скольжению.

На ресницы брызжет синий цвет –
Настежь колокольчика калитка,
Самой расторопной из карет
Мчитса босоногая улитка.
Чувствам всё никак не
обмелеть,

Под пыхтенье пихт, сопенье
сосен.

В час, когда ни жить, ни умереть
Почему так этот мир несносен?
Мой покой капризом унесен
Не слепого, но глухого случая:
То с любой песчинкой в унисон,
То с горой ни одного созвучия.

Сад. Из него не уйти –
Сумерки в нём или пламя.
Как головой ни крути,
Явь – это фото на память.
Лишь чёрно-белый канон –
Тени и света плетёнка.
Жизнь, сколько ни экономь,
Слишком короткая плёнка.
В кадре: на четверть ведра
С дерева радости дичка.
Миг. Из груди навсегда
Вылетит птичка.

Евгений ЧИРИКОВ

ПУТЬ К ЗВЁЗДАМ И ОБРАТНО

Очерк

Нам посчастливилось: мы с моим соратником по литературному проекту «Замечательные люди Кузбасса» Ильгизаром Ягфаровым дважды побывали в Звёздном городке, многое увидели, и в том числе провели несколько встреч с Борисом Валентиновичем Воыновым и его женой Тamarой Фёдоровной, кстати, доктором технических наук.

Последний здравствующий из космонавтов первого отряда подходил к своему 90-летию юбилею. Воынов не выглядит древним старцем, до сих пор поджарый и спортивный, в деловом костюме с двумя звёздами Героя Советского Союза на груди, но никто не удивится тому, что в этом возрасте человек переполнен многообразным богатством жизненного опыта. Тем более если побываешь в космосе, то возвращаешься оттуда уже философом, по признанию самого Бориса Валентиновича.

В отряд космонавтов Борис пришёл молодым лётчиком-истребителем, светлым, возвышенным советским юношей, в чём-то даже патетическим, готовым к подвигам, мощным физически и развитым интеллектуально, с жадной полёта как в прямом, так и переносном смысле.

Но восемь томительных лет его держали в дублёрах.

Причина таилась в семитском происхождении мамы Бориса. Для ярого антисемита Ивана Дмитриевича Сербина, прозванного в узких кругах «Иваном Грозным», который заведовал оборонным отделом ЦК КПСС, это был резонный повод, чтобы сломать судьбу человека. Конечно, он не знал лично маму Воынова, главного врача больницы прокопьевской шахты «Коксовая». А ведь Евгения Израилевна спасла жизнь не одного шахтёра, оперируя прямо под землёй, если угроза завала не позволяла освободить конечности из тисков угля...

Восемь раз Воынов готовился к космическим полётам, но не летал. Когда в 1963 году планировался запуск нового космического корабля «Восход-1», в верхах развернулась ожесточённая борьба за состав экипажа, каждое из заинтересованных

лиц и ведомств настаивало на своём кандидате. В горячих дебатах то принимали решения, то перерешивали. В некоторых вариантах командиром корабля проходил и Воынов, однако в конечном счёте утвердили Владимира Комарова, а Бориса – его дублёром. Готовились Борис и Владимир вместе. Их личные судьбы вообще как-то переплелись, они дружили и семьями.

Поскольку приземление «Восходов», в отличие от модели «Востоков», предусматривало посадку самого спускаемого аппарата, а не катапультирование экипажа, космонавтов тренировали максимально жёстко.

Экипаж «Восхода-1» (В. Комаров, К. Феоктистов, Б. Егоров) слетал без особых приключений (октябрь 1964 года), и портреты героев космоса украсили страницы газет, а мучительное ожидание Воынова продолжалось.

В следующем году мир всколыхнул полёт «Восхода-2» с П. Беляевым и А. Леоновым, впервые в истории человечества вышедшим в открытый космос.

В январе 1966 года неожиданно умер Главный конструктор С. П. Королёв. Ни одного пилотируемого космического полёта в том году СССР не осуществил. Правда, в феврале после серии неудачных пусков на Луну наконец-то удачно прилунилась и вернулась на Землю «Луна-9», что пробудило лунную программу СССР, до этого пребывавшую в спящем режиме.

А в 1967 году, когда праздновалось 50-летие Великого Октября, советское руководство решило ударить по космосу самыми громкими успехами, опередив США в высадке на Луну человека. Ставка делалась на космические корабли новой модели – «Союз», которые могли питаться энергией солнечных батарей, ориентироваться по навигационным приборам, маневрировать в пространстве и стыковаться с другими кораблями, хотя этот-то элемент следовало ещё испытать и довести до совершенства.

Испытателем «Союза-1» назначили В. Комарова, а его дублёром, как ни странно, учитывая заведомую конструктивную недоведённость корабля, Ю. Гагарина, и если бы Гагарин полетел, то погиб бы не так загадочно, как это случилось через год...

У «Союза-1» отказала солнечная батарея, и В. Комарову дали команду на спуск с орбиты. Но парашют спускаемого аппарата закрутился в жгут, и пилот не мог ничего сделать...

Незадолго до похорон космонавтам показали останки. С ужасом смотрели друзья Владимира на чёрный, обгоревший комок плоти. Борис с удивлением отметил про себя, что голова Комарова, уменьшившись в размере, сохранила узнаваемые черты лица.

Проблема стыковки пилотируемых космических кораблей оставалась нерешённой. И хотя для выполнения этой задачи кандидатура Воынова по результатам экзаменовки подходила как нельзя более, его вновь подвинули и дали карт-бланш 47-летнему Герою Советского Союза Г. Береговому, получившему звание во время Отечественной войны, где он отличился в боевых вылетах на штурмовике Ил-2.

Статный красавец Георгий Береговой появился в отряде космонавтов в 1963 году и не обрадовал ту молодёжь, которая мечтала о собственных полётах (в том же году появился и В. Шаталов). Поначалу и сам Николай Петрович Каманин, куратор Центра подготовки космонавтов по линии главкома ВВС, был против зачисления в отряд Берегового, хотя в войну тот служил в авиакорпусе, которым командовал Каманин. Но, видимо, кому-то наверху было виднее...

В октябре 1968 года «Союз-2» с Береговым на борту должен был состыковаться с беспилотным «Союзом-3». Дублёр Г. Берегового Б. Воынов пришёл к генерал-полковнику авиации Н. Каманину с мнением, что Георгий Тимофеевич не сможет справиться со сложным заданием (он сдал экзамен на тройку). Николай Петрович заверил его в обратном: Ну как же! Справится! Всё-таки он лётчик-испытатель с огромным опытом!

Но прав оказался Воынов. Береговой тяжело переживал неудачу. Как к ней отнесутся «наверху»? Однако полёт Г. Берегового представили как очередной успех советской космонавтики. ТАСС сообщил: «В полёте осуществлялось многократное маневрирование на орбите и двукратное сближение». Был соблюден весь ритуал торжественной встречи на аэродроме с членами правительства, с родными и близкими, с москвичами. Вторая золотая звезда нашла своего героя. Первому среди космонавтов, Г. Береговому присвоили звание генерал-майора авиации.

Однако неофициально на деятелей космической кооперации из ЦК партии покатила штормовая волна гнева, беря их души телефонными звонками на высоких тонах:

- Есть там у вас кто-нибудь ещё?! Готовьте экипаж!

И тут наступил черёд Воынова, которого уже очень настойчиво продвигал Каманин.

14 января 1969 года стартовал космический корабль «Союз-4» с Владимиром Шаталовым на борту. «Союз-5» с командиром корабля Б. Воыновым должен был взлететь позже, состыковаться с «Союзом-4», после чего два члена экипажа «Союза-5» перебирались через открытый космос к Шаталову, и вскоре все трое приземлялись.

Борис Воынов, Евгений Хрунов и Алексей Елисеев поднялись на верхнюю площадку для входа

в люк космического корабля. Все трое подняли руки, приветствуя тех, кто оставался на Земле. Когда открыли люк, космонавты разулись и остались в полётных тапочках, терпя порывы ветра и тридцатиградусный мороз. Неожиданно и мгновенно инженер, отвечавший за то, чтобы закрыть люк за космонавтами, сбросил с себя шубу и постелил её на площадку, оставшись сам в лёгком костюме. Чувство благодарности к этому человеку согрело Бориса.

Так как члены экипажа могли занять свои места в корабле только поочередно и только через центральное место командира, он, пропустив первыми Хрунова и Елисеева, чуть задержался на площадке.

Жена Воынова Тамара смотрела репортаж по домашнему телевизору.

– Садись же ты скорее, пока никто другой не занял твое место! – не удержалась она от восклицания.

За 25 минут до старта обнаружилась неисправность одного из электроприборов. Инженер-капитан Виктор Васильевич Алёшин скинул с себя верхнюю одежду, на пронизывающем ветру голыми руками снял неисправный и смонтировал новый прибор. Он успел привернуть только три болта, а с четвёртым уже не смог справиться обмороженными руками. Какие люди!

«Союз-5» стартовал точно в назначенное время.

В квартире Воыновых, когда Тамара смотрела репортаж, толпились добрые соседки, и её фраза «Садись же ты скорее!..» по «женскому радио» быстро долетела до космодрома и была передана экипажу уже в полёте. Восприняли её весело, ведь все знали о нескончаемом дублёрстве Бориса.

Когда Евгении Израилевне сообщили, что её сын в космосе, вся его жизнь, от рождения до взлёта, пронеслась перед её глазами. Она заплакала, не скрывая чувств: «Любовь моя! Боль моя! Гордость моя!»

С интервалом в одни сутки на одной орбите летели с первой космической скоростью два корабля. Стыковку решили проводить над территорией СССР, в зоне радиосвязи, в светлое время суток.

16 января началось автоматическое сближение. На расстоянии тридцати метров между собой, искусно маневрируя и сохраняя дистанцию, оба «Союза» прошли от Африки до Крыма. Затем Шаталов выдал импульс на контакт: два метра... один... полметра. Экипажи хорошо видели корабли друг друга как бы застывшими в пространстве, с распластанными крыльями солнечных батарей. Шаталов и Воынов чётко выполнили причаливание. Ещё секунда, и штанга активного корабля мягко вошла в приёмный конус «Союза-5». Началось механическое стягивание и жёсткое соединение кораблей в единую систему. Есть долгожданная стыковка!

Космонавты радовались, поздравляли друг друга. ЦУП ликовал. Триумфальными заголовками заpestрела пресса. Состыкованные корабли нарекли «первой экспериментальной космической станцией».

Хрунов и Елисеев вместе с Волиновым открыли люк и вошли в орбитальный отсек для надевания скафандров. В скафандр Евгения Хрунова была уложена почта для Владимира Шаталова – свежие газеты и письма от семьи.

Хрунов первый вышел в пространство. Длинный фал доставал до люка бытового отсека «Союза-4». Не обошлось без проблем – фал запутался. С этим Хрунов вместе с Елисеевым разобрались быстро. Но на расстоянии, уже недоступном для Елисеева, перестал работать вентилятор скафандра Хрунова, как потом оказалось, из-за случайного выключения тумблера. Он справился один, но потерял немного времени. Увы, Елисееву не удалось сохранить уникальную киноплёнку, на которую был отснят весь переход Хрунова из одного корабля в другой. Передвигались космонавты с помощью рук, держась за поручни на корпусе корабля. Около часа Хрунов и Елисеев одновременно работали в открытом космическом пространстве. Шаталов ждал их в корабле.

Посадка «Союза-4» состоялась 17 января в районе Караганды. В. Шаталов, Е. Хрунов и А. Елисеев вернулись на Землю. А Волинову предстояли сутки работы.

18 января «Союз-5» пошёл на посадку. Выяснилось, что баллистики ошибочно дали вместо расчётного времени света и тени на Земле время света и тени на орбите. На втором посадочном витке вместе с извинениями баллистиков Волинов получил все данные для посадки.

Корабль вышел на траекторию, направленную к Земле. Тормозная двигательная установка выдала необходимый импульс. Борис ждал момента, когда произойдёт автоматическое разделение корабля на три части: с одной стороны должен был отойти орбитальный отсек, с другой – приборно-агрегатный. Пиропатроны сработали вовремя. «Союз» слегка тряхнуло.

Орбитальный отсек ушёл. Плотнo притянутый в ложементе привязными ремнями, пилот посмотрел в левый иллюминатор и вдруг заметил штырёк антенны. «Этого не должно быть!» – с неприятным изумлением подумал он, ослабил привязные ремни и подтянулся к иллюминатору. Он не поверил своим глазам, крепко зажмурил их и открыл снова.

В груди разлился холод: он увидел не только антенны, но и солнечные батареи. То есть отделения приборно-агрегатного отсека – с двигателями, топливными баками, солнечными батареями – не произошло!

Стараясь произносить слова медленно и спокойно, Волинов поговорил с Землёй. Прямо говорить об аварии по открытой радиосвязи он не имел права. Но специалисты ЦУПа всё поняли. В зале, где только что радовались успешной посадке «Союза-4», повисла тишина безнадёжности.

Как Волинову рассказывали позже, кто-то из военных минуты две стоял неподвижно. Потом снял фуражку, бросил её на стол, положил туда деньги и стремительно вышел из зала, закрыв лицо ладонями. Вот так же собирали в фуражку трёшки, пятёрки, десятки, когда погиб Владимир Комаров. Было очевидно, что шансов на спасение у командира «Союза-5» практически нет.

Двигатели клацали, работая с перерасходом топлива. Если в норме спускаемый аппарат приближался бы к сферической форме, то сейчас, с доведением приборного отсека, он напоминал полусигару и летел к Земле как раненая птица, с распростёртыми крыльями солнечных батарей, беспорядочно кувыряясь.

Пилотом овладела паника, лишавшая мысль и способности к действию. «Конец тебе! И всему конец. Кранты, кранты!..» Это длилось секунд 10–15. Он прилагал усилия, чтобы осознать ситуацию, попробовать хоть что-то сделать и не остаться лишь пассивным свидетелем собственной гибели. Мысль о повторении судьбы Володи Комарова буравила мозг. До боли, до судорог хотелось стукнуть ногой по днищу – авось поможет, уйдёт отсек.

С каждой минутой нарастали знакопеременные перегрузки, которые достигали 10 g, и то вжимали пилота в кресло, то вытягивали из него. Корабль словно погружался в домну, где плавится металлолом. Огненный смерч обрушивался на переднюю, не имеющую термозащитного слоя часть кабины. При входе в плотные слои атмосферы мелкие элементы конструкции стали разрушаться. Во все стороны разлетались обломки, жгуты раскалённой плазмы бесновались за иллюминаторами. Металлический корпус теневого индикатора оплавился и на глазах космонавта испарился.

Давили перегрузки и бескрайнее, тоскливое одиночество. «Вот тебе, Боря, и конец. Кранты! Шмякнешься так, что и костей не соберут. И от этого не убежать, не укрыться, не спрятаться. Разве что отодвинешь чуть-чуть, совсем ненадолго. Сколько же можно? Будет хоть видимость выхода? Когда всё это кончится?» Он посмотрел на часы. До Земли, то есть до конца жизни, оставалось не больше получаса.

«Пора прощаться с родными и близкими? Нет, ещё подождать». И тут в душе как-то высветилось, что об особенностях стыковки двух кораблей, существенно отличных от того, что проигрывалось на тренажёре, теперь никто не узнает, и ребята будут

повторять его ошибки. «Сгорят записи! Сгорят вместе со мной!» Он заторопился. Предвидя пожар после приземления, Борис прежде всего вырвал несколько наиболее важных страниц из бортового журнала с записями о первой стыковке двух кораблей и положил их в середину. Затем крепко перевязал его бечёвкой и бинтом – в таком виде книги обычно обгорают только по углам, и листки в середине, может быть, сохраняются. А что будет с ним самим, он как член комиссии по расследованию причин гибели В. Комарова представлял себе ясно.

С отрешённостью от собственного «я» он стал торопливо наговаривать на магнитофон всю ситуацию. О смерти уже не думалось, время спрессовалось в монолит судьбы. Впоследствии девушки из Центра подготовки космонавтов, разбиравшие аудиозапись, удивлялись, что в «предсмертном репортаже» Волинова не встретилось ни единого бранного слова, без чего обычно не обходилось в критических ситуациях.

Кабину заволакивало ядовитым дымом – горела уплотнительная резина люка. В любой момент могла произойти разгерметизация. Спасал мощный титановый шпангоут, на котором крепилась крышка люка спускаемого аппарата.

Резкий хлопок сотряс корабль. Люк вдавило, а потом выдавило вверх, как днище консервной банки. «Взорвались топливные баки... Если нарушилась герметичность – хана».

Однако в это время по сигналу от термодатчиков сработали пирозамки, и наконец-то приборно-агрегатный отсек отделился от спускаемого аппарата... Спускаемый аппарат занял нормальное положение, развернувшись теплозащитным экраном вперёд. Огромные перегрузки навалились на тело.

На высоте десять километров открылся парашют. «Неужто шанс?» Борис облегченно вздохнул и вытер рукавом спортивного костюма мокрое лицо. Он посмотрел на приборную доску. Нить надежды натянулась крепче. Но после раскрытия купола основного парашюта стало ясно, что вращение спускаемого аппарата не прекратилось. Поэтому стропы парашюта скручивались в жгут. «Почти как у Володи Комарова», – снова вспомнился гибельный вариант.

Но тут всё-таки повезло: парашют не сложился в полный комок. После скручивания строп началось

их раскручивание. До самого приземления спускаемый аппарат сохранял режим маятника, вращаясь то в одну, то в другую сторону. Волинов лежал в положении с поднятыми коленями.

Встреча с землёй ошеломила, как десять нокаут-ов сразу. От чудовищного удара сфера корабля подпрыгнула. Магнитофон, срезавшись с крепления, снарядом пролетел перед глазами, едва не задев колено, и воткнулся в пол. Но сознания Волинов не потерял. От перелома позвоночника спас ложемент. Удар пришёлся на плечи и затылок, сломав корни зубов верхней челюсти...

Задыхаясь от гари, Борис открыл люк. На него посыпался пепел от сгоревшей уплотнительной резины. Жаропрочная сталь поверхности люка обратилась в пену, вспухшую и застывшую шапкой, которая почти полностью преграждала выход, причём края её были остры, как бритвенные лезвия. Случайное прикосновение к ним брюк лётного костюма – и штанина распоролась от колена до тапочек.

Осторожно выбравшись из дымной кабины, Волинов обнаружил себя в голой заснеженной степи с ветром и морозом под сорок градусов, а на нём только трикотажный костюм. Согревался он, прижимаясь к остывающему корпусу корабля. Журналисты потом писали, что Волинов кутался в парашют, но ничего подобного не было – просто не хватало сил добраться до него и раскручивать громадный жгут.

Никто здесь его не ждал – аппарат отклонился от расчётной точки приземления на шестьсот километров. Однако уже примерно через полчаса высоко в небе обозначился контур самолёта, который снижался кругами, и вскоре под ним вспыхнули купола парашютов. Спасатели!

Четверо молодых ребят, красных от мороза и разгорячённых от спуска с парашютами, с лицами, обрамлёнными инеем. Когда они подошли, Борис снял шлем и спросил, не седой ли он? Нет-нет – заулыбались они и тут же выдали свежайший анекдот о «Союзах-4 и 5»: «Пошатались-пошатались по космосу, поволили-поволили, ни хруна не сделали и еле-еле сели». Волинова анекдот скорее шокировал, чем развеселил: Как это – «ни хруна не сделали»? А стыковка?... Он попросил у парней закурить и жадно затянулся папиросой.

Позже бросил курить раз и навсегда...

Отчетно-выборное собрание Кемеровского областного отделения Союза писателей России

Члены нового правления Союза писателей Кузбасса. Сидят слева направо: С. Донбай, И. Фролова, И. Фёдорова (депутат Законодательного Собрания Кемеровской области), Е. Тюшина, Л. Чидилян; стоят: В. Арнаут, Д. Мурзин, В. Дорофеев, Д. Филиппенко. Ю. Михайлов, Е. Трухан, И. Куралов.

Участники отчетно-выборного собрания.

75-летие журнала «Огни Кузбасса»

Возложение цветов к монументу Воина-освободителя. О. Комарова (Томск), В. А. Каплунов, Д. Мурзин, М. Хлебников (Новосибирск).

Вечер Кузбасской поэзии. Поэты А. Командин, А. Правда, пианист В. Чижик, поэт Н. Мурзина (все – Кемерово), поэт О. Комарова (Томск).

Подкаст «Три кита: писатель, критик, читатель». О. Рокова, М. Хлебников, Д. Мурзин, О. Комарова (Новосибирск), А. Назаров.

Вручение Литературной премии года

Заместитель министра культуры и национальной политики Кузбасса Е. Б. Паксина и поэт О. Комарова (Новокузнецк)

Заместитель министра культуры и национальной политики Кузбасса Е. Б. Паксина и прозаик В. Лаврина

Торжественный вечер в честь 75-летия журнала «Огни Кузбасса». Поэт Б. Буристров, заместитель председателя Совета народных депутатов Кемеровской области Ю. Скворцов, поэт С. Донбай.

Торжественный вечер в честь 75-летия журнала «Огни Кузбасса». Исполнение песни «Тыловая» (муз. М. Шампорова, сл. Н. Мурзиной). Т. Чукреева, М. Шампоров, Д. Латышева.

Елена НАЛИВИНА ОТЧЕ МОЙ

Новогодняя почти сказка

– «Отпусти ты, старче, меня в море, // Дорогой за себя дам откуп: // Откуплюсь чем только пожелаешь». Вить... Ты не слушаешь совсем. А завтра Маргарита Николаевна попросит тебя рассказать, о чем сказка, что будешь отвечать?

– Мам, а кто такой старче? – восьмилетний сын оторвал тоскливый взгляд от стены.

– Так раньше на Руси обращались к уважаемому старому человеку, к почтенному старцу. Даже падеж для этого был специальный – звательный.

– К дедушке?

– Ну, да, к дедушке.

– А к папе как обращались? Ну... чтобы его позвать.

– Отче, – сказала Марина, проглотив ком в горле. Книга в её руках задрожала.

– Отче... – повторил ребёнок и снова устремил взгляд на стену, вернее, сквозь неё.

– Мам... А когда СВО кончится?

В глазах Марины блеснули слёзы.

– Не знаю, сынок. Но думаю, что скоро.

Как бы она сама хотела знать точный ответ на этот вопрос. Вот уже второй год каждый её день начинался с молитвы «Отче наш...» и ею же заканчивался. Свекровь ходила в храм ставить свечку за здоровье своего сына Алексея, и батюшка сказал ей, что если каждый день читать молитву сорок раз, то она защитит Алёшу от ранения и даже от смерти.

99

Марина сразу поверила. И свекровь поверила. И они читали! Марина сбивалась со счёта, начинала снова и так и засыпала одна на большой супружеской кровати с молитвой на губах. Свекровь не сбивалась: из старых стеклянных бус она смастерила себе четки, на них было ровно сорок потускневших, затертых пальцами бусинок.

– Мам, а как ты думаешь, Путин знает?

Марина вздрогнула, вынырнув из тревожных мыслей о муже:

– Что знает?

– Ну, когда СВО закончится. Он же должен знать, он самый главный командующий. Нам Маргарита Николаевна говорила.

– Верховный главнокомандующий, – машинально поправила Марина. – Сынок, давай дочитаем сказку про рыбку – и спать. А то школу проспишь.

Витя лежал под одеялом с закрытыми глазами, но не спал. Он думал. Если есть звательный падеж, значит, можно папу позвать, и он вернется, услышит и вернется.

– Отче мой, – прошептал мальчик, – возвращайся! Я очень соскучился. И мама тоже. Я точно знаю, потому что она часто плачет. Раньше мама всегда весёлая была, смеялась... А теперь плачет. Отче мой... возвращайся...

НАЛИВИНА Елена Станиславовна родилась в 1969 году в Горьковской области. Училась в медицинском училище, затем в Первом МГМУ им. И.М. Сеченова на факультете «фармация». Работала на крупных производственных предприятиях, занималась рекламой и PR, сотрудничала со СМИ, печаталась в профессиональных журналах. С 2019 года профессиональная и творческая деятельность связана с Интернациональным Союзом писателей: издатель, писатель, поэт, заместитель Председателя правления ИСП. Лауреат Московской литературной премии, Международного арт-фестиваля памяти В.В. Высоцкого, Российской литературной премии. Живёт в г. Балашиха Московской области.

На следующий день, придя из школы, Витя вырвал из тетрадки листок и целый час писал письмо Деду Морозу. И вечером предъявил его вернувшейся с работы маме. А потом недоумевал, почему, читая письмо, мама и бабушка плакали вместе.

– Сынок, я обязательно отправлю его Деду Морозу! – Марина решительно вытерла слёзы, сложила листок и убрала его в сумочку. – Завтра куплю конверт и отправлю. Ты не переживай!

До нового две тысячи двадцать четвертого года оставалось полтора месяца.

–... А теперь переходим к региональным новостям. В эфире «Вести Тула». Сегодня стартовала самая добрая новогодняя акция – традиционная «Ёлка желаний». Губернатор Тульской области принял в ней участие одним из первых.

Уставшая Марина сидела на кухне с чашкой горячего чая в руках, краем глаза наблюдая за картинкой в телевизоре. На экране возникла красивая ёлка с большими бумажными шарами, установленная в доме правительства Тульской области. В кадре появился Алексей Геннадьевич Дюмин, под вспышки камер он снял с ёлки один из шаров:

– Виктор, восемь лет, город Алексин, сын участника СВО. Хочет встретиться с Верховным главнокомандующим Вооружёнными силами Российской Федерации.

Чашка выпала у Марины из рук и разбилась. Чай пролился на стол и на колени. Марина вскочила, с грохотом опрокинув стул. Дальше она не слышала.

Алексей Геннадьевич сидел за столом в своем кабинете и задумчиво крутил в руках бумажный ёлочный шар. Просьба восьмилетнего ребёнка его удивила. Многие дети мечтали поехать в Кремль и увидеть Президента Российской Федерации. Но чтобы попросить о встрече с Верховным главнокомандующим... Такого ещё не было. Он раскрыл прикрепленный к шару конверт и вынул сложенный вдвое тетрадный лист.

«Дорогой деда мороз. Пишет тебе Витя из Алексина. Мне восемь лет. Везь год я хотел просить у тебя нотбук. Но ты мне его не дари. Деда мороз мне очень нужно в кремоль. Мне нужно к главному командующему эсвэо. Я хочу его спросить когда вернёца папа. И мама хочет спросить и бабушка. Они не знают. А главный командующий точно знает. Деда мороз отправь меня в кремоль. Пожалуста. А нотбук мне папа сам купит когда вернёца. И мандорины ещё и торт маме и бабушке. Буду ждать. Витя».

Минуты три губернатор Тульской области, потирая висок, смотрел на корявые детские строчки. Потом поднял трубку аппарата правительственной связи.

Вечером девятнадцатого декабря уже изрядно уставший Витя стоял на красной дорожке в Большом зале Кремля. Перед этим у Большой кремлёв-

ской ёлки он встретился с самым настоящим Дедом Морозом и получил от него в подарок нотбук и ещё много всяких разных красивых коробок и коробочек. Витя рассказал Деду Морозу отрывок из «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина, и Дед Мороз его похвалил. Потом они с мамой ели обед в красивом зале из очень красивой посуды. Такой посуды у них дома не было, и Витя боялся что-нибудь случайно разбить. На столе было много конфет и мандаринов, и Вите разрешили их есть, сколько он захочет. Но Витя немного стеснялся. Потом они ещё ходили по Кремлю, потом долго сидели в огромных мягких креслах и ждали. Витя знал, что они ждут его, главного командующего, и сидел смирно, не баловался.

И вот замигали вспышками фотоаппараты, мама встала с кресла, и Витя тоже. Двери в конце зала распахнулись, из них вышел Верховный главнокомандующий Вооружёнными Силами Российской Федерации и пошёл по дорожке навстречу Вите. И Витя пошёл ему навстречу, крепко держа за руку пунцовую и спотыкающуюся от смущения маму.

– Ну, здравствуй, Витя, – сказал главнокомандующий.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович, – громко и твёрдо произнёс мальчик, как мама научила.

– Ну, что, встретился с Дедом Морозом? Получил в подарок нотбук?

– Да, получил. Большое спасибо. Но я очень хотел узнать главное...

Мама слегка сжала его руку. Витя запнулся. А главнокомандующий совершенно серьёзно сказал:

– Я знаю: ты хотел, чтобы папа вернулся. А все желания под Новый год обязательно должны сбываться. Обернись.

Витя недоверчиво оглянулся назад, потом резко развернулся. На другом конце зала на красной дорожке стоял...

– Папа?! Папа!!!

Вырвав ладошку из руки ошавевшей мамы и напроць забыв о «главном командующем», Витя понеся навстречу сбывшейся мечте.

– Вы что, волшебник? – спросил мальчик, продолжая висеть на крепкой папиной шее. Они, уже вместе, подошли к Президенту.

– Ну, если только чуть-чуть, – улыбнулся тот в ответ.

– А что, СВО кончилась? – совсем осмелел Витя. С папой же ничего не страшно.

– Ещё нет, – посерьёзнел Путин, – но с такими волшебниками, как твой папа, уверен, что скоро кончится. Абсолютно уверен.

– Служу России! – сказал папа и крепко прижал к себе сына.

А мама почему-то опять заплакала...

Сергей ЧЕРЕМНОВ

ЮРИЙ СВЕТЛАКОВ: «ПУСТЬ ДУХ ОТКРЫТИЙ НЕ ПОКИНЕТ ВАС»

В одном из интервью, рассказывая историю передачи «Шаг за горизонт», Юрий Светлаков поделился:

«Если докапываться до истоков, то мой прадед обладал удивительной силой – взглядом распрягал лошадей, а дед Иван знал толк в травах, но знания свои никому не передал. Кто знает, может быть, какие-то гены предков у меня и есть, жаль только, я этого не замечаю.

Любознательство и стремление понять, что и как происходит, явилось одной из причин создания цикла передач «Шаг за горизонт». Тайна привлекает. Мало узнать – важно понять, как это происходит в рамках тех знаний и тех ощущений, которые отпущены нам в этом мире.

Что происходит? Как по фотографии можно определить, жив человек или нет? Что такое душа? Как открыть «третий глаз»? Где обитает мысль? Как управлять своим организмом? Как открыть второе зрение? Как научиться телекинезу? Как овладеть левитацией? И так далее. Вопросов много, но нет готовых ответов...»

Мастер пытался найти для нас эти ответы...

1.

Юрий Яковлевич всегда был современным человеком. И в молодости, и в свои 60, 70 и 80 лет был на «ты» с любой технической новинкой, касающейся кино или телевидения, телевизионных съёмок, видеомонтажа. Ему «по зубам» была нынешняя компьютерная техника и цифровые технологии. Он активно общался в социальных сетях, вёл свой большой интересный IT-портал.

Вот что он писал о себе на своём персональном сайте:

«Я, Светлаков Юрий Яковлевич, по образованию кинооператор (или, как он сам себя называл, – съёмщик). Почти полвека – с 7 сентября 1961 года по 7 сентября 2006 года – отпахал как пахарь-одиночка на Кемеровской студии телевидения. Последние лет 20 был автором и ведущим популярной

программы «Шаг за горизонт». В эфир вышло около 700 передач...»

Это был выдающийся телевизионный результат, рекорд автора, по праву вошедший в «Книгу рекордов Кузбасса»!

Родился Юрий 16 июля 1938 года в шахтёрском городе Киселёвске Кемеровской области. Военные и послевоенные годы детства провёл в Прокопьевске. Чтобы понять истоки творческого мастерства человека, надо окунуться в его малолетство: где жил, чем дышал, какими были его родовые корни.

Исследовать жизнь Юрия Яковлевича и просто, и сложно. Просто – потому что он оставил огромное количество книг, статей, телепередач, киноочерков, в которых изложены все подробности его биографии; сложно – потому что в этой массе материалов, фактов, фото- и видеоизложений легко упустить что-нибудь важное, сыгравшее в его судьбе решающую роль.

Юра рос очень любопытным ребёнком. Вспоминаю детство, рассказывал:

«К примеру, я в детстве был очень любопытным. Во всё, что попадалось мне на глаза, день-два поиграю, а на третий день – разбираю, режу, ломаю. Однажды мама привезла мне из Новосибирска, мне было года три, коня-качалку – классная вещь по тем временам! Я два дня покачался, на третий день вспорол коню брюхо. Хотелось посмотреть, что ж там находится внутри. Там оказались опилки! Мне пришлось тайком этого коня закопать в огороде. На вопрос матери, где конь, отвечал: «Не знаю, ускакал куда-то».

Его родной отец, Михаил Иванович Катунин, родом с Алтая, из небольшого села Ново-Троицкое. Окончил четырёхлетнюю трудовую школу 1-й ступени. Году в 1937-м приехал в город Киселёвск учиться на бухгалтера. Там и познакомился с Юриной мамой Глафирой Ивановной Титовой. Говорят, он был очень гостеприимный. А умер от воспаления лёгких, когда сыну было всего несколько месяцев.

«Уходя из жизни, мой отец Михаил Катунин попросил своего друга Якова помогать нам, – написал в книге «Вспомнить детство и забыть» Юрий Яковлевич. – Он не только «помог», но и усыновил меня. Так я стал Светлаковым».

Его отчим Яков Иванович Светлаков был родом из деревни Ижморка Кемеровской области, здесь же жили родители отчима – добрая баба Таля и суровый дед Ваня. В годы войны мальчишку на всё лето отвозили к ним. Отчим же ушёл на войну, но мальчику почему-то никогда не говорили, где он служил, и как и с кем воевал, – всё было покрыто какой-то тайной.

Его мать Глафира Ивановна родилась в селе Тогул Алтайского края, в большой крестьянской семье.

Она была самой младшей. И получила четыре класса образования.

«...Я, мальчишка, жил в годы войны в шахтёрском городе Прокопьевске и, кажется, был счастлив (читая эти строки, вижу, как автор по-доброму улыбается – С.Ч.). А счастлив был потому, что был свободен. А свободен был потому, что мама с утра до позднего вечера была на работе. Я же, за редким исключением, оставался один дома. Только сейчас понял, что свобода у меня была почти по Гегелю: «Осознанная необходимость – есть свобода».

Его воспоминания о детстве – это память о далёком счастливом прошлом. Он вспоминает эти нелёгкие, казалось бы, дни и годы как что-то очень отдалённое по времени, но навсегда впечатавшееся в память:

«Я, например, детально помню миг в вагоне поезда, когда меня в первые дни войны на лето увозили к бабе Тале в Ижморку. Ночь, монотонный говор, запах противных яиц, боковая верхняя полка, я засыпаю... и вдруг! Яркий свет, громкий стук колёс проходящего мимо поезда, чей-то крик!»

И ещё штрих из малолетства, яркий, как фото-вспышка: «В моем детстве не было телевидения. Вероятно, я мечтал о кино. Мама мне рассказывала, что когда я был маленьким, то вставал на стул, показывал картинки в книжке и говорил: “Это кино”, – хотя кино никогда в жизни не видел».

Однажды они с мамой поехали в гости в посёлок Спиченково, что в пригороде Прокопьевска, к какой-то «голимои» родне, у которой был волшебный фонарь – фильмоскоп! Взрослые сидели за столом, пили, ели, пели бесконечно длинные песни, типа «Сронила колечко со правой руки»... А ребятшек посадили в коридоре на пол, поставили на стол табуретку, а на табуретку фильмоскоп.

Высоко над дверью загорелся экран, появилась надпись, кто-то из взрослых прочитал «Лисичка-сестричка и серый волк». Юрий Яковлевич уверял:

«Помню запах накалённой лампы фильмоскопа, волшебную плёнку с дырочками по бокам. Этот первый диафильм, вероятно, стал первой информационной записью в мой «файл» для того, чтобы потом разбудить во мне желание быть кинооператором...»

О войне он знал понаслышке, и всё-таки... Запомнил плач соседей, получивших похоронку, помнил, что в те годы женщин везде было больше, чем мужчин. Остался в памяти и День Победы 9 мая 45-го, когда на главной площади Прокопьевска радостно шумела большая масса людей.

В Прокопьевск мама с сыном перебрались ещё во время войны. Осенью 1945 года мальчик пошёл в школу. В это время семья жила на улице Калинина – практически в центре города. Война ещё долго не отпускала своими воспоминаниями:

«Примерно через неделю после начала занятий в класс привели ребят из блокадного Ленинграда. Держались они стайкой, с нами в наши игры не играли. Я тогда впервые увидел глаза, полные тоски, глаза, которые смотрели не в мир, как у всех, а в себя. Раз в неделю учительница приносила в класс картонный ящик с конфетами. Конфеты были двухслойные: сверху беленькие, внизу коричневые. Сейчас их называют «Школьные». Каждому на парту она раздавала по две конфетки. И вот, никто нам это не подсказывал, никто нас не учил, мы, не сговариваясь, на перемене по одной конфетке отдавали этим ребятам из Ленинграда».

Первой песней, которую Юра знал наизусть, была «На позицию девушка провожала бойца...» А когда оставался один дома, во всё горло орал:

– Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге...

И припев:

– Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Тогда-то он и начал грезить о кино: «Это, наверное, знак свыше. Человек приходит на землю, чтобы выполнить определённую жизненную программу. Но как и где её найти – вот в чём вопрос?»

Пацаны той поры страстно любили ходить в кинотеатр. Юре и тут повезло: он жил совсем рядом с лучшим киношным заведением города, а то и области, которое называлось «Кинотеатр имени Николая Островского».

«Мой любимый кинотеатр находился рядом с моей школой № 11. На любой фильм я всякий раз летел с замирающим от радости сердцем как на встречу с таинственным чудом!»

Детский билет тогда стоил 10 копеек на дневной сеанс художественного фильма с документальным кино в придачу. Никаких денег на кино, понятно, у парнишки не имелось. Он иногда клянчил их у матери, а бывало, брал без спроса и мчался в кинотеатр. Покупал билет, и контролёр впускал его в волшебный мир. Вначале зрители собирались в фойе, потом переходили в небольшой зал, где на сцене перед сеансом обязательно играл оркестр и непременно выходили конферансье и певица в красивом платье.

Звонков о начале сеанса не было. Моргали лампочками освещения: «Раз! Два! Три!» В зале медленно гас свет, и начиналось чарующее представление под названием КИНО.

Из наших советских фильмов в его в памяти остались незабываемый «Чапаев», суровый «Мы из Кронштадта», хулиганский «Путёвка в жизнь», смешные «Насреддин в Бухаре» и «Весёлые ребята», военные «Два бойца», «Иван Никулин – русский матрос», «Малахов курган», «Секретарь райкома», «Жила-была девочка» и много, много других.

«Признаюсь, – всегда подчёркивал он, – я не очень любил фильмы, снятые в павильоне, если это не экранизация оперы или спектакля... А однажды я где-то услышал гениальную фразу, что память – это тот единственный рай, из которого нас невозможно изгнать. Вот этот-то кинотеатр Островского окончательно и «сгубил» меня...»

В детстве у него была открытка – кадр из фильма «Кардинал Ришелье» с субтитром «Добивайся намеченной цели». «Эти слова стали моим девизом. Но этого мало, нужна ещё цель-программа, которая формируется опять-таки в раннем детстве...»

Наконец, когда Юрий жил и учился в Прокопьевске, они с пацанами придумали игру «Угадай профессию». Замечали на улице или в трамвае человека и по лицу, по рукам, по одежде, походке старались определить, чем человек занимается. Потом следили за ним и в конце концов научились почти безошибочно определять не только профессию, но и характер человека:

Он с детства учился определять профессии людей и свою специальность тоже выбрал в ранние годы. Мальчишка разгадал тайну фотосъёмки: недаром же говорят, что при желании фотографировать можно и при помощи обычного ведра. И начал изобретать и мастерить фотоаппараты. И у него получалось. Вспоминал: «Первый фотоаппарат у меня был самодельным, назывался «ЮС-1». Сделал я его в виде коробки из досок от ящика: с одной стороны – объектив, с другой – кассета с пластинкой или плёнкой 9х12».

Вместе с другом Борей Бычковым, который жил в маленьком домике в районе шахты «Чёрная гора», записался в фотокружок в Доме пионеров. Руководил фотокружком Ростислав Теодорович Маслов, он увлёк ребят фотографией. На этот раз фотокамера у Юры была не самодельная – фотоаппарат «Любитель». С него можно было печатать снимки 6х6 сантиметров без увеличения. Потом мама купила ему зеркальный «Зенит».

Однажды они с Борей сделали по диафильму, которые показывали через фильмоскоп. Юрий показывал это своё «первое кино» пацанам с улицы. Закрывал ставни, вешал белую простынку на стенку и с выражением читал стихи Тараса Шевченко:

*Воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилась в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает...*

Но ему страстно хотелось, чтобы его «кино» тоже двигалось на экране, как настоящее. Однажды в газете «Пионерская правда» Юра прочитал заметку

«Как самому снять и показать кинофильм». Публикация запала мальчишке в голову.

Спустя время он случайно нашёл на дороге небольшой, метра полтора, кусочек 16-миллиметровой плёнки с изображением большого застолья. Как узнал потом, это были финальные кадры из фильма «Кавалер Золотой Звезды», снимал который кинооператор Сергей Урусевский.

Чтобы увидеть кадры на экране, Юре удалось смастерить деревянную камеру – и для съёмок, и для показа отснятых плёнок. Он иронично назвал её «Драндулет-1». На самом деле камера была из дерева, только кадровое окно и обтюратор (устройство для перекрывания потока света в киносъёмочной и кинопроекторной аппаратуре) сделал из консервной банки, а грейфер (механизм для перемещения киноплёнки на шаг кадра) – из какой-то железяки. Зубчатые барабаны вырезал из катушки от ниток. Иногда работал над деталями прямо в школе во время урока, за что его выгоняли из класса, приговаривая: «С такими грязными руками тебе не место в классе».

«Первая киносъёмка на «Драндулете-1» проходила недалеко от терриконика прокопьевской шахты имени Калинина, на краю обвала, – поделился воспоминаниями Юрий Яковлевич в своей книге «ВГИК. Заветная звезда», вышедшей в 2020 году. – Мы с моим другом Германом устроили показательный драку. Ручку камеры крутил мой брат Алька. Самое интересное было потом, когда надо было проявлять плёнку. Плёнка была обратимая, 16-ти миллиметровая, чёрно-белая. Никаких приспособлений для проявки не было – пришлось весь процесс: проявки, засветки, чернения, снова проявки, фиксации и промывки делать в большом ведре руками без резиновых перчаток».

К большой досаде «съёмщика», половина плёнки ушла в брак. То, что осталось, он высушил на бельевой верёвке. Потом на стену прикрепил лист ватмана, зарядил аппарат, позвал соседских пацанов. И четверо его первых зрителей увидели 30-секундный фильм.

На этом история юного «самодельщика» не закончилась. Позже головастый и рукастый, как говорили о нём друзья, Юра придумал и смастерил другой киноаппарат... Впрочем, мы ещё вернёмся к этой истории.

2.

Однако после окончания средней школы Юрий по совету матери поступил на маркшейдерское отделение Прокопьевского горного техникума. После защиты диплома три года работал геодезистом в Управлении главного архитектора города Прокопьевска.

О том, чем он здесь занимался, известно немного. Геодезист – это специалист по составлению карт

местности, проведению расчётов, необходимых для описания рельефа. В строительстве эта профессия незаменима. А в Прокопьевске того периода строили немало: шахты, заводы, жильё, социальные и культурные объекты. Геодезист сопровождал строительные работы с момента определения участка под застройку и до самого ввода объекта в эксплуатацию.

Думаю, эта профессия тоже наложила свой отпечаток на характер героя нашего рассказа.

«После учёбы я, как положено, три года тянул лямку геодезиста, – признаётся он. – Полевые работы ещё куда ни шло. Геодезические приборы чем-то напоминали съёмочную технику – такой же штатив, такая же оптика. А вот работа в кабинете: крутить ручку арифмометра, считать теодолитные хода – скука несусветная! В обеденное время от камеральных работ сбегал в кино. Купишь, бывало, два пирожка с повидлом и стаканчик мороженого – вот и весь обед в зрительном зале. Смотрел всё подряд – лишь бы кино было. Это были и первые тупые китайские фильмы, как «Стальной солдат» или «Седая девушка». Много смотрел заморских фильмов».

Попадалась ему для просмотра и классика мирового кино: «Тупик», «Три мушкетёра», «Королевские пираты»; и наши фильмы: «Сельская учительница», «Падение Берлина», «Молодая гвардия». И ещё много-много игровых и документальных лент. Многие из них шли под шапкой «Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских войск под Берлином».

Специально ездил в Сталинск посмотреть «Белоснежку и семь гномов» в каком-то деревянном клубе. В кинотеатре «Коммунар» смотрел «Бесприданницу», «Путёвку в жизнь» и другие. Записывал во время сеанса в записную книжку имена кинооператоров. Всё чаще стал задавать себе вопрос: а можно ли научиться снимать так же, как они?

Кроме работы оставалось ещё и свободное время. Кто-то проводил его так, что потом нечего вспомнить, Юрий Светлаков – не из таких. Он не любил потерянных даром часов. Кстати, в школьные годы он посещал не только фотокружок, но ещё и танцевальный. В его памяти отложился смешной эпизод, который часто вспоминался:

«Однажды во время очередной школьной олимпиады плясали танец «Лявониха», припевая песню: «Ой, Лявониха, Лявониха моя!» Я, как бескрылый петух, скакал по сцене и махал руками, которые были у меня не на поясе, а под мышками. Зал просто ржал!.. Больше в танцевальный кружок не ходил. Зато записался во Дворце пионеров в балетный. Научился работать у станка, выучил всякие позиции, но на сцену не выходил. Преподавала у нас Галина Николаевна, фамилию забыл. Она всякий

раз приезжала из Сталинска на занятия в Прокопьевск. Как позднее узнал – среди её учеников был известный танцор Владимир Шубарин».

В горном техникуме был свой эстрадный оркестр, где студент Светлаков играл на аккордеоне. Он ведь и нотную грамоту освоил в школьные годы, вполне сносно умел играть кое-какие мелодии.

Музыкальную науку ему преподавал осевший на постоянное жительство в Прокопьевске бывший пленный немец Адольф Карлович. Первым музыкальным инструментом Юрия стало соседское пианино. А когда он выучился играть гаммы, сольфеджио и простенькие мелодии типа: «Степь, да степь кругом...», «Собачий вальс», «На крылечке твоём», «Элизе», – мама купила ему аккордеон.

Узнав, что парень играет на аккордеоне, его пригласили в эстрадный оркестр техникума. «В его составе я даже один раз выступил на сцене и страшно опозорился, – смеётся Светлаков. – Играли «Выходной марш Дунаевского». Начал хорошо, но потом сбился и делал вид, что играю – изо всех сил давил на кнопку выхода воздуха из аккордеона, почти не нажимая на клавиши, чтобы звук не было слышно. Как бы играю, а звука нет...»

Удивительно, как много порой надо познать и выучить человеку, чтобы потом всю жизнь заниматься любимым делом! В молодые годы Юрий Светлаков осваивал ещё и театральную сцену. А что? – актёрские навыки очень даже пригодились ему в работе над образом телеведущего.

При горном техникуме был ещё и драмкружок. Руководил им Григорий Минеевич Аврутин. Юра предложил ему своё участие в постановках. И получил согласие. Ведь театральные задатки у него проявились ещё в школе.

В седьмом классе он ходил в школьный драмкружок, где ко Дню Победы ставили сцены из «Молодой гвардии». Роли молодогвардейцев тогда достались отличникам, а Юрий выступал в роли немецкого захватчика.

В 1954 году, когда отмечали 300-летие воссоединения Украины с Россией, в прокопьевском ДК шахты имени Ворошилова проходила олимпиада, посвящённая этому событию. В ней участвовала школа, где учился Светлаков, подающий надежды на актёрские задатки. В торжественном представлении он сыграл роль посла. Должен был выйти на сцену поклониться и сказать: «Я от русского народа вам поклон передаю!» Перед этим долго заучивал, как правильно делать русский поклон, и вместе с мамой придумывал посольский наряд: в ход пошли её старая шуба и шапка, также была расшитая рубаха – косоворотка. За эту роль ему дали грамоту...

Когда Юрий пришёл в техникумовский студент, там ставили пьесу Николая Погодина «Человек с ружьём». Юрий Яковлевич припоминал: «Вначале

режиссёр показал нам фильм. Мне досталась роль матроса. Помните, Шадрин после встречи с Лениным подходит к матросу и спрашивает: «Уважаемый, а кто это был?» Матрос отвечает: «Как кто!? Ленин!» У Шадрина из рук выпадает котелок...

Так что театр отнимал немало времени у молодого Светлакова. А расстался он со сценой внезапно, в результате смехотворного казуса. После окончания техникума уже работал геодезистом в управлении главного архитектора Прокопьевска и однажды в ДК Артёма повстречал того самого режиссёра из студтеатра. «Поговорили о том о сём, – рассказывает Юрий. – И он пригласил принять участие в пьесе, кажется, «Калиновая роща». Надо было сыграть роль тракториста. Я согласился и стал ездить на репетиции в ДК железнодорожников, что недалёко от вокзала. Всё шло хорошо. Но во время генерального прогона режиссёр предложил мне поцеловаться с героиней. Мы так не договаривались! Как это – принародно целоваться? Ладно, если бы какие-нибудь чувства были! Я наотрез отказался и навсегда завязал с актёрской профессией...

Ещё он много фотографировал. В Прокопьевске, кажется, не оставалось уголка, в котором бы не побывал юный Юра со своим фотоаппаратом. Дома у начинающего мастера была «темнушка» с ванночками, увеличителем и всеми другими необходимыми причиндалами, где он проявлял плёнки и печатал карточки на фотобумаге. Снимков было много, но он не спешил с ними расставаться, даже с теми, которые не совсем удались. У многих его фотографий той поры своя история. Вот, например, одна из них:

«В день 12 апреля 1961 года в моём родном Прокопьевске никто никого не звал на главную площадь города. Напротив драмтеатра люди сами собрались на митинг по поводу первого полёта Юрия Гагарина в космос. Своим стареньким фотоаппаратом «Зенит» я снял у трибуны несколько крупных планов взволнованных лиц.

Но это же полёт в космос! Недолго думая, решил снять событие сверху. Рядом был высотный дом («дом под шпилем», как называют его прокопчане). Вбежал в подъезд – тогда они не закрывались – взлетел на верхний этаж, но люк на крышу оказался на замке. Вернулся. По хлипкой пожарной лестнице всё же взобрался на крышу и снял несколько кадров сверху. Вечером проявил плёнку и напечатал большие, как мне казалось, карточки – 13 на 18 сантиметров. Наклеил фотографии на три листа ватмана и утром следующего дня вывесил их в коридоре Управления главного архитектора города. Это была моя первая фотовыставка! Провисела она дня два, на третий день её кто-то спёр...

Но больше всего ему хотелось снимать кино. Юрий придумал и смастерил камеру «Кадр 35-235» для съёмки широкоэкранного кино. Эта камера, по

мнению знающих людей, была сделана до того, как не только в Прокопьевске, но и в стране появилось широкоэкранное кино. Это произошло в 1955 году, когда парню едва исполнилось 17 лет.

Его друг Борис Бычков – он, кстати, как и Светлаков, затем выучился во ВГИКе – после окончания школы устроился работать в КузНИИУ. Это в Прокопьевске институт угля. В институтской лаборатории ему было дозволено бесплатно печатать снимки. Там у него было много всяких химикатов для фотографии, а Юрий покупал метол, гидрохинон, сульфит в магазинах. Для тех, кто увлекался фото и киноделом, траты были не такие уж малые.

«Я как-то у Борьки попросил: “Дай мне хоть горсточку сульфита”, – рассказывал Юрий Яковлевич. – Он не дал. Но, самое главное, когда я его спрашивал: “В каком проявителе ты проявляешь?”, он мне сказал: “Шарупить надо!” Вот с той поры я шаруплю сам, и никогда ни к кому не обращаюсь с просьбой рассказать или показать, как это всё делается».

У Юры от рождения было чувство красоты окружающего мира, и он учился передавать её на фотобумаге и киноплёнке. Это дано далеко не каждому. Он умел увидеть прекрасное там, где другие не замечали. Однажды Юра Светлаков сфотографировал лужу. Казалось бы, ничего особенного: обыкновенная лужа, в которой плавают осенние листочки. Напечатал карточку, показал друзьям.

«Где ты увидел такую красоту?! – воскликнули они. – Мы же были рядом с тобой и не видели». Чтобы выглядеть умным, он напомнил им известную китайскую поговорку «Один видит в луже грязь, другой – солнце».

Он часто стал задумываться, почему иной фильм смотришь с восторгом, а другой кажется заунывно-нудным. Начал посещать научно-популярные лекции о живописи в прокопьевском Дворце культуры имени Артёма, но не нашёл у лекторов ответа. Книг по этой тематике и дома, и в библиотеке было мало. А «вирус кино» уже стал для Светлакова хроническим.

«Где и как научиться ВИДЕТЬ, не смотреть, а ВИДЕТЬ?» – мучился он вопросом. Знатоки утверждали, что этому обучают во ВГИКе.

И тогда он из Прокопьевска отправился в Москву – поступать в этот самый Всероссийский государственный институт кинематографии. И, конечно же, провалился! Через год снова поехал туда – результат тот же...

«После очередной неудачной попытки поступления, – делился Юрий Яковлевич, – подошёл ко мне преподаватель Роман Николаевич Ильин и сказал: “Ты никогда не поступишь во ВГИК, пока не сменешь место работы. Как ты будешь с помощью тео-

долита и нивелира снимать кино? А где ты будешь проявлять плёнку, курсовые работы делать?»

Эти слова dokonали нашего 23-летнего героя. И Светлаков всерьёз приступил-таки к реализации детской мечты: устроился ассистентом кинооператора на Кемеровскую студию телевидения (КСТ). Это случилось в 1961-м. Вчитаемся в строки его книги «Кемеровское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», выпущенной в 2007 году:

«7 сентября 1961 года я утром, примерно в полднего, зашёл с заявлением об увольнении к главному архитектору города Прокопьевска Григорию Александровичу Глотову. Говорю: “Извините, я, как положено, отработал у вас геодезистом трёхгодичный срок после техникума, поеду устраиваться на студию телевидения с прицелом потом поступать во ВГИК”».

В тот же день, 7 сентября 1961 года, ярко светило послеобеденное солнце, золотилась листва, было тепло и даже жарко. Пахло полынью. Куда ни кинь взор – кругом поля, только вдаль стояли телевизионная вышка и два строения: одно из них – сама студия, другое – жилой дом. Я, в кирзовых сапогах, с фотографиями под мышкой, шёл на окраину города Кемерово устраиваться на работу.

На втором этаже студии в кабинет директора вела длинная ковровая дорожка. ...До сего дня осталось ощущение, что топчу их чистые ковры своими сапогами. В приёмной встретила улыбчивая секретарша Люся Дурасова (потом стала Поляковой). В кабинете директор Дмитрий Иванович Култаев вызвал по телефону оператора, чтобы оценить мои фотокарточки. Через минуту в кабинет, как ветер, ворвался, как я потом узнал, кинооператор Виктор Фотин. Со скоростью 24 кадра в секунду просмотрел фотографии и улетел, на ходу бросив: «Берём!» Так я был принят на работу ассистентом оператора, с окладом 300 рублей...»

А ведь геодезистом он получал 1300 рублей в месяц. Это как же надо желать нового дела, чтобы согласиться на четырёхкратное снижение личного дохода?! Юрий Яковлевич признавался потом, что деньги в его жизни никогда не занимали главного места. Важней было как можно скорее освоить операторскую специальность.

«Не в деньгах счастье» – это правило было для меня основным. В конце дня тот же Виктор Фотин посадил меня на свой мотороллер, который через каждые 100 метров чихал и останавливался, так что пришлось мне его толкать до Южного посёлка, где Фотин устроил мне ночлег в кладовке у своей первой жены. Там я жил, пока не устроился в общежитие в студийном доме. На следующий день с оператором Анатолием Кандинским – «Кандеем» поехал на съёмки в Белово на цинковый завод. Там под лестницей, в пыли и грязи, в мешке перезаряжал кассеты от «Пентафлекса».

Это была довольно новая – по тем временам – 16-миллиметровая кинокамера, которую КСТ получила не так давно. В 1961 году на телестудию пришла и первая проявочная машина для обработки 16-миллиметровой киноплёнки. Техника казалась тогда просто фантастической. Новоиспечённый ассистент оператора принялся скрупулёзно вникать во всякие тонкости, чтобы снимать не хуже Фотина или Кандинского.

Вечером того же дня они «отметили» первую для Светлакова съёмку, да так, что с той поры Юрий решил вообще не пить спиртного. Он, впрочем, и до этого-то не пил. К сожалению, немало операторов-коллег Юрия Яковлевича печально завершили карьеру из-за чрезмерного пристрастия к «зелёному змию». У Светлакова же на жизнь были другие планы...

Вскоре Юрий перебрался в телевизионную общагу. Она была на первом этаже студийного дома. В одной комнате жил инженер телецентра Шая Гершкович Гандельман со своей семьёй. По ночам слышно было, как он ходил по коридору, убаюкивая плачущего ребёнка. В другой маленькой комнатке жили две девочки. В большой проходной комнате, куда поселили Юрия Светлакова, стояли четыре кровати с тумбочками. На одной из них он и утился. Но бытовые проблемы мало волновали нашего героя, потому что он по-настоящему влюбился в телевидение, в свою работу. А всё остальное в молодые годы лишь усиливало его любовь.

Кстати, к этому времени на КСТ сложился хороший творческий коллектив: местные телепередачи уже выходили в эфир несколько лет. Ведь областное телевидение в Кузбассе стартовало в 1958 году. Если самое начало вещательной истории Кемеровской студии изложить коротко, это выглядит примерно так:

22 апреля 1958-го в 20:00 с объявления диктора Татьяны Андрушиной (Болотниковой) в Кемеровской области началось первое пробное телевещание. В первый раз показали мультфильм, затем транслировали художественный фильм «Семья Ульяновых». Закрывает программу этого дня диктор Галина Шевелёва (Скударнова).

1 и 2 мая пробные передачи были продолжены. 31 мая этого же года вышли в эфир первые теленовости – еженедельная программа под названием «Неделя Кузбасса». 24 сентября в прямом эфире КСТ из малой студии был показан первый телеспектакль «Молодой человек», над которым работали старший режиссёр КСТ Леонид Швидко, телеоператоры Юрий Командиров и Вадим Литвинов.

До 28 декабря передачи выходили на КСТ три дня в неделю. А с 28 декабря 1958-го постоянные передачи выпускались пять дней в неделю. Если вещи называть своими именами: пять программ

в неделю для работников ТВ – просто потогонная система. Работы было, как говорится, выше крыши. Вот в такую рабочую атмосферу и окунулся Юрий.

Самыми близкими людьми для него стали коллеги-кинооператоры первого призыва. Их было не так уж много: Вадим Литвинов, Виктор Воронов, Анатолий Кандинский, Владимир Каменев, Эдуард Благодаров, Виктор Фотин, Анатолий Пилипенко. У каждого из них была своя, не всегда «ровная», творческая судьба. Однако каждого из них Юрий Яковлевич всегда вспоминал с уважением.

Анатолий Еварестович Кандинский стал для начинающего Светлакова наставником – учил, советовал, показывал, как надо. Анатолий был родом с Сахалина, на восемь лет старше Юрия и до КСТ уже успел поработать на Новосибирской студии кинохроники, где принимал участие в съёмках кинофильмов, делал сюжеты для киножурнала «Сибирь на экране».

«Первый наставник мой, Кандей, бывало, встанет как вкопанный и снимает, снимает, снимает...» – подшучивал ученик над учителем.

Тем не менее, именно Анатолий Кандинский после одной из командировок подарил ему книжку «Сергей Эйзенштейн. Избранное» со словами: «Вот у кого учиться надо!» И это – очень важный момент. Надо было думать, как снимаешь, что снимаешь.

Начали появляться и первые радости: из ранних самостоятельных кадров Юрия режиссёры монтировали сюжеты, репортажи, досъёмки-видеовставки в телепередачи. Имя оператора называли в телеэфире, а он в ответ старался делать ещё больше, ещё лучше.

3.

За два первых года работы на КСТ Юрий Светлаков научился многому. Умел не только держать кинокамеру, мог набросать текстовку к сюжету и, если надо, садился за монтажный стол.

Но желание производить настоящее, профессиональное кино его не отпускало. И летом 1963 года он в третий раз отправился в Москву, чтобы вновь попытать счастья в институте кинематографии. Друзья и коллеги понимали и поддерживали его стремление. А вот родные, не скрывая, осуждали. Вспоминал он об этом с иронией:

«Обычно моей матери говорили: “Вот закончит твой сын какую-то ГИКу, кем работать будет? В лучшем случае – киномехаником в Островском!” А киномеханик для них был хуже сапожника, ибо если во время показа фильма рвалась плёнка и в кинозале внезапно включался свет, то зрители вскакивали с мест и орали: «Сапожник!»

Но парня уже было не остановить. В Москве абитуриента Светлакова поселили не во ВГИКовское общежитие, как бывало раньше, а в четырёхмест-

ный номер гостиницы «Турист». И здесь приключилась настоящая беда: буквально в первый же день соседи по номеру украли у него деньги.

Кража была обставлена до банальности просто. Утром он пошёл умываться, а когда вернулся, в номере – никого. На стуле около кровати лежит его паспорт и обратный билет в Кемерово, который он заранее купил. «Добрые» воры оставили ему несколько рублей. Все остальные деньги из пиджака исчезли. Милиция в поиске не помогла.

Сначала Юрий был на грани нервного срыва, так как впереди месяц жизни в столице. Как его прожить без финансов, да ещё и экзамены надо сдавать?! Но этим-то и отличался советский социализм от российского капитализма: жили небогато, но с голоду никому умереть не давали.

Было такое постановление руководства СССР, чтобы во всех столовых лежал бесплатный белый и чёрный хлеб. В столовой гостиницы «Турист» порция манной каши стоила 10 копеек, чай – 3 копейки. И тарелки дарового хлеба на столиках стояли всегда. Юрий всё подсчитал, учёл и решил, что это испытание осилит: «Я не сдамся, как-нибудь выживу!» И полуголодным держал вступительные экзамены...

Общеобразовательные предметы Светлаков сдал очень хорошо. А вот сочинение написал на тройку. Но, чтобы оказаться в отряде ВГИКовцев, нужно было сдать обязательный экзамен по фотографии. Тут крылась особая сложность для абитуриентов.

«Во-первых, надо представить комиссии фотографии, снятые дома, – рассказывает Юрий Яковлевич в своей книге, посвящённой 100-летию ВГИКа. – Во-вторых, тебе выдают две новые фотоплёнки, подписанные и пронумерованные. На эти плёнки ты должен снять два момента: один – в павильоне в течение четырёх часов. Должен снять «гипс», «портрет» и «натюрморт». А потом бежать на ВДНХ (обычно все там снимали) и там снять натурный репортаж из пяти фотографий. После этого надо сразу вернуться в институт и проявить плёнки».

Всё не так просто, как кажется! Представьте себе конкурс: на одно место на операторском факультете претендуют 40 абитуриентов! «И вот тут-то происходят разные «фокусы», – вспоминал наш кандидат в студенты, имея за плечами уже две неудачных попытки. Для обработки фотоплёнок всем претендентам выдают уже готовый, разведённый проявитель и фиксаж в бутылках. Могут случайно «перепутать» бачки и засветить плёнку? А почему нет, чтобы вышибить лишних из конкурса? Или, например, во время зарядки плёнки в фотобачок кто-нибудь «нечаянно» включит свет. И всё – плёнка засвечена, другой плёнки нет. Ещё один кандидат вылетает. «Так что, будь предельно внимателен, Светлаков!» – приказывал он себе.

Его «домашние» фотографии приняли на экзамене хорошо. «Фотографии, снятые дома, и те, что были сняты мною в ходе экзамена, я показал экзаменатору – какому-то дедушке, – делился Юрий Яковлевич. – Меня никто до этого никогда особо не хвалил, но когда он посмотрел мои карточки, увидел мою малину с молоком и корочкой хлеба, портреты Вовки, Наденьки и другие фотографии, он стал с восторгом говорить: “Ой, какая вкусная малина! А мальчишка-то весь в грязи! Здорово!”»

И дедушка поставил Светлакову «отлично».

Лишь потом Юрий узнал, что дедушка этот на самом деле «отец русской операторской школы», как написано в «Кинословаре», Александр Андреевич Левицкий. В своё время он снимал Ленина и Маяковского, снимал фильм «Приключения мистера Веста в стране большевиков» и много чего ещё. И долгие годы работал преподавателем во ВГИКе.

Однако и это было ещё не всё. Самый страшный экзамен – собеседование. Комиссия никогда заранее не сообщала, на какую тему будут задавать вопросы претенденту на студенческое место. Поэтому среди абитуриентов бытовало поверье: как ни готовься, всё равно не ответишь. Но Светлаков рискнул, и на комиссии вышел примерно такой диалог:

«Меня тогда, когда поступал третий раз, спросили:

– Ты художников знаешь?

Я говорю:

– Знаю!

– Ну, назови!

– Венецианов.

– Картину назови.

– «На пашне».

– Что там изображено?

– Какая-то девушка.

– Во что девушка одета?

– В сарафан.

– Какого цвета сарафан?

– А я чёрно-белую репродукцию видел...

– А сколько там лошадей?

– Я помню двух.

А там оказалось ещё две лошади. И всё время ассистент повторял: «А что ж ты ничего не знаешь?» По правде говоря, я в то время почти ничего не знал. Не помогло ни хождение по всяким лекториям по изобразительному искусству, ни чтение толстых книг, включая известного искусствоведа Михаила Алпатова».

Вспоминая позже этот эпизод, Юрий Яковлевич привёл пример уже из своей преподавательской практики в Кемеровском институте культуры:

– Спрашиваю на экзамене студентку кафедры фотовидеотворчества: «Назови любого оператора и какой фильм он снял?» Молчит. «Ну, хотя бы ты Ле-

нина знаешь?» – «Знаю!» – «Кто это?» – «Памятник на площади»...

В общем, собеседование он всё-таки прошёл. И по итогам вступительных экзаменов набрал нужное количество баллов – ровно столько, сколько надо. Когда же в день зачисления в вывешенных в фойе института списках поступивших своей фамилии не нашёл, его снова охватило отчаяние. Но длилось оно ровно минуту. Быстро набрался храбрости и помчался к ректору ВГИКа Александру Николаевичу Грошеву. Не раз слышал, что тот, как никто другой, помогал студентам в сложных ситуациях. Юрий сумел пробиться в ректорский кабинет и рассказать ему и про детские увлечения, и про телестудию, и про то, что без денег прожил весь месяц.

«Ректор спросил: “А ты что, очень хочешь учиться?” Я дрожащим голосом тихо произнёс: “Очень!” Было такое состояние, будто я на «Титанике», когда тот шёл ко дну. Александр Николаевич, недолго думая, сказал: “Ну, иди, учись!” Я выскочил из кабинета ректора... Не зная, куда идти, не ведая, с кем поделиться радостью!»

Так Юрий Светлаков стал студентом-заочником ВГИКа.

Учиться без отрыва от производства не так-то просто. Кто проходил это, знает. Помнится, я и сам учился заочно, получая второе высшее образование. Между сессиями не всякий сможет делать «на удалёнке» вечерами, в кругу семьи, «домашние задания» высшей школы. Вырвешься, бывало, из непрерывного трудового процесса на месяц на сессию в другой город: а там надо и кучу лекции выслушать, и переварить материал, и письменные работы подготовить, и экзамены сдать. Тяжелейшая задача, которую решаешь в течение нескольких лет...

На операторском факультете преподавали легендарные личности: Александр Андреевич Левицкий, Анатолий Дмитриевич Головня, Паола Дмитриевна Волкова, Виктор Борисович Шкловский. Было у кого поучиться.

«На первой лекции заведующий кафедрой Головня, – делился Юрий Яковлевич, – сказал нам такую фразу: “Дэточки, в Советском Союзе есть три великих оператора – Андрей Москвин, Эдуард Тиссэ и Анатолий Головня. Поэтому их работы надо видеть и знать”. В другой раз сказал: “Снимать надо резко”. На следующей лекции, через день-два, мы его спросили: “Анатолий Дмитриевич, а что самое главное в операторском деле?” Он ответил: “Композиция”».

Фильм А. Д. Головни «Потомок Чингисхана» Юрий смотрел, как и «Чапаева», много раз. Самым незабываемым был первый просмотр этой ленты – в Прокопьевске, в ДК шахты имени Ворошилова, что на Берёзовой роще. Юрий сидел на балконе, отчего у него возникало «ощущение полётности»:

«Я тогда не знал, что такое чудо сотворил со мной кинооператор и что когда-то я буду сидеть на лекциях у кинооператора этого фильма. Увижу почти все его фильмы. Услышу много его советов о том, как самому снять фильм».

Потом был экзамен по операторскому искусству, который считается на факультете одним из самых сложных. В Москве в этот день стояла солнечная, морозная погода, а в аудитории было тепло. Но очередных студентов знобило на нервной почве: несколько человек получили «неуды». Юрий заглянул в билет соседа по парте: у того оказался вопрос «Работа оператора в экспедиционных условиях», – и предложил ему поменяться билетами. Тот отказался, пошёл отвечать и тоже «завалился». Настала очередь Светлакова:

«Я нормально ответил на первый вопрос. Когда отвечал на второй, Анатолия Дмитриевича Головню куда-то вызвали. Но вскоре он вернулся. Я начал что-то мямлить, но меня выручил руководитель нашей мастерской документального кино и телевидения Павел Алексеевич Ногин, сказав на ухо Головне, что «этот парень придумал и создал аппарат для съёмки и показа широкоэкранный кино». Мне поставили «четыре». Я увидел, как солнечные зайчики на полу запрыгали!»

Студентам операторского факультета преподавал и Александр Григорьевич Симонов. На лекциях он часто показывал слайды с кадрами из фильмов. Автор многих статей об известных кинооператорах, он был вторым оператором на съёмках фильма о целине «Первый эшелон», который снимал С.П. Урусевский.

На факультете читал лекции Роман Николаевич Ильин, автор известного в профессиональной среде учебного пособия «Мастерство оператора кино и телевидения» и других книг. А когда студенты слушали лекции-выступления преподавателя Паолы Дмитриевны Волковой, удивлялись бывало: зачем она рассказывает такие вещи, которые не совмещаются с тем, чему учили в школе?!

Борис Николаевич Симолин, в отличие от других преподавателей, никогда не приносил на лекции никаких репродукций картин. Их содержание он воспроизводил в аудитории жестами. Бывало, Борис Николаевич встает в позу богини, маленький, в нечищенных ботинках, в брюках с пузырями на коленках, поднимает руки, словно крылья... Это была первая часть знакомства с картинами известных мастеров. Вторая часть проходила в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Симолин на подлинниках показывал и объяснял манеру письма Ван Гога и Гогена, лучезарную живопись импрессионистов Моне и Мане.

Автор книги «История зарубежного кино» Сергей Васильевич Комаров читал курс истории и теории зарубежного киноискусства...

Появление в институте Виктора Борисовича Шкловского, остроумного писателя и кинокритика, всегда было событием. Его рваная, полная афоризмов речь была просто неподражаема. Незабываемыми были встречи с фронтовым кинооператором, режиссёром документального кино, сценаристом и публицистом Владиславом Владиславовичем Микшей и другими.

Заочник Светлаков любил учить уроки в метро. На кольцевой линии садился в угол вагона и зубрил конспект или учебник. В памяти откладывались названия остановок, которые объявляли по вагонному радио, например, «Проспект Мира». Потом на экзамене вспоминал, на какой остановке читал об этом, – и всплывал нужный ответ на вопрос.

Спектр специальных предметов, которые постигали будущие кинооператоры во время учёбы во ВГИКе, весьма широк: «Введение в кинотехнику», «Киносъёмочная аппаратура», «Кинофотопроцессы и материалы», «Киносъёмочная оптика», «Киносветотехника и экспонометрия», «Цветоведение и цветопроизводство», «Фотокомпозиция», «Специальные виды съёмки», «Комбинированные киносъёмки», «Техника и технология видеосъёмки». Все они служили основой для главного курса – «Кинооператорское мастерство», задача которого – сформировать оператора как художника, способного применить полученные знания для создания фильма.

Юрий учился «без хвостов», проявлял упорство и усидчивость в работе над рефератами и курсовыми, успешно изучал и сдавал предмет за предметом. Хотя были и проблемы, и казусы. Впрочем, у кого из студентов их не бывало?!

В своих книгах он приводит такой пример:

«В задание по курсу «Комбинированные киносъёмки» входило следующее: съёмка макета, перспективное совмещение, многократное экспонирование, съёмка на фоне экрана и применение разнообразных оптических насадок. И после всей съёмки мне в проявочной в буквальном смысле сварили негатив. Во время сушки остановилась проявочная машина, и негатив «потёк». Изображение при просмотре «качалось», как при землетрясении. Что делать? Переснимать не было времени. Отпечатали копию. При защите сказал, что так специально задумано. Преподаватель курса, известный специалист по комбинированным съёмкам Борис Фёдорович Плужников отметил новизну решения и сказал: «Никто никогда даже в профессиональном кино такого не делал». Так я защитил загубленную съёмку».

В атмосфере многих ограничений 1960-х годов ВГИК продолжал оставаться неким островком свободы, где преподаватели по-прежнему учили своих студентов независимо мыслить, искать себя и находить свой путь в жизни и в искусстве. С каждым

пройденным курсом Юрий всё глубже проникал в тайны профессии «съёмщика».

«Главное, чему нас учили, – видеть мир по-своему, – уверен Юрий Яковлевич. – Учили зрительной культуре. Учили тому, что если люди теряют визуальную культуру при восприятии действительности, то они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию».

Наконец, зимой 1969 года состоялась защита его дипломной работы. Это был небольшой фильм с простым названием «В лесу родилась ёлочка». Сначала его показали на экране в актовом зале, а потом комиссия перешла в аудиторию для обсуждения. Юрий волновался как никогда. Хотя ему, уже не раз участвовавшему в работе над документальным кино на Кемеровской студии, многое было по плечу. Однако это же диплом во ВГИКе!

Тему фильма ему задал руководитель диплома Олег Александрович Родионов, который поставил задачу: «Юра, снимай красиво, красиво и ещё раз красиво». Сюжет кино был прост, как в известной песне: в лесу росла ёлочка, её под Новый год срубили, принесли домой, нарядили, повеселились и... выбросили. Тем не менее, на защите нашего героя, что называется, захлёстывали эмоции. С волнением помог справиться профессор кафедры операторского мастерства ВГИКа, лауреат Ленинской премии Сергей Евгеньевич Медынский.

«Это было 31 декабря 1969 года, – подчёркивал Юрий Яковлевич, – в вечер под Новый год. Медынский подсел ко мне и давай рассказывать про свою дочку, про то, как он её водит в детский сад. Я даже сердиться начал: чего он мне это рассказывает? Мне же сейчас выходить, защищаться! Однако нервная дрожь прошла! Мне поставили хорошую оценку за фильм: там я придумал всякие финтифлюшки – три экрана, фильтры разные на камеру приспособлял, тот же калейдоскоп, использовал дымовые шашки... Выступила рецензент с «Мосфильма», похвалила съёмочные придумки. Потом я что-то пролепетал в ответ на вопрос члена комиссии: «Стоит ли рубить ёлки под Новый год?» На том защита закончилась. Ко мне уже в дверях подошёл Анатолий Дмитриевич Головня, хлопнул по плечу и сказал: “Дэточка, коль ты начал всё делать сам, то и дальше будешь делать всё сам!”»

Спустя время пророческие слова великого мастера сбылись...

Ещё Юрий Яковлевич в этот день запомнил, что в коридоре ему передали телеграмму из Кемерова, в которой директор Кемеровской студии телевидения, он же заместитель председателя областного Комитета по ТВ Юлиан Аронович Вишневский поздравил своего сотрудника с успешной защитой. Добрая весточка из дома добавила хорошего настроения.

Впрочем, самокритичный выпускник был недоволен своей дипломной работой и в этот же день, ровно в 00 часов, под бой Кремлёвских курантов, утопил копию своего фильма в проруби Москвы-реки... Вроде как бы подвёл черту, завершая учёбу:

«Когда я закончил ВГИК, во многом освободился от груза ненужных понятий. Главное, чему меня научили во ВГИКе, – быть самим собой и самостоятельно мыслить. Теперь мне навсегда стало важно самому разбираться в любых вопросах, заниматься тем, к чему душа лежит. При этом работать в коллективе, «в колхозе», я так и не полюбил, а после ВГИКа – и подавно».

4.

А на КСТ его по-прежнему ждала операторская работа. Да он её и не прерывал – учился-то заочно. Поэтому и в годы учёбы вместе со всеми операторами КСТ снимал сюжеты для ежедневных теленовостей, делал подсъёмки для больших «цикловых», как их называют специалисты, передач, которые вели редакторы Владимир Цукров, Владимир Аренский, Нэлли Ермакова или Зоя Естамонова, дикторы Галина Скударнова или Татьяна Болотникова. Из режиссёров Юрию хорошо работалось с главрежем КСТ Виктором Яковлевичем Руденским, Верой Владимировной Снегирёвой, которую на студии называли бабой Верой, Фёдором Мефодьевичем Ягуновым, Геннадием Михайловичем Митякиным.

Бывало, выпускника нет-нет да ехидно «подкалывали», типа: «Мы ВГИКов не кончали». Или: «Дворник должен быть дворником, а оператор – оператором». Звучало обидно, но старался не подавать вида или отшучивался. Всё же за годы учёбы придали мудрости горячему прокопьевскому парню.

Телевидение – дело коллективное. Однако Юрий Светлаков всё больше любил действовать самостоятельно. А из всех прочих жанров отдавал предпочтение документальному фильму и киноочерку.

«До того, как я вышел на тропу ведущего передач «Киолетопись Кузбасса», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом» и других, был просто кинооператором, или иначе – съёмщиком, а ещё точнее, «режопером» (режиссёром-оператором), – делится он в своих мемуарах. – Снимал фильмы, очерки, сюжеты. Одна из первых моих самостоятельных съёмок была в Горной Шории. Ничего нет лучше гор! Поэтому и в дальнейшем чаще всего снимал или в Горной Шории, или в Горном Алтае».

И дело не столько в самих горах – ему нравилось снимать людей, которые там живут, их характеры. В районе Поднебесных Зубьев он снимал туристов из Междуреченска для фильма «Март. Горная Шория». Одним из первых на КСТ он начал снимать на кинокамеру концертные ролики на натуре.

Одной из его самых известных операторских работ середины 1960-х годов – времени его заочного обучения в институте кинематографии, – отмеченной и зрителями, и специалистами, стал единственный на КСТ детский игровой художественный фильм «Граница на замке», вышедший на экран в 1966-м. Светлаков стал главным оператором этой ленты. Идею фильма придумал журналист Илья Ляхов, вместе с писательницей Любовью Скорик он создал сценарий этого кино и стал его режиссёром. Главные роли исполнили кемеровские школьники. Там были и приключения, и диверсанты, и смелые пионеры.

Среди множества документальных фильмов и киноочерков оператора Светлакова начала 1970-х выделяю киноочерк «В небе Владимир Мартемьянов» (автор сценария и текста – Геннадий Митякин). Юрий несколько раз переделывал эту работу: ему хотелось по-настоящему раскрыть перед зрителем жизнь и судьбу бесстрашного лётчика-спортсмена, чемпиона мира и СССР по высшему пилотажу. В октябре 1970 года в Кемерове состоялась творческая конференция кинематографистов Западной Сибири, где Кемеровская студия продемонстрировала участникам форума эту работу, заслужившую самую высокую оценку профессионалов.

– Владимира Мартемьянова я впервые увидел осенью 1963 года на огороде – он копал картошку, – повествовал Юрий коллегам непростую историю создания ленты. – Спросил у соседей: «Кто такой?» 103 Мне сказали, что он лётчик и летает на спортивных самолётах. Узнав, когда у него тренировки, поехал на старый аэродром просто посмотреть. Впечатление было чарующее. Он летал как птица, даже лучше птицы. Я как будто слышал музыку полёта».

Это был первый толчок к замыслу будущего фильма. На следующий день Юрий пришёл к директору студии с просьбой разрешить снять очерк о Мартемьянове. В пылу доказательств уверял: «Вот увидите, он станет чемпионом страны по высшему пилотажу!» На что директор ответил: «Вот когда станет чемпионом, тогда и разрешим».

По существующему порядку, чтобы снять кино, надо было написать подробный сценарий, утвердить его на худсовете КСТ. Иначе ни метра плёнки на съёмку не дадут. Прошёл год. Мартемьянов завоевал звание абсолютного чемпиона СССР по самолётному спорту.

– Я снова к директору: «Вот увидите, он будет чемпионом мира». Директор сказал: «Вот когда станет чемпионом мира, тогда посмотрим, снимать или не снимать». Не стал я ждать чемпионата мира, без спроса снял несколько кадров тренировок на клочках плёнки. Чтобы не мешать лётчикам, снимал их издали с помощью длиннофокусной оптики.

Прошёл ещё год. Мартемьянов в испанском городе Бильбао завоевал звание абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу. В Кемерове на стадионе «Химик» ему устроили торжественную встречу, где Юрий снял ещё несколько кадров. И написал ещё одну безуспешную заявку...

– 13 апреля 1970 года возвращаясь из командировки, а мне говорят: «Твой Мартемьянов погиб». Во время тренировочного полёта под Пятигорском у самолёта оторвало крыло. Директор приказал: «Снимай!», – и даже дал командировку в Москву, в киноархив, чтобы найти кадры Мартемьянова, отснятые другими операторами. Их оказалось до обидного мало. Что делать? Снял о нём рассказы: матери, лётчиков, брата Анатолия, художника Владимира Сотникова, поэта Игоря Киселёва. Снял несколько фотографий и из этого смонтировал два фильма. Один продолжительностью 10 минут, другой – 30. До сих пор жалко, что снял так мало. Первый 10-минутный фильм не раз показывали и по телевидению, и в кемеровском кинотеатре «Юбилейный». Другой, 30-минутный, почти никто не видел.

Благодаря работе Светлакова для нас лётчик Мартемьянов остался на экране непобеждённым чемпионом мира по высшему пилотажу, заслуженным мастером спорта, неоднократным чемпионом СССР, элегантным пилотом планеты.

– Мне хотелось рассказать о нём как о человеке удивительно скромном и интересном, горячо влюблённом в небо. Удалось ли это – судить зрителю, – считал Юрий.

Могу заверить однозначно: удалось!

У Светлакова в те годы вышла целая серия современных, крепко скроенных, интересных документальных фильмов. Давайте вспомним хотя бы некоторые.

«Шахтёрский огонек» (об известном кузбасском танцевальном коллективе из ДК шахтёров города Кемерово, 1971), «Сегодня и много лет назад» (о легендарном шахтёре Алексее Стаханове, о соревновании угольных бассейнов Кузбасса и Донбасса, 1971), «Свободнаяковка» (о Герое Социалистического Труда кузнеце Ф. К. Покровском, 1972; фильм получил первую премию областного конкурса Союза журналистов), «Половодье» (об Объединённом диспетчерском управлении энергосистемы Сибири, 1973), «Три смены» (о бригаде проходчиков Ивана Калюги с шахты «Краснокаменская» города Киселёвска, 1977), «Если не мы, то кто же» (о молодых строителях, которые возводят новую музыкальную школу, 1979), «Вечный двигатель инженера Грибанова» (о таланте энергичного и неравнодушного изобретателя, 1980), «Все ушли на фронт» (о судьбах людей в годы Великой Отечественной войны, 1983)...

Список документальных теле- и кинофильмов, снятых Юрием Яковлевичем в 1960-1980-е, можно ещё продолжать: «Преодолеть себя» – о цирковой студии посёлка Инской; «Хор» – о детском певческом коллективе города Прокопьевска; «Микрофон для всех» – о самодеятельных композиторах Кузбасса...

И это далеко не полный перечень. Он делал своё кино о людях и для людей, потому что был уверен: главным действующим лицом на телевидении был и остаётся зритель: «Зритель никак не влияет на показ передач и фильмов. Бесправный зритель прощает нам многое, но только не ложь. Ну, не нравится ему передача – просто выключает телевизор».

Главная тема фильмов Юрия Светлакова 60-80-х годов – талантливый, простой человек с его жизнью и судьбой. Сегодня, к сожалению, эта тема прочно вышла из «телемоды». Сейчас об этом уже не снимают фильмов и не показывают передач. Тогда – иное дело!

«Порой мы знаем больше о Достоевском, который прожил в Кузнецке несколько дней, чем о тех, кто прожил в Кузбассе всю жизнь и оставил заметный след в его истории», – отметит однажды Юрий Яковлевич, вспоминая о людях Земли Кузнецкой, которые повстречались на его кинооператорском пути, о ком снимал он телевизионные фильмы, кто попадал, по его разумению, под категорию немодного сегодня понятия «энтузиаст».

«В то время, когда я снимал эти очерки, не думал не гадал, что они могут стать историческим документом. Просто мне нравились эти люди своей искренностью, своим обаянием, своим энтузиазмом. Для меня слово энтузиаст, несмотря на то, что оно иностранное, – глубоко русское. Была на Руси такая категория людей, сохранивших генную память предков. В былые времена их называли ведами – ведающими, с некоторой условностью – энтузиастами. ...Их характерные черты без расшифровки: стремление к большой идее, бескорыстное служение своему делу, благородство, целеустремлённость, одержимость, жизнь по совести. По теперешним меркам – они просто придурки. Как это: жить, не стремясь к материальным благам?!»

Елена Юрьевна Светлакова, дочь Юрия Яковлевича, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой фотовидеотворчества Кемеровского государственного института культуры, проанализировала в одной из публикаций прошлый интерес к документальному кино:

«...За годы «оттепели» на Кемеровской студии телевидения было снято около ста очерков, из них почти каждый третий – портрет».

Документальное кино тех лет, которым на КСТ целенаправленно занимался Юрий Яковлевич, по мнению специалиста, отличается особым внимани-

ем автора к эмоциональным переживаниям героев, преодолевающим трудности. В фильмах превалирует активное авторское начало оператора, который с помощью своей камеры «проживает» жизнь вместе с героем, даже присутствует в кадре, ведёт с героем непринуждённый разговор, таким образом раскрывая не только его характер, но и себя как автора.

А героя данного очерка эти годы напряжённого труда снова и снова укрепляли в мысли о том, что он в «своём кино» всё должен и уметь, и делать сам. Светлаков признавался: «На студии для меня основным правилом окончательно стало: «Делай всё сам». С той поры и «шарупил», как говорил мне друг детства, всё сам: снимал, монтировал, озвучивал, и так далее».

Развитию его таланта помогало и то, что техника и технология производства на телестудии не стояли на месте. Светлаков с удовольствием постигал и осваивал всё новое, не забывая вздыхать об уходящем:

«Раньше едешь на съёмку – справа аккумулятор, слева магнитофон. В одной руке микрофон, в другой – камера под шестнадцать килограммов. Как новоготня ёлочка! Сейчас, конечно, легче, но мы утратили какой-то контроль над собой. Сейчас можно «поливать и поливать», снимая километры видеоматериала. Потом выбирать и выбирать из него то, что нужно. А в то время, прежде чем нажать на кнопку, надо было соображать, что снять и как снять. Дали тебе 30 метров плёнки – из них 28 должны быть полезными. Это очень важный момент...»

5.

Кинооператор, затем оператор-режиссёр. Карьера Юрия Светлакова на КСТ складывалась удачно. Постепенно он «дорос» и до того, чтобы стать ведущим телепередач областного телевидения.

По-другому, наверное, и быть не могло. Во-первых, он человек с творческими амбициями. Во-вторых, накопил немалый опыт работы на ТВ и знания жизни, которыми хотелось делиться с людьми. В-третьих, и об этом уже не раз говорилось, хотел всё на телевидении делать сам. И работа в кадре в качестве ведущего стала очередным шагом к этому.

Список аргументов можно продолжать: в-четвёртых, Юрий постоянно учился мастерству у коллег. Например, у легендарного, очень популярного диктора и ведущей программ КСТ Галины Сергеевны Скударновой, которую он чрезвычайно уважал и... боялся.

У неё было чему поучиться. «Это была Диктор! В то время о телевидении судили по диктору, а потом уже по передачам. Тогда я, честно говоря, боялся Галину Сергеевну с её правильной речью, как

строгую учительницу русского языка», – признавался он с улыбкой.

И в самых первых передачах, где Юрий Светлаков выступает в роли ведущего, как бы «просвечивает» то самое неуловимое скударновское: обаяние, смысловая точность формулировок, доброе, трепетное отношение к персонажам своих программ.

Цикл авторских телепрограмм, который он задумал вести на КСТ, назывался «Кинологическая Кузбасса». Первая передача вышла в эфир 17 марта 1976 года. С неё и начался новый этап в работе Светлакова.

Он давно замыслил делать для зрителей нечто подобное: рассказывать истории о том, где, что и как снимали о Кузбассе на киноплёнку хроникёры 1920-х–1940-х годов. Идея родилась, когда в 1967 году по Центральному телевидению показали 50-серийный фильм «Летопись полувека», и он увидел, как в одной из серий промелькнуло несколько кадров о Кузнецком угольном бассейне:

«У меня возникла мысль: по возможности собрать сохранившиеся кинокадры о городах, шахтах и заводах нашей области. И не просто собрать, а исследовать, где, кем и когда это снято, и рассказать об этом зрителям».

В те годы киносъёмки нашего региона центральными киноорганизациями носили случайный характер. Ощущалось отсутствие собственного кинопроизводства в Сибири. В начале 30-х годов сибирская кинохроника была лишь отделом московской фабрики «Союзкино». И лишь позднее была выделена в самостоятельную единицу. Снятые в Сибири фильмы и документы Юрий «откапывал» в архивах и музеях Москвы и Ленинграда, Новосибирска и Томска, Красноярска и Кемерово. Встречался с кинооператорами и участниками съёмок.

«Я вёл поиск кинодокументов далеко не регулярно. Надо было выполнять основную работу кинооператора телевидения. Но иногда выпадали счастливые минуты просмотра кинохроники на экране... Работа оказалась долгой и кропотливой. В конце концов, находки дали большой материал для размышления и работы над передачей».

Задачи, которые автор ставил перед «Кинологической», были благородными: «Через многие годы день, запечатлённый в кадрах киноплёнки, снова оживёт на экране, и притихнет зритель, смолкнут дети. Киноленты памяти помогут им лучше узнать прошлое, понять настоящее и увидеть горизонты будущего».

Конечно же, Юрий Яковлевич понимал, что главной темой, привлекавшей в Кузбасс первых кинохроникёров, были уголь, шахты, их строительство, труд горняков. В этом направлении и вёл розыск. Часто натёкался на небольшие фрагменты, случай-

ные «куски» в лентах больших фильмов. И от души радовался этим находкам.

Иногда его поиски плёнок о Кузбассе напоминали настоящий детектив. Вот пример его разысканий кинокадров 1930-х годов о строительстве прокопьевских шахт. В краеведческом музее Прокопьевска он увидел фотографию с надписью: «Лучшая ударная бригада на руднике в 1934–1936 гг. Бригадир Нефёдов Л.Р. Шахта 5–6». Но не бригада привлекла его внимание, а киносъёмочный аппарат на фото, осветительные приборы и люди явно не горняцкой профессии. Кто они? Как попала эта фотография в музей? Михаил Георгиевич Елькин, в то время директор музея, сказал, что этот снимок нашёл среди бумаг отца, который был профоргом в бригаде Нефёдова.

– А кто эти люди с кинокамерой? – спросил Юрий у директора музея.

– Как рассказывал отец, приезжала из Москвы специальная съёмочная группа, которая делала фильмы о бригаде. Точно отец не помнит, кто это был, но он называл фамилию Роома, который и подарил ему на память эту фотографию.

В «Кинословаре» Юрий прочитал: «Роом Абрам Матвеевич...» Там же напечатан и его фотопортрет. Похож на человека с музейной фотографии? Похож. Написано: «В 1930 г. Роом поставил первый экспериментальный советский звуковой фильм «План великих работ», широко показанный по всей стране». Теперь остаётся найти этот фильм, посмотреть, есть ли там кадры прокопьевской бригады Нефёдова, и можно считать поиск законченным.

Но вот тут-то – неудача. В фильмографии напротив названия «План великих работ» надпись: «Фильм не сохранился». Светлаков начал проверять, писать запросы. В Красногорском архиве фильма нет. В Госфильмофонде – нет! В архиве ВГИКа – нет! В архиве Центральной студии документальных фильмов – тоже нет! Нет и монтажных листов, по которым можно узнать, были ли в фильме «План великих работ» кадры о Прокопьевске. Где искать?

В библиотеке и архиве ВГИКа он раскопал кое-какие публикации, связанные со съёмками «Плана великих работ». Так, в журнале «Пролетарское кино» № 5–6 за 1931 год в информации «Звуковая продукция советской кинопромышленности» сообщалось: «Первая полнометражная звуковая работа фильма «Пятилетка» была сделана режиссёром А. Роомом на Ленинградской фабрике «Союзкино». Фильм содержит пять частей (2000 метров). Стоимость 40 – 45 тысяч рублей».

В журнале «Пролетарское кино» № 10–11 за 1931 год в статье «Первый рейд звуковой передвижки» написано, что фильм был показан по Сибири, в частности, на Кузнецкстрое, в Прокопьевском и Анжеро-

Судженском рудниках. Но о том, где проходили съёмки, ни строчки. Но Светлаков не сдавался.

Нашёл другого участника этих киносъёмок 1931 года. Им оказался инженер, комсомолец Антон Савич Кузмич, работал рядом в подмосковных Люберцах, в Институте горного дела имени А. А. Скочинского. В 1931 году, после окончания Московского горного института, был распределён в Кузбасс, в Прокопьевск. Работал на проходке ствола, был начальником закладочного цеха, помощником главного инженера шахты. Затем стал управляющим шахты «Коксовая», а после – главным инженером комбината «Кузбассуголь». Работал и в Донбассе, и в Подмосковном бассейне. С 1945 года решением ЦК ВКП(б) был назначен заместителем наркома угольной промышленности Восточных районов СССР. Потом стал заместителем министра угольной промышленности СССР, затем – министром угольной промышленности Украины. Доктор технических наук, профессор А. С. Кузмич в последнее время трудился заместителем директора по научной части Института горного дела. Там Юрий его и встретил. Антон Савич очень удивился, когда увидел фотографию из прокопьевского музея: она действительно оказалась кадром из киножурнала, снятого в 1931 году...

Упорство и настойчивость поисковика постепенно приносили свои плоды. Понемногу собирался материал об угольщиках нашего региона. Обнаружилась, к примеру, кинохроника 1925 года о строительстве предприятий на Анжерских и Судженских копях. Отыскивались отличные кадры о Кузбассе в киножурнале «Сибирь на экране» №12 за 1931 год. Удалось найти довольно много киноматериала о знаменитой прокопьевской шахте-гиганте «Коксовая» – детище первых пятилеток. Он разыскал некоторых людей, снятых на этих кадрах, и пригласил их в студию.

Отыскивались и другие удивительные и неожиданные по историчности и тематике архивные кинокадры.

Программу Светлакова заметили зрители, начали присылать на студию письма с предложениями и пожеланиями. О работе Светлакова-ведущего стали писать в газетах. Посмотрев в одном из выпусков «Кинолетописи Кузбасса» видовой фильм 1938 года о Прокопьевске, известный кемеровский писатель Виль Рудин откликнулся заметкой в областной газете «Кузбасс»:

«Наверное, это свойственно каждому человеку: испытать волнение, увидев город своей юности. Для меня таким городом является Прокопьевск, куда я попал осенью 1941 года как курсант артшколы. И вот на экране Прокопьевск тех давних лет... Эта небольшая лента, отснятая оператором С.В. Хмельёвым в 1938 году, не только вернула в да-

лёкое довоенное прошлое, она дала возможность ощутить, как же далеко мы шагнули вперёд за последние четыре десятилетия, как отстроили и благоустроили город».

Хорошие оценки давали автору и коллеги, Светлакова хвалили на планёрках и на худсовете. Сам главный режиссёр КСТ Виктор Яковлевич Руденский поддерживал его усилия. Всё это окрыляло автора, который старался сделать каждую передачу лучше предыдущей.

А с 9 марта 1978 года, к 20-летию Кемеровской студии телевидения, в программе «Кинолетопись Кузбасса» Юрий Светлаков начал показ лучших киноочерков КСТ, включая и свои собственные работы. Они стали украшением областного телеэкрана.

«Кинолетопись» выходила в эфир до 1982 года включительно и успешно справилась с целями и задачами, которые ставил перед ней автор. Однако на этом цикл программ о Кемеровской области и его людях не закончился. Светлаков продолжал эту тему в передачах под общим названием «Рассказы о Кузбассе», выходивших на КСТ в 1982–1984 годы. Видоизменял эту же тематику и снова перенастраивал её в цикле программ «Страницы истории Кузбасса» (1985). Развивал эту тему в своих передачах «Люди земли Кузнецкой» (1986–1989). Об этом же были и его телепрограммы цикла «Семейный альбом» (1999–2006).

«Сила забвения велика, – считал Юрий. – Жаль, что известный человек, проживший долгую жизнь, остаётся за бортом истории. Вот почему моя задача была проста – зафиксировать рассказы людей в их собственном исполнении. Ибо полагаю, что такая история более достоверная, более объективная, в отличие от истории выдуманной. Рассказывая о себе, о своём детстве, о юности, о своих родных и знакомых, мои герои сохраняют крупницы прошлого для будущего».

Героями его авторских передач становились рядовые шахтёры и инженеры, руководители предприятий и бригадиры, писатели и поэты, актёры и художники. Он считал своим долгом преодоление людского забвения.

Выбрать героя передачи всегда непросто: надо найти интересного человека и «раскрыть» его перед телезрителем. В книге «Шахтёры Кузбасса на экране» Юрий Яковлевич размышляет об этом в разговоре с режиссёром фильма «Егор Иванович» Игорем Беляевым:

«Как я выбираю своего героя? Знаете, как друзья выбирают? Надо влюбиться, иначе ничего не выйдет. Надо, чтобы человек, с которым ты общаешься перед камерой, был интересен тебе и без всякой камеры. Надо, чтобы была потребность во взаимном общении. Если я понимаю его, он понимает меня, я болею его заботами, если у нас общие

мысли, мы можем вместе сложить картину. Картину делает не только оператор, не только режиссёр... Картину делает человек, которого мы снимаем. ...Есть правило: человек с тобой откровенен, если ты с ним откровенен, если он тебе доверяет, если ты не обманешь его. Мои герои – это мои друзья. Хотя есть оговорочка – это мои друзья и, может быть, даже мои враги...»

К началу 1990-х годов героем кузбасского телеэкрана стал уже и сам Юрий Светлаков. Люди узнавали его на улицах, в магазине, в общественном транспорте. Незнакомые граждане подходили, здоровались, задавали ведущему разные вопросы. Он не раздражался, ему это даже нравилось: «Благодаря телевидению меня стали узнавать, чего обычно с кинооператорами не бывает».

Подводя итог 30-тилетия своей работы на Кемеровском областном телевидении, Юрий Яковлевич отмечал: «Оглядываясь назад, чтобы понять настоящее и увидеть будущее, я всё больше и больше убеждаюсь в том, что первые тридцать лет работы на студии были для меня и, смею надеяться, для моих соратников годами радостного, несмотря ни на что, творчества. Когда мы, по словам К.С. Станиславского, учились «трудное сделать привычным, привычное – лёгким, а лёгкое – прекрасным».

6.

Первая передача с названием «Шаг за горизонт» вышла в эфир 7 сентября 1986 года. Её героем стал «контактёр» А.И. Чувылко из Гурьевска. Специально заглянул в интернет-энциклопедию, чтобы растолковать этот термин: «Контактёры – люди, которые утверждают, что вступали в контакт с инопланетянами. Как правило, контактёры утверждают, что внеземные существа передали им свою мудрость или важные послания для человечества. Контактёры описывают свои встречи с ними как регулярные или единичные». Пусть каждый из читателей этого очерка оценит данное определение так, как посчитает нужным...

«Однажды я снимал в Гурьевске какие-то сюжеты для «Новостей», – пишет Юрий Яковлевич в своей книге «Запрещённый “Шаг за горизонт”». – Проезжая по переулку Промышленному, обратил внимание на дом необычной формы с какой-то непонятной антенной на крыше. Кто смастерил такие хоромы? Если бы я ещё знал, что дом построен по указанию каких-то внеземных сил по принципу термоса: летом прохладно, зимой тепло! Постучал в калитку. Вышел хозяин. Поздоровался и спросил его, как звать и где работает. Он ответил, что звать его Александр Иванович Чувылко, работает слесарем Гурьевского рудоуправления. И пригласил меня в дом. Спрашиваю:

– Дом долго строили?

– Лет десять. Квартиры у нас не было, и мы с женой решили строить свой дом. Строили буквально из ничего. Участок нам выделили на склоне горы. Стройматериалов не было, так мы камень долбили и из него начинали строить.

– Проект был?

– Наброски в школьной тетрадке из другого мира...»

Со слов домовладельца оказалось, что дом построен по указанию внеземных сил (!) по принципу термоса. Зимой в нём тепло, летом прохладно, хотя всего одна печка на все этажи.

Вот с этого и начался телевизионный проект Юрия Светлакова. Проект на областном телевидении продержался 20 лет. Верить или нет в эти контакты, пусть каждый решает для себя сам.

Однажды на студию в адрес передачи «Шаг за горизонт» пришло письмо из Новокузнецка от Елены Шевелёвой. Она написала, что у неё был контакт с пришельцами и они дали ей какую-то формулу идеального топлива. Вскоре Елена тоже стала героиней очередной передачи Юрия.

Или вот ещё выдержки из передачи, где «контактёр» Владимир Акулов сообщал телезрителям «Шага»:

«Это произошло в ноябре 1989 года. Спать я лёг после 12 часов ночи. Вдруг показалась светящаяся точка, она медленно увеличивалась. Какой-то голос сказал:

– Здравствуйте.

Я спросил:

– А кто вы такие?

– Это не имеет значения, кто мы такие.

Я спрашиваю:

– Вы, наверное, инопланетяне какие-нибудь?

– Это ваше дело, как хотите, так и думайте, но полетите с нами».

Всё же Юрий Яковлевич приглашал в эфир не только контактёров. Его интересовали любые аномальные события, в которых он пытался разобраться сам или с помощью специалистов. К нему в студию приходили чудаки-инженеры с попытками создать вечный двигатель, люди, обладающие незаурядными способностями, выдумщики и фантазёры. Словом – чудаки, как определил кто-то однажды. Они размышляли о Космосе, о жизни на Земле, о вечности и многом другом.

В числе героев «Шага» был Владимир Вылегжанин из Прокопьевска, который спроектировал «летающую тарелку». Другой – физик Виктор Николаев из Новокузнецка – изобрёл генератор преобразования энергии пустоты в любую другую. Третий – Лев Голяховский из Кедровки – доказывал, что в таблице Менделеева должно быть в десятки раз больше элементов. Четвёртый – Александр Редин, занимаясь письмом двумя руками, открыл алфавит-

ты атлантов, титанов, марсиан. Пятый – Пётр Сафонов из Кемерово – изучая Библию, пришёл к выводу, что Иоанн, любимый ученик Христа, это его жена. Шестой – Альберт Бокоников открыл кремниевую цивилизацию и общается с ней. И так далее.

В комментаторы Юрий Яковлевич нередко брал известных учёных, докторов наук, опытных исследователей, известных на всю страну

Были в его программах и такие, как голландский художник, основатель направления «Шизореализм» Электрон Грунденталер (Олег Ермолаев). Дело в том, что он родился в Новокузнецке и раза два в год – иногда с выставкой, а иногда просто так – приезжает в родной город. Родился он в 1958 году в Сталинске. Детство провёл в Абашево. Учился в Новосибирском государственном университете. Играл в КВН. Это ему принадлежит известная фраза: «Партия, дайте порулить!» Переехал в Голландию, где и живёт до сего времени. А его необычные, прямо скажем, картины находятся во многих зарубежных и российских галереях...

«Познание начинается с удивления, – был уверен автор «Шага». – Как любит говорить мой друг, маг и волшебник Владимир Переводчиков: “Без удивления нет и познания. А без познания не было бы ничего: ни круга, ни плуга, ни письменности, ни дома, ни корабля”».

К этим передачам Светлакова относились по-разному. Как правило, выпуски «Шага» собирали у телевизоров большие аудитории. Для любителей необычного передача со временем стала культовой. Что же касается коллег, руководства ТВ и некоторых специалистов, – тут отношение не было однозначным. Кого-то популярность ведущего и его программ с непонятной тематикой раздражала, кто-то шутил и ёрничал. Были и такие, и немалым числом, кто одобрял, понимая, что общие рейтинги телеканала держатся и за счёт таких вот Светлаковых.

Ведь есть же подобные передачи и на других федеральных и областных каналах, где пытаются привлечь внимание зрителей к непознанному, загадочному, необъяснимому. К примеру, создатели многолетнего цикла передач «Таинственная Россия» на НТВ не только исследуют тайны и мифы, но и детально изучают исторические места, аномальные зоны и удивительные природные явления.

Поразительно, но в последние дни марта 1991 года Юрию Яковлевичу удалось организовать и провести областную конференцию «Контактёров Кузбасса». Скептики полагали, что придёт в лучшем случае человек двадцать. Однако под крышей областной филармонии собрались более 300 участников! Конечно, это можно объяснить и тягой к познанию непознанного, и «эффектом Кашпировского», на гипноспиритические сеансы которого у теле-

экранов собиралась вся страна. Тем не менее... Уместно напомнить, что программа конференции была составлена по письмам зрителей.

«То, что было рассказано участниками конференции «Контактёры Кузбасса», казалось бы, выходило за пределы здравого смысла, – с удовлетворением констатировал Юрий Яковлевич в интервью журналу «Кузбасс XXI век». – Надо было просто отбросить своё материалистическое сомнение, и всё бы встало на место. Случается же такое, когда один человек оказывается прав, а мы, идущие в едином строю, не правы».

Специалистами телевидения давно замечено, что почти у всех передач-долгожителей нелёгкая судьба. Их со временем или закрывают, или передвигают по сетке вещания на менее «смотрибельные» часы, или переводят на другие каналы. «Шаг за горизонт» – не исключение. Кроме всего прочего, на областном государственном телевидении не только передачи, но и руководители тоже меняются время от времени. И каждый новый ТВ-шеф начинает устанавливать свои правила, переделывать эфир под свои взгляды на телеиндустрию.

«Что для одного хорошо, для другого плохо», – усмехался Юрий Яковлевич. – У всех разное воспитание, разные знания, разные ценности. Каждый со временем вырабатывает свою модель познания мира, где переплетаются особенности собственного характера, увлечений со знаниями тех людей, у кого учился; влияет и то, какие книги читал, какие фильмы смотрел, с кем дружил, кого ненавидел, и так далее».

Тележурналист КСТ – ГТРК «Кузбасс» Светлаков «пережил» немало руководителей областного ТВ. Они, начальники, бывали всякими. Вспоминая о каждом, он то с добрым юмором, то с сарказмом рассказывал, что в результате прихода некоторых доводилось едва ли ни начинать всё сначала. Может, кому-то из его бывших руководителей интересно было бы узнать, что думал о них подчинённый:

«Первый директор КСТ принял меня на работу. Второй дал возможность выучиться во ВГИКе. Третий – отлучал от эфира. Четвёртый – уволил со студии. Пятый – вернул. А шестой... Шестой сделал то, что третий и четвёртый вместе взятые. Первый «мой» директор телевидения Дмитрий Иванович Култаев на самом деле был вторым по счёту телена начальником. Первого – Павла Даниловича Лазько (самый первый директор КСТ, работал в этой должности с марта 1958-го по март 1959 года) – я видел всего раза два и не могу судить, что это был за человек. А Дмитрий Иванович Култаев был строгий, но справедливый.

...Не удержусь и напишу два слова о других начальниках. Одного прислали из Тисуля к нам руководить ГТРК. Первым делом он поставил в дверях

вертушку, вероятно, по старой памяти, чтобы коровы не проходили. Благо, на третий день вертушка сломалась. Дальше – больше. Установил строгий режим рабочего времени: “Где ты был с 10 до 11? Почему не сидел на рабочем месте?! Пиши объяснительную!” По поводу программы “Шаг за горизонт” он сказал: “Я ещё в школе учил, что аномальных явлений не бывает”, – и запретил программу. Тогда я написал заявление: “Прошу уволить по Вашему желанию”. “Кто так пишет?! – возмутился он. – Писать надо «по собственному желанию»”. Я написал: “Прошу уволить по Вашему собственному желанию”».

Чтобы сохранить программу «Шаг за горизонт», Светлаков на время ушёл в кемеровскую городскую телекомпанию NTSC. Через год, с приходом на ГТРК нового директора, снова вернулся на родную студию. Дальше был период, когда с очередной сменой руководства его программу перевели с канала КСТ (ГТРК «Кузбасс») на губернский телеканал «СТС-Кузбасс», который тогда тоже находился с ГТРК «Кузбасс» под общей крышей.

Потом наступило время запретов показа отдельных готовых передач «Шага»: одни передачи – разreshали, другие – снимали с эфира. Часто, как сетовал Светлаков, без особого объяснения причин.

Порывшись в интернете, я нашёл и другие оценки. Вот слова из правительственной телеграммы, полученной Юрием Яковлевичем в начале сентября 2006 года: «Примите мои сердечные поздравления с 20-летием передачи «Шаг за горизонт». Немногие передачи отечественного и мирового телевидения могут гордиться таким долгожительством. Ваша программа имеет постоянную и преданную зрительскую аудиторию. Считаю это закономерным, ведь передачу отличает Ваш высочайший профессионализм, искренний интерес к собеседнику, доброжелательность, ответственность за каждое слово. Кузбассовцы знают Вас также как автора серии передач и книг о наших земляках, об истории киножурналистики в Сибири. Студенты высоко ценят Вашу эрудицию, строгость и несомненный педагогический талант. Желаю Вам неиссякаемой жизненной энергии, реализации всех творческих замыслов, благодарных и одаренных учеников, любви зрительской аудитории. С уважением, Губернатор Кемеровской области Аман Тулеев».

Между тем, наступил день, когда программу «Шаг за горизонт» закрыли окончательно. Это случилось в сентябре 2006 года. «Вечером 7 сентября 2006-го моросил мелкий дождь, – рассказывал Юрий Яковлевич. – Было прохладно. Пахло выхлопными газами от автомобилей. Я шёл на студию в последний раз, чтобы провести прямой эфир...»

В этот осенний день его уволили со студии, где он отработал почти полвека, уволили ровно через

45 лет: день в день! Кто-то вздохнул с облегчением: наконец-то избавились от непослушного и «неправильного» автора. Кто-то ему сочувствовал: «Держись, старик! Надо это пережить!»

Сам Юрий Светлаков в финале последнего выпуска «Шаг за горизонт» поблагодарил преданных зрителей за долготерпение, за поздравления в связи с двадцатилетием программы и сказал: «Программа «Шаг за горизонт» закрывается. И не потому, что для неё нет тем – их-то превеликое множество. Просто я устал бороться с ветряными мельницами».

Жестокий факт: почти все выпуски «Шага» оказались уничтоженными, а их, напомним, за 20 лет вышло около 700. Многие передачи на студии стирали сразу после эфира, объясняя тем, что не хватает кассет для других передач. Светлакову удалось сохранить или восстановить считанные единицы своих «Шагов». Некоторые из них до сих пор гуляют по необъятным просторам интернета.

В книге «Запрещённый «Шаг за горизонт», увидевшей свет в 2018 году, Юрий Светлаков написал:

«...Я задаю себе вопрос – стоило ли мне потратить двадцать лет на передачу «Шаг за горизонт», зная, что почти невозможно перешагнуть линию горизонта? Чем быстрее к ней приближаешься, тем дальше она от тебя отдаляется... Ради чего тогда всё это упрямство? Я хотел рассказать и показать, что мир прекрасен и не ограничен заборами, что там, за горизонтом, много интересного и, к сожалению, пока запретного! Но не всё ещё потеряно!»

Нетрудно представить себе состояние художника, у которого отобрали краски. Понять его тяжелейшие душевные переживания можно, наверное, лишь тому, кто сам проходил через это...

Друг Юрия Яковлевича поэт Леонид Гержидович написал ему созвучные настроению строчки:

*Не уйти.
Никуда мне не деться,
Плоть моя
Отстоялась, как соль,
Подступили
Под самое сердце
Неизбывные совесть и боль.*

Немало помаялся тогда Светлаков. Но нашёл в себе силы пережить это и шагнуть дальше. Решил полностью переключиться на общение с другой аудиторией – со студенческой.

7.

Вообще-то преподаванием он начал заниматься с 1974 года. По совместительству. Однажды он, согласившись на предложение только что созданной кафедры фотовидеотворчества Кемеровского госу-

дарственного института культуры, в свободное от работы время провёл спецкурс по операторскому мастерству. Дальше – больше. Постепенно ему стало очень интересно общаться с молодыми людьми – студентами, особенно с теми, у кого чувствовались творческие амбиции. Наверное, в ком-то из них он узнавал себя в их возрасте, наполненном желаниями и мечтами.

Не без участия Светлакова в 1974 году при институте культуры открылось отделение руководителей самодеятельных киностудий – одно из трёх в СССР и единственное в Сибири.

В 2006 году, уйдя с телевидения, Юрий Яковлевич окончательно перешёл на преподавательскую стезю – поступил работать на кафедру фотовидеотворчества КемГИК.

Методика его преподавания была интересной, наглядной, выверенной. Свой лекционный курс он любил называть беседами. Почему беседы, а не лекции? Беседы предполагают свободную форму общения, которую он предпочитал.

Его ученики рассказывают, как в этих беседах он открывал студентам секреты операторского искусства, обязательно ориентируясь на заданные ребятами вопросы. Занятия старался начинать с коллективного просмотра фильмов известных мастеров.

Его собеседование – не поток бессознательно-го: у преподавателя Светлакова всегда есть план, где расставлены нужные акценты. Как правило, сценарий бесед был таков: «Вначале я спрашиваю студентов: “Есть ли вопросы к докладчику?” – делится он секретами в своей книге «Свет мерцающих звёзд. Беседы о кинооператорском мастерстве». – Я жду вопросов, как рыбак поклёвки. Введение в беседу – это как сыграть увертюру, а потом уже выливать на тему».

Ход беседы Юрий Яковлевич придумывал заранее. И, безусловно, всякий раз старался незаметно, но твёрдо придерживаться своего сценария. Но... студенты есть студенты, с ними возникали всякие проблемы:

«Бывало, захожу в аудиторию... Вижу – сидят скучные, мрачные. Зачем, спрашивается, припёрлись? На обдумывание не остаётся времени и, иногда неожиданно для себя, обращаюсь к ним: “А не рассказать ли вам анекдот?”. Рассказываю. Далее сообщаю, какой фильм будем смотреть, и даю несколько указаний, на что обратить внимание. Но не детализирую! Дело в том, что во время просмотра студент волей-неволей ждёт в фильме того момента, на который я рекомендую взглянуть особо, пропуская мимо ушей и глаз многое другое.

После просмотра начинается самое интересное и самое сложное – обсуждение увиденного и услышанного. Как вовлечь студентов в беседу? Было бы

просто рассказать подробности биографии оператора, как установлен свет, какая композиция кадра. Надо осветить ключевые моменты в творчестве оператора. Его почерк, манеру, основываясь на первоисточниках – воспоминаниях, плюс свои впечатления от увиденного и прочитанного. Подчеркну: важны первоисточники, а не пересказы искусствоведов.

Затем переходим к анализу фильма. Анализ – слово-то какое противное – медицинское. Если сказать: разбор, – ещё хуже. Лучше спросить: «Как сделано?» Труднее всего вовлечь студента в самостоятельное суждение о просмотренном материале. Какой свет, ракурс, композиция – всё то, что составляет основу операторской профессии.

Память выбирает то, что когда-то удивило и поразило. То, что эмоционально не задело, память стирает или прячет в тёмные закрома кладовых мозга. Бывало, подготовишься, как урокодатель, а результата никакого – глазки у студентов не горят».

Опытный преподаватель, сам – хороший оператор с большим стажем, он скрупулёзно и подробно объяснял и простые, и сложные приёмы, которые нужны профессионалу этого дела. Причём конкретные секреты съёмки демонстрировал на конкретных фильмах больших мастеров.

Например, деление на планы: общий, средний, крупный, деталь, а также понятие ракурса, – разбирали на примере кинолент оператора Андрея Александровича Левицкого. Вначале Юрий Яковлевич увлекательно описывал студентам свои давние впечатления о встрече с ним:

«Когда я поступал во ВГИК, то экзамен по фотографии сдавал какому-то «дедушке», который впоследствии оказывался легендарным Левицким, только в дореволюционные годы снявшим около 100 фильмов. Среди них – большие экранизации русской классической литературы: «1812 год», «Анна Каренина», «Дворянское гнездо», «Крейцеров соната», «Война и мир», «Отцы и дети». После Октябрьской революции он снимал хронику Гражданской войны, агитфильмы. Ему принадлежат уникальные кадры съёмок Ленина. Участвовал в создании первых советских художественных фильмов – «Восстание», «Мать», «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков». В годы Великой Отечественной войны Левицкий работал на киностудии «Воентехфильм».

И когда учитель Светлаков видел, что глаза у студентов загорелись неподдельным интересом, он включал фильм. А после следовал детальный разбор ленты в рамках темы урока.

А такие темы, как панорама, движение камеры, трансфокация, доцент Светлаков, бывало, демонстрировал на примере работ оператора Эдуарда Казимировича Тиссэ.

– Начну, как обычно, с краткой информации об операторе, – объявлял он. – Затем продолжим более подробный разговор о Тиссэ. Или сразу будем смотреть его фильм «Броненосец «Потёмкин»?

– Мы его видели! – обязательно реагировал кто-нибудь в аудитории.

– Тогда ответьте на вопрос: почему сегодня «лучший фильм всех времён и народов» не волнует ваши души? Сегодня мы посмотрим фильм не просто так, но, изучая почерк Мастера, исследуем, как снято, как скомпонован кадр и так далее. Итак, Тиссэ...

Если тема занятия касалась оптики, композиции кадра или света, Юрий Яковлевич обращался к работам своего любимого преподавателя ВГИКа Анатолия Дмитриевича Головни.

– К моему большому удовольствию, – обязательно подчёркивал он, – мы посмотрим фильм моего детства «Потомок Чингис-хана» и поразмышляем о творчестве оператора. Не ведаю, как вы сегодня воспримете фильм, ведь ему уже столько лет. А я смотрел «Потомка Чингис-хана», как и «Чапаева», раз двадцать!

Вообще, Анатолий Головня начинал ассистентом у Левицкого на фильме «Луч смерти» – в 1925-м. Первая его самостоятельная работа – это фильм «Кирпичики» в том же 1925 году. Высшее проявление операторского мастерства Головни в немой кинотрилогии «Мать» – в 1926-м, «Конец Санкт-Петербурга» – в 1927-м, «Потомок Чингис-хана» – в 1928-м. Ещё его замечательные ленты: «Живой труп» – в 1929 году, «Минин и Пожарский» – в 1939 году, «Суворов» – в 1941-м, «Адмирал Нахимов» – в 1947-м...

Светлаков не уставал повторять студентам слова известного кинооператора С.П. Урусевского: «Когда волнуешь я во время съёмки – волнуется потом зритель. Когда равнодушен я – равнодушен потом и зритель».

Полной мерой отведав нелёгкого «операторского хлебушка», Юрий Яковлевич предупреждал своих студентов, что рассчитывать на звёздные лавры и большие заслуги в этой профессии не приходится. Обычно фильм связывают с именем режиссёра, реже – с актёром. Оператор, как всегда, остаётся за кадром, откровенно подчёркивал он. В лучшем случае напишут его имя в титрах. «Я не раз испытывал на себе косой взгляд режиссёра и редактора. Для многих из них оператор лишь привод к камере», – уведомлял учеников профессор кафедры кинофотомастерства (впоследствии стала кафедрой экранных искусств) КемГИК Юрий Яковлевич Светлаков, готовя их ко всем перипетиям профессии.

В институте культуры он работал до 2018 года. На протяжении почти 45 лет преподавая курс операторского мастерства, воспитал не одно поколе-

ние кинооператоров и режиссёров. Его студенты принимали активное участие во всероссийских смотрах и конкурсах кинематографии. Немало выпускников Светлакова стали прекрасными специалистами. Многие из них работали и работают на телевидении, в кино, их адреса, как говорится, «разбросаны» от Калининграда до Сахалина.

Не сомневаюсь, что они с любовью и благодарностью вспоминают учителя.

«Юрий Яковлевич Светлаков – мой первый и самый главный преподаватель операторского мастерства, – писал, например, кинорежиссёр, путешественник Виктор Трофимов из Магнитогорска, окончивший КемГУКИ в 1985 году. – Под его деликатным и вдохновенным наставничеством я начал свой путь в кинематографе. Юрия Яковлевича мы «вытребовали» себе в группу у кафедры кинофотомастерства на втором курсе. Кино нам снимать очень хотелось. А мне – аж до дрожи!

Юрий Яковлевич умело направлял нас в неведомый мир киносъёмочного процесса. Мы ему верили безусловно. Да что там говорить, мы любили его как отца! Мне повезло вместе с Учителем даже вести телепередачу на Кемеровском областном телевидении. Она называлась «Пятёрка за диплом»... Это мой первый опыт работы в кадре. Я счастлив, что в моей жизни есть Мужик, которого я уважаю!»

8.

«Меня постоянно преследует недосказанность...», – проговорится однажды Юрий Светлаков. Он не может сидеть дома, быть на покое или, как говорят, на заслуженном отдыхе. Все последние годы он активно занимается любимыми делами. Одно из них – фотография.

Юрий Яковлевич организует и проводит выставки своих фото. Вспомним некоторые из них. Он дружен с Кемеровской областной научной библиотекой имени В. Д. Фёдорова. Его часто приглашают сюда на разные мероприятия, для общения с читателями. Поэтому здесь проходят и его выставки.

Так, в сентябре 2011 года в областной библиотеке открылась персональная выставка Юрия Светлакова «Жизнь врасплох», где он представил на суд посетителей более 70 фотографий разных лет: городские и природные пейзажи, снимки выдающихся людей Кузбасса.

– Фотография – это мгновение, это жизнь врасплох, это кадры, которые потом никогда больше не повторяются, – убеждён автор.

В апреле 2015 года в областной библиотеке прошла ещё одна фотовыставка известного журналиста и телеведущего – «Мое документальное кино». В эту экспозицию Юрий Яковлевич включил около 50 фотографий из своей новой одноимённой книги. На снимках были запечатлены персонажи,

сопровожающие автора в процессе съёмок телепередач и документальных лент: артисты, поэты, писатели, художники, шахтёры и другие известные в регионе и России люди.

Ещё одна персональная фотовыставка Юрия Светлакова прошла в Мариинске в Литературно-мемориальном Доме-музее В. А. Чивилихина. Она называлась «Всё, что было...» Её презентация состоялась 29 июня 2017 года. Автор подготовил фотоотчёт о встречах с интересными людьми, о чём свидетельствуют фотографии «Алексей Леонов в студии телевидения», «Поэт Леонид Гержидович», «ГТРК Кузбасс». О его многочисленных поездках по стране и миру рассказывали снимки «Под крылом самолета», «Туристы на Телецком озере», «Купите свежие креветки» и многие другие.

Он тщательно сохраняет и популяризирует историю Кузбасса в виде документальных кадров своих фильмов, фотографий и книг. Ему хотелось возродить интерес к авторскому фильму. Во многом для этого Юрий Светлаков, почётный читатель главной библиотеки области, в январе 2008 года создал при этой библиотеке Клуб любителей документального кино «Свет». Юрий Яковлевич был его бессменным руководителем и спикером. Членом клуба мог быть любой читатель. На открытые заседания клуба, которые проходили раз в месяц, в каждую третью субботу, собирались десятки любителей серьёзной кинодокументалистики. Работники храма Книги подсчитали, что за годы деятельности клуба Светлаков провёл 80 заседаний. Здесь смотрели фильмы, обсуждали их, устраивали презентации книг и чествования писателей.

Он и в клубе документального кино не забывал о воспитательной функции кинематографа. Наблюдал за тем, как происходил «процесс перестройки» восприятия фильма, отмечал: «Вначале у зрителя срабатывала привычка «развлечения» – пришёл, посмотрел и ушёл. Убил время. Затем люди стали постепенно следить за тем, как снято. И, наконец, иногда во время просмотра я замечал, как у зрителей на глазах навёртывались слёзы. Это и есть, наверно, аристотелевское понятие «катарсиса».

На официальном сайте «Фёдоровки» я обнаружил такую запись: «Мы гордимся, что в стенах библиотеки творил известный земляк, настоящий профессионал, талантливый кинооператор Юрий Яковлевич Светлаков, чьи фильмы и телепрограммы всегда узнаваемы, с самобытным авторским почерком и высоким художественным вкусом».

Однажды летом 2011 года в его квартире раздался телефонный звонок. Главный редактор местного телеканала «Мой город» пригласила его для разговора. В назначенное время на втором этаже бывшего кемеровского клуба ГРЭС, пробираясь через декорации (оказывается это была студия для

прямого эфира), спотыкаясь о провода и какие-то ящики, он вошёл в длинную комнату.

«Ба! Знакомые всё лица – в основном бывшие труженики с ГТРК «Кузбасс» и мои студенты. В дальнем углу за столом сидела главный редактор, оказывается, я её видел в программе «Включайся» на губернском телеканале «СТС «Кузбасс». Зван я был для того, чтобы предложить мне вести по утрам программу «Утро в нашем городе...»

Это же надо вставать в 5 утра, что для него почти нереально! Пришлось отказаться. Тогда предложили вести программу наподобие «Семейного альбома». Он решил согласиться, хотя помнил, что нельзя дважды входить в одну и ту же реку. Подписал не глядя договор. На первый случай составил список лиц, с кем бы хотелось поговорить в телеэфире «за жизнь».

Программу называли «Штрихи к портрету». И в один прекрасный день Светлаков выехал в посёлок Кедровка – на первую съёмку к известному фотомастеру Юрию Сергееву. Он волновался, ведь почти на пятилетку был отлучён от эфира. Только зря переживал. Отзывы о его новых передачах и на редакционных летучках, и в прессе, и при встрече со зрителями были хорошими.

Особое восхищение вызвали его эфиры с актёром Олегом Кухаревым, поэтом Борисом Бурмистровым, гармонистом Николаем Сидихменовым, музыкантом Владимиром Фуксманом, доктором Валентиной Понутриевой. Как шутиливо написала газета «Московский Комсомолец» в Кузбассе: Светлаков задавал глупые вопросы, а получал умные ответы. Как говорится, если талант есть – его не пропёшь.

«Штрихами к портрету» он умело раскрывал телезрителям интересного собеседника, вёл с ним проникновенный разговор по душам. Это были не просто пересуды на телеэкране – это были исповеди его героев.

Однако через какое-то время он ушёл с телеканала. Причин, вспоминал он, было несколько. Во-первых, он всегда любил работать над темой один, а здесь его постоянно опекали многочисленные молодые помощники, досаждали своими советами. Ему не нравилась заставка к передаче, однако, как ни просил, переделывать её не стали. Не нравилось, что в его короткую – 20 минут – передачу вставляли рекламу. Ещё он приходил в уныние от невысокой культуры операторской работы.

– Я на эти передачи тратил уйму времени, – пояснял Юрий Яковлевич. – Надо было договориться с человеком, собрать о нём сведения, подготовить вопросы. Потом съёмка, расшифровка материала и монтаж. Готовый материал я относит на телеканал. Первое время ждал выхода передачи в эфире. Потом даже не смотрел. Почему? Чаше всего переда-

чи были перемонтированы по непонятно каким соображениям.

Я привык всё делать сам и отвечать за содеянное сам. Чтобы не было «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», решил покинуть студию».

Но без работы ему не сиделось. Упрямый, неугомонный оператор-режиссёр, он продолжает снимать своё кино. Он же не может не говорить со зрителем языком света и тени, возможностями кинокадра, посредством видеохроники.

– Продолжаю снимать, – признаётся он на своей страничке в соцсети, – как говорят, в стол. Иногда свои фильмы показываю в клубе документального кино «Свет». Выставляю фильмы ВКонтакте.

Как-то раз, году этак в 2011-м, актёр Кемеровского драматического театра, давний друг Юрия Яковлевича Олег Кухарев позвонил и попросил Светлакова найти оператора, с которым можно было бы снять фильм о профессии актёра на примере артистов драмтеатра.

– Давай я сам попробую! – обрадовал тот. – Но сразу скажу, что снимать кино о профессии актёра – дело пустое, это почти то же самое, что ответить на вопрос: что такое любовь?

И они вместе – Светлаков и Кухарев – с увлечением взялись за работу. В это время московский режиссёр Дмитрий Петрунь ставил в драмтеатре спектакль «Боинг-Боинг». И друзья решили «вплести» эту пьесу в ткань фильма. Название для ленты «пришло» из спектакля «Принцесса Турандот», сыгранного в московском театре имени Вахтангова. Там в самом начале представления один из героев восклицает: «Сегодня мы играем так...» Кемеровский фильм так и назвали. Кстати, в 2019 году Юрий Светлаков выпустил книгу с таким же названием, где подробно описал историю совместной с Олегом Кухаревым работы над тем самым кино:

«После съёмок и монтажа получился трёхчастный фильм, по 45 минут каждая часть. Я показал его соавтору Олегу Кухареву. Ему кино не понравилось. Мне тоже показалось затянутым, даже немного занудным. Я сократил до двух частей, переписал на диск. Отдал диск Олегу и на том, подумал, что дело закончилось.

Прошло время... Как-то решил показать своим студентам «Сегодня мы играем так...» не в качестве примера, как надо снимать, а, наоборот, как не надо. И попросил их конкретно показать пальцем, где хорошо, а где плохо. Лучше бы я этого не делал. Почти никто не смотрел на экран, уткнулись носами в свои смартфоны. Мне же самому кино стало нравиться. Через пелену равнодушия я вдруг по-другому стал воспринимать содеянное».

А вот слова Олега Кухарева:

«Через месяц показали материал в клубе документального кино «Свет». К сожалению, о фильме

не вспомнили даже в юбилейные дни театра. А лучше-то никто не снимал!»

Юрий Светлаков по привычке выложил фильм в интернете и, можно сказать, забыл про него. Прошло ещё время, и эта история обрела счастливый финал.

Однажды преподаватель колледжа культуры и искусств Артём Лугачёв пригласил Юрия Яковлевича провести беседу со студентами кафедры режиссуры и актёрского мастерства с показом фильма «Сегодня мы играем так...»

«Где он это кино увидел? – удивлялся Светлаков. – Вероятно, ВКонтакте. Вот где я получил истинное удовольствие от просмотра. Молодые девчонки и мальчишки смеялись там, где надо, хлопали там, где надо и не надо. После просмотра было сказано много добрых слов в адрес фильма. Главное, один из них сказал: «Лучшего учебника по актёрскому мастерству и театральной режиссуре я не встречал!»

Эти слова стали долгожданной наградой за трудоёмкую работу. Мастер и не мог сделать иначе...

9.

Были в жизни Юрия Яковлевича и другие награды. В том числе – награды государства Российского, звания и награды Кемеровской области, а также ведомственные, общественные и творческие знаки отличия.

В их числе медаль СССР «За трудовую доблесть» (1971), знак Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию «Отличник телевидения и радио» (1972); среди областных наград – орден «Доблесть Кузбасса» (2013), медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2002), «60 лет Кемеровской области» (2003), «65 лет Кемеровской области» (2008). В 2014 году ему было присвоено звание «Почётный гражданин Кемеровской области».

За исследование истории кино Сибири и Кемеровской области Юрия Яковлевича в 1997-м приняли в члены межрегиональной общественной организации «Петровская академия наук и искусств» (г. Санкт-Петербург). Ю.Я. Светлаков был победителем в номинации «Лучший ведущий авторской программы-2000» в I областном телевизионном конкурсе «ТВ-Престиж» – за очерк «Остров».

Член Союза журналистов и Союза писателей Кузбасса, Юрий Светлаков – автор большой серии книг и учебных пособий об операторском мастерстве, киноискусстве Кузбасса, телевидении Кемеровской области. Некоторые из них я уже назвал. Но, думаю, стоит ещё раз упомянуть их и также назвать другие его книги: «Киноленты памяти», «Съёмщик», «Шаг за горизонт», «Семейный альбом», «Путь непослушания, или неправильные люди», «Кемеров-

ское телевидение. История в чёрно-белых фотографиях», «Автор-оператор», «Сибиряки-добровольцы на экране», «Свет мерцающих звёзд». «Штрихи к портрету», «Слово о полку Игореве», «Моё документальное кино», «Вспомнить детство и забыть», «Все ушли на фронт», «Время, назад!», «Таинственная Сибирь», «Шахтёры Кузбасса на экране», «Житель Марса Иван Егорович Селиванов», «Сегодня мы играем так...», «ВГИК. Заветная звезда» и другие.

7 августа 2022 года Юрия Яковлевича с нами не стало. Он ушёл на 85-м году жизни. Известный кинооператор, ведущий, автор культовых программ, легенда кузбасского телевидения, преподаватель, доцент кафедры экранных искусств КемГИКа считал, что самое главное в жизни – это свобода, и к этой свободе он проложил свой путь!

Он полагал, что «человек преуспел в создании разных технических средств, но почти ничего не достиг в познании самого себя и тем более Вселенной. Призыв древних «познать самого себя» так и остался для человека тайной».

Он пытался донести до нас ускользающее понимание того, как научиться чувствовать самого себя, соблюдая при этом законы Природы. Пытался добраться до той самой истины, когда мы осознаем, что есть ещё что-то «разумное, доброе, вечное», снимем с себя забетонированный покров сомнения и неверия, откроем забытые знания о нас самих.

Он хотел найти ответы на вечные вопросы: кто ты? Зачем ты здесь? Что такое жизнь? Что такое любовь? Что такое разум? Он предлагал прислушаться к той внутренней информации, которая проходит через тебя». Убеждал: «Старайтесь каждый день хоть на один шаг продвинуться вперёд к горизонту в поисках самого себя».

Операторское мастерство – это светописное искусство, – был уверен Мастер: «В одной книжке написано: «Бог есть Свет, и нет в нём никакой тьмы». Стало быть, операторское дело – богоугодное. Да будет Свет! Главный вывод: если люди теряют визуальную культуру при восприятии действительности, они теряют свою индивидуальность, теряют способность к самопознанию...»

И ещё Юрий Яковлевич Светлаков призывал: «Проживайте каждый день в радости и творчестве и не задавайте себе ненужных вопросов. Смысл жизни – в жизни! Волшебники Света, идите и снимайте своё кино. Зажигайте свои звёзды на операторском небосклоне. Наблюдайте за деяниями Мастеров. Смело открывайте дверь в неизведанное. Пусть дух открытий не покинет вас. Искренне стройте свой мир по совести. Старайтесь не походить на других!»

г. Кемерово

НИКОЛАЙ КАЛАШНИКОВ О КЛУБЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ «КОНТАКТ»

Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» начал свою работу в 1978 году. 27 апреля было проведено первое заседание, и именно этот день считается днём рождения клуба. Организаторами клуба были Б.М. Гилев (наш первый президент) и С.А. Плеханова (тогда – ответственный секретарь городского общества книголюбов). С мая 1987 года стал президентом Н.Н.Калашников.

Итак, наш клуб работает уже 47-й год.

Условно можно выделить три крупных периода истории нашего клуба: читательский, ролевой и писательский. Хотя можно обозначить начало этих периодов, но вряд ли можно говорить о завершении.

Секция любителей фантастики, на которой проходит обсуждение произведений и творчества писателей, тем и проблем литературы – становой хребет «Контакта». Впрочем, только чтением контактовцы не ограничивались. Шло и исследование фантастики. С конца восьмидесятых до начала девяностых проходили ежегодные конференции по проблемам фантастики. На них было прочитано более пятидесяти докладов. Наталья Прилуцкая выступала на научных конференциях с докладами по творчеству Толкина, в том числе с двумя – на Толкиновской конференции, посвящённой 50-летию «Властелина колец», в Англии. Выступал с докладами на научных конференциях Сергей Тараканов. На трёх Всесоюзных (позже – Всероссийских) конференциях по творчеству А. и Б. Стругацких выступал Николай Калашников. Учась на филфаке в Петербурге, Дмитрий Старков (ныне – прекрасный переводчик произведений писателей-фантастов на русский язык) писал курсовую и дипломную работы по проблемам фантастики. В клубном издательстве они изданы книжечками. Олег Нестеренко защитил кандидатскую диссертацию об англоязычных переводах XIX–XXI веков поэмы Гоголя «Мёртвые души».

Ролевой период начался с первых Хоббитских игр 1990 года. Ролевая игра – это возможность в реальности (пусть и игровой) прожить другую жизнь, жизнь персонажа книги. Пожалуй, все девяностые на каждом занятии

(о каком бы авторе или о какой проблеме фантастики мы ни начинали говорить) к концу выяснялось, что мы обсуждаем или спорим по проблемам «Властелина колец». Ролевики в клубе было процентов 95, если не больше, а вот любящих Толкина – все 100.

А писательский период условно начался с 1995 года, когда мы начали собственное творчество выделять в отдельную секцию. Хотя и стихи, и прозу у нас писали с самого начала. А первая клубная страничка в газете у нас появилась в 1983 году.

Сейчас «Контакт» – писательский клуб. Наша литературная студия – «Секция собственного творчества КЛФ «Контакт». Разумеется, творчество наших авторов разное – и по объёму, и по качеству. От четверостишия в клубном листке до пятнадцати книг в московских издательствах и более десятка книжек в клубном издательстве нашего писательского флагамена Натальи Колесовой, члена Союза российских писателей. Последние её книги в Москве выходили в собственной серии «Грани миров Натальи Колесовой».

С 1997 года работает клубное издательство (с 2013 года – издательство «Ник без Compani»). Первые несколько книг выпускались с помощью библиотеки им. Гоголя, все остальные – Николаем Калашниковым. Всего клубом издано более 190 книг.

В клубе – восемь членов Союза российских писателей и один член Союза писателей России. Клуб «Контакт» является молодёжной площадкой Союза российских писателей. Свой новый, 47-й сезон клуб открыл презентацией книг Олега Сафонова «Фантом» и Семёна Агеева «Железные сны», изданных в Кемерове.

Впрочем, не одними книгами жив «Контакт». Секция «Имагенон», работающая в клубе под руководством писателя, поэта, художника Валерия Колотвина, начала свой очередной сезон открытием в библиотеке им. Гоголя выставки работ члена клуба, художника Оксаны Мельниковой.

Предлагаем подборку наших авторов, участвовавших в конкурсах мини-рассказов «Интерпресскон». Санкт-Петербургский «Интерпресскон» – старейший (после «Аэлиты») конвент по фантастике в России. На нём вручалась самая престижная премия по фантастике – «Бронзовая улитка» (личная премия Б.Н. Стругацкого).

С 1993 года на конвенте вручается премия «Интерпресскон» по нескольким номинациям фантастики: крупная форма (роман), средняя форма (повесть), малая форма (рассказ), критика, публицистика и другие. С 1997 года по предложению писателя Святослава Логинова появилась ещё одна номинация «Интерпресскона» – сверхкороткий рассказ (мини-рассказ, микро-рассказ). В этом конкурсе постоянно принимают участие такие известные писатели, как Евгений Лукин, Святослав Логинов, Г.Л.Олди, Сергей Лукьяненко и другие. Уже в 1997 году участником конкурса микрорассказов стал контактовец Александр Головков с рассказом «Монолог Харона с Цербером на поводке». С 1997 года по 2017 год в этом конкурсе приняло участие двадцать новокузнецких авторов, из них большинство – контактовцы. Главное достижение новокузнецчан в этом конкурсе – второе место рассказа Натальи Колесовой «Моя жена – чужая» в 2017 году.

ОЛЬГА БЕЛОУСОВА

НЕЖНОСТЬ

Что проще? – вопрос, мне его не постигнуть,
Самой умереть или видеть, как гибнут?
С. Сурганова

Серое небо, серые тучи, чёрное солнце. Тысячи веков ожидания – и ничего не меняется. Как всегда.

Я наклонилась к кошке. Она умирала. Тяжело умирала, внутри всё переломано, а в глазах – слёзы. Я провела ладонью по напряжённому уставшему тельцу. Пальцы обожгло, не сильно, а так... словно неосторожно коснулась горячего утюга. Кошка благодарно вздохнула и расслабилась. Умерла.

В руках осталась чужая боль. Чужая – это значит, что не мешает, не тянет, только напоминает о свершившемся.

Я шагала под серым небом, зная, что на самом деле оно сейчас голубое. Под серым солнцем, чувствуя его жёлтые лучи на своей коже. Подражая людям, я вдыхала тёплый серый воздух и искала глазами тех, кому ещё должна помочь...

Чужая смерть, как чужая боль – не тянет...

беспокоит немного – никто, мол, не вечен, но не тянет...

У пса были впалые бока и страшные злые глаза. Он ненавидел воду. И запахи, и звуки... И тех людей, что проходили мимо, он тоже ненавидел... Он, конечно, не думал о смерти.

Я подошла ближе.

С серого языка свесилась капелька белой бешеной пены. Мягко упала на чёрную землю, впиталась в неё, будто спряталась.

Я присела на корточки рядом с псом, осторожно погладила взлохмаченную голову. Пёс заскулил, тихо, жалобно... Я не была человеком, и он доверил мне своё горе...

Я погладила его ещё раз. Тепло длинной голодной дворовой жизни впиталось в пальцы, растеклось по телу тоской и медленным неверием в наконец-то наступившее счастье. Пёс лёг на серую землю и заснул. Тем сном, о котором сложили столько песен...

Я знаю, ТАМ он будет сначала много пить... Пусть. ТАМ вкусная вода. И он никогда больше не испытает жажды.

Я снова шагала под серым небом и чёрным солнцем. Мир столь ярок, а я вижу лишь оттенки чёрного и белого. Мир богат на радость, а мне достаётся только боль. И ладно бы – своя, так нет же – чужая...

Подушечки пальцев чуть-чуть покалывало. Я адвинула капюшон пониже на глаза, улыбнулась... Нет, на самом деле, это хорошо. Хорошо, что боль – чужая...

Я опустилась на чёрную тёплую землю. По парку шли люди и тени. Среди множества теней узнала одну знакомую, помахала ей рукой. Тень улыбнулась, но подходить не стала. Она уже нашла того, кто должен умереть сегодня, и, видимо, была занята его судьбой. Что ж, ладно. Им, теням, гораздо сложнее. Люди плохо умирают, без надежды и без покоя, и почти всегда – насовсем. И эта окончательность остаётся здесь, с тенями и чёрным солнцем. И однажды наступает предел для тени, и она уходит вместе с человеком. Так же, как и он, без надежды и покоя. Навсегда.

Поэтому – теням труднее. Они, каждая из них, даже самая молодая и зелёная, знают, что где-то когда-то появится ТОТ, последний, и всё закончится. А с миром жаль расставаться. Пусть даже в этом мире ты видишь только все оттенки чёрного и белого. Тени знают, но всё

равно продолжают ходить среди людей и выбирать...

За моей спиной, по ту сторону толстого дерева, что-то пронзительно пискнуло. Я обернулась. Котёнок. Маленький, серый, по-настоящему серый котёнок.

Я чуть пожала плечами.

Котёнок пискнул ещё раз. Не от боли. Я бы почувствовала её и забрала, как забирала у других. Нет, не от боли. От одиночества. Котёнок был один и боялся. И он видел меня и пищал, и просил, чтобы я увела его ТУДА, туда, где он не будет один...

Да. ТАМ вкусная вода и нет одиночества... И если ты хочешь... ты ведь сам решил... слышишь, серый?

Сам.

Я протянула руку, привычно готовясь к мгновенной боли-ожогу. Котёнок благодарно пискнул, поднялся на тоненькие лапки, засеменил ко мне...

Я сжала кулак. Я не смогла.

Не смогла.

Котёнок забрался мне под плащ, ткнулся холодным мокрым носом в босую ступню. Он просил покоя.

А я не смогла...

Закрыла глаза, отгоняя непрощенное чувство – нежность. Я искала в себе серое сочувствие и сопереживание, но вместо них была только эта странная белая нежность. Я гнала её, а она отбегала на мгновение, обходила стороной... Склоняя голову, ласково смотрела на меня из-под длинной белой чёлки, и всё возвращалась и возвращалась ко мне и к моему одиночеству.

Я открыла глаза, смирившись. Сняла с головы капюшон. Тени, проходившие мимо, удивлённо вытянулись и замерли... Я улыбнулась. За тысячи веков ожидания никто ни разу не видел моих волос.

Потом я вытаскивала из-под плаща маленькое серое... живое... существо.

Котёнок. Пусть будет котёнок.

Он доверчиво свернулся в ладони, словно понял вдруг, что одиночество ушло и больше не вернётся...

Я погладила пушистую, по-настоящему серую шёрстку. Котёнок тихо, тепло мурлыкнул.

Нежность была белой-белой...

ЕВГЕНИЙ ГРЕП

«ЗАКИНУЛ СТАРИК НЕВОД...»

Дед Корней любил ловить рыбу. Правда, это у него плохо получалось.

Однако каждое воскресенье он вытаскивал из дальнего угла темнушки удочки, копал червей и шёл на речку.

Там у него было заветное место. Клёва, правда, почти не было, но тишина и красота стояли знатные.

В это воскресенье он решил, что ему повезёт. Чёрный сом, который прятался в омуте, обязательно позарится на его червя. Почему-то до сих пор он не зарился, но сегодня обязательно...

Рыбачил дед азартно, и потому сейчас, усевшись на сухую корягу, закинул удочку и стал внимательно следить за поплавком. Поплавок, казалось, заснул. Но дед знал, что хитрый сом осторожно крадётся к его крючку...

Вдруг сзади что-то засвистело, загремело. Дед сердито сдвинул брови и сказал:

– Перестаньте безобразничать!

Он думал, что это либо его внук Феликс, либо шалопаи Сашка с Игорьком. Однако совершенно незнакомый голос произнёс:

– Извините, пожалуйста... Мы не хотели...

– Ладно, ладно... – не отрывая глаз от поплавка, простил дед. Сзади что-то залязгало, запахло дымком. Но дед решил внимания уже не обращать. Потом тот же голос смущённо попросил:

– Извините ещё раз... Мне крайне неловко вас спрашивать... Но, понимаете, у нас сломался газоанализатор... Вы не подскажете примерный состав вашей атмосферы?..

Дед вздохнул: что за день сегодня? Не дадут порыбачить. Сказал не оборачиваясь:

– Азот... Углекислый газ... Кислород...

– А метана нет? – с надеждой спросил другой голос.

– Нет! – отрезал дед.

– Я уж и не знаю, сможете ли вы меня извинить... – совершенно грустно начал первый голос, и дед понял, что он опять сейчас что-то будет просить.

– Короче... – предложил дед Корней.

– У нас шуруп отвинтился... Нужен инструмент...

Дед отдал, не глядя, складной ножик, среди прочих лезвий имевший отвёртку.

Сзади опять лягнуло, закрипело...

– Большое спасибо... – поблагодарил голос и

вернул ножик. Прикосновение чужих пальцев было почему-то холодным и скользким.

– Не за что... – отрешённо пробормотал дед: поплавок немножко повело.

Загрохотало, загудело, засвистело, потянуло дымком... Потом стихло. Поплавок нырнул, дед подсёк и вытянул пескаря.

– Не сом... – со вздохом понял он. – Ну, ничего... Я его ещё поймаю... Если мешать не будут...

АЛЕКСАНДР ГОЛОВКОВ

ЭТОТ СЛАДКИЙ ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ

Кругом были небо и земля. А между небом и землёй было оно. Оно не висело и не лежало, но было здесь, он это чувствовал. Он смотрел налево, направо, вдаль... Кое-что он видел. Но остальное ускользало за горизонт.

– Чудно.

Он решил подойти к нему с другого конца. Шёл, шёл, шёл... а конца не было.

– Странно.

Он попытался его объять, распростёр руки, сгреб в охапку. Что-то в этом было. Но не всё.

– Интересно.

Он его понюхал – пахло сладко. Попробовал съесть – горько.

Он в него плюнул, оно вlepило ему пощёчину. Он бросил в него камень, в ответ оно больно ударило палкой. Он поднялся на ноги, потёр шишки и сказал:

– Хорошо.

Он пробовал его возвысить – оно присохло к земле. Он пробовал его втоптать в грязь – оно восстало.

– Что же ты такое? – спросил он.

– А что такое ты? – спросило оно.

Он улыбнулся – оно посветлело. Он нахмурился – оно потемнело.

Так.

Тридцать три года он его вычислял, прежде чем понял, что это бессмысленно.

– Ясно, – сказал он. – Это оно. Оно такое. Как я сразу не догадался? Вот оно какое, бытие наше.

НАТАЛЬЯ ЖИЛЯНИНА

МОНОЛОГ МУЗЫ

Так... И что тут у нас... Очередной потенциальный случай графоманства... И зачем только

им помогать... Ведь ежу понятно... или непонятно?... Надо поискать ежа и спросить, понятно ему или нет... Но мне-то с моим опытом понятно, что ни Пушкина, ни Чехова из этого убожества не выйдет... Не были они такими в её годы... Вот не были – и всё тут... А может, были?... Ладно, приглядеться к этому «юному дарованию» придётся... Приказ сверху есть приказ...

Дарование женского пола да ещё с филологическим образованием. Случай клинически очень тяжёлый. И куда они там наверху смотрели, когда меня сюда отправляли?... Ничего не понимаю. Ну, во-первых, эта дама ни за что не станет меня слушать, у неё же высшее образование и всё такое... Во-вторых, к бумажной работе эти люди привыкли настолько, что могут пачкать бумагу всю ночь не переставая, независимо от результата. И надеяться, что желание писательствовать пройдёт с первым отрицательным отзывом из редакции, увы, бесполезно. Ну, а в-третьих, женщина-писатель – это ещё хуже, чем женщина-учёный... Ну куда же ты? Стой!.. Я же пошутила... Нет... Ну вот... Как я и говорила... сожгла оладушки, сидя за своим компьютером... Вот чем теперь будут ужинать твои бедные голодные муж и сын? Ты подумала? Да я не голос разума, чтобы от меня отмахиваться, я, между прочим, в некотором роде твоя муза... Может, передумаешь штурмовать литературный олимп? Ну, правда, всем же легче будет... Да знаю, знаю, что не передумаешь, вон как глазки загорелись... Пишет там себе что-то, пишет.

«Душным июльским вечером я стояла на самой верхней площадке своего фамильного замка и мечтала о тех днях, когда рядом со мной будет тот, кого так долго ждала душа, о ком так страстно мечтало сердце и кто навеки прогонит мою тоску и боль...»

Мда... Заставь женщину писать, и первое слово, которое она нацарапает, будет о возлюбленном, причём такие мелочи, как возраст начинающей писательницы, а также наличие и качество этого самого возлюбленного, не имеют абсолютно никакого значения...

А теперь, моя радость, стирай всё это немедленно и начинай сначала... С чего это ты взяла, что быть тебе знатной дамой, а не горничной в этом замке? Много ты читала романов о горничных? Ни одного? А о знатных дамах? В том-то и дело, что в лучшем случае знатные дамы переодеваются горничными, чтобы повеселить окружающих... так что не занимайся плагиатом, а придумай

май свою героиню. Далее... Почему ты решила, что можешь написать одно предложение на полстраницы, как Лев Толстой, и это захочется прочитать ещё кому-то, кроме тебя? Конечно, не спору, он классик и, в некотором роде, мой бывший подопечный, но... было это всё в прошлом веке, а в нынешнем и его «Войну и мир» читают лишь избранные ценители и несчастные девятиклассники.

Фу-у-у... Стёрла наконец-то... Дошло, что нужно забыть свои мечты пятнадцатилетней давности и подумать о том, что она хочет сказать миру, чтобы это осталось в веках... Что это из меня такой пафос лезет сегодня? А-а ... конечно... это всё тот поэт... Вынь ему и положи стихи ко дню города, а у меня ведь тоже нервы!.. Так... Моё дарование снова что-то стучит на клавиатуре.

«Ветер пел свою странную песню в одну из душевных июльских ночей, ветви деревьев трещали под его порывами. Гроза разбушевалась. Одинокая фигурка девушки стояла перед воротами старинного замка. Бедняжка так промокла и замёрзла, что несколько минут не могла произнести ни слова, когда на стук вышел привратник...»

Фр-р-р... Девочка, ты сказки читала, когда была маленькой? Например, «Принцессу на горошине»? Ну до чего народ пошёл неоригинальный... Вспомнить Джойса, так его безумные идеи могли затопить весь мир, если бы я не отговорила его от некоторых... Да... Постмодернизм вырождается...

Ну что ты ещё там пишешь? Вот пишут, пишут что-то все, лишь бы написать... Хотя... вот это последнее оставим.... Будет начало нового гениального романа... А я сказала – гениального, и хватит думать, что ничего не умеешь и никто тебя не любит... Полюбят... не сумеют – научим, не захотят – заставим... Что уж я, зверь какой-то, не сделаю из человека писателя, если он так этого хочет?..

НАДЕЖДА КАЛАШНИКОВА

ЖАЛОБА ВОЛКОВ

Волк не может нарушить традиций.

Видно, в детстве – слепые щенки,

Мы, волчата, – сосали волчицу

И всосали: нельзя за флажки!

В. Высоцкий. «Охота на волков»

Она большая, мохнатая, затравленная. Мы пьём её молоко – и чувствуем, как в нас вливает-

ся страх. Бессознательный, безотчётный. Безосновательный, быть может. Но нам не дано это понять. Страх проник в нашу кровь и лимфу, стал плотью, стал частью нас, стал нами. Его нельзя из нас вырвать, убрать – потому что тогда мы умрём. Мы привыкли к нему, срослись с ним, мы не можем без него.

Запрет для нас – это святое. Кто его нарушает – святотатец. Нельзя – и всё. Нам этого достаточно. Почему, кто придумал, разумно ли, честно ли, нужно ли – такие мысли не приходят нам в головы. Они просто не могут прийти. Исключено. Если страх – наш бог, то запрет – его наместник на земле. Наш кумир. Мы поклоняемся ему, пляшем вокруг с криком и воплями, как некогда язычники, и приносим ему жертвы: себя, свои возможности, детей, любовь, счастье... Жизнь наша остаётся у нас, наша серая тухлая жизнь. Жизнёнка. Зачем нас убивать? Ведь тогда неоткуда будет взять рабов...

Прошло то время, когда на нас устраивали облавы, и егеря смеялись, глядя, как тяжело ходят бока у загнанного зверя, а собачий лай терзал окрестности на много миль вокруг. Теперь иная тактика. Флажки уже не красные, а синие. Но что с того? Всё равно флажки. Ими огородили часть леса, и мы там живём. А охотники превратились в типичных надзирателей. Им так тоже удобнее. Не надо тратить нервы и силы на утомительную и не всегда удачную охоту. В любое время можно прийти и отобрать нужное количество дичи. Спокойно, легко и просто. И мы уступаем – без боя, без малейшего взрыкивания. Мы признали над собой хозяев.

Мы рабы. Нас так не называют, это грубо звучит. Но кой-какие мозги у нас всё же имеются, чтобы понимать это. С раба нет спроса. За всё в ответе хозяин. Он же, кстати, обеспечивает пусть мелкий и паршивый, но стабильный паёк. И в нас притупляются инстинкты, глохнет чутьё, дряхлеют мышцы, слабеют глаза... Зачем нам всё это?

Зачем, если можно – на халяву?

Мы вырождаемся. Это заметно по нашим детям. Они слабенькие, чахлые, как былиночки. Они третье, четвертое... мы сбились со счёта какое поколение, с рождения вбирающее в себя нехитрую рабскую премудрость. С молоком матери её всасывающее. Это уже не волчата, а ягнята: их гонят на бойню, они боятся, упираются, отчаянно мекают, но тупо идут куда велено... Наши разве что не мекают. Но это дело недалёкого

будущего. Объявится в биологии новый вид – волк-баран блеющий... Смешно? Если бы. Мы разучились смеяться. И скалиться тоже. Мы вообще отвыкли клыки обнажать, кроме как чтоб вонзить их в перезревшее мясо, от щедрот хозяйских перепадающее. Мы себя не узнаём... Да нам не с чем сравнивать – мы забыли, что было с нами раньше. У нас атрофировалась память за ненадобностью. Зачем память рабам?

Лишь иногда мелькнут обрывки смутных то ли воспоминаний, то ли (чур меня!) фантазий... Но они мигом улечиваются, не находя применения, не встречая опоры. Они не нужны нам. Мы стали существами иного порядка. И нам его не изменить. Это выше наших сил. Хуже – наших желаний. Мы не хотим ничего менять. Нам хорошо здесь – в страхе, в мерзких условиях, на маленьком огороженном пятачке. Нам хорошо. Мы не хотим менять хоть что-нибудь.

НАТАЛЬЯ КОЛЕСОВА

МОЯ ЖЕНА – ЧУЖАЯ

Утро всегда начинается одинаково.

Хлопанье дверей, шум воды в ванной, шлёпанье босых ног; невнятные ругательства, сопровождающие неожиданно возникающие на пути утром углы и косяки. Алиса приближается ко мне точно маленький квартирный тайфун. Но я-то уже наготове! После вовремя подсунутых свежесваренного кофе и эклера жена потихоньку выходит из предутреннего сумеречного состояния и принимает человеческий облик. Ну... относительно.

Человеческий.

Даже начинает разговаривать. Пока в телеграфном стиле.

– Спалось? – интересуется она.

– Спалось, – соглашаюсь я, подливая кофе.

– А я?

– И ты. Спала... Иногда.

Информация, выдаваемая в столь малых дозах, усваивается утром ею гораздо легче. И уж явно сейчас не стоит рассказывать, как сны, увиденные моей женой, обладающей безграничной фантазией, отразились и на её ночном облике. Нет, я вовсе не возражаю против прекрасной феи, стыдливо прикрывающейся прозрачными крыльями, – нашего захватывающего дух полёта я не забуду никогда. Но вот сыплющая искрами зеленоватая чешуйчатая особь... э-э-э, особа!

Конечно, огнетушитель всегда под рукой, то есть под кроватью, аптечка в прикроватной тумбочке, и вообще, главное – успеть вовремя её разбудить... И я успеваю.

Пока.

Алиса всё-таки что-то понимает. Морщится. Ворчит:

– Полнолуние...

– Оно, – охотно соглашаюсь я. Я же говорю, что по утрам благоразумно стараюсь с ней не спорить. И не рискну напомнить, что и другие ночи мало чем отличаются от нынешней. Позже, где-то ближе к вечеру, я расскажу, и мы вместе посмеёмся. А может, ей приглянется образ феи, как понравился мне?

К сожалению, Алиса не любит повторяться. Плагиатить саму себя, как она говорит. Хотя почему – к сожалению? Змея, обвиняемая в полночь вокруг моего торса, конечно, очень символична, эротична и прекрасна – на картинах Вальехо – но в собственной постели производит... неизгладимое впечатление. «Неизгладимое», как дразнит теперь Алиса.

– Алисочка, ты ничего не забыла? – спрашиваю я, когда жена слезает с кухонного диванчика.

– Спасибо! – автоматически отзывается она.

– И это тоже. А ещё... – я показываю вниз.

В распахнувшемся халатике видны её белые стройные ножки, ниже лодыжек заканчивающиеся лохматыми звериными лапками с внушительными когтями. Жена смотрит вниз, ставит ногу на пятачок и говорит задумчиво:

– Педикюр давно не делала...

И, цокая когтями по паркету, мягкой кошачьей походкой удаляется из кухни. Так как её длинный пятнистый пушистый хвост подёргивается всё-таки нервно, я благоразумно не напоминаю и о нём.

Знаю, что не пройдёт и часу (да, такой я оптимист!), как моя жена выпорхнет из спальни, накрашенная, благоухающая, в чём-то упомрачительно обтягивающем. Волшебная, как ночная фея, гибкая, как кошка, ядовитая, как змея, опасная и непостижимая, точно существо из ужасиков. Совершенно непонятная, просто существо из других измерений – космических, мистических?

Любимая.

Моя.

Подойдёт, поцелует.

Прижмётся.

Попрощается до вечера.

Перед тем, как захлопнется дверь, услышу, как соседка напротив скажет ей очередную утреннюю гадость.

Моя Алисочка очень терпеливая.

Но однажды всё-таки откусит ей голову.

И поделом.

ВАЛЕРИЙ КОЛОТВИН

СМЕРТЬ ЭЗОПА

Сидели мы как-то жарким днём у ручья, кушали сэндвичи (бутерброды, гамбургеры, хлеб с маслом), запивая зельтерской (боржом, минералка, пиво), и пастораль наша была светла. Так нет же, прибежал тип, без штанов, с мохнатыми ногами, при галстук «от Ле Монти», с диктофоном, крикнул: «Великий Эзоп умер! Что вы на это скажете», – и ткнул нам под нос микрофон. И тут мы ка-а-к сказали...

Великий Эзоп не умер. Великий Эзоп только родился. Он каждый раз рождается тогда, когда люди в своём слепом безумии считают, что уже сделали, познали и сказали всё, что только можно было сделать, познать и сказать. Он победно кричит, продираясь сквозь материнское лоно, плюёт во все стороны и хохочет как ненормальный, напаяливая на себя рабский ошейник. Он свистит в два пальца и говорит нам: «Смейтесь, смейтесь над собой – умные, серьезные, жадные дураки. Вы облезли от скуки и одиночества и придумали себе духовность на досуге. У вас скоро отсохнут языки болтать о злонравии и безумии рыть ям и подпиливания суков, в то время как ваши руки неустанно заняты и тем и другим. Вы рассуждаете о далёких и заманчивых горизонтах, обнеся себя высокой оградой и уткнувшись носом в миску с похлёбкой. Вы... Смейтесь, хохочете, надрываясь, и пукаете...»

Впрочем – нет. Он выйдет весь в белом, строгий, умытый, мудрый, и скажет: «В последнее время отчётливо прослеживаются обнадёживающие тенденции: высокоразвитые технологии, увеличивается процент интеллектуалов в правительствах, довольно многие вспомнили о необходимости религиозного воспитания и комплексных подходах в педагогике. А экологические программы?» – И пойдёт, пойдёт раскладывать перед почтеннейшей публикой страницы пухлых меморандумов. И вдруг весь как-то сморщится и заплачет.

Как вы думаете? А?

А в газете «Античные огни» напечатают: «Смерть Великого Эзопа носила явно провокационный и скандальный характер. Что ж, может быть, это чему-то научит усопшего».

ОЛЕСЯ ЛОГУНОВА

САМЫЙ СЛАДКИЙ СОН

Вообще-то Кракозяврики способны жить везде – на море, на суше, в горах, на деревьях, в норах... Где уснул – там и дом.

Но вот этот почему-то решил устроиться именно в кармане моих штанов. И, главное, карман-то не то чтобы самый большой... Но, говорит, что уютно.

Я первое время напрягался, а потом решил: бог с ним, нехай живёт... Беспокойства особого он не доставлял. Вот только есть он любил рано утром, при этом отвратительно и громко чавкая. Что уж он там ел – непонятно. Я вообще не знаю, чем эти существа питаются. Этот говорит, что питается моими снами. Неужели, поедая сны, возможно так чавкать?

Зато он здорово развлекал меня своими байками. Ну, например, он утверждал, что лично знаком с Бабой-ягой и никакая нога у неё не костяная, а очень даже цельнометаллическая. Или рассказывал об утренних играх русалок. Эти завлекательницы по утрам собирали росу с кувшинок, а потом брызгали её на стрекоз. От этого стрекозы становились златокрылыми бабочками, которые приносят людям мечты.

Разумеется, я не собирался во всё это верить. Я же твёрдо знаю, что никакой Бабы-яги не существует, да и русалки, если и жили когда-то, то должны, нет, просто обязаны вымереть при нынешней экологии. Но Кракозяврик обижался.

– Как это – вымереть? Да они, знаешь, и не такое переживали, подумаешь, экологией запукали! Да мы все жили ещё при парниковом эффекте, да мы ещё всех вас, людей, переживём и экологию эту вашу тоже переживём. Нам всем знаешь, сколько лет? Знаешь? Нет? Вот и я не знаю.

– Конечно, не знаешь, ты же считать не умеешь.

Кракозяврик окончательно обижался, а у меня становилось паршиво на душе. Ну, вот опять, мол, зачем обидел? А может, и правда существуют все эти русалки, бабы-яги, лешие... Кракозяв-

рики же существуют. Хотя скажи я кому об этом, меня бы, в лучшем случае, на смех подняли.

А однажды он познакомил меня с домовым. Причём с моим же собственным. Ну, скажите на милость, откуда я мог знать, что у меня под кроватью живёт очень даже симпатичный старичок? И что этот старичок очень любит чай с вареньем и давно обижается на меня, что я его этим вышеуказанным лакомством не угощаю? А слабо было как следует представиться сразу: вот, мол, я твой домовый, живу здесь, хочу есть. А то, видите ли, не принято у них так... А я сам догадываться должен... Ну, в общем, дулся он на меня этак минут десять, потом я ему этого самого чая принёс с вареньем сливовым, и домовый оттаял. Мы с ним с тех пор дружим крепко. Правда, в гости он больше не ходит, хотя куда ходить, и так под кроватью живёт, только невидимо как-то. Зато чай с вареньем я ему всегда под кровать ставлю. Так что чавкают мои соседи теперь вдвоём. А домовый ещё и хлюпает.

А в январе Кракозяврик мне ветку принёс. Берёзовую. Зелёную-презелёную.

– Ты, – говорю, – где такую взял среди зимы?

– В гости ходил к другу. Он в волшебном лесу живёт, там всегда всё зелёное.

– Что, в наше время и такой лес ещё существует?

– А куда ему деться-то?

– Ну, ты смотри, какой он, волшебный мир этот ваш. Ничё ему не делается, как ни издевайся, – удивлялся я. Не поверить я уже не смог.

– Это ещё что, вот через месяц на ней яблочки появятся...

– На берёзе-то?

– А то? Яблочко-то от берёзки недалеко падает! Сейчас мы её в водичку поставим – и появятся они, миленькие...

Яблочки и в самом деле появились. Наливные, румяные... В тот день мы с Кракозявриком и домовым праздник устроили – Яблочный Спас. Ну и что, что не по календарю, зато весело. Мы друг друга спасали яблоками. Домового спасали от сливового варенья, Кракозяврика от чавканья (так и не спасли, к сожалению), а меня... А меня не от чего спасать. Кракозяврик предложил от неверия спасать, но я отказался. Что ещё за неверие, я от него давно спасся. Как тут не верить, если яблоки на берёзе среди зимы растут.

– Вот и тебя яблоки спасли, – резюмировал Кракозябрик, – это и называется Яблочный Спас.

В одно прекрасное утро Кракозябрик меня

окончательно достал своим чересчур громким чавканьем:

– Ну, когда ты, наконец, закончишь! – возопил я. Возопил шёпотом, чтобы мои не услышали, а то решат, что я рехнулся. Кракозявриков, кроме меня, никто не видел, и, надо полагать, мне бы никто не поверил.

– Не скоро, – ответило это недоразумение, – я же не виноват, что сегодня тебе приснился такой большой и вкусный сон.

– Я лично не помню, что мне снилось.

– И не вспомнишь. Я же его съел. А приснилось тебе всего лишь небо. А ты летал.

– Прямо в небе? Задевая облака и крыши небоскрёбов... Делая виражи и смеясь от радости...

– Вот ещё. Тоже мне – орёл... Летал на два метра от земли, нелепо размахивая руками и совершенно не управляя телом.

– И это ты называешь полётом? Чушь какая-то, – зевнул я.

– Не чушь, а вполне реальный полёт. Такой, как у всех людей.

– Это во сне-то? Реальный?

– А ты думал? Я же ем это и вполне реально насыщаюсь.

И мне стало как-то грустно. Ну и как это, интересно, называется? Два метра... Я, что же, получается, даже во сне нормально полетать не могу? И где же в этом мире справедливость?

Чавканье Кракозяврика закончилось, и я смог снова заснуть. Мне приснилось, что я стою на крыше огромного здания и собираюсь прыгнуть, взлететь. Но как-то боязно... Помучившись, я спускаюсь вниз, грустно бреду по улицам. И вдруг взлетаю. На два метра. Беспорядочно махая руками. Совершенно не управляя телом. Как все люди. И какое же это наслаждение – летать! И дело-то не в высоте. А в этом ни с чем не сравнимым чувством ликования, лёгкости и бог знает чего ещё! Я лечу, лечу, лечу!!!

...И пусть Кракозябрик подавится таким прекрасным и сладким сном...

ДАРЬЯ ОРШАНСКАЯ

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Жили-были на свете Боги-Творцы.

Творцы они были, потому что им положено было творить. Вот они и творили: кто лес, кто море, кто город, кто страну, а кто – целую планету с людьми и животными.

Работу свою Боги любили. Им было интересно, кто из людей чего хочет. Увидели, что кому-то нравится тепло, – и сделали везде лето. Увидели, что кто-то прячется в тенёк, ища прохлады, – сделали зиму.

Среди Творцов был один маленький Бог. Этот маленький Бог очень любил ледяную ключевую воду. Он часто играл с ручьями, а они, будто добродушные щенята, ластились к нему. Этот Бог и придумал зимой снег! Все остальные Боги были в восхищении. Такая красота! А то раньше зимой было совсем неинтересно, просто холодно, и всё...

Маленький Бог был очень горд своей придумкой. Он часто спускался на землю, одевшись, как и все люди вокруг, – в тёплую куртку, ботинки, штаны и вязаную шапку с помпоном, – и стоял посреди улицы, глядя в небо, откуда падали пушистые хлопья снега. Особенно он любил это делать вечером, в свете фонарей. Все принимали его за простого мальчишку, и никому до него не было дела...

Восхищённая его задумкой, ещё одна Богиня придумала листопад. «Это тоже снег, – говорила она, – только не холодный, а золотой, багряный, оранжевый!» Тётушка маленького Бога придумала капель весной. «А что, – сказала она, – помоему, очень даже неплохо!»

И всё было бы хорошо, только Боги уж очень увлеклись творением таких вот маленьких чудес. Они придумали прибор на море, и красивые звёздные ночи, и свежий ветерок по весне... Они придумали камин, санки и лыжи, придумали книги и дни рождения, новый год и подарки... И тогда вышестоящие Боги заметили, что эти Боги-Творцы уж слишком увлеклись.

Эти вышестоящие Боги строго предупредили Богов-Творцов, чтобы те не увлекались... но они не послушались. Творцы были рады своим маленьким чудесам, они чувствовали себя маленькими детьми, у которых хотят отобрать любимую игрушку...

Вышестоящие Боги рассердились. Они поняли, что их уговоры ни к чему не приведут. И тогда они лишили их способности творить, а потом взяли и поселили этих Богов на созданной ими же планете, оставили их наедине с теми чудесами, что они сотворили... впрочем, нет, не наедине. Ведь на этой планете уже жили люди, для которых и старались Боги...

С тех пор прошло много лет. Боги-Творцы постепенно вымерли. Они придумали множество

легенд для своих детей, пытались оправдать своё присутствие на этой планете: и про звёздный ковчег, и про волшебный сад, и ещё много-много других... Правда, эти смешные люди опять всё переврали, и получилось как-то не так...

Боги потеряли возможность творить миры в настоящем. Им остались лишь те миры, что они могли воплотить своей фантазией...

Тем не менее, то там, то тут блеснёт лучик света. То прозвучит берущая за душу песня, то кто-то напишет удивительный роман, то просто стих... И ты вдруг поймёшь, что это они – потомки Богов-Творцов, они здесь, среди нас, мечтают, живут, творят... Поэтому не удивляйтесь, если вдруг увидите на запорошенной снегом улице фигуру мальчишки, стоящего под серым небом и упорно ловащего ртом снежинки... Может быть, он – потомок Творцов, и он только теперь понял, как же это сладко и больно – Творить...

ЮРИЙ КОКШАРОВ

ЛЮБИТ, НЕ ЛЮБИТ...

Сидел треть века на печи,
Не чуя ног, не видя звёзд,
И так тоскливо, хоть кричи,
И снится по ночам погост...

123

Родители с утра ушли в поле, поставив рядом со спящим Ильёй краюху чёрного хлеба и крынку молока. Утром соседская кошка Чумка разодрала бычий пузырь на окне, проникла в избу и то ли из вредности, то ли по глупости опрокинула крынку с молоком, разбудив Илью.

– Чтоб тебя крысы съели! – пожелал Чумке Илья.

Не обращая на него особого внимания, Чумка стала слизывать молоко с пола.

Он с грустью посмотрел на хлеб – без молока не то. Родители вернутся к вечеру. Над ним на потолке паук плёл паутину. К полудню в избе стало тепло, даже жарко. В единственное окно нещадно палило солнце. Ильёе очень хотелось пить, но встать он не мог, даже сесть не пытался.

– Пить! – жалобным голосом произнёс Илья.

В избу вошли три старца. Один слепой, один глухой и третий немой с рождения.

– Пить! – прохрипел Илья, глядя на гостей.

– Мы тоже хотим пить, не утолишь ли нашу жажду, добрый молодец? – сказал слепой.

– Я бы рад, да не знаю как! – ответил добрый молодец.

Старцы подошли к печи. Немой слегка стукнул посохом Илью по ноге.

– Эй, ты чего? – удивился Илья.

Глухой ткнул парня посохом в плечо, а слепой стукнул по голове.

– Вы что, белены объелись? – сказал Илья, отмахиваясь от них.

– Да мы с утра маковой росинки на троих не пригубили! – показал ему знаками немой.

Слепой ткнул Илью в живот.

– Ой! – крикнул Илья, садясь на печь. – Ну, теперь держитесь! – и он прыгнул на старцев, которые, несмотря на возраст, ловко отпрянули в сторону от летящего на них Ильи.

Бум! Илья упал на живот. Старцы помогли ему встать на ноги.

– Я стою! – воскликнул удивлённый Илья. – Надо было мне раньше попробовать!

– Не благодари, – сказал слепой, – принеси нам лучше квасу или мёду.

Илья первый раз покинул пределы избы. Трава, деревья, цветы, птицы. По двору бегали куры. Илья подошёл к колодцу, в открытую дверь он часто видел, как из него отец набирал воду.

Возле соседней хаты, на лавочке, сидела девушка, на коленях у неё примостилась Чумка.

– Вот, сказала ведьма, когда лежачий явит свету свою силу, тогда наступит твой черёд за муж идти! – рассказывала девушка Чумке.

– Мур, – мурлыкнула кошка.

– Все мы из Мурома, – грустно сказала девушка, нагнулась и сорвала растущую рядом ромашку.

Илья зачерпнул ведром воду из колодца, отпил добрую половину и утёр рот рукавом.

– Любит, не любит, любит, не любит, – услышал он неподалёку нежный голос.

Илья завернул за угол своей избы и увидел девушку, обрывающую лепестки ромашки, и насторожившуюся кошку. До сих пор он не видел девушек, а с Чумкой уже успел познакомиться. Первая увиденная девушка показалась ему прекрасной и как магнитом потянула к себе. Увидев приближающегося Илью, Чумка, вспомнив утреннюю встречу, решила не искушать судьбу и спрыгнула с колен мечтающей девушки.

– Ты куда? – окликнула её девушка.

– Да пусть её... – усмехнулся приближающийся Илья.

Девушка обернулась, глаза её расширились и показались Илье ещё прекрасней.

– Лежачий! – крикнула она и бросилась бежать.

Илья подобрал ромашку и попробовал завершить гадание, но вместо одного лепестка его неумелые пальцы отрывали два-три. Он посмотрел вслед убегающей девушке: она уже достигла середины поляны и, запыхавшись, перешла на шаг. Илья отбросил в сторону ромашку и, ускоряя шаг, направился за понравившейся девушкой. Бежать было непривычно, но приятно. Ещё чуть-чуть – и он её нагонит. Услышав сзади громкое сопение, девушка обернулась и с криком: «Ой, мамочки!» бросилась к дубраве, до которой оставалась менее ста шагов.

– Подожди! – крикнул Илья, запинаясь о кочку и падая второй раз за день.

Этот крик подстегнул бедную девушку, и, почувствовав прилив сил, она с проворством кошки влезла на дуб и затаилась в ветвях. Илья, прихрамывая, вошёл в дубраву.

– Эй, где ты? – крикнул он. – Не бойся, я тебя не обижу!

Девушка немного успокоилась и чихнула в знак подтверждения.

– Любит! – услышала она и увидела, как один из дубов медленно оторвался от земли, на мгновение застыл в воздухе и с шумом упал на землю.

– Не любит! – через пару минут второй дуб совершил тот же маневр.

– Любит! – раздалось снизу. Её глаза вновь расширились, когда её дуб медленно стал подниматься в воздух; она громко чихнула, падая в крепкие объятия Ильи.

АНАСТАСИЯ РУССКИХ

ИГРОКИ

(КОРОЛЕВСТВО ТРИЧЕТВЁРТОЕ)

Сюда мы заглянем совсем ненадолго. Мы только чуть приоткроем портьеру, легко колышущуюся под наплывами тёплого вечернего ветра, и посмотрим украдкой в комнату, где Дракон и Принцесса, сидя за столом, играют в роскошные резные шахматы и ведут приятную беседу, понимая улыбаясь друг другу...

– Ну, – говорит Дракон, закусывая ухмылку. – Каков я был сегодня, дорогая?

– Ты был совершенно великолепен, – отвечает Принцесса. – Этот молокосос так и полетел вверх тормашками со своего дурацкого коня!.. Тебе шах, моя ящерка.

– Хм, хм... Закрылся ферзём, моя девочка... Но ты что-то давно у меня не резвилась, правда?

– О... Я приберегаю кое-что для того Принца, который всё шарится в зарослях и высматривает окольные подходы.

– Ты его заметила?

– Конечно! Трус. Не хочет сражаться. Хочет увезти меня тайком. Фу! Как это мелко.

– Отвратительно. Ты уже что-нибудь приняла?

– Разумеется. На днях я не затворила штор, принимая ванну.

– Озорница...

– М-м.

– Съел бы тебя. Проказница. Вскрытый шах.

– Ты жертвуешь слона?

– Офицера.

– Это слон. По-грамотному – это слон.

– Тем не менее, я жертвую офицера. Тебе, моё золотко. Развлекайся. Ведь этот затейник, кажется, имеет военное образование?

– Душка! Какой ты юморной, просто душка, маленький варанчик... Так вот. Завтра он попытается забраться ко мне в окно...

– Ах, мерзавец.

– Притаись за изгородью и подсматривай. Я подстроила так, что в решающий момент петля захлестнёт его ногу, поднимет и подвесит на высоте ¹²⁵ пятого этажа. Представляешь, как он будет вопить?

Дракон закатывается хохотом, пытаясь сквозь смех произнести: «А я подойду...»

– Подойди, – заливаясь нежным колокольчиком, вторит Принцесса. – И скажи: «У!»

– Ага! И ещё я качну его когтем.

– Осторожно.

– Ладно. Осторожно. Тебе мат, моё яблочко.

– Опять!

– Да.

– Как ты умён, мой кожаный поясок... А помнишь того умника, который заявился сюда с мечом и огнетушителем?

– О! Как же забыть! Технический прогресс, ёлы-палы... Расставляй заново, моя птичка.

– Ну уж нет. Не моя очередь.

– Твоя. Позволь напомнить, твоя.

– Ну и всё равно. Ты выиграл. Расставляй сам за это.

– Что ты сделала с его конём? Не может быть, чтобы ты его просто шлёпнула.

– Ну, не может, не может... Я посадила хороший розовый шип в его зад.

– Да?!

– Да.

– Я всегда подозревал что-то в этом роде! Ты помнишь, что они оба представляли собою потом – в этой мыльной пене?

Принцесса и Дракон снова смеются.

– Такой белый торт! «Графские развалины»!

– Развалина на коне! Но не графская...

– Ого! Бери выше! Это был, по меньшей мере, герцог!

– Не принц?

– Нет. Я слышала, отпрыск одной очень боковой ветви. Очень.

– Измельчали, мерзавцы. И на кого претендуют! На мою девочку, мою красавицу!..

– И кого тщатся одолеть! Моего грозного, непобедимого!.. Самонадеянные юнцы... Что они понимают? Только и могут, что скакать на своих дурацких конях.

Дракон молчит, и на его шиповатой морде отображается сладкое мление. Он уже предвкушает, что она скажет сейчас:

– Я не променяю тебя ни на кого, моё прекрасное чудовище... Ведь ты умеешь летать!..

Мы закрываем за собой так нескромно отдёргнутую портьеру и тихо удаляемся из владений этой счастливой парочки, – впрочем, ещё успевав различить несущийся вслед тихий смех и обрывок фразы:

– ...а следующего мы окунём в бассейн...

ВИКТОРИЯ ТРЕГУБОВА

КРИКУНЬЯ

На лысом холме, опоясанном большим валом бурелома, стоит Крикунья. Её иссушённая фигура выточена из очень крепкого посеревшего дерева ещё в стародавнейшие времена. Её всклокоченные волосы хаотично треплет постоянный на этой высоте ветер. Они исключены ливнями и дождями и истрескались от трещин – ростков солнечных семян. Но каждое поколение кто-то подновляет их.

Крикунья однонога. А широкие крылья на безруких плечах всегда поворачивают её лицом к ветру. В лице вырезан широко разинутый рот, откуда расходятся пещерки, в которых под порывами ветра рождается странное сочетание недобрых звуков.

Среди беспорядочных нагромождений растительного хаоса Крикунья каждодневно дли-

тельно и упорно выводит свое житьё-нетьё. Колочему глухому лому сухих ветвей, скудно растущим на этом пустыре живым веточкам, редко проходящим по нему зверям, летучим и в прахе струящимся, – каждому, кто окажется с ней рядом, бросает она в уши сумбурную, грустно-озлобленную горсть звуков. Звуков, врубающихся сорными корешками в красную, жёлтую или иную плоть. Это то шипящие мусоринки ругани, то трясинка всхлипываний, то затягивающие воронки-лютики тяжёлого кашля, то пронзительные звуки тела человека, остающегося в крошечном одиночестве. Или, в непогоду, это искорки ужаса, взрывающиеся грибы-бульканья вытекающей крови, сухие карканья прощания с жизнью, рукой или ногой.

Странно, что звери и даже растения, кажется, избегают Крикунью. А вот люди поселились у её холма и так привыкли к этим пугающим и печальным звукам, что уже не замечают их, вспоминают только в сказаниях. Стебли древности,

врастающие в эти сказы, приносят в своих стручках знание, якобы множество жизней покровительниц рода назад Крикунья не кричала. Старухи говорят, что виной этому ветер, постоянно меняющий всё вокруг. Он-то и продул трубы в грудь её, чтобы звучать там песней обреченности. Поэтому, может быть, жизнь деревни, расположившейся под холмом, оказывается на поверку всегда дырявой и пустой.

Но люди продолжают жить у стоп Крикуньи как ни в чём не бывало. И мудрые старейшины, провидящие будущее, не увели своих сыновей и дочерей в другие места. Может быть, они увидели в его влажном тёмном зеве, что в горло-животе Крикуньи ветер прорубит музыкальный тоннель, где будут рождаться в звуках ручейки струящейся дружбы, равномерное цоканье труда, щемящий пух ласки, стремительная шершавость молодости и сердцебиение любви? Уже сейчас из пустоты её слышатся иногда звуки, похожие на касания губ и слияние тел.

БЕЛЬМАСОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

ЕКАТЕРИНА СПИРИДОНОВА,

г. Санкт-Петербург

*Сахар звёзд блестит над кронами
Лишь до озера зари.
Ты в глаза мои бездонные
Долгим взглядом не смотри:*

*В них не руны-иероглифы –
Просто точки да кресты,
И горит огонь уродливой,
Нехорошей красоты.*

*И могучие беспомощны,
И счастливым счастья нет –
Ищут ведьмины сокровища,
А находят пустоцвет,*

*Потому что кроме мелочи –
Ничего в моём краю.
Одному тебе, жалеючи,
Эту правду говорю.*

*Сколько слёз напрасно вылито
Вместо дождичка хвощу...
Руку дам, из леса выведу
Да платочком помашу.*

*Только ты от карих всполохов
Грустный не отводишь взгляд.
Ну смотри мне – в этот колокол
Больше раза не звонят.*

*Месяц плавает в рассоле
Неба долькой чеснока.
Принесла весна в подоле
Марта первого щенка.*

*В мутной взвеси трав укропных
Фыркает фонтанный лёд.
По делам своим икорным
Корюшка в Неву идёт.*

*Прееет в сквере до апреля
Снег размякшей пахлавой.
То не город, а похмелье
Со звенящей головой.*

*Приходит Рене Магритт
И говорит:
Я чудесник, бельгийский тать,
Я приученный воровать:
У предметов форму,
У абсурдного норму,
У подножного корма –
Вдохновение и сюжет,
Границ для меня нет,
Я художник, бельгийский Рене,
А треножник мой на ремне –
Кровный брат и живой магнит, –
Так сказал мне Рене Магритт,
Съехав с темы, как будто с перил,
И трубку свою закурил.*

ЕЛЕНА ГОНЧАРОВА,

г. Новокузнецк

127

ВРЕМЯ В ЯНТАРНОЙ КАПЛЕ

*Ветер кружит насекомых,
Гонит вихри, бьёт в стекло...
Устьем улиц незнакомых
Время быстро утекло.*

*Вечность равнодушна вечно.
Взмахи крыл, Эффект... Удар.
Бьют часы, и, искалечен,
На песке лежит Икар.*

От пзана до намаза –
Миг. И мифом станет быть.
Сплавит жар сетчатку глаза,
На хитин осядет пыль.*

*Лишь моргни – промчатся годы.
На богатом Алтаре
Бражник жадно ищет воду,
Застывая в янтаре.*

* Пеан – хоровая лирическая песнь, жанр древнегреческой поэзии.

ФАНТАЗИЯ

Морок пьет немую веру,
Как иссохший жадный вор.
И фантомная химера,
Разрастаясь, застит взор.

Цепи цепки, держат крепко,
Видеть их не всем дано.
Звук – беззвучен, слово – метко...

Выкинуть, отринуть! Но
Сказка входит в дом без стука,
Как стоголавый хищный зверь.
Крылья сложит, вложит в руку
Перья.
Верь!
Пиши и верь.

И неважно, что за дверью.
Позабудь про люд и скот...
Дергай вороные Перья,
Пусть их точит чёрный кот.

СОФЬЯ КНЯЗЕВА,

г. Барнаул

через пять минут
начинает звонить будильник —
сон будет не завершён,
как ссора, в которой
меня не простили.

летели недели и самолёты —
все в одном направлении.
если я кандидат
на царя вселенной,
когда начнётся моё правление?

то, что прошлое не вернуть,
означает лишь то,
что иссякла гарантия.
я одновременно и Цезарь,
и Брут.

а значит, армия будет
скорбеть и праздновать.

через пять минут
начинает звонить будильник.
тот, кто больше всех отрешён,
тот и будет в конце победителем —
(победителем быть хорошо).

сильные девочки
идут на линейку в капронках,
даже если снег в сентябре.
сильные девочки
отвечают на биологии
про пестики не смеясь.
сильные девочки
приходят домой вовремя,
хотя мама их вовсе не ждёт.
сильные девочки
дают списывать математику
девочкам послабее.
сильные девочки
получают золотую медаль,
чтобы поступить в институт
подальше от дома.
сильные девочки
путешествуют в одиночестве
по стране и за ее пределами.
сильные девочки
пережили бы
Помпеи и Армагеддон.
сильные девочки
рождаются 17 сентября.

огреть бы себя
по щеке рукой,
чтобы стройность мысли
и строгость слога
не разбавить было
водой, тобой.
чтобы не вступать
в реакцию
словно золото,
не играющее
в разложение,
замещение.
делимое
только
молотом.

переломанные слова —
вряд ли срастутся,
никакого теперь графоманства
и словоблудства.
ни стишка, ни песенки —
упаси бог.
ни стишка. ни песенки.
ни тревог.

АНДРЕЙ ЛЕДАЩЕВ,

г. Томск

БЛАГОСЛОВЕННАЯ МАСКЕТОЧКА

*На фронте то война, то – тренировки,
Нет времени черкнуть письмо домой.
А мамки вяжут сети маскировки,
Чтоб чей-то сын остался здесь живой...*

*Беседуя о жизни и о ценах,
О детях, о заботах бытовых,
О бабушкиных кухонных рецептах,
Они плетут нам сеть для боевых.*

*Вручную раскроив обрезки ткани
На «галстучки» и нацепив очки,
По сетке наплывает баба Таня
Умелыми руками «паучки».*

*В Отечественной потеряла брата –
Его у Тани отняла война.
И детство под плакатом: «Всё для фронта,
Всё для победы!» помнила она.*

*Маскеть сняла, беззвучно окрестила.
А завтра снова подвиг трудовой.
Мы повоюем, были б только силы
У нас да у ребят с передовой.*

*Я аккуратно отодвинул сетку:
Дрон улетел – сегодня без огня.
Ведь от коварной азроразведки,
Спасибо, защитила ты меня!*

*От снайперской меня укрыла пули
Маскеть, согрета теплотою рук.
С поклоном до земли тебе, бабуля,
Твой неродной,
твой незнакомый внук.*

*Не живи напрасною надеждой –
Я скажу “люблю”, но это ложь».*

*И прошла зима весёлая бураном;
Озорная девочка-весна
Прибежала в поле слишком рано,
Прямо в снег бросая семена.*

*А потом хмельное было лето,
И с ума сошедшая сирень,
Умудряясь опьянять полсвета,
Унималась только на заре.*

*Но о том, что было много после,
Я, позвольте, лучше умолчу.
И, не проводив последний поезд,
Не одну сожгу ещё свечу.*

*Пыль дорог на сандалиях стертых,
Пыль веков на душе нетленной...
Ты устал, ты из царства мертвых,
Я стою за тебя на коленях.*

*Принимаешь ли жалость, нежность?
Что еще? Нет другого: нищи...
С океанского побережья
Нынче ветер холодный свищет...*

*И такой же, как серый камень,
Серый профиль и взгляд пустынный.
Неколеблющимися руками
Кто-то сердце живое вынул...*

*Я прошу за тебя на коленях
Бога, черта – кого угодно! –
Лишь тебя б отпустили тени,
И мы стали опять свободны!*

129

ЮЛИЯ СТЕШЕНКО,

пгт. Бачатский

*Тонкая рябина нервно плачет
Ягодой, звенящей, как стекло,
И теперь я знаю: это значит,
Что прощаться время подошло.*

*Говорил однажды: «Я заезжий,
Моего ты сердца не примёшь.*

АННА ЗВЁЗДКИНА,

г. Нижний Новгород

*Стало трудно мне с людьми отчего-то.
Всё хочу бежать от них я куда-то.
Непролазные леса да болота –
Вот где для меня покой и отрада.
Как вписаться в мир людей – я не знаю.
Всё, куда ни глянь, – абсурд, всё чужое.
Мне осталось наблюдать, сидя с краю:*

Мелкое там выдают за большое,
Свет за темень, смерть за жизнь, ложь
за правду.
А полюбишь, так в ответ лишь молчанье.
Постучишься в дом – тебе там не рады.
Разве так хотели жить изначально?
Я беру с собой рюкзак – и в дорогу,
В глушь лесную, что свежа и космата.
Оживаю в тишине понемногу...
Что-то стало мне с людьми жутковато.

ВЛАДИСЛАВ ПОПОВ,

г. Ленинск-Кузнецкий

Время шагнуло за полночь.
Веки упали в бессилии.
Поезд за окнами – сволочь –
Уши уснувших насилует.

Пара кварталов объята
Гулким, ужаснейшим топотом.
Люди, молясь на Плеяды:
«Поезд, потише, шёпотом».

Скрыть бы его недостатки.
Слушайте, изобретатели,
Сделайте поезду тапки!
Станет и жизнь замечательной.

АННА ЗОРИНА,

г. Новосибирск

Сны настаивать на травах
Терпких с горечью, пророческих.
Риск выстраивать на шрамах –
Тонкой сетке бледных росчерков.
Застеклить прозрачность взгляда
Сквозь листву оранжевой.
Понабрать фонарных ягод
Путевыми ожерельями.
Подорожное — лекарством,
Облака – игрушки странника.
Искавляется пространство
В цепких кольцах подстаканника.

Машки, Людки да Светики
Хоронили секретики,

Хоронили – не плакали,
Засыпали быльём.
Зарывали постылое,
Запивали пустырником,
А сердечки с заплатками
Кружевали бельём.
Заметали боль юбками,
Затыкали-баюкали,
Прорывалась истерикой
Из души белизна —
Подавали на паперти,
Напивались без памяти,
Чтоб никто не поверил им
И никто не узнал.

АЛИНА ВИШНЕВСКАЯ,

г. Кемерово

В детстве хранятся вишнёвые сны,
Крыша, сосульки и блики весны,
Лето в обертке зеленого дня
И облепиха близ речки Иня,

Из одуванчиков желтый венок
И недоеденный сладкий пирог.
Прячутся в детстве потерянный мяч,
В белом халате приехавший врач,

Ласковый голос, чирикание птиц,
Холод, застывший на взмахе ресниц.
Выпал из детства малиновый снег.
В мире рутинном грустит человек.

Отцвели на полях васильки –
Нацепили на ножки пуанты
И в потоке цветочной реки
Заплетаются в синие банты.

Я в гостях у вишневых дождей
Возмущаю случайных прохожих.
На ступеньке у ласковых дней
Я совью утром гнездышко тоже...

И свечусь, и дышу, и живу,
И лечу в васильковом потоке.
Я спешу побывать наяву.
Рандеву... на лучистом востоке!

Вячеслав ЕЛАТОВ

ЛЕСКОВ

ЕВГЕНИЙ ЧИРИКОВ

СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ

На протяжении многих лет Вячеслав Иванович Елатов был добрым другом журнала «Огни Кузбасса». Его литературно-критические статьи о наших авторах и классиках русской и советской литературы отличались дотошностью настоящего исследователя.

Жизнь Вячеслав Иванович прожил долгую и примечательную, отмеченную стойкой верностью идеалам юности.

Его отец Иван Иванович в Гражданскую войну служил в Красной армии, где познакомился с Зинаидой Серебряной, девушкой казако-украинского рода и дворянского происхождения, в то время красной сестрой милосердия. Сам Иван родился на Волге.

Поволжский голод 1921 года заставил молодую семью перебраться в более хлебное место, и путь неисповедимый привёл её не куда-нибудь, а в Баку. Направляемый женой Иван Иванович выучился на агронома, в колхозное время много ездил по сёлам Азербайджана и даже побывал с миссией аграрной помощи в Китае. В 1939 году родился Вячеслав. Два его брата появились на свет намного раньше.

Старший брат Виктор накануне войны уже окончил школу и поступил в консерваторию на отделение композиции. Он участвовал в войне, вернувшись с фронта, завершил консерваторское образование, а затем работал в Минске. Мама братьев, увы, умерла в 1945 году, отец повторно женился.

Слава в школе учился великолепно, ему одинаково легко давались и математика, и гуманитарные предметы, включая английский язык. Но он не мог поступить в азербайджанский вуз: обучение для русскоязычного населения было платным. Вопрос «платить или не платить» в семье обсуждался, причём мачеха сказала: нет, пусть работает. И паренёк устроился в геофизическую партию.

Однако Виктор решил помогать младшему брату и заявил: Славик должен учиться! Так Славе Елато-

ву выпало счастье стать студентом Ленинградского госуниверситета (1961–1966), где преподавали профессора с мировыми именами, некоторые из них захватили ещё дореволюционное время и лично видели Блока, Гумилёва, Северянина...

Любовь к литературе привела Вячеслава на филологический факультет, но вдруг его потянуло на философский, и он едва не ушел к «любомудрам»... Позже вспоминал: «Тарковский был одним из родных филологов, он стал для меня и крёстным отцом. Когда на втором курсе я задумал было оставить филфак, чтобы вновь поступить на философский, Ростислав Беакаевич два часа не выпускал меня из кабинета, пока не убедил: окончи сначала филфак, получи добротную конкретную специальность – и лишь потом иди и занимайся своей философией сколько твоей душе будет угодно!..»

Из всех возможных специализаций Елатов остановился на современной советской литературе и в дальнейшем всю жизнь изучал творчество писателей-шестидесятников. Неплохо он знал азербайджанский, английский и польский языки. Благодаря знанию последнего вместе с другом Олегом Довсяном они подрабатывали летом гидами польских делегаций.

Окончив ЛГУ, В. Елатов получил распределение в Прокопьевск. Так он стал нашим земляком-кузбасовцем. Два с половиной десятилетия он отдал учительскому труду в школе № 25, что на Красной Горке, окраинном посёлке, граничащем с Киселёвском. Все эти годы семья жила (а женился Вячеслав ещё до поступления в вуз) в квартире без горячей воды, но с остальными удобствами. Один сосед по лестничной площадке не реже раза в неделю напивался пьяным и дебоширил, гоняясь с ножом за своей женой, и лишь вмешательство Вячеслава Ивановича влияло на него успокоительно, как бальзам.

Другой пример: В. Елатов возглавлял комиссию школы по выделению жилплощади для педагогов и свято соблюдал принцип очерёдности. Однажды к нему домой пришёл некто, влезший в заветный список по блату, и начал скандалить, требуя предоставления квартиры. Елатов без церемоний выставил его. В результате этот незваный гость, выйдя во двор, запустил булыжником в окно – стекло вдребезги. Но квартиры без очереди он так и не дождался.

Когда начались шахтёрские забастовки, Вячеслав Елатов не раз ездил к горнякам, беседовал с ними, стремясь выяснить истину происходящих событий, и пришёл к мнению, что рабочих предало профсоюзное руководство. Тогда ещё никто не понимал, что это было начало конца – конца советской власти. Но политическое время ускорялось на глазах, меняя лица правителей государства. Вячеслав Иванович увидел там, наверху, оборотней вместо

тех, кому с детства привык беспрекословно верить, и болезненно переносил крушение идеалов.

В год полёта Юрия Гагарина он вступил в комсомол, а когда выбыл из него по возрасту, то в КПСС не вступал, хотя на самом деле всю жизнь придерживался коммунистических убеждений. И вот, в то время как стал наблюдаться массовый выброс партбилетов, учитель Елатов парадоксальным образом самовыразился, неожиданно вступив в партию, и состоял в членах вплоть до её запрета в 1991 году.

Ощутив невыносимость фальши новых веяний в школе, В. Елатов покинул педагогическую ниву и устроился учеником обувщика на обувной фабрике, где его звали не иначе, как Учитель. Позднее он работал охранником на железной дороге, откуда и вышел на пенсию.

Последние годы жизни (окончился его земной путь в 2022 году) Вячеслав Иванович посвятил литературоведческим трудам, печатаясь в журналах: «Литературное обозрение», «Огни Кузбасса» и «Консул», который до сих пор издаётся Олегом Саркисовичем Довсяном. В. Елатов выпустил два сборника литературно-публицистических статей: «Остаюсь учителем» (2014) и «Реплика с места» (2019). В предисловии к первому из них он писал: «Главное достоинство своих «открытых уроков» я вижу в том, что они жёстко привязаны к нашей жизни в постсоветское время. В этом смысле они и являются одним из документов эпохи: вот как воспринимал происходящее и как откликался на него советский учитель. Из этого, однако, не следует, что других достоинств в предлагаемых читателю статьях нет. Добротный филологический уровень я старался удерживать не только в работах, ориентированных на толстожурнальные публикации, но и в газетных публицистических миниатюрах. Насколько это удавалось – судить читателю».

У В. Елатова остались сын и дочь, есть внуки и правнуки. Один из внуков участвует в СВО с 2022 года. Растут свидетели новой эпохи.

ВЯЧЕСЛАВ ЕЛАТОВ

Лесков

Перечитывать сегодня заново Лескова нам подсказал литературный календарь: не за горами уже и 2031-й, когда с помощью этой же машины времени мы будем отмечать и двукратный вековому юбилей писателя.

Воспринимать классику «золотого века» отечественной литературы нам теперь стало намного проще: не прибегая к работе воображения, а лишь включив на вполне реальной машине времени заднюю передачу, мы в тот же миг можем перенестись на полтора-два столетия назад, можем ощутить

себя в какой-то степени современниками Николая Лескова и других исполинов русской литературы XIX столетия. В науке с техникой мы, и правда, революционно ушли вперёд; но внутренний мир человека, воссоздаваемый в нравственных коллизиях словесного искусства, но социальное расслоение общества, выразительно представляемое в конфликтах художественных произведений, – легко узнаваемы, если не сказать, что они сегодня те же самые.

Не верится... Но вот мы вновь открываем знакомые нам с подросткового возраста лесковские рассказы «Человек на часах», «Тупейный художник» да восхищаемся легендарным Левшой и проникаемся не только отвращением к нравственному уродству тогдашних работодателей, но и гордостью, и верой в неисчерпаемые духовные и физические силы народа-творца... Снимаем с полки книги с лесковскими *праведниками* и грешниками: очарованным странником и Катериной Измайловой, инженерами-бессребренниками и однодумом... Перечитываем заново романы Лескова о *нигилистах*... И задумываемся... В который уже раз задумываемся о судьбах нашей Родины, ищем *поддержку и опору* в родной речи!

Читать всего, считал Лев Толстой, вовсе не нужно; читать, по его мнению, следует только то, что отвечает на возникающие в душе вопросы. А вопросы, если не глушить их изо дня в день махровым цветом распустившейся продукцией шоу-бизнеса, громоздятся, как и во времена Лескова, один на другой и, не получая внятных ответов, подталкивают нас в сторону дремучего «кривороса», о котором читаем в романе Лескова «Некуда». Вот и пишущий эти заметки читатель со всё возрастающим интересом – от страницы к странице, от главы к главе, от одной части к следующей, от первого романа ко второму – перечитал-таки заново оба романа о *нигилистах*... Настоящая машина времени – этот наш литературный календарь!

В этой статье не ставится задача всеобъемлющего разговора о многогранном творчестве одного из выдающихся русских писателей. Напомню лишь читателю, что с произведениями «золотого века» на тему инакомыслящих мы знакомимся по программам средней школы. Тут вам и тургеневский *нигилист* Базаров с его *другом* Аркадием Кирсановым и откровенно окарикатуренными его «*последователями*» из числа откликающейся на модные веяния провинциальной молодёжи... И зациклившись на теоретических выкладках герой романа Достоевского «Преступление и наказание», индивидуалистический протест которого парадоксальным образом переключается с разглагольствованиями его антипода господина Лужина... Тут и противопоставление диванной оппозиции Обломова бурной деятельности предприимчивого Штольца,

в результате которого антагонисты – и тот, и другой! – оставляют впечатление тягостной безысходности... И здесь же «разумные эгоисты» Чернышевского и Некрасовский Гриша Добросклонов, для которых при всей исторической ограниченности кругозора перспектива общественного развития уже была не за семью печатями и внушала оптимизм... Для всех них (за исключением, разумеется, успешных господ Лужина и Штольца), таких непохожих, таких разных, таких порой полярно настроенных и один другому противостоящих, общим было *инакомыслие*, направленное против существующего порядка вещей.

Лесков, будучи автором известных романов о *нигилистах*, в упомянутых программах начального литературного образования не значится. Они остаются для чтения в зрелом и даже вполне изрядном возрасте, когда внимание читателя уже не замыкается на развитии действия и спорах героев и он, кроме этого, проявляет живой интерес к мастерски воспроизведённым картинам жизни тогдашней матушки России, будь то быт провинциального захолустья или поражающая своими контрастами метрополия. А этого у Лескова хватает не только любознательному, но даже заикнутому в погоне за модой на пресловутый (будто мы до сих пор и слыхом не слыхивали о добротной документальной прозе!) «*нон-фикшн*» проницательному читателю.

Уже современники отмечали у Лескова глубокое и всестороннее знание жизни различных слоёв тогдашнего общества, его социальных и национальных особенностей. На уникальную способность русских максим максимычей и жилиных понять и по достоинству оценить быт и нравы населяющих Россию народов обращали в своё время внимание Лермонтов и Толстой. Татары и немцы (как в романах Гюзеи Яхиной), поляки (как вчера у Достоевского) и евреи помогли Льву Толстому увидеть в Лескове единомышленника: из всех, дескать, русских писателей он – «*самый русский*». Этой оценкой далеко не рядового читателя подтверждается и достоверность изображения реалий тогдашней России, и столь же отвечающий содержанию стиль, будь то авторская речь или речевая характеристика персонажей.

Это был писатель, не понаслышке судивший о жизни в тогдашней российской глубинке. На детские впечатления наслаивались и опыт работы в канцелярии провинциального уголовного суда, и командировки по делам частной фирмы, которые имели своим продолжением профессиональные журналистские расследования.

В отличие от современников Лескова, романы «Некуда» и «На ножах» мы перечитываем сегодня если и не в один присест, то как единое целое, один за другим. Это объясняется общей для них темой: в первом повествуется об увлечении *нигилизмом* и наметившемся спаде этого общественного движе-

ния, во втором – о глубоком а нём разочаровании. «Где же идеал?.. – задаётся вопросом отчаявшаяся Лариса Висленева, сестра одного из бывших авторитетных *нигилистов*. – Я без него... Я вся дитя сомнений: я ни с кем не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внушек. Мне противны они и противны те, кто за них стоит, и те, кто их осуждает. Это все люди с концом в самом начале своей жизни... А где же живая душа с вечным движением вперёд?» Молодая женщина, мы помним, так и не смогла выйти из духовного кризиса и стала ещё одной жертвой наступившего безвременья, тогда как, например, Саша Гриневич не стала замыкаться в узком мирке своих личных переживаний и «пошла в люди»: «Я, незаметная и неизвестная женщина, – рассказывает она в своём исповедальном письме, – попала под колесо обстоятельств, накативших на мое отечество в начале шестидесятых годов, которым принадлежит моя первая молодость. Без всякого призвания к политике, я принуждена была сыграть роль в событиях политического характера».

Не сгибаясь под бременем своего несчастья, Александра Ивановна пытается поддержать не только Ларису, но и павшего духом «красного социалиста» (как аттестует его отказавший в помощи против клеветников губернатор) Подозерова: «Люди дурных намерений в наше время очень цепки и выдержанны, а вот добрые люди, как вы, у нас, на наше горе, кипятятся».

Подозеров соглашается с генеральшей. И она продолжает:

– Так надо исправиться, а не сдаваться без боя. Я женщина, но я, признаюсь вам, такой уступчивости не понимаю. Вы человек умный, честный, сердечный, чуткий, но вы фантазёр. <...> мы должны добиваться того, что нам мило».

Центральное место среди основных персонажей, начиная с завязки и вплоть до развязки и эпилога, занимают в романах Лескова о *нигилистах* образы девушек, оказавшихся на пороге принятия судьбоносных для них решений: порывающая с родительским домом *нигилистка* Лиза Бахарева в романе «Некуда» и отступница-праведница Саша Гриневич в романе «На ножах». Это воспринимается как композиционное ядро, от которого кругами расходятся выхваченные из реальной действительности типические характеры, картины и жанровые сцены. К этим романам, вместе взятым и каждому в отдельности, подошёл бы эпиграф из тургеневского стихотворения в прозе «Порог» со скрежещущим осуждением «Дура!» и донёсшимся в ответ благоговением: «Святая!»

Композиционные центры притяжения отнюдь не соответствуют иерархии среди участников *нигилистического* движения. В романе «Некуда», напри-

мер, в качестве авторитетов нам предложены горе-теоретик Красин и активистка «кривороса» Бертольди, не вызывающие у читателя симпатий. Не говоря уже о распоряжающемся в «коммунарке» Белоярцеве. А в романе «На ножах» Саша Гриневич вообще противопоставлена не только стриженным бертольди, но и одному из ведущих в своё время нигилистов Висленеву.

Мы знаем, какую непримиримую по отношению к нигилистам позицию занимал Достоевский (его роман «Бесы» тоже не для школьников). С другой стороны, мы знаем, с каким пониманием и сочувствием изобразил того же нигилиста Тургенев. Мы много кой-чего знаем полтора-два десятилетия спустя. А вот что знал, понимал и предвидел уже тогда Николай Лесков?

В романе «Некуда» доктор Розанов, близко и до последнего общавшийся с Лизой Бахаревой, не будучи нигилистом, говорит: «Ну, а я на моём стою: НЕКУДА [Выделено мной. – В.Е.] было идти силам, они и пошли в криворос». Название романа свидетельствует о сближении позиции героя с авторской, если не о полном их совпадении. «Граждане [речь идёт о нигилистах. – В.Е.] – тоже люди русские, – продолжает Розанов, – ещё посмотрим, что из них будет, как они промеж себя разбираться станут». Выходит, что не только Розанов, но и сам Лесков воспринимал «криворос» как пролог чего-то пока не вполне ясного?

Но это, скажем, всё-таки прямая речь персонажей, и мы лишь опосредствованно, по тому, как автор им (Розанову, Водопьянову и Подозерову) явно симпатизирует, можем предположить, что они в данном случае резонёры, озвучивающие точку зрения автора. Для того чтобы выйти напрямую на авторскую позицию (в дополнение к уже сказанному выше о названии романа «Некуда»), перефразирую отзыв Писарева о тургеневском Базарове: умереть так, как умерла Лиза Бахарева, – это уже подвиг. Мы помним, что непосредственной причиной её болезни и смерти стала прощальная поездка к месту заключения и казни Райнера, образ которого побуждает к сопоставлению его с «особенным человеком» в известном романе Чернышевского.

Можно сказать, что позиция Лескова по отношению к нигилистам совпадает с тургеневской. Если речь идёт об убеждённых противниках существующего порядка, а не примазавшейся к ним тусовке. «Вы знаете, – объясняет социалисту Подозерову майор Форов в романе «На ножах», где подобным перевёртышам отводится львиная доля авторского внимания, – я принадлежу к так глаголемым нигилистам, – не к мошенникам, которые на эту кличку откликаются, а к настоящим...»

А если сравнить настоящих Бертольди из первого романа и Ванскок из второго, то можно сказать,

что авторское к ним сочувствие идёт по нарастающей. И, кроме того, даже измочаленный, вывернутый наизнанку и начисто, казалось бы, выхолощенный Висленев, ставший одним из тех мошенников-перевёртышей, о которых говорил майор Форов, отрёкшийся и проклинаящий своё нигилистическое прошлое, даже он бросает в лицо своему губителю Горданову: «Я стоял за самопожертвование, а ты принес свой поганый, все перепортивший дарвинизм с его борьбой за существование».

Упомянутая выше львиная доля повествования о мошенниках в романе «На ножах» концентрируется в основном вокруг образа бывшего нигилиста Горданова. Следуя примеру Гоголя, – «припряжем подлеца!» – Лесков тоже старательно запрягает в образную систему второго романа мерзавцев.

Сначала это был не уступающий в самоотверженности Висленеву нигилист: принадлежавшую ему землю Горданов отдал крестьянам. Но потом, когда скрытый в его натуре душевный изъян приводит к умопомрачительной метаморфозе и он превращается в нигилиста, у него созрело решение обманным путём эту землю вернуть. Об этом мы узнаём из письма Подозерова: «Этому мерзавцу есть до меня какое-то дело. Я помешал ему надуть крестьян».

Конфликт с Гордановым выводит Подозерова на размышления об общем порядке вещей: «Словно это настало их царствие <...> Такова, видно, у нас роковая судьба путных людей ссориться между собой за мошенников, под предлогом разномыслия в теоретических началах, до которых мошенникам нет никакого дела и к которым они льнут только для того, чтобы шарлатанствовать ими»

Горданов выведен у Лескова в качестве теоретика и практика неГилизма (от «гиль»: чушь, вздор, чепуха, ерунда, предрассудок). Что же представляет собой это демагогическое, «поганое» учение? Будучи нигилисткой из настоящих, Ванскок «потребовала обстоятельнейших объяснений, в чем же заключается «дарвинизм» нового рода?

– Глотай других, чтобы тебя не проглотили, – отвечали ей коротко и небрежно».

– Он подлец! – вопияла Ванскок.

– Ничуть не бывало, – отвечали ей, – он только борется за существование».

А затем наш горе-новатор и сам стал учить её, как надо вертеться, чтобы жить не на одну зарплату:

– Глотай других, или иначе тебя самого проглотят другие <...> нигилистам дозволяется жить совсем на другую ногу, чем жили нигилисты <...> Один, – вздохнув перечисляет он вчерашних с буквой «и», а сегодня через «е» нигилистов, – уже заметное лицо на государственной службе; другой – капиталист; третий – известный благотворитель, живущий припеваючи на счёт филантропических обществ; четвертый – спирт и сообщает депеши из-за могилы

от Данта; пятый – концессионер, наживающийся на казенный счёт; шестой – адвокат и блистательно говорил в защиту прав мужа, насильно требующего к себе свою жену; седьмой литераторствует и одною рукой пишет панегирики власти, а другою – порицает её.

В приватной беседе с Ванскою Горданов учит её тому, до чего, свихнувшись, своим умом дошёл у Достоевского Раскольников:

– Живучи с волками, войте по-волчьи и не пропусайте то, что плывёт в руки. Что вам далось это глупое слово «донос», все средства хороши, когда они ведут к цели. Волки не церемонятся, режьте их, душите их, коверкайте их, подлецов, воров, разбойников и душегубов <...> борясь за существование, надо <...> не останавливаться ни пред чем <...> не только пред доносом, но <...> даже пред клеветой.

Уф!.. Тут Лесков явно почувствовал отвращение к своей работе... Мы тоже вернёмся к другим страницам романа, где речь идёт о прекрасных, светлых образах; их у Лескова хватает.

Задолго до разрыва с любимым ею Висленевым Саша обнаруживает, что они по-разному судят об окружающем их мире: «Мы ко всему относились разное, начиная с наших ближайших родных и кончая родиной». Тем не менее, она собиралась стать его женой. Окончательный удар был нанесён ей потенциальным женихом по возвращении Висленева из Петербурга. Он сильно и не в лучшую сторону изменился: «Его идеалом в то время были женщины другого, мне вовсе неизвестного, но и незавидного для меня мирка. Он с жаром говорил о покинутых им в Петербурге женщинах, презиравших брак, ненавидящих домашние обязанности, издевающихся над любовью, верностью и ревностью...». И Саша отступилась.

Обратившись к Христу, она решила на свой никому не известный подвиг: согласившись на брак с генералом Синяниным, Саша с его помощью уничтожила компрометирующие письма и списки участников нигилистического кружка Висленева: «Всё это было сожжено, но сожжено вместе с моею свободой и счастьем, которые я спалила на этом огне...»

Саша Гриневич главную для себя духовную опору нашла в Христе-Спасителе человечества. Но и среди смертных у неё были единомышленники. Например, управляющий соседним имением Водопьянов, образец бескорыстия и любви к обездоленным и увечным. И в его же уста Лесков вкладывает рассказ о студенте-бессребренике Спиридонове, который,

среди прочего, уже получив диплом врача, дважды уступал другим положенные ему назначения.

Если тема нигилистов сосредоточена у Лескова главным образом в двух названных романах, то с образами праведников читатель встречается в его произведениях гораздо чаще и при самых разных и порой неожиданных обстоятельствах. Вот какими раздумьями делится он с нами в заключительной части рассказа о часовом Постникове, герое точного и безыскусного рассказа: «Я думаю о тех смертных, которые любят добро просто для самого добра, не ожидая наград за него где бы то ни было. Эти прямые и надёжные люди тоже, мне кажется, должны быть вполне довольны тихим порывом любви и не менее тихим смирением».

О тихих порывах любви к ближнему мы читаем и в других, названных выше произведениях Лескова. Но вернёмся к роману «На ножах». Суждение Саши Гриневич звучит в унисон с этими авторскими размышлениями: «В пожертвовании себя благу других есть такое неопишанное счастье, которое дарит спокойствие среди всех нравственных пыток и мучений».

Праведница Саша не была нигилисткой, как Лиза Бахарева. Но, по сути, все настоящие нигилисты – праведники, ибо главное неопишанное достоинство их натуры – самоотверженность. Этой мерой измеряется и достоинство близких к ним по духу персонажей романов, будь то нескладные Бертольди и Ванскою, неприкаянный Юстин Помада или тот же «Сумасшедший Бедуин» Водопьянов, свято верящий в светлое будущее человечества: он убеждён, что придёт Христово царство. Ему возражают:

– Оно же пришло: мы христиане.

– Нет, нет, тогда «все раскуют мечи на орала и копья на серпы». Нет, это не пришло ещё.

– И не придёт.

– Придёт, придёт, придёт, люди станут умнее и будут добрее, и это придёт.

И вот как Лесков ставит точку в романе «На ножах»: «... нелегко разобрать, куда мы подвигаемся, идучи этак на ножах, которыми кому-то всё путное в ключья хочется порезать, – делится в беседе с отцом Евангелом социалист Подозеров, защищавший интересы обиженных реформой крестьян, – но одно только покуда во всём этом ясно: всё это ПРОЛОГ [Выделено мной. – В.Е.] чего-то большого, что неотразимо должно наступить».

г. Кемерово

ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ЗАВЕРШЕН

Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал «Бийский Вестник» издается с 2003 года при содействии Союза писателей России.

В 2023 году журналу исполнилось двадцать лет. За эти годы коллектив периодического издания награжден Почётным дипломом Союза писателей России, золотым дипломом «Золотой Витязь», литературной премией Петровской академии наук и искусств, православной литературной премией имени святителя Макария, митрополита Алтайского, благодарностями администрации города Бийска и Алтайского края.

Редакционной коллегии удалось собрать в единую команду профессиональных писателей, неравнодушных к событиям современного мира, это: Бурляев Н. П. (Москва), Иванов Г. В. (Москва), Козубенко С. П. (Москва), Мизгулин Д. А. (Санкт-Петербург), Минаков С. А. (Белгород), Митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей, Нифонтова Ю. А. (Барнаул), Орлов А. В. (Москва), Тарковский М. А. (Красноярск).

Учредителями журнала стали Демидовский фонд (председатель попечительского совета Александр Сергеевич Жарков) и Бийский технологический институт (ректор профессор Геннадий Валентинович Леонов), позже появился еще один учредитель – администрация города Бийска.

«Бийский Вестник» бессменно возглавляет Виктор Васильевич Буланичев.

Виктор Васильевич Буланичев говорил о своей мечте: «Во мне живёт убеждение, что в каждом российском городе, независимо от численности населения, должны быть: библиотека, музей, театр, желательны университет или институт и обязательно «толстый» журнал».

По состоянию на 2003 год Бийск – город со слабой, более чем трехсотлетней историей, город-накоград, не имел своего литературно-художественного журнала, несмотря на накопленный научный, образовательный и творческий потенциал.

Нужно было подобрать команду единомышленников, способных создать журнал, где публиковались бы произведения известных современных авторов, открывались новые литературные имена; рассказывалось об истории, науке, образовании, культуре, искусстве, о замечательных людях нашего города.

Для печатного издания, возникшего во времена перемен, когда финансируемых государством журнальных проектов фактически не осталось, – это подвиг! И не только потому, что трудно издавать и

продвигать журнал к читателю без постоянных источников финансирования, ведь наличие квалифицированных штатных работников возможно лишь при достойной оплате их труда. Есть и другая причина трудностей в жизни постсоветских литературных журналов – уровень потребителя культурного, литературного продукта стремительно падает. Это повсеместная мировая тенденция, но в России падение уровня интеллектуальности читателя много заметнее, чем где-либо, потому что резкая смена общественного строя с момента грянувшей в 1991 году буржуазной революции совпала с океанскими цунами постмодерна.

Если советский модерн был ориентирован на приоритет морали и нравственных ценностей, то с эпохой постмодерна очень быстро, буквально на наших глазах, произошло катастрофическое крушение высоких идеалов. Как должен действовать редактор и издатель журнала, пытающийся оставаться на позициях просвещения, эстетики, защитного приоритета человеческих качеств над постепенным погружением в пропасть природного человека, живущего инстинктами? Как отыскать отправные точки для столь глубинной работы?

Журнал «Бийский Вестник» стал просветительским проектом. Изменить ход истории невозможно, но хотя бы отодвинуть от края пропасти сообщество мыслящих людей, коими всегда гордилась Россия, – это главная задача журнала.

С 2014 года по согласованию с директором Музея В. М. Шукшина в селе Сростки Лидией Александровной Чудновой и Лидией Николаевной Федосеевой-Шукшиной журнал стал именоваться: журнал родины В. М. Шукшина «Бийский Вестник».

В 2016 году у издания появился главный его попечитель – Сергей Павлович Козубенко, большой знаток и любитель творчества Шукшина. С его приходом «Бийский Вестник» набрал силу, окреп.

Издатель С. П. Козубенко и главный редактор В. В. Буланичев материализуют идею воплощения основательного издания родины В. М. Шукшина, считавшего Бийск серьезной точкой отправления в самостоятельную жизнь.

Журнал вот уже два десятилетия удерживает рубежи прозы, поэзии, публицистики, соответствующие канонам классической русской литературы, прекрасно справляется с изначально поставленными задачами просветительства и создания единого творческого пространства в России. А это является основой развития, на этом зиждется жизнь народа, его национальная культура.

Создавать очередные номера журнала помогают люди, неравнодушные к культуре и просветительской работе. Вот имена некоторых: писатель Сергей Викторович Филатов, редактор Светлана Владимировна Соловьёва, писатель и редактор Люд-

мила Максимовна Козлова, председатель правления Союза писателей России Валерий Николаевич Ганичев, писатель Николай Владимирович Переяслов, писатель и литературный критик Валентин Яковлевич Курбатов, администрация Бийска и многие, многие другие замечательные люди, организации и учреждения.

В 2024 году, году 95-летия Василия Макаровича, на Шукшинские чтения прибыла большая команда издателя журнала Сергея Павловича Козубенко с обширной культурной программой и подарками музею и библиотекам города Бийска и села Сростки. Прошли насыщенные встречи и разговоры о судьбе культуры России, о жизни толстых журналов и о задачах на будущее.

На Большом книжном фестивале в городе Бийске слово от имени «толстых» журналов было доверено главному редактору «Бийского Вестника» Виктору Васильевич Буланичеву.

Журнал красив: сделанный со вкусом очередной номер приятно взять в руки, а блоки цветных иллюстраций, прослаивающие художественные тексты, всегда увлекают цветовой гаммой, гармонией, формами показа действительности, столь быстрой становящейся прошлым.

На сегодняшний день журнал выходит с периодичностью четыре номера в год, и каждый номер плотно насыщен, даёт благородное питание уму и сердцу.

Редакция журнала приглашает заглянуть на страницы «Бийского Вестника». Нам очень важно мнение читателя, его поддержка. Нас связывает давняя дружба с журналом «Огни Кузбасса» и с регионом – Кемеровской областью.

Духовное развитие прирастает развитием художественного слова, поисками истин культуры, сохранением природы Сибири и традиций народов, проживающих в этом удивительном месте. Мы приглашаем к сотрудничеству писателей, способных словом прикоснуться и разбудить сокровенные уголки души человеческой.

Валерий Неудахин,
литературный редактор журнала
«Бийский вестник»

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Помнится, будучи главным специалистом Крайнего Севера-Востока в вопросах библиотечного взаимодействия учреждений культуры, образования и досуга, мне доводилось быть участницей докладов, диспутов и чуть ли не рукопашных споров о закате века библиофилов. Прорицатели «заката» воспевали прелести электронного информирования, чтения, обучения, развлечения и даже лечения.

Я же твёрдо отстаивала незакатно долгий век бумажной книги... Минуло без малого полвека. И жизнь показывает, что книга, пережив немалые испытания, остаётся востребованной, ибо только стабильно устойчивый текст, в отличие от «плывущей» электронной информации, содействует рождению эмоционального соучастия читателя и писателя.

Во славу бумажных носителей удалось сохранить многим толстым журналам, но они, как правило, издаются в областных или краевых центрах. Бийск – город с более чем трёхсотлетней историей, но «заштатный», долгое время подобного издания не имел. Периодически издавались тематические сборники, но единого издания и системы не было.

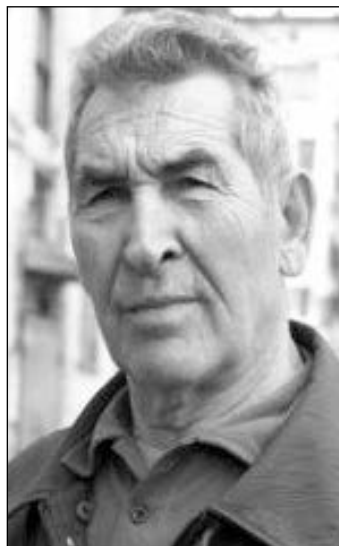
И только в начале бурных девяностых по инициативе Ивана Семоненкова и Сергея Филатова город увидел не сборник, а именно альманах «Бийск». В силу разных причин периодически прекращалось его издание, варьировалось название, но альманах выжил. И теперь почти полтора десятка лет он выходит под названием «Бийск литературный» стабильно, ежегодно, в рамках программы Шукшинских дней на Алтае. Альманах является рупором членов Союза писателей России, проживающих в основном в Бийске. Но в своём альманахе они публикуют и начинающих литераторов, и школьников – победителей литературного конкурса «Мой Шукшин», и коллег по писательскому цеху из других регионов России.

Любовь Казарцева,
главный редактор альманаха
«Бийск литературный»

**Анатолий
КРАСНОСЛОБОДЦЕВ**

ПАМЯТЬ ЗРЕЛОГО СЕРДЦА

Уходили на фронт поезда,
Тишину чутких снов окликая,
И светила над ними звезда.
В предрассветную даль провожая.

«Поспешите», – шептали кусты.
«Возвращайтесь», – деревья кричали.
А у самой последней черты
Их тревожные ветры встречали.

Сотрясалась земля под огнём.
Скорбным эхом ей вторило небо,
И составы и ночью и днём
Шли и шли, приближая победу.

ВОЙНА

Внуку Виктору

Однажды ты спросил меня:
«Дед, почему такой печальный?»
И я ответил: «Не случайно
Опять ко мне пришла война.

Я в детстве пережил немало.
Питался жмыхом и травой.
Я до сих пор живу устало
Той прошлой, страшной, моровой...

138

Войну я вижу и во сне.
Она, как тень, идёт по следу,
Вот почему после обеда,
Хоть маленький кусочек хлеба
Я оставляю на столе.

Мне кажется, что кто-то рядом,
Прижавшись к сумрачной стене,
Следит за мной печальным взглядом
С рукой, протянутой ко мне.

Как будто чем ему обязан,
Как будто есть моя вина.
И я с ним кровно сердцем связан...
Вот что такое, брат, война».

На горизонте стонут облака.
Густой туман их держит, как стропила.
Рассвет заметно тронул берега,
Но ночь от берегов не отступила.

Ещё во сне – деревья и цветы,
И в щедрых росах спят тугие травы,
И над речным дыханьем воды
Не слышен всплеск весла у переправы.

И люди видят радужные сны,
Забыв про все заботы и печали.

КРАСНОСЛОБОДЦЕВ Анатолий Григорьевич родился в 1941 году в селе Сычевка Алтайского края. Образование высшее. Автор нескольких поэтических сборников. Публикуется в российских журналах, антологиях, коллективных сборниках. Награждён медалями имени М. Ю. Лермонтова, имени Н. Рубцова. Член Союза писателей России. Живет в Бийске.

Но скоро луч проклюнется зари,
И журавли в полях разбудят дали.

Зашелестит, зашепчется трава,
Пройдёт по кронам ветерок несмелый...
И жизнь опять войдёт в свои права,
И новый день заполнит до предела.

Память зрелого сердца –
Свет зари на снегу...
Я бегу вслед за детством,
А догнать не могу.

Звёзды падают с неба,
Отражаясь в глазах...
Привкус чёрствого хлеба
До сих пор на губах...

Я бегу по ухабам
Полугол, полубос,
В ту страну, где когда-то
Безотцовщиной рос,

Где у детской кровати,
У слепого огня,
Молодая солдатка –
Мать кормила меня.

Берегла, как умела,
Осеняя крестом...
Её боль, её веру
Я впитал с молоком...

И чем дальше от детства,
Как могу, берегу
Память зрелого сердца –
Свет зари на снегу

МАЛЬЧИК ИЩЕТ ЧУДО

Сколько ни бываю в Божьем храме, –
Видится картина мне одна:
Ходит мальчик с ясными глазами,
Вглядываясь в лица прихожан.

Прихожане к звоннице, – он с ними.
Прихожане в храм, – и он к дверям.
Следует ступенями крутыми
Провожая их до алтаря.

В день, когда идёт богослуженье,
На виду у всех, не торопясь,
Ходит он, прислушиваясь к пению,
Тайной детской радостью светясь.

То глядит, как свечи зажигают,
Как со стен стекает темнота...
То стоит подолгу со слезами
У распятия Господа Христа.

И всегда, сколь помню я, он – всюду.
И всегда как будто что-то ждёт...
Ходит мальчик. Мальчик ищет чудо.
И, надеюсь, он его найдёт.

В глухой заснеженной округе,
Где ветер вётелы гнул в дугу,
Узнал я рано посвист вьюги
И скрип полозьев на снегу.

Полозья медленно скрипели
Под мерный ход больших саней,
Потом быстрее всё, быстрее...
И вдруг пронзительно запели,
Сливаясь с храпом лошадей.

Гнедые мчали сани с гулом
Под взмахом хлёсткого бича.
И ветер больно бил по скулам,
И даль летела, горяча.

С лошажьих спин, с морозных вётел
В лицо летел густой куржак...
И я в метелях не заметил,
Как проскочил судьбы большак.

И вот теперь в степном разгоне,
Сквозь давность лет, на склоне дней,
Несут меня по жизни кони,
А ветер бьёт еще больней...

Валерий НЕУДАХИН --- ИКОНОПИСЕЦ

Архип смахнул капельки пота с надбровных дуг рукавом. Наголовень, схватывающий волосы, совсем не помогал. Доставать платок и вытирать лицо насухо не хватало времени. Обмакнул кисть в краску и замер над иконой с мыслью, нужен ли тонкий, едва приметный штришок в этом месте. Не испортит ли своим видением мастер лика святого. Писаная икона сродни откровению, каждый мазок душой наносится и на сердце ложится. Если самому не нравится, как ее к верующим выносить, на суд людской? Не заденет за живое, к откровению не позовет. Нужен! И, задержав дыхание, чуть весомо прикоснулся к работе, лежащей перед ним. Чуть заметная черточка осталась на лике. Точно, без нее нельзя обойтись.

Привычно убрал в сторону инструмент. Погасил свет, в помещении образовался сумрак. Архип любил это последнее откровение со своей работой. Проверял ее в свете свечи, словно икона в алтаре и лампадка перед ней зажгли. Вот здесь и открывается то, что в повседневной жизни неприметно. Стоишь, воссылаешь моления. Первые слова перед ликом сокровенным просвечивают. Душа отрывается от тела и возносится перед станком. Полетает над работой, впитает в себя свечной дух и вернется. Обожествленная и торжественная. Возникает чувство ничтожно маленькой

частицы в этом мире. Не от размера, а от лика святого. Вот с этого момента написанное им начинается свою жизнь, отдельную от него. А он, пустой и отрешенный, несколько дней приходит в себя, чтобы творить дальше.

На третий день, как забрали лик из мастерской, Архип отправился в столярную мастерскую подготовить полотно. Готовили его по-сибирски: из лиственницы. Доски подбирал сам, из второго реза, чтобы сучков не обнаружилось. Работу подготовительную любил, вместе со столяром принимал привезенную древесину. Просил, чтобы привозили сырую, с корня. Затем раскапывали яму в навозе на конюшне, укладывали пластины одна к другой и пересыпали навозом. Так быстрее высыхали доски, и их не вело после такой сушки. Не заворачивало и не выгибало лесину. Дух этот навозный любил, с удовольствием разутый ходил по теплой массе и затем с удовольствием мыл ноги в прохладной воде.

Истовый художник почуять должен, чем материал жил, что впитал и что готов отдать. Вместе с мастером сплачивал доски в полотно. В шип работали, такое дело любит аккуратности и осторожности. Киянкой не помашешь от плеча, а ну как лопнет доска? Вот после того, как своими руками полюбил дерево, через руки и душу пропустил,

НЕУДАХИН Валерий Фёдорович родился в 1955 году в городе Бийске Алтайского края. После окончания школы 28 лет отслужил в армии, после работал в кадетской школе. Путешествует по Горному Алтаю в поисках историй и легенд. Автор семи книг. Рассказы печатались в различных журналах и альманахах. Лауреат Православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского. Живёт в Бийске.

и пишется легче и со смыслом об устройстве мира и месте в нем человека.

Архип терпеливо полировал полотно, готовил его под грунт, а мысли уносили его в детство. К первому трудному опыту и признанию его творчества. Семья жила бедно, настрогали мать с отцом кучу ребятишек, не подумали, чем кормить будут. Только как думать, коли грехом считалось ребенка вытравить. А так – живет, сколько Бог дал. Не пожилося – так на роду писано, отвезут на погост в младенческом возрасте. Зацепился за жизнь, карабкайся, упирайся, чтобы себя содержать в этом мире. Он зацепился. Мальчишкой отдан был в работники к крепкому крестьянину, который, кроме прочих дел, изготовлением посуды занимался. Вначале готовили к продаже простую, глиняную. Обжигали в печи, на том и все дела. Брали их посуду хорошо. Из России доставлять – больше перебеешь в дороге, везли тогда на телеге, пароходы по реке не бегали. Вскоре интересно стало, расписывать принялись, чтобы дорожке уходила, в дома, что богаче.

Приезжий мастер талант, конечно, имел, но и беда с ним рядом день ото дня ходила. Как ни прятали от него спиртное, все равно найдет. Тогда много спирта гнать на Алтае стали: хлеба много, а продавать его в европейскую Россию не давали. Куда урожай девать? А наш ведь отыщет всего-то на понюшку, да здоровьем слаб – лежит три дня, в себя приходит. А то в запой уйдет – вовсе неделю не работает. После запоев нервным становился, все не так. Гонял помощников. Где кулаком приложит, а то и палку в руки возьмет.

Архипа не трогал, заприметил в нем дар к рисованию и помогал всем сердцем. В мастера выводил. А заприметил просто: очнулся однажды после запоя, в ожидании увидеть грудку посуды, которую расписывать нужно. А работа переделана, мальчишка, а сумел разрисовать. Мастер сначала осерчал, под его маркой посуда продавалась. Рассматривать начал, ругать: тут завиток не получился, не довел, там линия по толщине разная. Только быстро сообразил, что хозяин на выходе посуду видит.

Получается, малец его загул прикрыл. Подобрел и принялся учить, подсказывать. А вскоре и доплату у хозяина выпросил для нового мастера. Скоро парень такие росписи выкомаривал – не чета московским. Так и шло дело, только вскоре

наладилось речное сообщение и посуду повезли в Сибирь из России, добротную и дорогую. Прикрыл свое дело хозяин, мастер вернулся домой, и труд Архипа никому не нужен оказался.

Парнишка к тому времени вполне управлялся с кистями, благо учитель оставил в подарок. «Думается, большим человеком вырастешь», – сказал на прощание. А краски он научился сам изготавливать из природных материалов. Полюбил рисовать, легко улавливал тонкости, какие обыкновенный глаз и не приметит, умел подобрать в цвет любую картину. Сверстники над ним смеялись: что за дело такое нашел, кому оно нужно и какой доход приносит? Он терпелив оказался и умен, не отвечал на нападки. Один раз сгоряча ответил, не выдержав: вырастет, будут у него краски и кисти в достатке, разрисует весь мир, чтобы зла не было, а только доброе.

Слова те прослышал старец, разговор возле храма происходил. Отметил про себя этого подростка. А через неделю встретил на берегу реки – Архип набросок делал. Разговорились. Это намного позже понял парень, что неспроста разговор старец Иона затеял. Присматривался.

Упала первая капля дождя, звонко стукнув о подоконник. Первая всегда самая крупная, неожиданная и в то же время долгожданная. За ней нехотя упали еще несколько, а затем, ускоряясь и учащаясь, забарабанили наперегонки. Каждая с небес со своей вестью прилетает и тревожит человека. Заметил, что и дождь по-разному принимается. В промозглую осень явно весть подают ушедшие на небеса, жалеют тех, кто на грешной земле остался. Вместе с дождем и люди грустят, задумываются чаще, очищения ищут. Другое дело – весна, осадки радостные. Приглашают к работе, к восхищению жизнью. Архип любил всякое ненастье, легче себя осознавал, словно через нити дождя с Богом общался и тот ему благословение давал на новую работу.

Хорошим предзнаменованием считал капли с неба. Установил готовое загрунтованное полотно на станок. Несколько недель стоять ему на отведенном месте. Икону большую заказали для вновь построенного собора. Говорят, настоятель будущего храма долго кандидатуру подбирал, кто писать лики станет для убранства. То-то зачистил он в их мастерскую с осмотром, а Архипу невдо-

мек, отчего с ним беседы водят. Ну да теперь готов к работе, душа просит. Любил это волнение перед началом, никогда не спешил. Ждал чего-то, долго всматривался и прикидывал, как расположить. А главное, где первый мазок сделать и каким оттенком. Вдруг изнутри словно подтолкнет кто, и потечет работа плавно, без рывков. Последнее дело – спешка, сгоряча такого наворишь. Оно, конечно, переписать можно. Но как душу на душу насаивать. Грех!

Архип сидел на берегу, приближалась гроза. Он спешил, чтобы успеть до первых капель, потому не заметил, что сзади подошел человек в рясе и внимательно смотрит за тем, как бросает художник на картину мазки. Наконец почувствовал дыхание постороннего, но не обернулся, а продолжал рисовать. Изображенное не нравилось ему, он с удовольствием бы закончил работу, но что-то удерживало. Наконец старец заговорил:

– Что ж ты, милый человек, мрачно природу изображаешь? Она от Бога дана и плохой не бывает. В жизни радости надобно искать. Или что случилось у тебя, что душа мрачная?

И тут парня словно прорвало, как на исповеди поведал о сомнениях своих. Встречался с девушкой, любили, миловались. Он души в ней не чаял, казалось, и она ему послушная. Встала на пути семья богатая, сватов заслали во двор Настеньки. Девка уж больно хороша собой и работающая. Обратного пути нет, родители согласие дали. Бежать Архип не мог, денег нет, чтобы увезти любимую. Да и к порядкам домостроя приучен. Через два дня свадьба, к чему склониться не знает. Оттого и темные, мрачные тона преобладают в рисунке. Так поговорили хорошо, и пригласил его Иона в мастерскую пригладиться, а там и остаться. Посвятить себя богоугодному делу.

Первую икону Архип писал по настроению, преследовавшему его в это время. «Спас ярое око» удался на славу. Но что-то отрешенное чувствовалось в этом лике. Темные тона, яркие красные всполохи в одежде и за спиной выражали главную идею иконы, где Спаситель изображен в роли взыскательного судьи. Необыкновенно удалась глаза. Глубокие, с затаенной грустью и болью за народ. В них виделся мир, полный отчаяния и грусти. Еще больше расставания и посвящения. Такая вселенная окружала сейчас Архипа и на-

шла выражение в лике Христа. Глаза, отражающие бытие, смотрящие вглубь человека, спрашивают с него за свершенные проступки, требуют покаяния.

Настоятель монастыря, приехавший из глубокой красноярской тайги, полчаса не отводил взгляд. Стоял на коленях перед ликом, словно провинившийся в чем-то мальчишка.

– Талантлив ты, парень. Но уж больно непримиримый. Не ссорься с миром, даже если ты талантлив и близко к Богу стоишь, от людей не отрывайся, будь с ними на равных. Работу твою беру, на видном месте будет.

Для себя же сделал неожиданное открытие: не нужно много красок, чтобы радовать верующих. Не нужно рисовать весь мир. Глаза нарисуй – в них вся вселенная, все откровение жизни. Они способны перевернуть белый свет.

Еще больше поверил в торжество красок. Краски дорогие, доставались редко и ценились высоко. Еще в Греции изобрели одну из самых важных красок – тирийский пурпур. Готовился из раковин морских, ценился выше золота и поэтому считался цветом царей и императоров.

Краски стойкими должны быть, чтобы на века лики в церквях глаз радовали. Ну-ка сделает мастер икону, а она через год шелушиться начнет. Это все объяснял Иона, учил, как краски приготавливать. Полюбился цвет голубой. Цвет Богородицы. На Руси, к примеру, для получения синей краски минерал лазурит в течение трех-четырех дней выдерживали в кислых щах. А для того чтобы получить золотую краску, смешивали шафран со щучьей желчью.

Использовали для закрепления живицу, которая делает краску клейкой, яркой, прозрачной и быстро сохнущей. Сами заготавливали, с лиственницы, с кедра собирали. Отдыхал в такие моменты Архип. Давно смирился, отпустил от себя любимую. Встречал иной раз в городе да проходил мимо, кивнет головой – вот и вся беседа. Раньше разговаривал с ней ночами, делился радостями и заботами. Да заставил усмириться сердце. Жизнь распорядилась так, а ее решения трудно оспаривать.

Полотно стояло перед ним в станке, а он все решиться не мог начать работу. Закружили

голову воспоминания. Так бывает, когда забьют твое детище, с которым ты разговаривал в процессе написания несколько месяцев. Словно кровиночку потерял. Пока сердце свыкнется!

Пристрастился и к другой радости в своей жизни. К резному делу. Пришлось по душе занятие с деревом. Тонкости требовало в исполнении и оживления. Так играть озаменка (рисунок) начинает, что душа радуется. Начинать с простых орнаментов, где резьба по плоской поверхности в виде косиц и прямей, зубчиков, городцев и киотцев, желобков, звёздок, маковиц, грибков, кляпышей. Слова-то какие – заслушаешься. А уж готовая работа всяк дом украшает, не говоря о храме. Поручили однажды молодому мастеру резьбу на доме молодого купца, упростили. Принялся резать наличники на окна. Старался. Закреплять готовые начал, полгорода собралось. Дивная вышла работа, глубокая резьба подчеркивала текстуру дерева. Кедр сам по себе красив и целебен. Податлив инструменту и удивительные оттенки дает. Крепил, кажется, как обычно, а получилось – в лучах солнца утром и вечером по-разному смотрится. Иная тень упадет, и заиграет распушенный бутон розы, свет отбрасывает. Лоза виноградная с листьями для местных обывателей сказочной видится. Никто и не видел вживую такое растение, а тут среди сосен и осин – просто очарование природы. Мальчишка подбежал пальцем потрогать – не живая ли.

С тех пор полюбил резьбу. Она и преимущества давала, мастерская славилась работниками своими, запрашивали их в другие города для работ разных. Деревянные храмы резьбой украшали от земли и до купола. А в отъездах реже мысль к больному обращалась. Заставлял себя Настю забыть, да длинными вечерами видение придет – стоит перед глазами. Так и жил с ее образом в сердце. Днем отодвигал, чтобы не мешала работать. Другой и не надо. Видимо, жизнь свою коротать с мыслью о любимой.

Любил задания выполнять на высоте, под куполом. Мир с высоты птичьего полета смотреть. Гордость за работу появлялась, поскольку смелость нужна балансировать под небом. В такие моменты очень хотелось, чтобы Настя увидела и полюбовалась. Загружал работой дни и ночи,

вычерпывал себя до донышка. Через эти страдания и красота рождалась.

Умер старец Иона. Тихо и невесомо отлетела душа в небеса, никого не обременил своей кончиной. Жил скромно в келье, любил в одиночестве молиться и ушел без чьего-то присутствия. Две недели болел, простыл. Сетовал – сгоряча напился родниковой воды. Просил у Бога прощения. Согрешил: подумал, что из-за холодной живительной влаги. Все братья тихо ходили мимо двери, не потревожить бы ненароком болящего. На четырнадцатый день пришел в мастерскую, сел на лавку в углу и попросил не обращать на него внимания, а продолжать работу. В вечеру расходиться начали, он опять же обратился с просьбой не тревожить его, красками подышать хочет: соскучился по запаху мастерской Несколько раз заглядывал в щель: сидит, молитвы читает. Ближе к ночи заглянул, а он и не дышит уже. Кисть в руке держит, макнул в краску и не донес, чтобы последний мазок наложить. Синий – цвет Богородицы, любимый цвет Ионы.

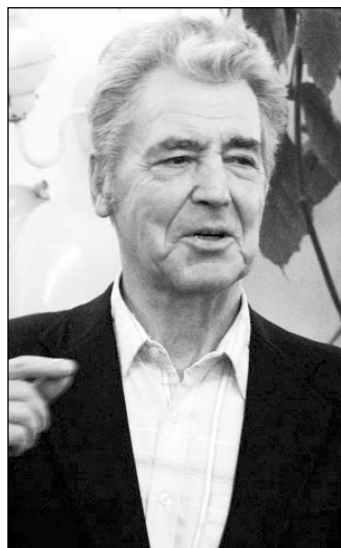
Отлетела душа Ионы, предали тело земле. А ... работать не может. Все чудится, не так краску подготовил, штрих бросить на лик боится. Испортить икону легко, а с какой душой после этого перед людьми стоять. Не чистой душой мастер работал, и этим все сказано. Неделью маяло его это состояние, а потом пришло откровение. Не покладая рук, трое суток не выходил из помещения, шаг от станка боялся сделать. Не в состоянии уйти от того, что открылось, будто кто рукой его водит. Ладно рисовалось и спорилось. На лик тот все братья приходили поглядеть. Душа старца Ионы на грани миров перешла Архипу. Лицом просветлел мастер, силы в себе открыл необыкновенные.

Больше всего удавались глаза. Печальные и молящие за сына своего. В них отражался весь мир: не рощами, горами и реками, а душой человека, болью его внутри носимой. Народ руку его узнавать стал. Богомольные старушки за спиной «богоугодным» называли. А он писал, резал и жил тем, что творил на земле добре и светлое...

Дрогнуло лицо, рука сама потянулась к полотну и интуитивно бросила мазок голубой краски посередине. Лик Богородицы попросился! Лицо озарила улыбка – рукам нетерпимо и сердцу трепетно!

**Дмитрий
ШАРАБАРИН**

**МОЛОДЫЕ, КАК ЗАРЯ,
БЕРЕЗНЯКИ**

НА ЗАКАТЕ

*Отзвенели золотые тополя.
Вон летит к закату
Солнечная нить!
На лугах, где стадом выбита земля,
Лишь бессмертника холодные огни.*

*Я люблю их одинокость и печаль,
Непокорность и живучий аромат.
Каждый в жухлых травах светит,
Как свеча.
Все погаснут в мире свечи –
Будет тьма.*

*А над рощицей горланит вороньё
И обсиживает гулкие столбы.
Далеко сквозит
Затихшее жнивье –
Ярко-жёлтое под красно-голубым.*

*Будто в песенную
Выстроюсь строку,
По обрывистому берегу реки
Понеслись в седую даль
По ветерку
Молодые, как заря, березняки.*

ПАМЯТЬ

Что пройдёт, то будет мило.
А. С. Пушкин

*На закате – синей линией
Горизонта полоса.
Вот опять они нахлынули –
Лет затихших голоса!*

*Не уходит в сумрак прошлое
Остывающей волной –
И плохое и хорошее,
Как всегда,
Идёт за мной.*

*Все родные, что не старятся,
Все друзья, которых нет...
Все, не ведая усталости,
День и ночь – за мною
Вслед!*

*Оглянусь на голос издали –
За спиной молчат века.
Лишь лесов полоска сизая
Да тоскующий закат...*

УТРОМ ТИХИМ

*Утром тихим,
Словно шаг кошачий*

177

На пустынный берег,
Сонный лес –
Льётся синь потоками из чаши
Облаком залатанных небес.

Льётся синь по краю горизонта,
Словно закипает молоко.
В тишине задумчивой
И сонной
Чей-то голос
Слышен над рекой.

Через годы –
Жалобный и тонкий,
Аж душа заходится в тоске!
Словно детства
Ласковый котёнок
Затерялся в росном
Далеке...

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

Вокруг – знакомые места:
Берёзы, тополя и клёны.
И тень нависшего куста
Над заводью речной
Зелёной.

Дохнул знакомый ветерок
И улетел,
Над лугом рея.
И вдруг – почувствовался срок,
И вдруг почувствовалось
Время!

И путь,
Который не далёк.
Взглянул на мир,
И сердце сжалось,
И душу тронул холодок.
В груди дыханье
Задержалось.

ТРЕВОГА

Будто рухнуло к подножью
Что-то свыше
Тяжело:
Вдруг внезапно
И тревожно
Ветром душу обдало...

Или что-то –
В нашем стиле! –
Началось да не сбылось,
Метеором прокатилось,
Русской тройкой
Пронеслось.

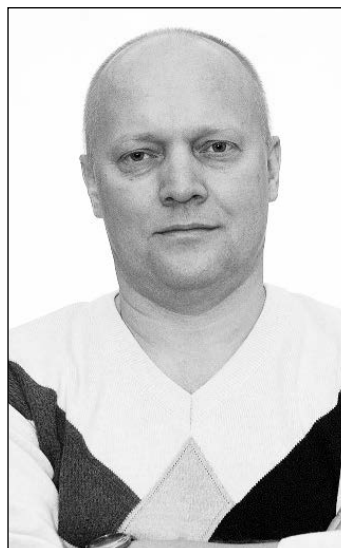
Прокатилось над судьбою
Незамечено во тьме,
Не оставив за собою
Ни следов
И ни примет...

Только сердце затаилось,
И дыханье сбилось вдруг...
В жизни что-то
Изменилось?
Только к худу?
Иль к добру?

**Дмитрий
КАЮШКИН**

ФАТУМ

Шквалистый порыв средиземноморского ветра едва не свалил с ног старика Аристидиса*. Приняв впалой грудью удар стихии, он лишь крепче сомкнул ссохшиеся губы и впился неморгающим взглядом в бушующее Критское* море. Мрачные лиловые волны вскипали, подминали друг друга. Безжалостно вгрызаясь в гранитные скалы, взметались миллиардами брызг, чтобы через мгновение вновь сплотиться в едином штурмующем порыве.

Нескончаемые осенние шторма продолжались второй месяц подряд. Перевалили за половину мемактерион*, но бури не собирались утихать. Сейчас солёные брызги долетали до порога лачуги и орошали иссечённое морщинами лицо старого рыбака. Плотнее затянув обветшалый хитон* из грубой ворсистой шерсти, свисающий до пят, Аристидис тяжко опустился на песок. Тревожные думы не отпускали его. В нынешнюю путину несколько рыбаков бесследно сгнули в штормящем море, и выходить на воду пока не решался никто.

За последний пифос* солёной рыбы удалось выручить три драхмы*. Знакомый торговец повёз пеламиду* в Афины, где в это время всегда ощущался дефицит рыбы. Если в ближайший месяц выйти в море, то косяки пеламид ещё можно застать, но после рыба уйдёт в Понт Эвксинский*, к берегам Боспора*, и лакомый деликатес достанется уже жителям далёкого Пантикапея*.

На деньги, отсыпанные поутру щедрой рукой

торговца, вся немалая семья Аристидиса протянет пару недель. Чем кормить детей и как жить дальше – тяготило душу старика. Ему достаточно и горстки полбы*. Но в доме невестка-вдова да трое малолетних внуков...

За спиной старика распахнулась ветхая дверь, и на порог выскочил самый неугомонный из внуков – семилетний Элей:

– Дедушка! У меня получилось!

В руках мальчуган держал оливковую ветку без листы с насаженным на одном конце кремниевым наконечником. С раннего утра Элей старательно мастерил своё первое орудие: освобождал древко от коры и точил о камень острие гарпуна. Заметив озабоченность на лице старика, умолк, присел рядом и обнял деда. Лёгкая улыбка тронула лицо Аристидиса:

– Теперь танос* наверняка станет твоей добычей!

– Я смогу пронзять таноса, как Великий Александр* пронзал копьём персиян!

Мальчишеская непосредственность растопила сердце старика и наполнила гордостью за внука. Элей уже пару раз выходил с дедом в море и даже помогал тянуть сеть. А вот Аристидису метать гарпун в спину большого тунца с годами становилось не под силу.

– Боги продолжают гневаться? – по-взрослому спросил внук.

КАЮШКИН Дмитрий Владимирович. Родился в 1966 году. Служил на кораблях Балтийского и Тихоокеанского флотов. Офицер запаса. В настоящее время предприниматель. Публиковался в журналах, альманахах и антологиях Алтая, Новосибирска, Магадана, Тобольска, Крыма. Автор нескольких книг прозы. Выпускающий редактор альманаха «Бийск литературный». Член Союза писателей России. Живёт в г. Бийске.

– Возможно, мы чем-то и прогневили Кианохета*, – чуть помедлив, произнёс старик. – Понять волю богов под силу лишь посвящённым.

– Как же так, дедушка? Мы ведь принесли жертву богам, – настаивал упрямый Элей, бросив взгляд в основание доменной стены. Там, внизу, в культовой нише, хранились кости ягнёнка и останки рыбы, возвращённые из святилища после жертвоприношения. Сейчас замурованная ниша скрывалась под толстым слоем песка, прикрытом черепками амфоры.

– Придёт час, и боги примут нашу жертву, – многозначительно произнёс Аристидис.

– И когда он придёт?

Аристидис с трудом поднялся на ноги и подошёл к сети, раскинутой на выбеленных стихией кольях. Старая льняная сеть была гордостью рыбака. Лён везли из далёких стран, расположенных к северу от Боспора, и не каждый рыбак мог позволить себе подобную снасть. Свитый в несколько нитей шпагат оказался местами надорван. Скрюченными неизлечимой болезнью пальцами Аристидис ловко связал обрывки и проверил на прочность узлы на ячейках. «Добрая сеть, ещё послужит!», – решил он и вновь обратил взор на внука.

Ветер немного стих, тучи рассеялись, в наступающих сумерках проступили островки звёздного неба.

– Посмотри на звёзды, – обращаясь к Элею, нетерпеливо, но покорно ждущему ответа на свой вопрос, промолвил старик и вскинул ввысь руку. – Видишь в созвездии Волопаса самую яркую звезду? Это Арктур. Пройдёт немного времени, и совсем рядом в скоплении Плеяд засияет новая путеводная звезда под названием Алькиона...

– И что же тогда?

– Боги смилятся, приняв нашу жертву. Тогда и придёт черёд благословенных «алькионовых дней».

– И мы сможем выйти в море за уловом?

– С Алькионой связано немало поверий и тайн, – словно не расслышав внука, продолжил Аристидис.

– Расскажи, дедушка, расскажи, – торопливо прошептал заворожённый Элей, не сводя взгляда со звёзд...

Андрей вздрогнул и резко открыл глаза.

Зимородок сидел на пластиковом удилище и, судя по всему, не собирался улетать. Откуда он выпорхнул и как оказался на расстоянии вытяну-

той руки, Андрей не успел заметить. Возможно, всему виной были опущенные на несколько мгновений веки или полуденная дрема, в которую он нечаянно погрузился. Но сейчас от недавней мечтательной ленцы не осталось и следа.

Нарастающим зноем и душноватым маревом пропиталась вся округа. Полчаса назад, убедившись, что сегодня точно не его день, Андрей волевым решением приостановил бесперспективную рыбалку. Примостив удочку на краю невысокого обрыва, так, чтобы видеть колышущийся на воде поплавок, мужчина опустился на траву и спиной откинулся на ствол огромного ветхозаветного тополя.

Гигантское дерево он заметил издали, в поисках русла неуловимой Громотухи петляя на своём внедорожнике среди потускневших и увядающих сентябрьских лугов, глухих зарослей низинного ивняка, колючего боярышника и вызревающей калины. Три ствола, годами слитые воедино, толщиной в несколько обхватов, величаво возвышались над скошенной луговиной. Одиноким исполин, отбрасывая тень на десяток метров, нависал густой, слегка пожелтевшей кроной над едва шумящей водой. Это в верховьях, среди булыжников, валунов и скалистых обломков, река гремела и колокотала, оправдывая своё название. А здесь, в нижнем течении, отличалась гладью и медлительной поступью. Видимое спокойствие Громотухи было обманчивым. Чуть выше по течению, под обрывом, покоился остов ещё одного тополя, некогда тоже возвышающегося над берегом, но коварные воды, подмывающие берега на излучине, не оставили ему шансов. Иссечённый и отшлифованный потоками ствол замедлял течение, являясь виновником обширного плёса, которым и соблазнился Андрей в поисках улова.

Сегодня, впрочем, как и всегда, улов вовсе не являлся самоцелью тридцатисемилетнего мужчины. Когда друзья-коллеги хвалились невиданной добычей, будь то десятки пудовых щук или набитые увесистыми карасями багажники авто, он, прислушиваясь к рыбацким байкам, только снисходительно усмехался, пытаясь в разномасштабной шелухе похвалы уловить крупницы историй о красотах неизведанных уголков природы и встречах с её не менее неожиданными обитателями. И уже после, самостоятельно побывав в удивительных и для многих недоступных таёжных местах, зачастую болотистых и непроходимых, обрёл привычку долго вспоминать и восхи-

щаться randevу с одиноким красавцем-беркутом или бесстрашным в своём любопытстве, стреляющим хитрющими глазёнками взъерошенным лисёнком. Полюбил, предаваясь мечтательным грёзам, воскрешать в памяти магическую тишину лесных озёр и чарующее великолепие раскрывающихся под первыми лучами солнца белоснежных лилий.

Где же среди необъятных впечатлений вполне объяснимое и уместное местечко для трофеев?

Пара-тройка увесистых рыбёшек, среди которых изредка встречался серебристый лещ или краснопёрый подъязок, – бывало, лишь повышали внутреннюю самооценку состоявшегося мужчины, которого сама природа наделила навыками добытчика, и, что вполне закономерно, являлось для него оправданием перед собственным эго.

Опасаясь невзначай спугнуть незваного соседа, Андрей с нескрываемым любопытством наблюдал за пёстрым красавцем.

«Добрый знак! – мелькнуло в голове. – К богатству, любви, благополучию?» – память короткими залпами выстреливала знаниями о необычной птице.

Встреча с зимородком среди рыбацкой братии всегда слыла хорошей приметой. И Андрей со своей любознательностью и начитанностью отнюдь не был исключением, а уж доверять приметам – без этого на рыбалке и вовсе нельзя. Вот сегодня поутру сосед пожелал «ни хвоста, ни чешуи», а он в ответ лишь вяло махнул рукой. Соответственно и результат – никакой. Андрей с небрежной гримасой бросил взгляд на пустое ведёрко. Пара плотвичек, чуть меньше ладошки, да точно такие же три окунька – весь сегодняшний «богатый» улов – были заботливо отпущены в водную стихию.

Зимородок – не просто явление, можно сказать – целое событие! В плавном, умиротворяющем ритме дня Андрею хотелось в это верить. А уж дать фору многим в познаниях о сидящей перед глазами птице, так и вовсе – запросто. «Что удивительно, сколько ни перелопатил литературы, сколь ни блуждал в хитросплетениях мировой паутины, не нашёл ни одного худого слова о птице, – думал мужчина. – Одних достоинств – не перечислить! Недаром библейский Ной послал именно зимородка добывать огонь после Потопа... А расцветка!...»

Андрей залюбовался замершей птицей. Тёмно-синяя спинка, крылья, сверкающие на солнце

бирюзой и малахитом, ярко-оранжевые грудка и брюшко, длинный гранёный клюв... Острый взгляд мгновенно выхватывал броские достоинства, сравнимые разве что с колоритами пернатых хозяев тропиков. И даже короткие лапки, едва заметный хвост и низко посаженная пурпурная «шапочка», мгновениями взлетающая веером и приоткрывающая тёмные бусинки маленьких глаз, из-за которых казалось, что птица иногда чем-то взволнована или удивлена, вызывали очарование и восхищение.

– Сейчас сорвётся за уклеей! – Андрей почувствовал, что губы дрогнули и он чуть слышимым шёпотом разговаривает сам с собой.

«Дожил, докатился до ручки, заговариваться стал, – подумал беззлобно. – А впрочем, почему бы и нет? Главное, не спугнуть «рыбалочку», – неожиданно всплыло в памяти популярное в рыбацкой среде название зимородка.

Да и верить в приметы сегодня хотелось как никогда ранее.

Расставание с Наташей Андрей переживал мучительно. В некоторой степени сегодняшнее одиночество и сентиментальная меланхолия являлись отголоском событий минувших месяцев. Познакомились они два года назад, в общем-то традиционно, как и многие пары в зрелом возрасте. Андрей с компаньонами отмечал в премиальном караоке-клубе успешную сделку, а Наташа в окружении подруг и коллег по юридической фирме праздновала свой тридцатилетний юбилей. Конечно, в небольшом замкнутом пространстве, да ещё и подогретом парами спиртного, без обособного внимания противоположных полов такие вечера не проходят. Не стали исключением и Наташа с Андреем. Сначала бутылка элитного французского шампанского, преподнесённая официантом в дар имениннице от неизвестного поклонника. После подкупающее искренностью и обаянием приглашение исполнить дуэтом небезызвестный шлягер маэстро Наговицына «Городские встречи». Отказать безупречной вежливости и притягательной харизме мужчины Наташа не могла и приняла приглашение с нескрываемым удовольствием и чувством превосходства над подругами, уже давно положившими глаз на привлекательного и незаурядного исполнителя шансона, срывающего раз за разом аплодисменты у большей части присутствующих.

Ничего удивительного не было и в том, что наутро пара проснулась в одной широкой постели в гостиничном номере, снятом заполночь в неболь-

шом уютном отеле. Чувства стыда и раскаяния не мучили ни его, ни её. Напротив, и Наташа, и Андрей были восхищены совместно проведённой ночью, вновь и вновь предаваясь безумству горячих объятий и сплетению обнаженных тел.

– Эндрю, ты неумолим! – шептала Наташа, принимая пылкие ласки мужчины и задыхаясь от страсти.

– Ты сводишь меня с ума, Натали! – ничуть не лукавя, подыгрывал даме Андрей, незаметно морщась от режущего его слух «Эндрю».

Для поборников нравственности подобное поведение может показаться не только аморальным, но и в полной мере распущенным. Но для Наташи с Андреем, не обременённых узами брака, их поступок явился абсолютно логичным и предсказуемым. У каждого уже имелся немалый жизненный опыт, в том числе опыт встреч, разочарований и расставаний. Но этим утром им казалось, что они просто созданы друг для друга.

Закономерным явилось и то, что неожиданное знакомство и греховная ночь плавно перетекли в совместную жизнь. Причём без каких-либо уступок или коварных расчётов каждой из сторон. Наташа имела собственную жилплощадь, проживая с матерью в трёхкомнатной квартире. Андрей холостяковал в своей «берлоге», в которую из-за вполне объяснимого бардака постеснялся пригласить молодую женщину в первую ночь знакомства. Собственно, назвать квартиру «берлогой» едва поворачивался язык любого, кому довелось побывать в гостях у Андрея. Просторная однушка в полста квадратов в элитном комплексе полностью отвечала непритязательным запросам успешного предпринимателя.

Худощавый среднего роста блондин, с умными глазами, волевым лицом и рельефной мускулатурой, незаметной под стильным одеянием... С каждым днём Наташа убеждалась, что и это не предел достоинств её мужчины, и удивляться ей придётся не раз. Ожидания сбывались. Состоявшийся бизнесмен, тактичен, общителен и, главное, – свободный во всех отношениях. Молодая женщина не могла поверить внезапно «выпавшему на руки джокеру».

– Я вся горю и улетаю от его сладких губ и жарких поцелуев! А ямочки на щеках, когда он стесняется и мило краснеет... – по секрету делилась она интимными подробностями с близкой подружкой.

– Да, такой шанс выпадает на миллион. Смотри не проворони!

Уж что-что, а выпускать из рук свой «шанс» Наташа не собиралась. Это был её мужчина, она искала его много лет и вот наконец нашла! «Я докажу вам, что достойна только лучшего!» – эгоистично думала она. Кто были эти люди, которым молодая женщина стремилась «утереть нос», лучше всех знала сама Наташа.

Похожих мыслей придерживался и Андрей. Хотя его доводы несколько отличались от женской расчётливости и прагматизма, не было в них места и сентиментальной романтике. Он сгорал от страстей. В первую же встречу, едва увидев кукольное личико и худенькую фигурку, облачённую в строгий бежевый брючный костюм от Versace, эротично подчёркивающий все выпуклости белокурой незнакомки, Андрей «завелся», и последними осознанными словами, звенящими в одурманенной голове, оставалось банальное в своей предсказуемости: «Эта роковая красotka будет моей».

Как известно, настоящие мужчины не бросают на ветер слова, даже не произнесённые вслух. А поставив перед собой цель, идут к ней решительно и бесповоротно. И уже не имело никакого значения, что, кроме ангельской внешности, у будущей «жертвы» имелась масса иных достоинств, будь то блестящая карьера и достаток, непринуждённость и лёгкость в общении, умение заботиться и быть готовой в любую минуту отдаваться пылкому натиску своего мужчины и обоюдному вожделению. Впрочем, последнее органично дополняло модельные достоинства прелестницы и послужило той самой искрой, которая зажгла сердце неугомонного холостяка и которой так не хватало Андрею в прежних отношениях.

Недостатки? О, да. Но, как известно, любовь слепа.

Им хотелось верить, что они по-настоящему влюблены.

О существовании вечной страсти можно спорить до хрипоты, приводя неоспоримые аргументы и доводы, низвергающие или подтверждающие неоднозначный тезис. Но влечение между Наташей и Андреем не ослабевало. И даже всеразрушающий быт оказался не в силах повлиять на взаимное притяжение. Впрочем, быт наступит несколько позже.

После пары недель знакомства молодые люди, забросив работу и карьеру, бесечно нежились на песчаных пляжах солнечной Андалусии, проводили сумасшедшие ночи в бесчисленных барах Барселоны, наслаждались тишиной и покоем среди садов и фонтанов Валенсии...

Вернувшись домой, Наташа с присущей ей энергией принялась обустроить «семейное гнездышко», уговорив Андрея, обменять его «берлогу» на более солидные апартаменты. На что мужчина благородно согласился, предоставив дипломированному юристу взять на себя все хлопоты. При полном единении душ и сердец открывались и новые грани характеров, привычек, предпочтений каждого. Если Наташа легко заводила новые знакомства, предпочитала проводить свободные вечера в шумных компаниях, то Андрей, наоборот, любил коротать время в узком кругу среди немногочисленных старых друзей и знакомых. Рыбалка, лес, палатка, дикая тайга, горы, туристические походы, экстремальные восхождения – без всего этого мужчина не представлял своей жизни. Наташа была далека от подобного экстрима, она предпочитала слушать шёпот гор и шум водопадов через открытое окно комфортабельного номера в люксовом отеле.

Нет, никакого фанатизма с мужской стороны не было в помине, как не существовало избалованности и с женской. Финансовые возможности каждой из сторон позволяли реализовывать свои желания в том объёме, в котором жаждали их души. И каждый старался уважительно и с пониманием относиться как к личному пространству другого, так и к маленьким слабостям. На выходные Андрей уезжал на рыбалку с близкими друзьями, Наташа посвящала свободные дни походам по салонам, посиделкам с подругами. Никаких возражений со стороны женщины не поступало и по поводу традиционных мужских саун по пятницам, как не было ревности Андрея к затянувшимся за полночь Наташиным праздничным «корпоративам». Их смартфоны всегда лежали открытым экраном вверх, и желания заглянуть в переписку не высказывали ни он, ни она.

Как же ревность? Которая при обоюдной всепоглощающей страсти просто не могла не существовать. Коварный вопрос при внешней идиллии! Наверняка его не раз задавали себе и Наташа с Андреем. Уж они-то знали, что ревность есть всегда и, сколько её ни скрывай, она когда-нибудь выплеснется наружу. Но в том и заключается мудрость в отношениях, что ради сохранения этой самой идиллии и внутреннего комфорта иногда приходится уступать и сдерживаться.

А может, всё намного проще? Ведь по прошествии года совместной жизни они стали осознавать, что задача-максимум, изначально поставленная при знакомстве, достигнута. В окружении

Наташи и в её мыслях уже не возникало сомнений, что «сорванный ею джекпот» на самом деле «лучший» и необходимость продолжать доказывать кому-либо свершившееся – просто отпала. В какой-то момент, очнувшись от грёз, и Андрей вдруг понял, что роковая красotka уже давно принадлежит исключительно ему и никому больше.

И потому только близкому окружению показалось подозрительным, когда очередной отпуск пара решила провести по отдельности. Андрей с друзьями устремился покорять недостижимые пики четырёхтысячников, а Наташа с подружкой упорхнула на жаркие курорты средиземноморского Кипра.

Расставание в несколько недель лишь подогрело взаимную тягу мужчины и женщины. Но только на короткий отрезок времени. Первым, поняв, что нужно что-то менять, решился на откровенный разговор Андрей:

– Ты сегодня вернёшься пораньше или задержишься?

– Ой, Андрюш, даже не знаю, – погружённая в свои мысли перед началом рабочего дня, Наташа плавными движениями рук подкрашивала тушью наращенные ресницы. – У меня вечером встреча с клиентом, после хотела ещё маму навестить. Если что, ужинай без меня и ложись спать.

– Я буду ждать, постарайся вернуться быстрее, – Андрей приобнял Наташу со спины и нежно прикоснулся губами к её маленькому ушку.

– Я побежала, дорогой, – Наташа кокетливо вывернулась из объятий и выскользнула за дверь, обдав Андрея незнакомым ароматом новых духов.

«Не поцеловала», – подумал Андрей, тут же поймав себя на мысли, что не испытывает острого разочарования. Неудачно выбранное время для разговора или лёгкая прохлада в душе? Размышления не давали покоя мужчине весь день. Причём он сам не до конца понимал основную причину душевного дискомфорта.

К вечеру в гостиную Наташу ожидал изысканно сервированный стол на двоих с бутылочкой её любимого французского сухого Pino Noir и зажжёнными свечами. В приглушённом свете звучали чарующие мелодии Enigma. Наташа пришла ближе к полуночи, когда свечи уже были погашены, вино откупорено и разлито, а бокал Андрея пуст наполовину. Сам мужчина дремал в глубоком кресле.

Очнувшись от звуков в прихожей, Андрей поднялся навстречу.

– Что сегодня за праздник? – устало произнесла Наташа и, словно извиняясь за равнодушную интонацию, подставила розовую щёчку для поцелуя.

Андрей почувствовал выхлоп спиртного, перебиваемый резким табачным запахом, идущим от волос Наташи и смешанным с её новыми духами.

– Не обращай внимания, – вяло отмахнулась Наташа, заметив глубокий вдох Андрея. – Засиделись с девчонками в кафешке, все вокруг дымили без остановки.

– По бокалу? – Андрей кивнул на бутылку и зажгёт свечи.

Наташа села напротив и сделала большой глоток.

– Ты хотел о чём-то поговорить? Я это заметила ещё утром. Извини, но очень спешила.

– Нам обоим есть что обсудить, – Андрей старался говорить спокойно, вслед за Наташей опустошая бокал. – Мне кажется, мы в последнее время отдаляемся друг от друга, нам не хватает чего-то освежающего в отношениях, вливающего в них новую струю.

После этих слов Андрей был готов услышать заверения Наташи в любви или, как минимум, согласие с его словами, но она молчала, будто вовсе не слышала сказанного. На мгновение ему показалось, что в её глазах даже промелькнула апатия.

– Я не устраиваю тебя в постели? – наконец ответила Наташа, осушив бокал до дна. – В таком случае я готова попробовать что-то новое. Ты – мужчина, предлагай. Надеюсь, это не будет чем-то экстраординарным и выходящим за рамки двоих? – в её глазах блеснули озорные искорки.

Андрей вновь подумал, что Наташа слегка пьяна. Сейчас он ожидал от неё совсем иного направления разговора, но сдерживать слова, которые неоднократно проговаривал про себя в течение дня, уже не мог.

– Я о другом. О более глубоких отношениях. Я хочу детей, Наташа.

– Вот как, – бесстрастно произнесла Наташа. – Вообще-то, прежде чем говорить о детях, пары думают о браке, о семье.

Андрей ступешался, поняв свою оплошность. Ведь за прошедшее время, проведённое вместе, они ни разу не заводили разговор на эту тему. Он хотел было исправить ошибку и сказать, что готов на всё, но Наташа опередила его:

– Нас устраивает, что мы вдвоём. И если бы кто-то хотел большего, то сказал бы об этом рань-

ше. А дети? С ними тоже можно подождать. Наш возраст вполне это позволяет. И вообще, Андрюша, зачем нам они сейчас? Когда у меня карьера идёт в гору, твой бизнес тоже на подъёме.

Андрей почувствовал, что теряет инициативу. Ощутила это и Наташа.

– Не забивай себе голову глупостями. Лучше поставь на экран что-нибудь погорячее, – она призывно провела кончиком языка по алым губам.

Андрей окончательно понял, что проиграл, и сдался на милость победителя. Впервые в постели он не ощущал единения душ, которое, как ему казалось ранее, всегда сопровождало их интимную близость. Наташа, при всей видимой отзывчивости, отвечала на ласки мужчины скорее механически, будто отработывала трудовую повинность. Мелькающие на экране новой плазмы жаркие сцены и звуки оставляли безучастными обоих. Впервые повернувшись друг к другу спинами и откатившись на разные края широкой кровати, они погрузились в беспокойный сон.

Дальнейшие события развивались стремительно. Наташа улетела в командировку в столицу на целую неделю, а вернувшись, сообщила Андрею, что её мама очень плоха и она вынуждена некоторое время пожить у неё. Потом новая командировка, неожиданно совпавшая с курсами повышения квалификации в той же столице и затянувшаяся на длительное время. Андрей, ежедневно погружённый с головой в новые бизнес-проекты, поначалу принимал всё за чистую монету, пока в какой-то момент не понял, что огромная квартира пуста, точно так же, как и пуста его душа, а всему происходящему в отношениях с Наташей есть простое и логическое объяснение.

Разговор произошёл во время краткого перерыва в Наташиных курсах и такого же краткого её возвращения. Причём начала Наташа, освободившись ночью из холодных объятий Андрея.

– Я так больше не могу, – резко встав с постели, она накинула прозрачный пеньюар и потянулась к бутылке на прикроватном столике.

– Я тоже не слепой. И всё вижу и догадываюсь, – Андрей приподнялся, подложил подушку под спину и откинулся, сидя в постели.

– Если видишь, то почему молчал раньше? – рука Наташи дрогнула, и вино пролилось на столик.

– Я ждал, что ты первая мне всё расскажешь. Кто он?

Наташа справилась с волнением и медленными глотками осушила бокал до дна.

– Он хороший человек. А я – шлюха и дрянь. Можешь называть меня любыми словами, я это заслужила.

– У вас серьёзно или баловство? – беспристрастно продолжил Андрей.

– Да, серьёзно. Сначала я восприняла это как лёгкий флирт, – Наташа всхлипнула.

– Давай без этого. С самого начала и по порядку. Мы цивилизованные люди и, чтобы понять друг друга, можем обойтись без слёз и соплей. Истерика, думаю, тоже будет ни к чему. – Андрей говорил спокойно, и только он сам знал, какого внутреннего напряжения стоили его слова и показная выдержка. – Да, можешь плеснуть и мне винца.

– Он грек, богат, владеет сетью отелей в Никосии. Меня боготворит и даже готов переписать на меня часть акций. И ещё он сделал мне предложение... – Наташа, казалось, несколько успокоилась.

– На мой взгляд, банально. Хотя... Я тебя в чём-то понимаю. И даже не хочу упрекать. Вы познакомились в отпуске?

Наташа кивнула.

– После мы встречались в Москве, он прилетал в столицу в каждый мой приезд.

– Он молод и красив?

– Он безупречен, и ему уже за пятьдесят.

– Дедуля решил использовать последний шанс? – не удержался Андрей.

– Он вдовец. И твоя ирония тут неуместна! – выпалила Наташа. – Ты сам виноват, сам! Оставлял меня одну, не интересовался моим внутренним миром, думал только о себе, о своих рыбалках и походах... Я тебя ненавижу! – взмах руки, и содержимое бокала полетело в лицо Андрея.

– Я просил налить в бокал, а не плеснуть в меня, – рассмеялся Андрей.

– Прости, прости, – Наташа, обливаясь слезами, бросилась на грудь мужчине. – Ну почему ты не сказал о детях раньше, почему? – рыдания сотрясали её. – Ведь всё могло быть по-другому!

– Ну, успокойся, успокойся, мы же не чужие люди, – Андрей растерянно гладил Наташу по волосам.

– Ты лучший, лучший, а я такая дрянь, дрянь, дрянь...

– Ты тоже прости меня. Мы можем начать всё заново, ещё ничего не поздно, – Андрей покрывал поцелуями лицо Наташи.

Наташа впиалась ответным страстным поцелуем в губы мужчины.

Это была ночь бешеных страстей. Они снова и снова набрасывались и терзали друг друга, как

голодные волки упиваются нежданно выпавшей на их долю добычей. В перерывах раскупоривали очередную бутылку вина и жадно глотали содержимое прямо из горлышка, проливая, и собирая губами с обнажённых разгорячённых тел. Забылись тяжёлым сном уже под утро. В затуманенном сознании молодой женщины, измотанной изрядной долей спиртного и безудержным сексом, как отголоски затухающего эха звучали сонные слова мужчины: «Почему не я, почему...»

Наутро... Да, утро, несмотря ни на что, всегда сменяет ночь.

Наутро Андрей проснулся в постели один. Потянувшись к бутылке с остатками красного, едва не смахнул рукой белый лист, на котором Наташиным почерком было написано единственное слово – «Прости». Беззлобно и равнодушно отметив про себя, что не хватает снизу отпечатка поцелуя, опустошил бутылку и уронил голову на подушку. Звякающий сигнал смартфона заставил открыть голосовое сообщение. В нём Наташа сообщала, что навсегда улетела в столицу и оставляет ему право распоряжаться общей квартирой по его усмотрению. Больше их уже ничто не связывало.

Через пару дней, сняв себе новое жилище, Андрей занёс дарственную на квартиру Наташиной маме, после чего ушёл в длительный запой. Недели неистового пьянства чередовались неделями похмельного синдрома и депрессии, после чего наступала череда дней, в которые нечеловеческими усилиями приходилось вызволять свой бизнес из «ям и провалов». Андрею удалось взять себя в руки и завязать с пристрастием к алкоголю, стало налаживаться и на работе. Но рана на сердце продолжала «кровоточить». В минуты одиночества он изводил себя вопросами: что делал не так в отношениях с Наташей, в чём заблуждался и где допустил непростительную ошибку. И в один момент к нему пришло ясное осознание всей бессмысленности самоистязания. Он понял простую, как ему казалось, истину. Настоящая любовь – это нечто иное, не только секс и страсть, которые он ставил на первое место, а что-то большее, пока едва уловимое в его сознании и до конца недоступное. А Наташа... Она была для него лишь сладким призом, который он завоевал в честной и безальтернативной даже не битве, а всего лишь – игре. Игре со своим самолюбием.

Андрею и Наташе довелось увидеться ещё раз. Она неожиданно позвонила ему, сообщив,

что прилетела на пару дней провести больную маму, и предложила встретиться за чашечкой кофе. Бывшие влюблённые сидели на открытой террасе в кафе и вели неспешный разговор.

– Я, конечно, оценила твой благородный поступок с квартирой, но, по-моему, не стоило это делать, – сказала Наташа, едва приложившись губами к соломинке, погружённой в бокал с латте.

– Не стоит реверансов, – произнёс Андрей, медленно помешивая ложечкой эспрессо. Внешне спокойный, он пытался не выдавать внутреннего накала, и пока ему это удавалось.

– Андрюшка, вот этим своим благородством ты и поставил крест на наших отношениях...

– Стоп, ни слова о прошлом. Лучше расскажи о себе.

– У меня всё прекрасно, – Наташа кокетливо покрутилась на стуле, демонстрируя изысканную прозрачную блузку с открытыми плечами и глубоким декольте. – Мы сыграли свадьбу в его имении, – вытянула пальчики, на одном из которых красовалось колечко с бриллиантом.

– Миссис Жаклин Онассис?

– Ну не то, чтобы... Но, в перспективе, возможно...

– Я рад за тебя, – Андрей наконец-то совладал с эмоциями и улыбнулся, – модные показы, шопинги, красная дорожка в Каннах...

– И это тоже, но в основном сосредоточена на работе. Я теперь главный юрист фонда, владеющего активами Йоргаса.

– Я так понимаю, Йоргас – это его имя?

– Да, по-нашему, Георгий.

– Дети?

– У него двое взрослых сыновей. А мы пока ещё только работаем над этим.

– И насколько успешно? – отстранённо спросил Андрей.

– А ты похудел, – Наташа проигнорировала вопрос и протянула руку, прикоснувшись к щеке мужчины.

Андрей нежно, но уверенно перехватил запястье женской руки, на мгновение задержал в своей ладони и опустил на стол, чуть отодвинув от себя.

– Ты изменился, – ничуть не противясь его жесту, сказала Наташа. – Но я всё равно рада встрече с тобой. Проводишь?

До дома Наташиной мамы шли пешком, сначала держа некоторый интервал между собой. Потом Наташе всё-таки удалось завладеть его рукой и прижаться к плечу. У подъезда, прощаясь, она

потянулась губами к Андрею, но он увернулся, подставив свою щеку.

– Ты знаешь, я могла бы провести с тобой ночь, – Наташа горящими глазами смотрела в глаза стоящего напротив мужчины.

Андрей промолчал, ничего не ответил, лишь провёл ладонью по волосам Наташи. После едва слышно прошептал:

– Прощай, – развернулся и ушёл.

Дать волю эмоциям удалось только сев в авто и отъехав на значительное расстояние.

– Какой же ты дурак, Андрюха! – это были самые мягкие из фраз, которые срывались с его языка.

Бросив машину на стоянке, он завалился в ночной клуб, где заказал море спиртного и ближе к полуночи пригласил за столик парочку полуобнажённых девиц, профессионально извивавшихся весь вечер на барной стойке, оплатив при этом полный ассортимент услуг из crazy-меню.

Разгульная клубная ночь не имела своего продолжения. Проснувшись дома в своей постели, он ясно помнил, что алкоголю так и не удалось завладеть его разумом, а прелестные танцовщицы, несмотря на их явное желание продолжить общение, были отправлены восвояси.

В то же утро, позвонив на работу, Андрей сообщил, что у него сегодня выходной, принял контрастный душ, плотно позавтракал, выпил чашечку кофе, и уже ближе к обеду его внедорожник рассекал удушающую тридцатиградусную марь удивительно жаркого дня наступающей золотой осени...

Поплавок неожиданно заволновался, пару раз дёрнулся и снова замер. Зимородок по-прежнему сидел неподвижно. «Надо же, и не боится ведь. Чувствует и видит, что рядом человек, а не улетаёт, – продолжал рассуждать Андрей, наслаждаясь благодатным безмолвием. – А впрочем, почему бы и нет? Зимородок хоть и осторожная птица, любит гнездиться в местах удалённых и спокойных, но к людям относится благосклонно».

Взгляд снова переместился на замерший поплавок. «Похоже, с рыбалкой пора завязывать», – едва успел подумать мужчина, как птица в мгновение ока сорвалась с удильца, со скоростью пушечной стрелы по прямой рванула на противоположный берег и скрылась в зарослях ивняка.

– И ты не дождался своего улова, – посетовал вслух Андрей, больше сожалея о расставании с красавцем-зимородком.

Осторожничать уже не имело смысла. Тут же накатило неодолимое желание окунуться, а после махнуть вслед за зимородком на тот берег. Освежающая прохлада осенней водицы и янтарная гладь девственного песчаного пляжа на противоположном берегу Громотухи притягивали взор и манили к себе.

Внезапно поток мыслей прервала череда звуков, доносящихся откуда-то издалека, среди которых явно слышалась речь. Следом за голосами из-за поворота реки на излуине показались силуэты людей. Через несколько секунд Андрей явно смог различить двух мужчин, стоящих на широких досках в полный рост, расставив ноги чуть шире плеч, насколько позволяла ширина бело-голубого плавсредства. Доски плавно скользили по течению. Каждый из сплавщиков держал в руках по веслу с длинной рукоятью, которой периодически делал лёгкий гребок, удерживая доску на стрежне течения. На обоих мужчинах были ярко-красные купальные шорты и ковбойские шляпы с загнутыми краями, на глазах – затемнённые очки.

– ...Ну это совсем не по-пацански, – отчётливо прозвучали слова одного из сплавщиков. Эхо над водой неслось далеко вперёд говорящих, а они похоже этого не осознавали. – Братва тебя не поймёт.

Другой грубо выругался в ответ.

– Идти на поводу у бабы – совсем не по-нашенски.

– Моя баба, что хочу, то и делаю.

– А деньги на клубешник откуда?

– От верблюда. Думаешь общаковские? Зуб даю, руку в него не запускал. Это Ленкины бабки. Пока на неё всё оформил, а после на братву переведу. Так Серому и скажи, чтоб на меня не тянул.

– С огнём играешься, Колян.

– А ты мне не указывай, лучше давай, это, греби.

– Да какого я на этот геморрой подписался! Сейчас бы сидели в тенёчке, пивком баловались.

– Ты друган мне или кто? Люблю я Ленку, не понимаешь, что ли? На любую её блажь подпишусь.

– Если любишь, то какого черта сейчас за ней не следишь?

– Куда она с подводной лодки денется? Да и до конца осталось малёк. Ещё с часок – и доплывём. А там нас встретят. Вон, любуйся травкой...

– Ха-ха-ха, – зашёлся смехом его спутник, – травка здесь знатная, я уже местами подметил...

Сплавщики поравнялись с Андреем и проплы-

ли мимо, увлечённые беседой, через несколько секунд скрывшись за поворотом. Нечаянно услышанный разговор остро резанул слух мужчины, оставив неприятный осадок где-то глубоко внутри.

Как только одиозная парочка пропала из поля зрения, на другом конце излуины показалась целая группа сплавщиков, на таких же досках, с веслами в руках. «Точно, вспомнил! Это же вид спорта под названием «сап-сёрфинг», что означает «сёрфинг, стоя на доске»! А разница-то с классикой всего лишь в том, что грести надо не руками, а веслом!» – едва не произнёс вслух Андрей, выуживая из памяти крупницы знаний и с любопытством рассматривая необычных для этих мест сплавщиков. Группа серфингистов обоих полов из семи-восьми человек, среди которых были и молодёжь, и взрослые, весело переговариваясь и бурно обсуждая впечатления от окружающих красот, неспешно преодолели излуину реки и ушли за поворот.

«Ну, наконец-то, можно искупаться», – решил Андрей, скидывая футболку цвета хаки и оставаясь в свободных шортах такой же защитной раскраски. Поднявшись во весь рост, отбросил в сторону кроссовки, без которых в колкой траве никак. Перед тем как спрыгнуть с обрыва, ещё раз полюбовался сквозь прозрачную воду чистым песчаным дном, посмотрел направо вслед исчезнувшим серфингистам, после налево и... замер на месте.

В нескольких десятках метров от него, вплотную к обрывистому берегу, вдоль плёса медленно-медленно двигалась ещё одна доска. На ней кто-то находился, вот только вовсе не в стоячей позе. Бело-голубая доска приближалась, и первое, что бросилось в глаза мужчине, – обнажённое бедро, выглядывающее из-под зеленоватой окантовки закрытого тёмного купальника. На какое-то мгновение Андрей растерялся, скромно отвёл взгляд в сторону, но любопытство пересилило, и он вновь переключил внимание на одинокого сёрфера. Это была женщина, причём с довольно соблазнительными формами, которые подчёркивал плотно облегающий купальник. Наклонившись вперёд и упираясь локтями, незнакомка сидела, оседлав доску и опустив ноги в воду. В руках держала что-то типа фотоаппарата или телефона и увлечённо, ничего не замечая вокруг, вела видеосъёмку береговой черты или делала фото. И доска, и её хозяйка по-прежнему располагались под углом к берегу, боком подплывая к стоящему на обрыве мужчине.

– Прошу прощения, но ваши уже ушли далеко вперёд, – первым обозначил своё присутствие Андрей.

– Ой! – сёрфингистка резко выпрямилась, оставаясь в сидячем положении, и подняла голову.

На Андрея смотрела миловидная молодая женщина в профессиональном спортивном купальнике с молнией по центру, чёрного цвета с зелёными вставками по бокам и предплечьям, закрывающем стройное тело по самое горло. Модный купальник высоко оголял крепкие стройные ноги, до колен погруженные в воду. Тёмные волосы, собранные в хвостик, открывали загорелое лицо правильной овальной формы, с припухлыми щёчками, прямым носом и открытым чуть напряжённым взглядом.

– А я вообще люблю одиночество, – продолжила незнакомка. – Вы не знаете, что это за маленькие отверстия на обрыве?

– Чаще всего бывают гнёзда стрижей или ласточек. Но, возможно, вам повезло, и вы увидели гнездо зимородка, – быстро нашёл Андрей.

– Как интересно! – непритворно воскликнула женщина. – Я сегодня впервые открываю для себя эту чудесную реку. А зимородка видела только на картинках. Они так восхитительно милы в своей необычной раскраске и маленькие, словно воробышки.

– А вот и нет, позвольте не согласиться. Среди зимородков в наших краях встречаются довольно крупные особи.

– Вот бы их увидеть! – воскликнула незнакомка. – Меня зовут Лена, а вас?

– Андрей, – мужчина был несколько обескуражен за просто завязавшемуся разговору и лёгкостью общения. Присматриваясь, он начинал убеждать, что Лена выглядит намного моложе, чем показалось ему изначально из-за строгого профессионального купальника. – А это вся ваша команда? – Андрей кивнул головой по направлению течения. – В том числе и двое молодых людей, сплавляющихся первыми?

– Да, среди них мой парень, – быстро ответила Елена. Андрею показалось, что женщина буквально на доли секунды нахмурилась. – У нас сборная команда, мы сплавляемся уже третий час. До устья осталось совсем немного, там нас встречают. Я по профессии фитнес-инструктор и давно занимаюсь сёрфингом, вот старший в группе и разрешил мне плыть в одиночестве.

Андрей даже и не заметил, что уже некоторое время идёт вдоль берега вслед за скользящей доской, беседуя с её хозяйкой.

– Ещё немного и течение отнесёт вас за поворот, – осторожно предупредил Андрей.

– А вот и нет, – Лена наклонилась вперёд, зацепилась рукой за куст, нависающий над берегом, и доска причалила к береговой черте.

– Держите руку, – Андрей протянул открытую ладонь. Лена ухватила и встала на доске в полный рост.

– Прыгнуть на берег не могу, связана с доской, – рассмеялась женщина, показывая на ремешок на ноге и цепочку, идущую до закреплённого на доске кольца. – Понимаю, что звучит двойственно, но это для безопасности на воде.

– Тогда я вам помогу, – Андрей резко спрыгнул в воду, обдав брызгами собеседницу.

– Я же пошутила, – Лена продолжала смеяться над неуклюжей помощью собеседника. – Доска ведь совсем лёгкая, надувная! Вы, Андрей, карабкайтесь на берег и снова подавайте мне руку.

Побарахтавшись, наконец вылезли на берег.

– Я, наверно, распугала вам всю рыбу? – выпуская волосы и отжимая их от воды, спросила Лена.

– Нет, что вы! – охотно откликнулся на желанную тему Андрей. – Сегодня меня рыба не любит.

– А вам охота, чтобы вас любили?

– По-моему, такое желание есть у каждого.

– Вы правы, – задумчиво произнесла Лена и вновь вскинула карие глаза, в которых светились чёртики. – А теперь расскажите мне о рыбе, которая водится в речке.

– Гольян, пескарь, если повезёт, то ёрш, – виновато развёл руками Андрей. – Но сегодня вообще ни-че-го.

– Как это ничего? – нахмурила брови Лена. – А русалка, которую вы заманили в сети?

Оба заливиисто расхохотались.

– Нет, ну если серьёзно, то Громотуха богата рыбой. Есть и карась, и лещ, и даже таймень. Но сейчас осень, и рыба становится капризной.

– И вы, поймав рыбу, её едите? – непритворно удивилась Лена.

– Когда как, чаще раздаю друзьям, иногда не против ущицы или жарёхи отведать.

– Я думала, что рыбу можно есть только из магазина.

– Вот оно, тлетворное влияние и отголоски больших городов, – пришла очередь улыбаться Андрею.

– А как вы догадались, что я из большого города?

– Ну, во-первых, в нашем городке я ещё не встречал любителей сап-сёрфинга. Тем более в такой экипировке. Значит вы из курортной зоны, приехали туда на отдых. И только там недавно открылся новый премиальный фитнес-клуб.

– Вы проникательный мужчина и... – Лена замолчала, – сама любезность! – вновь рассмеялась.

– Принимается, – подхватил игривый тон Андрей, ни словом не упомянув подслушанный разговор первых двух сёрфингистов. – И потому предлагаю перейти на «ты».

– Возражений нет, командир – Лена приложила руку к голове.

– А я вот сегодня полдня мечтал окунуться в воду и благодаря тебе моя мечта сбылась! Эх, сейчас бы на золотистом песочке понежиться, – Андрей с тоской в глазах посмотрел на противоположный берег.

– Ну так что, поплыли? – Лена обратила внимание, что Андрей замешкался. – Не умеешь плавать?

Мужчина виновато пожал плечами.

– Цепляйся руками за доску.

Через пару десятков гребков веслом доска выплыла на середину плёса. Андрей отцепился и мощным классическим брассом первым достиг берега, упав животом на горячий песок и подгребая его под себя.

– Обманщик! – Лена плеснула водой на спину Андрея и упала рядом.

– Научишь кататься на доске?

– Мне кажется, ты опять смеёшься надо мной, – Лена притворно надула губы.

– Нет, в самом деле, никогда в жизни не плавал на доске, – честно признался Андрей.

– С тобой хорошо, так просто и безмятежно, – вздохнула Лена. – Но мне надо догонять своих.

Андрей задумался, посмотрел на водонепроницаемые часы.

– Вас будут встречать на устье?

Лена кивнула.

– У Громотухи два устья. К правому дорог нет, непроходимые болота и кустарник, – рассуждал вслух Андрей. – Следовательно, остаётся только левый рукав. Сплавляться до него примерно час. А если на авто, через деревню, после через мост и напрямик на борки, то можно домчаться минут за тридцать. Так что у нас ещё есть немного времени. И ты же хотела увидеть зимородка?

Последний аргумент оказался решающим.

– Лежим тихо, не шевелимся и смотрим воо-н на тот заливчик с прозрачной тихой водой, – Андрей показал в сторону, где недавно скрылся зимородок.

Оба лёжа притихли и замерли. Не прошло и двух минут, как из зарослей ивняка пулей вылетела птица, резко затормозила в воздухе, крунулась и нырнула в воду. Через мгновение вынырнула с крупной плотвичкой, трепыхающейся в клюве, забила крыльями, разбрызгивая радужные капли, и с добычей скрылась в зарослях.

– Боже, Андрейка, какая красота! – только и смогла вымолвить заворожённая увиденным женщина. – Я даже не думала, что зимородки могут быть такими большими. Это какая-то фантастика, я никогда не видела и таких ярких расцветок! – Лена даже приподнялась на руках.

– А ты знаешь, откуда у зимородка такое оперение?

– Нет. Расскажи!

Мужчина и женщина уселись на песке, нечаянно прикоснувшись плечами. Оба слегка вздрогнули и чуть отодвинулись в стороны.

– Тогда слушай. О зимородке сложено немало легенд. По одной из них, библейский Ной после голубя послал зимородка найти землю. Но последнему из-за бури пришлось подняться высоко в небо. Испулавшись в небесной синеве, зимородок из серого стал голубым. Но и этого ему показалось мало, он бесстрашно взлетел так высоко, что солнце оказалось под ним и окрасило его брюшко в оранжево-красные тона. Вернувшись, зимородок не нашёл ковчег и до сих пор летает в его поисках вдоль побережий рек, ищет и пронзительно зовёт Ноя. А голубой и красный цвет символизируют его смелость – ведь он не побоялся подняться в голубые дали, выше солнца.

– Андрейка, ты так вдохновенно рассказываешь!

Андрей, задумавшись, надолго замолчал.

– Ты чего? – Лена потрясла его за плечо.

– Андрейкой меня называла только мама, – ответил, очнувшись от грёз, мужчина.

– Расскажи ещё немного, пожалуйста!

– Есть и другое предание, в котором Ной правил зимородка не на поиски земли, а добывать огонь. И зимородок первым добыл его. Для этого он взлетел высоко-высоко, и его крылья окрасились в цвет неба. А когда увидел костёр, то спустился с небес и вытащил головёшку из огня, опа-

лив себе грудку, которая и приобрела оранжевый окрас. Зимородку было горячо, он выронил головёшку. И она упала на колени Творцу. Тот очень рассердился и бросил головёшку на подхвостье и ноги птицы, опалив их и окрасив в красный цвет...

– Тебя можно слушать бесконечно! – восхитилась Лена.

Оба уже сидели, не замечая, что соприкоснулись плечами. И каждый думал о чём-то своём.

– Знаешь, зимородки – очень верные птицы, – внезапно продолжил Андрей. – Случается так, что самочка зимородка улетает на юг, а самец остаётся зимовать на родине. И что удивительно, самочка всегда возвращается именно к своему самцу. А древний Плутарх утверждал, что самочка зимородка будет повсюду таскать на себе своего постаревшего и ослабевшего супруга, кормить его и заботиться до самой смерти.

– Я бы тоже никогда не бросила мужчину, – грустно сказала Лена. – Если бы любила настоящему.

– У тебя не всё так просто в личной жизни?

– Я не хочу об этом. Самое главное, что у меня есть любимая дочка.

– Сколько ей?

– Скоро будет восемь.

– Прости, может, мне не следовало спрашивать, но я рискну. Она ваш общий ребёнок? С мужчиной, который сплавляется с тобой?

– Вовсе нет. Машутка – от первого брака. Мы расстались. А то, что происходит сейчас, – полное недоразумение. Сама не пойму, как оказалась в этом мороке. А ты женат?

– Нет, сейчас я один.

– Ой, мы с тобой заболтались, опаздываем.

– Понеслись!

Взявшись за руки, Андрей с Леной вскочили на ноги, вприпрыжку побежали в воду, обдавая друг друга брызгами, смеясь и дурачась, словно подростки. Переплывая реку на плёсе, подныривали друг под друга, щекотали ступни, а после, повиснув на доске, беспечно и хаотично болтали ногами, причаливая к берегу.

Чтобы выпустить из доски воздух, понадобилась пара минут, после отсоединили киль, сложили весло и погрузили скарб в багажник автомобиля, припаркованного недалеко в кустах.

– Я намочу тебе всё сиденье мокрым купальником, – извинилась Лена, садясь впереди.

– Не страшно, они у меня кожаные, – отмахнулся Андрей.

Внедорожник мчался по выверенному маршруту.

– Может, тебе стоит высадить меня чуточку в сторонке? – заметно волнуясь, спросила Лена.

– Не бойся. Всё будет нормально, – уверенно ответил Андрей.

Лена смолчала. Она не могла себе объяснить причину происходящего, но рядом с едва знакомым ей мужчиной она чувствовала себя не только комфортно, но и уверенно. Женщина то и дело бросала взгляд на мужчину, ловко крутившего баранку авто и периодически поглядывающего на неё. И если их взгляды встречались, Андрей, улыбаясь, моргал сразу двумя глазами, будто подбадривая и безмолвно говоря, что всё будет в порядке. И эта уверенность на мгновение передавалась и ей, наполняя сердце неведомыми чувствами. Да что там неведомыми! Краткое знакомство основательно завладело её душой, простота и лёгкость в общении растопили лёд, годами копившийся на сердце, и расставаться со спутником совсем не хотелось. С каждым нечаянным взглядом Лена отмечала новое в мужском лице, находя его невозмутимым, волевым и... волнующе притягательным.

Внедорожник приближался к открытой поляне, за которой уже мелькало русло Громотухи, впадающей в безгранично широкую реку. Сердце женщины защемила тревога.

– Андрейка, стой! У меня плохое предчувствие.

– Да что с тобой, Лена?

– Мои спутники... Ну, скажем, не очень хорошие люди.

– Я догадываюсь, – спокойно ответил Андрей, вспомнив нечаянно услышанный разговор двух сёрфингистов. – Всё будет хорошо, – подмигнул Лене и направил автомобиль к уже видневшейся вдалеке кучке людей.

Андрей остановился в десятке метров от группы сёрферов, упаковывающих сап-доски в специальные сумки. Лена выскользнула из авто и потянулась за снаряжением.

– Что, наплавалась? – по направлению к машине приближался уже знакомый Андрею Колян.

Лена испуганно дёрнулась, схватила Коляна за руку и, увлекая его от машины, скороговоркой проговорила:

– Я тебе после всё объясню, дорогой.

– Нет уж постой. Я хочу полюбоваться на фрэера, что тебя автостопом подобрал. – Колян выдернул руку и хлётко ударил по щеке Лены.

– Тебя кто так научил обращаться с женщинами? – Андрей смело шагнул навстречу отморожку.

– Что ты сказал, урод? – Колян вплотную приблизился к Андрею.

– Нет, Коля, нет! – Лена в отчаянии бросилась между мужчинами.

Одни движением руки Колян отшвырнул женщину. И тут же, пропустив удар в нос, рухнул без чувств на землю. Подув на кровоточащий кулак, Андрей кинулся к Лене и поднял её на ноги.

– Уезжай, скорее уезжай, я тебя умоляю, – прошептала женщина.

– Я могу отвезти тебя, куда скажешь, – ответил Андрей.

– Нет, нет, мы и так уже наделали немало глупостей. Я не хочу доставлять тебе проблем, – рыдания сотрясали Лену. – Берегись! – внезапно прокричала она.

Андрей резко обернулся, неуловимым движением перехватил на излом выброшенную вперёд руку с зажатой финкой и хлестко ударил под дых незаметно подошедшего подельника Коляна. Нож отлетел в сторону. Рухнув на колени, второй отморозок сложился пополам.

– Лена, будет правильно, если мы сейчас уедем отсюда, – Андрей вопрошающе смотрел на женщину.

– Ну всё, тебе конец, – грубо выругался Колян, 158 поднимаясь с земли и размазывая кровь по лицу.

– Уезжай, уезжай... – безостановочно повторяла Лена. – Хочешь, я встану на колени? – её ноги подломились, и она опустилась на землю.

– Ты уверена? С тобой будет всё в порядке? – Андрей не сводил горящих глаз с женщины.

– Да, да, да, тысячу раз да, только умоляю, уезжай, – похоже, у Лены начиналась истерика.

Андрей развернулся и двинулся к своему авто. Он не видел, как в стоящем в отдалении «Крузере» опустилось затонированное стекло, из него высунулась рука с пистолетом.

Среди звенящей тишины прозвучали два выстрела.

Андрей по инерции сделал ещё несколько шагов и рухнул лицом в землю. Последнее, что зафиксировала его затухающая память, были истошные крики и вопли над поляной.

Раскинувшись на жёстком топчане, Элей тихо посапывал под шум завывающего ветра, сотрясающего стены рыбацкой хижины. Во сне его юное лицо было сосредоточено, а веки лишь изредка

подёргивались. Окутанный чарами Гипноса*, мальчуган находился во власти глубоких сновидений.

...Прекрасная божественная красавица Алькиона – дочь повелителя ветров Эола* стоит на портике и машет рукой кораблю, уносящему вдаль её возлюбленного Кейка – сына покровителя Утренней звезды Эосфора*. Молодые люди упиваются счастьем и любовью, сжигающими их дотла, – в своём страстном влечении друг к другу они дошли до того, что стали называть себя Герой и Зевсом. Но мрачные предзнаменования терзают душу Кейка, и сейчас он направляется в Дельфы, к оракулу, чтобы узнать о своей судьбе.

И вот попутный ветер несёт мореплавателей по волнам, гребцы без устали налегают на вёсла. Внезапно порывы ветра становятся сильнее, волны вздымаются выше мачты, и огромной высоты вал накрывает судно. Кейк из последних сил хватается за его обломки. Но противостоять воле богов не хватает сил...

Раскаты грома разносятся над пучиной, сверкают молнии, как напоминание о неминуемой каре осмелившемуся называться именем всесильного.

С тревогой в сердце всматривается златокудрая Алькиона в бушующее море. Но не видно парусов её возлюбленного. Лишь поутру вздымающиеся волны выносят на поверхность тело Кейка. Не в силах сдержать своего отчаяния, Алькиона бросается в море с крутой стены.

Но что это? За её спиной вырастают крылья, и Алькиона, мягко вспорхнув, уменьшается и садится на грудь возлюбленного. В отчаянии она молит богов спасти Кейка.

Услышали олимпийцы её мольбу, растрогались и превратили влюблённую пару в зимородков. И вновь неразлучны навеки Алькиона и Кейк...

Элей резко открыл глаза. В голове по-прежнему звучали дедушкины слова: «С тех пор каждую зиму самка зимородка с громким причитанием несёт своего спутника к месту погребения, а затем, свив плотное гнездо из колючек морской иглы, спускает его в море, откладывает яйца и высиживает птенцов. Происходит это в Алькионовы дни, то есть семь дней до зимнего солнцестояния и семь дней после, причём божественный Эол* в это время запрещает ветрам волновать море. А в скоплении Плеяд загорается самая яркая на небосклоне звезда, под названием Алькиона, извещающая о наступившем спокойствии».

Элей осторожно спустился с постели и распахнул дверь наружу. Море было тихим и гладким.

Не веря своим глазам, мальчишка подбежал к урезу воды и кулаками потёр сонные глаза. На чистом свободном от туч небосклоне восходило светило...

– Дедушка, дедушка! – Элей ворвался в хижину и затормошил спящего Аристидиса. – Просыпайся, просыпайся скорее! Они наступили! Я их видел!

Крик мальчишки переполошил всех домочадцев.

– Кто наступил, кого видел? – спросил разбуженный, ничего не понимающий старик.

– Алькионовы дни! Они наступили! Я видел зимородков! Они прилетели!..

Андрей открыл глаза. Расплывчатый взгляд начал фокусироваться и застыл на белом пятне. В голове пульсировали только два слова – «они прилетели», перемежающиеся с чуть слышимыми ударами сердца. Вокруг царило безмолвие. Мужчина с усилием скосил глаза. Взгляд остановился на пакете с жидкостью, от которого к его руке тянулась пластиковая трубка. Усилием воли Андрей перенёс взор на другую сторону.

Рядом на стуле в накинута на плечи белом халате дремала Лена. Андрей протянул руку и накрыл ладонью кисть женщины. Лена вздрогнула и подняла опущенные веки.

– Ты очнулся, – нежно прошептали её губы, а красные от бессонницы глаза вмиг наполнились слезами. – Я сейчас позову доктора, – встрепетнулась она.

Андрей повёл головой из стороны в сторону. Лена всё поняла.

– Ты знаешь, я тебя обманул.

– В чём, Андрейка, – сквозь слёзы Лена не смогла сдержать набежавшей улыбки.

– Зимородки не такие безгрешные, как я тебе рассказывал. Самцы иногда одновременно ухаживают сразу за несколькими самками, – сухими губами прошептал Андрей.

– Лежи уж, мой самец! – в ответ вполголоса произнесла женщина. – Теперь ты будешь только моим.

– Но у них есть оправдание, – продолжил Андрей. – Самцы одинаково трепетно и заботливо ухаживают за всеми своими птенцами.

И оба в меру сил рассмеялись от нахлынувшего безграничного счастья.

– Так, и что у нас за смех? – раздался голос входящего в палату доктора. – Раз веселимся, значит идём на поправку...

Старик накинул хитон и вышел за порог хижины.

– Дедушка, они божественно прекрасны.

– Кто?

– Алькиона и Кейк. Я их видел! – мальчишка захлёб рассказывал о небесно-голубой спинке, оранжево-золотистой грудке. – Значит, теперь мы сможем выйти в море?

– На всё воля богов, – морщины разгладились на лице Аристидиса, и он ласково потрепал внука по курчавым волосам. – Иди, готовь вёсла, а я пошёл собирать сети...

Со всех ног счастливый Элей понёсся выполнять волю деда.

Старый Аристидис присел на порог хижины и загадочно ухмыльнулся. Уж он-то, умудрённый жизненным опытом, знал, что зимородки в Греции не гнездятся, и как они по-настоящему выглядят – не знает никто...

* Аристидис – наилучший, щедрый (греч.).

* Критское (море) – название одного из средиземноморских морей в Древней Греции.

* Мемактерион – название месяца, вторая половина ноября – первая половина декабря (др. греч.).

* Хитон – нижняя одежда у древних греков.

* Пифос – керамический сосуд для хранения продуктов (др. греч.).

* Драхма – древнегреческая монета.

* Пелагида – хищная рыба семейства скумбриевых.

* Понт Эвксинский – древнегреческое название Чёрного моря.

* Боспор – античное государство (область) в северном Причерноморье

* Пантикапей – древнегреческий город на месте современной Керчи.

* Полба – дикорастущая пшеница.

* Танос – одно из греческих названий тунца.

* Александрос (Великий) – Александр Македонский.

* Кианохет – один из распространённых эпитетов бога Посейдона (что означает «с волосами цвета морской волны», упоминается в «Одиссее» Гомера).

* Эол – персонаж греческой мифологии, полубог, повелитель ветров.

* Эосфор – в древнегреческой мифологии страж Утренней звезды.

* Гипнос – в древнегреческой мифологии бог и олицетворение сна.

Екатерина ТЮШИНА

ОБРАЗ СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КУЗБАССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

События, которые происходят сейчас в мире, ещё раз напомнили нам о том, что нет ничего важнее семьи. Наши родственники могут быть добрыми, открытыми или, наоборот, эксцентричными, жестокими, однако это не отменяет того факта, что они являются неотъемлемой частью нашей жизни. Семья играет важную роль в нашей идентичности, и неудивительно, что многие писатели размышляли и размышляют на тему семейных отношений. В произведениях о семье раскрываются взаимоотношения поколений и отношения в семье. Подход к этой вечной теме у разных писателей разный, но все они едины в главном: семья – это самая большая ценность для человека. Если семья счастливая, то человек защищён от бед и проблем. А если несчастливая, то нет системы безопасности ни в чём! И совершенно закономерно, что тема семьи является одной из главных и в произведениях кузбасских писателей.

По-разному складываются отношения в семьях героев писателя Зинаиды Александровны Чигарёвой. В рассказе «Платок для матери» взрослые сын и дочь приезжают хоронить свою мать. И всё, что раньше им казалось малозначимым и обыденным, после похорон приобретает свой горький смысл. Живя далеко от матери, они редко вспоминали о ней. Разбирая же вещи и бумаги, повзрослевшие дети увидели, с какой любовью мать сохранила воспоминания об их детстве и своей жизни: письма мужа, невестки, старый ранец сына и многое другое. Горькие чувства вызывает эпизод, когда сын находит пластинки классической музыки, которые никогда не проигрывались, и вместе с сестрой недоумевает: зачем они были нужны матери. И вдруг, перебирая мысленно картины детства, он вспоминает, что мать очень любила романсы и классическую музыку и, возможно, надеялась, что когда-нибудь у неё будет возможность прослушивать эти пластинки. Оказывается, они совсем не знали свою мать, её привычек и увлечений, не интересовались, как и чем она жила. Единственное внимание, кото-

рое они оказывали ей в последние годы, – дарили на праздники платки. Все эти платки, аккуратно сложенные, абсолютно новые, они и находят в картонной коробке из-под туфель: «Их было много, целая коллекция, неброских, мягких тонов (для старухи предназначались)». Вначале детям становится обидно, что мать игнорировала их подарки, но потом они вспоминают: их мать никогда не носила платки: она любила береты, о чём дети совершенно забыли. Воспоминания рождают у них чувство вины, и они начинают винить друг друга за то, что были безразличны к матери.

Иначе раскрывается тема семьи в рассказе Чигарёвой «Маша». Здесь противопоставлены образы двух разных женщин, судьбы которых случайно пересеклись. Главная героиня, Маша, – простая труженица, штукатур-маляр. Несомненная ценность её жизни – это семья: трое детей и муж-инвалид, а также работа, которая приносит ей радость и удовлетворение. И, несмотря на жизненные трудности (болезнь мужа), Маша чувствует себя счастливым человеком. Другая героиня рассказа – хозяйка квартиры, в которой делает ремонт Маша, научный работник, у неё нет детей, и отношения с мужем разладились. В её жизни главное – это интеллектуальная работа, книги. Женщина по-детски радуется, когда находит завалившийся под шкаф журнал с важной для неё статьей; с энтузиазмом говорит о своей работе. Однако, несмотря на разницу характеров и образ жизни, эти случайно встретившиеся незнакомые женщины очень внимательны друг к другу. Между ними не возникает непонимания, а, наоборот, появляется какая-то невидимая связь, желание понять друг друга, помочь. Маша, несмотря на то, что у неё день рождения, что дома её ждут трое детей и муж-инвалид, задерживается после рабочего дня, чтобы после побелки вымыть квартиру, расставить всё по местам, так как женщина оказалась довольно беспомощна в простых бытовых вещах. Хозяйка, чувствуя вину за свою неумелость, искренне восхищается добросовестной и умелой Машей: «Спасибо вам... Золотые у вас руки. А мы вот не можем. Сами для себя ничего сделать не можем. Ждём, пока кто-то придёт и наведёт порядок. Стыдно это. Нехорошо...». Но Маша несколько не осуждает женщину: «Всего уметь нельзя... Вот у вас книги... А у меня другое...».

Поднимая проблему семьи, Зинаида Чигарёва старалась донести до читателей главное: любить близких надо «сейчас», пока они живы, пока нуждаются в сердечности и тепле наших слов и дел, и мы можем проявить свои чувства, пока не стало поздно, как это делает героиня рассказа «Маша», которая говорит своему больному обездвиженному мужу: «...Ты только одно знай – живи! Живи... живи

и живи! И больше мне ничего не нужно. Я и так самая счастливая».

Размышлениями о непростых семейных отношениях буквально пронизаны все рассказы писателя Владимира Михайловича Мазаева. В рассказе «Черёмуховые холода» из цикла «Рассказы сибирячки» представлены картины тяжкого рыбацкого промысла рыбацки Мариин на северном озере Инголь. Солдатская жена, после ухода мужа на фронт она стала рыбацкой. От тяжёлой не женской работы руки у неё все в язвах. Её трое детей постоянно голодают, и самый младший уже не в силах поднять даже головку. В её пустой и холодной избе так пусто и жутко, так обездоленно, что свёкор Мариин дед Савелий Ильич, не желая быть «лишним ртом» в семье, уходит в зимник умирать. Чтобы спасти своих детей от голода, Мария решается на убийство сохатухи. А ведь промысел самки, у которой недавно родился лосёнок, приравнивается к преступлению. Но Мария решается на этот поступок, у неё нет иного выбора: идёт война. Так встретились в непростое военное время две матери – человеческая и звериная.

Одна, чтобы спасти своих детей, берётся за ружьё, а другая, сохатуха, каким-то непостижимым чутьём поняв, что это ружьё выстрелит, ценой своей жизни спасает лосёнка. От таких картин остаётся ощущение трагедии.

Другими немаловажными темами в творчестве Мазаева стали проблемы сиротского детства при живых родителях, где в семьях присутствуют алкоголизм, бездуховность, полная деградация личности, одиночество, безысходность и немотивированная жестокость. Об этом он с болью пишет в рассказах «Без любви прожить можно» и «Кошки-мышки», в повести «Селевой поток» и др. В них писатель раскрывает социальные изменения, происходящие в обществе: тотальное пьянство, особенно среди женщин, и равнодушие к своей семье, судьбе детей.

Особенно потрясает рассказ «Без любви прожить можно», в котором больной ребёнок брошен пьющей матерью. Всего два персонажа присутствуют в рассказе, и у них нет имён. Видимо, это было нужно писателю для более глубокого раскрытия темы, для изображения женщины как безликого существа и образа брошенного ребёнка, жизнью которого никто не интересуется. Судьба этого мальчика трагична ещё и потому, что в лице одного ребёнка представлены сотни судеб других таких же детей. В рассказе показан небольшой временной промежуток – одни сутки. Но как же долго они тянутся для маленького человека, брошенного пьяной матерью одним, без еды. И весь ужас в том, что это не первые такие сутки. Так мальчик живёт уже давно. Выгнанный на улицу пьяной матерью, он спасается в собачьей будке, где его пригнал пёс. Заго-

ловком рассказа «Без любви прожить можно» стала строчка из песни, которую поёт пьяная женщина. Но с этим согласиться невозможно, потому что между строк звучит совсем другая мысль: «Нельзя! Нельзя жить без любви!». Ибо испокон веков учили нас ценить то, что всегда почиталось в народе: дом, семья, любовь к детям, материнство, добро. Здесь же разрушены все святыни, их нет; эта пьющая женщина уже не мать и не человек. Она плохая хозяйка, у неё в доме грязь, нет еды, безобразная речь. Ей никто и ничто не дорого. Не дорог ей и сын, дороже алкоголь. В результате ребёнок одинок в мире зла, и мир этот создала ему собственная мать, ибо в ней уже нет давно ни жалости, ни сострадания. Страшный рассказ. Пьющая мать, жизнь без святынь – это большое несчастье, катастрофа для общества. Но такова, к сожалению, горькая правда жизни. Осудив эту безликую не женщину, не мать, выразив свою боль и горечь от потери обществом семейных ценностей, писатель хотел вызвать в душе читателей тревогу за судьбу детей и страны в целом, заставить почувствовать весь ужас по поводу происходящих событий и такого падения женщины.

К проблеме развала семьи обращена и проза Юлии Александровны Лавряшиной. У неё даже одна из книг называется «Дочки-матери на выживание». Самое страшное и беспощадное соперничество – это соперничество между родными по крови людьми. Мать и дочь – две женщины, разделённые стеной непонимания, две женщины, между которыми встала любовь к одному и тому же мужчине, – таков сюжет повести Юлии Лавряшиной.

Важные темы: семейные отношения, любовь, деньги, карьера затрагиваются и в романе Лавряшиной «Девочки мои». Как одарённой женщине реализовать талант, не сделав при этом несчастной свою семью? Три непростых женских судьбы связало в один узел искусство. Ангелина – талантливая актриса, променявшая творческую жизнь на сцене на благополучный уют и тиранию нелюбимого мужа. Сима – режиссёр, она сумела создать театр, но не может справиться с собственными детьми, ради которых готова пожертвовать всем, даже любовью. Наташа, только-только получившая свою первую роль, – романтическая, чистая девочка, ещё ничего не знающая о предательстве. Три женщины, три пути, и на каждом свои испытания. Предательство и ревность, ложь и кровь разъединяют и вновь соединяют эти судьбы. И что важнее для них – деньги, карьера или простое материнское счастье?

С христианской позиции к теме семьи подходит писатель, протоиерей Сергей Адодин. Являясь служителем церкви, он показывает действительность с точки зрения православного опыта. В книге «Орто. docx. Записки непрозорливого священника» Адодин размышляет о духовной и церковной жизни,

об отношениях с прихожанами, о семейной жизни и воспитании детей. В книге «Быть попом. Нежа-любная книга» собраны, казалось бы, очень разные, непохожие друг на друга рассказы и притчи. В них отражён путь человека к Богу через бурное житейское море, через опасные водовороты современно-го мира.

Пишет Сергей Адонин о том, что в семьях утрачиваются исповедальные основы религии. В погоне за достатком всё реже люди думают о душе. А значит, совершают много ошибок и необдуманных поступков. В его книгах есть как истории из собствен-ного жизненного пути, так и наблюдения, размыш-ления и диалоги с прихожанами. Простым, ясным слогом, на примерах из собственного опыта, автор разъясняет и простейшие истины, и глубокие фило-софские вопросы. Писатель не только делится собственными мыслями, но и подкрепляет свои раздумья Священным Писанием. В его книгах чита-тель найдёт всё самое важное для того, чтобы разо-браться как с азами христианской жизни, так и в своих житейских ситуациях.

Своим землякам, спецпереселенцам Нарымско-го края, посвятил книгу «Мы – пудинцы!» писатель Виктор Степанович Арнаут. В ней рассказывается о бедствиях семей, попавших в эти сибирские края не по своей воле, переживших горькие годы раску-лачивания и войны, но сохранивших в своей душе лучшие человеческие качества. Герои книги – се-мьи, осевшие в месте поселения, вырастившие не-сколько поколений, для которых село Пудино стало родным.

В центре повести Виктора Арнаутова «Приот-крылись родимые дали» Мишка Штырбу. Он ещё в раннем возрасте узнаёт (по рассказу бабушки), что представители его семьи в годы коллективизации были раскулачены и сосланы на север Томской об-ласти, где поселились в селе Пудино. Семья испы-тывала тяготы, работая за трудовни и получая за них не пшеничную белую муку, а серую (ржаную). Мишка радуется, когда за успехи бабушка угощает его гостинцем: «На-ка лепёшку, макай в сметану. Да Отику (брату Константину) другую... Сёдня каждому по лепёшке вышло». В то же время есть у бабушки заветное желание, чтобы внук не пережил лишений новой войны: «Теперь чё, теперь жить можно. Вой-ны ба токо не было...». Но войну Мишка всё-таки увидит 2 марта 1969 года на острове Даманском при нападении китайских нарушителей на погран-заставу, где он служил. Ему оставалось несколько дней до дембеля. И вот... убит пулей китайца, нару-шившего границы.

В повести «Подорожная рапсодия» писатель расскажет о студенте второго курса Новосибирско-го сельхозинститута Игоре Белове, который после сдачи летней сессии в течение 10 дней не мог уле-

теть из Томска до родного села Пудино, куда можно было добраться только самолётом. У героя закан-чиваются деньги, настроение пропадает, но как только появляется возможность, он с радостью уле-тает домой. За время ожидания он пережил многое: и волнующие встречи с друзьями, и с первой люби-мой девушкой, которая теперь была с другим чело-веком. Но как всё же хорошо, просто замечательно вернуться домой, к семье, обнять мать, помыться в бане, выпить квасу и просто уснуть в родном доме.

О семейных историях рассказывается и в произ-ведениях писателя Любви Трофимовны Скорик «Кабы на цветы да не морозы», «Звёзды звенят». Написаны они благодаря поддержке, дружбе и люби-ви дорогих ей людей. Герои её рассказов – самые обычные люди, которые окружают нас с вами каж-дый день. Но какими интересными, какими сложны-ми бывают их судьбы и взаимоотношения между собой и в семье. Какие неукротимые страсти бушу-ют в их сердцах! Как нежно и верно они умеют лю-бить и сохранять всё самое лучшее в человеческих взаимоотношениях.

Есть у неё и рассказы, посвящённые известным людям страны. В рассказе «Семейный альбом» по-казана история жизни семьи Леоновых, в которой родился Герой Советского Союза лётчик-космонавт Алексей Архипович Леонов. Судьба не раз испыты-вала Леоновский род на крепость, иногда очень жестоко. В голодные годы после Гражданской вой-ны отец будущего космонавта Архип Алексеевич с семьёй отправился в Сибирь за лучшей долей. Там, выбрав себе место для хутора, они построили дом, стали обрабатывать землю. Кругом богатая сибир-ская природа, лес полон ягод, грибов. В речке рыба водится. В семье всё ладно. Казалось, что вот наконец-то жизнь наладилась. Но беда уже стояла у порога. Во время коллективизации у семьи отобра-ли дом, который отдали на разграбление соседям. Потом, за случайную порчу зерна на зерносушилке, Архипа Алексеевича отправили в тюрьму.

Вместе с ним из семьи сразу же ушло всё самое светлое. Без мужчины в многодетном доме нелегко. Пришлось Евдокии Минаевне с детьми ехать в го-род к замужней дочери. Там, в бараке, в маленькой комнате, семья из 11 человек ютилась долгие годы. Сюда же вернулся из тюрьмы отец. Во время войны взрослые и дети рода Леоновых трудились на заво-де «Прогресс». Вместе со всей страной переживали тяжёлые времена. А после войны по призыву стра-ны всё семейство отправилось на восстановление города Калининграда. В этом городе они трудились на вагоностроительном заводе. Несмотря на все трудности, которые пришлось пережить, их семья была дружная, весёлая и счастливая. Они все люби-ли друг друга. Переживая хорошие и плохие собы-тия, всегда помогали друг другу, поддерживали

в трудную минуту, относились с уважением и любовью ко всем членам семьи. Именно из этой семьи в свою большую космическую жизнь “улетел” Алексей Архипович Леонов, став первым из космонавтов, шагнувшим в открытый космос, и навсегда оставшись в истории мировой космонавтики.

И такие семейные истории можно найти у каждого писателя. Ибо то, что происходит внутри

семьи, неизменно вызывает интерес и возбуждает любопытство. А семейные отношения, разворачивающиеся порой, как авантурный роман, сериал или триллер, не только захватывают наше внимание, но и дают пищу для размышлений и чувств, остаются вечной темой литературы.

г. Кемерово

Илья ЛЯХОВ

БЫТЬ СИБИРЯКОМ...

Тогда, во второй половине шестидесятых годов минувшего столетия, успешно прошли в Кузбассе «Дни Ленинградской литературы». В ходе этих «дней» состоялась встреча поэтов города на Неве с трудящимися Новокемеровского химкомбината (ныне «Азот»). Зал Дворца культуры был заполнен. На сцене за столом поэты северной столицы. Вёл встречу глава писательской организации Ленинграда, известный поэт Олег Шестинский. Гости читали свои стихи, увлечённо рассказывали о книжных новинках, о культурной жизни своего города. Принимали их радушно, атмосфера была на редкость дружеской.

Когда выступление ленинградцев завершалось, Шестинский обратился к залу:

– Может быть, кто-нибудь из вас тоже пишет стихи? Не стесняйтесь, выходите сюда, к нам, почитайте свои произведения. Смелее!

После коротенькой паузы в зале вдруг раздался голос: «Витя, давай!» Этот призыв подхватили ещё несколько человек: «Витя!.. Витя!..» А затем дружные неслабые аплодисменты!

Шестинский заинтересовался: «Кто это Витя? Выходите на сцену, не стесняйтесь!»

Снова аплодисменты. И вновь возгласы: «Витя! Витя!..»

В одном из зрительских рядов поднялся широкоплечий молодой человек. Шестинский увидел его: «Ну, смелей, смелей!»

И вот он на сцене. Серенький свитерок, светлая, спадающая на лоб чёлочка, застенчивая добрая улыбка.

– Ну, представьтесь, давайте познакомимся, кто вы?

– Я Виктор... Виктор Баянов.

– А кем работаете?

– Работаю машинистом тепловоза, в желдорцехе.

– Стихи пишете? Ну, прочтите нам что-нибудь...

Баянов был явно смущён вниманием маститых поэтов. Они глядели на него по-доброму, но как-то

снисходительно. Виктор молчал. «Ну, ну, мы слушаем», – подбодрил его Шестинский.

– Не знаю, что читать... Ну, разве это...

И негромко начал: «Я больше живу на колёсах, / Я больше на рельсах живу. / И чаще всего на откосах / Цветы тебе ранние рву...» Полюлись добрые светлые строки... Гости переглянулись. Снисходительные улыбки слетели с их лиц. А зал гремел аплодисментами.

– Ещё, пожалуйста, – проронил кто-то из-за стола.

И он читал, читал, малость осмелев, одно стихотворение за другим. Четыре, может, пять... Ленинградцы, присоединившись к залу, аплодировали, не жалея ладоней!

Сам себя оборвал: «Наверное, хватит».

И уже Шестинский: «Очень хорошие стихи! Вы талантливый человек! Вам необходимо книжку стихов издать!»

– Так у него уже несколько сборников стихов вышли. Вон они, на выставке, которую мы для вас подготовили! – раздался громкий мужской голос из зала...

Шестинский: «Коль так, Вам надо вступить в Союз писателей, Вас обязательно примут!»

Тот же голос из зала: «Да он же года три как член Союза писателей!»

За столом «президиума» недоумение, которое высказал тот же Шестинский: «Как же так? Или мы ослышались? Ведь Вы сказали... Сказали, что работаете... машинистом тепловоза. Почему же Вы, замечательный поэт... и вдруг... машинист?!»

Удивившись такому вопросу, Виктор глянул на спрашивающего: «Как это «почему»? Потому что я очень люблю свою работу, она моя жизнь...»

Зал вновь отозвался аплодисментами.

В этом ответе был весь Виктор Баянов, тот, которого многие кузбассовцы знали, читали, любили. Поразительно искренний, удивительно простой, талантливый Человек с Огромной Душой...

Он родился и подрастал в сибирской деревне, что неподалёку от Кемерово. «Самую действенную и мощную подпитку своей лирики я получил именно оттуда, из незабвенного детского далека...» – пишет, став взрослым, рабочим человеком и признанным поэтом, Виктор Баянов. Именно тогда он «полюбил вот эту землю и всё цветущее на ней».

После войны, демобилизовавшись из армии, отец будущего поэта стал путевым обходчиком на железной дороге. Сельскую свою избу семья сменила на путевую казарму, мимо которой день и ночь громыхали поезда. И в сердце по сути деревенского пацана загорелась мечта стать... машинистом локомотива. Упорства мальчишке было не занимать. Окончив в ближайшем селе семилетку, он поступил в железнодорожное училище, находившееся на станции Топки. С той поры и до самой пенсии не

расставался с железной дорогой кочегар, помощник машиниста, машинист паровоза, машинист тепловоза. И поэт. Большой русский поэт. Только дважды в жизни он прерывал свою кровную связь со стальной магистралью на время службы в армии и месяцы учёбы на Высших литературных курсах. Как он сам признавался, в годы армейской службы «что-то толкнуло к сочинению стихов».

Давно повелось в предисловиях к поэтическим книгам, сказав о том или ином направлении в творчестве автора, подтверждать тезис обширной цитатой из его стихов. Не хочется этого делать. Читателю предстоит прочесть эту небольшого объёма книгу, где строки Виктора Баянова говорят сами за себя и честно о Нём самом.

Существует такое понятие – лирический герой поэта. Это он сам. Но нередко в несколько приукрашенном, приподнятом на котурны образе. О Баянове подобного не скажешь. В том-то неповторимость, предельная искренность и завидная честность поэта, что его лирический герой ни единой строкой, ни одним выдуманым образом неотделим от характера, от жизни, от душевного состояния самого Виктора Михайловича. Таким он был всегда – открытым и добрым (но не «добреньким»!), влюблённым в людей, в свою родную сибирскую Кузнецкую землю.

Послушаем самого Баянова: «Иногда кажется, что я и не сочинял свои стихи. Будто они скрытно жили рядом, сами по себе и однажды сразу откры-

лись мне, чтобы через мою душу какое-то время просветиться на земле простыми, незатейливыми цветками любви и памяти»... Любопытно, кто знал Виктора Баянова, кто знаком с его поэзией, не усомнится в правдивости этих его слов.

Он был всегда верен себе, своей работе и своему поэтическому слову. За самоотверженный труд на железнодорожном транспорте был награждён государственными орденами. Как литератор удостоен почётного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Впрочем, никогда он не рвался за наградами и званиями, был равнодушен к похвалам. Любил работать. И работал. Причем всерьёз работал над каждой строкой.

Его порой упрекали в... простоте. А он назвал простоту «святым словом». И стихи ему давались совсем не просто.

Более десяти книг Виктора Баянова увидели свет. С годами он перешёл на прозу. Но то была проза Поэта. Образная, добрая, очень баяновская.

Жил на Земле светлый талантливый человек, умевший любить людей, родину, работу. В своём пронзительном стихотворении «О сибиряках» он сказал: «Я сибиряк! кричать совсем не надо, / А надо просто быть сибиряком».

Он таким и был: настоящим сильным русским сибирским поэтом. Таким и остался в своих стихах, в нашей верной Памяти.

г. Кемерово

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литература. Разговор за кружкой чая» вышел выпуск с Е. Огаревой (Санкт-Петербург).

В рамках проекта Кемеровского регионального отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» вышли выпуски с Ю. Татаренко (Новосибирск) и Н. Дорошенко (Москва).

1 октября в Санкт-Петербурге в «Книжной лавке писателей» на Невском проспекте прошел творческий вечер поэта Д. Филиппенко.

3–6 октября в Москве Д. Филиппенко принял участие во Всероссийском фестивале молодых поэтов «Мцыри» в качестве руководителя семинара. Н. Аблякин из Кемерова вышел в суперфинал фестиваля.

4–6 октября в г. Самаре состоялся XII Всероссийский литературный фестиваль имени Михаила Анищенко. СМЛ Кузбасса на этом фестивале представляла А. Вишневская из Ленинска-Кузнецкого.

8–10 октября IX Межрегиональное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока, организованное редакцией журнала «Сибирские огни», прошло в райцентре Маслянино Новосибирской области. В работе совещания приняли участие представители литературного цеха Кузбасса И. Ким (Новокузнецк) и А. Королев (Кемерово). Литераторы обсудили злободневные вопросы современного творческого процесса, связанные, прежде всего, с профессиональной критикой. К разговору подключались эксперты из разных регионов страны – от Камчатки до Адыгеи. Был и выезд в местную библиотеку, перед читателями выступили авторы журнала «Сибирские огни».

9 октября в центральной городской библиотеке им. Леонида Гержидовича в г. Березовском О. Рокова, руководитель литературной студии «Кислород», и работники библиотеки подвели итоги городского конкурса юных поэтов и прозаиков «Светлица». В состав жюри конкурса вошли местные авторы, а также члены Союза писателей России А. Коржова и Ю. Сычёва. Конкурс проходил при поддержке журнала «Огни Кузбасса», а также Совета молодых литераторов Кузбасса. Творческие ребята из г. Березовского были награждены дипломами

и сладкими призами от библиотеки. Во время мероприятия состоялась презентация журнала «Огни Кузбасса». Все участники конкурса получили журналы в подарок. Среди победителей конкурса – участники литературной студии «Кислород» М. Забродин и Е. Семишкурова.

10, 16, 17 октября в Образовательном центре для одарённых детей «Сириус. Кузбасс» в рамках обучения смены «Мастерская художественного слова» состоялись творческие встречи с писателями Б. Бурмистровым, А. Пятаком, Е. Тюшиной.

Первый региональный литературно-краеведческий фестиваль имени М. А. Небогатова

10–11 октября 2024 года при поддержке президентского фонда культурных инициатив на территории Гурьевского муниципального округа прошел I Региональный литературно-краеведческий фестиваль имени М. А. Небогатова. Организатором фестиваля стала «Гурьевская централизованная библиотечная система».

Открытие фестиваля состоялось 10 октября во дворце культуры г. Салаира. Гостей фестиваля – членов писательских организаций и литературных объединений Кузбасса, сотрудников государственных и муниципальных библиотек, учреждений культуры, представителей СМИ – встретили выставки, посвященные литературному наследию Кузбасса, жизни и творчеству поэта-фронтовика Михаила Небогатова, истории и концерт «Стань музыкою слово», где прозвучали песни на стихи кузбасских поэтов М. Небогатова, Е. Буравлёва, В. Федорова и др.

С приветственным словом к участникам фестиваля обратились министр культуры и национальной политики Кузбасса О. А. Феофанова, секретарь и член приемной коллегии Союза писателей России С. Л. Донбай, глава Гурьевского муниципального округа С. А. Черданцев.

После открытия началась работа конференций «Литературное краеведение Сибири – составляющая часть культурного кода России» и «Региональное краеведение в эпицентре событий СМИ», участники которых поставили себе целью рассмотреть деятельность писательских организаций Кузбасса и Сибири, опыт сохранения и популяризации литературного наследия в государственных и муниципальных библиотеках, литературно-краеведческих музеях. На конференциях также прозвучало приветственное слово старшей дочери поэта Н. М. Инякиной (Небогатовой) с пожеланиями успехов и

плодотворной работы. Фестиваль посетил директор Кузбасского центра искусств В. А. Каплунов, которого участники поздравили с днём рождения. Кемеровское региональное отделение Союза писателей России на фестивале представляли Д. Мурзин, Ю. Сычева, Е. Краснова, Н. Дубровская, Е. Тюшина, М. Брюзгина, О. Солодовникова, Д. Клёстов, О. Рокова, Я. Орехова, Д. Филиппенко.

Завершился первый день фестиваля экскурсионным маршрутом по достопримечательностям Гурьевского муниципального округа. Гости фестиваля посетили церковь Петра и Павла (г. Салаир), святой источник (д. Гавриловка), Гурьевский краеведческий музей, этнографический парк «Шан Туу» (д. Шанда).

11 октября для участников фестиваля работало несколько площадок города Гурьевска.

В Гурьевском краеведческом музее прошла лекция «История родного края», где каждый смог прикоснуться к историческому наследию Гурьевского муниципального округа.

В образовательных учреждениях округа в рамках работы творческой площадки «Кузбасс Литературный» прошли встречи с членами Кемеровского регионального отделения Союза писателей России С. Донбаем, Н. Дубровской, Д. Мурзиным, Е. Красновой, Ю. Сычевой, Е. Тюшиной.

Центральная модельная библиотека имени М. А. Небогатова стала точкой притяжения для членов Кузбасского отделения Совета молодых литераторов СПР, которые приняли участие в стратегической сессии, где определили вектор развития молодёжной литературы на ближайшие три года. В рамках сессии спикеры представили доклады на актуальные темы в организации литературного процесса, культурного наследия Кузбасса, медиасферы, взаимодействия писательской среды с учреждениями культуры и творческого роста писателей. С докладами выступили: Д. Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий), О. Рокова (Березовский), Я. Орехова (Кемерово), Г. Карпова (Кемерово), В. Попов (Ленинск-Кузнецкий), А. Алехина (Мыски), Я. Баум (Гурьевск), Е. Гончарова (Новокузнецк), Е. Клейменов (Междуреченск), П. Балуев (Кемерово), А. Вишневская (Ленинск-Кузнецкий), Н. Шицкая (Новокузнецк), Е. Кононенко (Салаир), И. Михайлова (Новокузнецк), С. Донбай (Кемерово), Ю. Сычева (Кемерово), Г. Фешкова (Кемерово), Д. Мурзин (Кемерово), С. Усольцева (Салаир), П. Концевой (Ленинск-Кузнецкий), Е. Капитанова (Ханты-Мансийск) (онлайн), О. Ралкова (Челябинск) (онлайн), Э. Савченко (Краснодар) (онлайн).

Во второй половине сессии прошла дискуссия в формате мирового кафе «Кузбасс. Территория литературы», на котором определялись основные сферы деятельности регионального отделения Союза писателей России.

Центральная детская библиотека приняла участников литературных объединений Кузбасса, предоставив им возможность пообщаться в неформальной обстановке и представить своё творчество собратям по перу.

14–17 октября в Кузбассе прошёл очередной этап проекта Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе». Участником проекта стала поэт, прозаик, член Союза писателей России Е. Огарёва из Санкт-Петербурга. В рамках проекта Екатерина провела творческие встречи в Берёзовском, Гурьевске, Юрге, Мариинске, Тисуле и Яе.

18 октября в Кузбасском центре искусств на Советском, 40, прошло традиционное представление четвёртого номера журнала «Огни Кузбасса». Вечере приняла участие поэт Е. Огарёва из Санкт-Петербурга, после своего марафона по городам Кузбасса «Писатель в маленьком городе». О своих публикациях рассказали В. Иванов, Д. Филиппенко, О. Рокова, В. Коньков, Е. Краснова. Вечер вели поэты С. Донбай и Д. Мурзин.

21 октября исполнилось 125 лет кинорежиссёру и педагогу, Народному артисту СССР Григорию Рошалю. На его родине в г. Новозыбкове прошли торжественные мероприятия. Три года назад начался проект «Новозыбков. Место творческой силы» с которым кемеровчанин А. Коваленко, член Союза журналистов и Союза писателей России, сотрудничает с самого начала. А. Коваленко снял народный фильм «Мои зыбчане» и написал одноимённую книгу, издал книгу «Наш Рошаль», главы из которой публиковались в журнале «Огни Кузбасса». В этот раз наш земляк по видеосвязи выступил с докладом о Г. Рошале.

22–24 октября в Томске прошёл юбилейный, 30-й Международный фестиваль-конкурс «Устами детей говорит мир». В работе жюри и семинаров принял участие поэт Д. Мурзин. Среди награждённых – кузбассовцы Д. Харин (Кемерово, диплом в номинации «Литературная палитра») и А. Бабарыкина (Новокузнецк, диплом в номинации «И пробуждается поэзия...»).

24 октября в Томске, в областной библиотеке им. А. Пушкина прошла творческая встреча с поэтом Д. Мурзиным. Поэт рассказал о позиции журнала «Огни Кузбасса» во время Специальной военной операции, о деятельности волонтерского движения «Писатели – фронту!», почитал стихи немирного времени.

24 октября 2024 года в ДК «Цементник» г. Топки прошли Баяновские чтения, посвященные 90-летию поэта В.М. Баянова и 100-летию Топкинского района. На литературный праздник из Кемерова приехали: дочь поэта В.В. Баянова, члены Союза писателей России С. Донбай, В. Киселев, А. Поселенов, Н. Дубровская, Е. Краснова. Организаторы праздника – директор МБУК Централизованная библиотечная система Топкинского района В. Алексютина и поэт М. Брюзгина.

24–26 октября А. Назаров принял участие в Литературном семинаре молодых авторов им. В. Белова в Вологде.

25 октября в Новокузнецке в кафе «Квартирник» при поддержке концертного агентства Неформат прошло мероприятие, на котором смешались литература и музыка, барды и панк-рокеры. Е. Гончарова, СМЛ Кузбасса, провела презентацию своего сборника «Истории темных городов» и рассказа Л. Соколовой «Оранжевый поезд».

29 октября Д. Филиппенко принял онлайн-участие в Конференции финно-угорских писателей в Ханты-Мансийске. Дмитрий прочитал экспресс-лекцию на тему «Пути продвижения творчества молодого писателя».

27 октября в библиотеке имени В.А. Чивилихина в Мариинске состоялось представление журнала «Огни Кузбасса», посвященное 75-летию юбилею издания. В мероприятии приняли участие мариинские писатели, участники литературного объединения «Вдохновение». Член редколлегии журнала поэт Ю. Сычева вручила авторские экземпляры журнала поэтам Л. Музыке, Д. Головину, Е. Щедрину.

28 октября на АО «Азот» прошел день памяти поэта В. Баянова, который с 1956 года и до выхода на пенсию работал машинистом тепловоза на Ново-Кемеровском химическом комбинате (с 1975 г. – «Азот»). Организатор встречи – профсоюзный комитет «Азота» (председатель Г.С. Золотова). Почетным гостем стала В.В. Ба-

янова, дочь поэта. Активное участие в дне памяти приняли поэты: Б. Бурмистров, И. Куралов, А. Пятак, М. Брюзгина. Лауреатом литературной премии им. В. Баянова в 2024 году стал А. Пятак.

29 октября в кемеровском Театре драмы среди мероприятий, посвященных 90-летию театра, состоялось представление книги актера и поэта А. Емельянова, выпущенной издательским отделом Кузбасского центра искусств, в котором приняли участие редактор книги Д. Мурзин и издатель А. Правда.

3 ноября во Владивостоке в рамках книжной ярмарки издательства МИФ, проходившей в Центре современного искусства «Заря», Марина Сычева представила свою книгу «Солнце в силках».

3 октября прошла ежегодная культурно-образовательная акция «Ночь искусств» под девизом «Россия объединяет». Камерный театр современной поэзии ЛитерА на Советском, 40, Кузбасского центра искусств объединил представителей литературных студий города Кемерово. Прозвучали стихи в исполнении участников студий «Мастерская «Аз», «Притомье», «Свой голос», «Седьмой угол», «Привет, Андрей!»

30 ноября состоялось отчетно-выборное собрание Кемеровского областного отделения Союза писателей России. Новым председателем выбран В. Дорофеев, заместителями назначены Б. Бурмистров и Д. Филиппенко. В состав правления вошли: Л. Арбачакова, В. Арнаутов, С. Донбай, И. Куралов, Ю. Михайлов, Д. Мурзин, Е. Трухан, Е. Тюшина, И. Фролова, Л. Чидилян.

10-11 декабря в Кемерове прошли торжественные мероприятия, посвященные 75-летию журнала «Огни Кузбасса».

На юбилей журнала прибыли почетные гости – исполняющий обязанности главного редактора журнала «Сибирские огни» критик М. Хлебников (Новосибирск) и поэт О. Комарова (Томск). Они совместно с директором Кузбасского центра искусств В. А. Каплуновым и главным редактором журнала «Огни Кузбасса» Д. Мурзиным возложили цветы к монументу Воину-освободителю.

В Кузбасском центре искусств прошёл круглый стол «Литературные журналы в современном социокультурном процессе». Докладчика-

ми выступили: директор Кузбасского центра искусств В. А. Каплунов, кандидат филологических наук Г. Карпова, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Д. Мурзин, исполняющий обязанности главного редактора журнала «Сибирские огни» М. Хлебников, член редколлегии журнала «Огни Кузбасса» С. Донбай, поэт А. Коржова, библиотекарь А. Шабалина, директор библиотеки Кузбасса для детей и молодежи Н. Л. Майнгардт. В работе круглого стола приняли участие: заместитель директора по работе с творческими союзами Кузбасского центра искусств Г. С. Фешкова, доктор филологических наук Н. Налегач, член редколлегии журнала «Огни Кузбасса» А. Королёв, поэт О. Комарова.

В поэтическом театре «ЛитерА на Советском» состоялся вечер кузбасской поэзии. Свои стихи под импровизации пианиста В. Чижика и художника О. Помыткиной читали поэты: А. Командин, А. Правда, Н. Мурзина, Л. Чидилян, О. Комарова (Томск).

В Кузбасском центре искусств записали подкаст «Три кита: писатель, критик, читатель» при участии О. Роковой, М. Хлебникова, Д. Мурзина, О. Комаровой, А. Назарова.

Праздник завершился торжественным вечером в Театре для детей и молодежи. Выступили: заместитель министра культуры и национальной политики Кузбасса Е. Б. Паксина, заместитель председателя Совета народных депутатов Кемеровской области Ю. П. Скворцов, настоятель Знаменского собора протоиерей А. Гусаков, председатель Союза писателей Кузбасса В. Дорофеев, исполняющий обязанности главного редактора журнала «Сибирские огни» М. Хлебников, поэт О. Комарова, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Д. Мурзин. Заместитель министра культуры и национальной политики Кузбасса Е. Б. Паксина вручила литературную премию года: в номинации «Проза» – В. Лавриной, в номинации «Поэзия» – О. Комаровой (Новокузнецк).

На сайте им. Н. Дорошенко «Российский писатель» опубликована беседа с Сергеем Донбаем к 75-летию журнала «Огни Кузбасса»

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

«Литературная газета» в № 41 от 16.10.2024 опубликовала подборки стихов **В. Емельяненко** (Ленинск-Кузнецкий) и **Д. Ячменева** (Прокопьевск).

Альманах «Курган.Текст» (Курган) за 2024 г. опубликовал подборку стихов **Д. Филиппенко** «Раскладывая время по слогам».

Альманах «Лаборатория воображения» (Новосибирск) №2 напечатал рассказ **Е. Гончаровой** «Агатый Луноцвет».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Екатерина Тюшина. Снежный бал. Стихи для детей. – Кемерово: ООО «Принта», 2024. – 16 с.

Оксана Боронихина. Рисунки сов: стихотворения. – Санкт-Петербург: изд-во «Онлайн типография». – 84 с.

Александр Емельянов. Я служу, и служу, и служу Мельпомене! – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2024. – 112 с.

Татьяна Катрич. Жизнь, по слухам, одна: рассказы, повесть. – Новокузнецк: Союз писателей, 2024. – 252 с.

Василий Гуляев. Перевал: стихи. – Кемерово. ООО «Вектор-принт», 2024. – 58 с.

Альманах «Кольчугинская осень» (Ленинск-Кузнецкий). №12, 2024. – 132 с.

Альманах «Образ» (Ленинск-Кузнецкий). №4, 2024. – 106 с.

Нина Глушкова. Я открою вам секрет: стихи для детей. – Кемерово: ООО «Принта», 2024. – 28 с.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2024 год

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский.
Слово в день Новолетия I-3

ПОЭЗИЯ

Бельмасов Алексей. Поезда уходят на Луну..... I-5
Верба (Артюхович Юлия). Перекати-горе II-25
Виноградов Илья. Зима от снежной замяти светла... III-40
Гамзов Алексей. Оборотись вокруг и поразись..... II-105
Гуляев Василий. Вечный двигатель VI-
Донбай Сергей. Предчувствия..... III-19
Емельянов Александр. Такой земной... III-90
Зиновьев Николай. Жизнь убийственно мудра..... III-31
Киришин Виктор. Дорога к небу IV-84
Киселёв Василий. Мелодии ветра и снега..... II-58
Клёстов Дмитрий. Берёза не приемлет пустырей... IV-46
Ключников Юрий. Раздумья над вечерней Иней II-68
Коржова Александра. Время – скальпель с золотым сеченьем..... VI-
Малыгина Александра. Синевровый момот V-62
Мурзина Наталья. Ну давай о хорошем! I-34
Надирова Ирина. Мы же с тобой озимые..... VI-
Никольский Игорь. Мы никогда не выцветем, не умрём... III-59
Перминов Юрий. Окопные свечи..... V-13
Прокошин Валерий. На краешке бытия..... II-83
Рокова Оксана. Слушая сердцебиение дома..... IV-122
Семичев Евгений. Самарская Лука I-31
Сигида Александр. Хлеб и Кровь..... IV-90
Трухан Елена. Словно строчки последней дымок..... V-100
Тюнина Ирина. Зовут в небеса журавли..... V-106
Филиппенко Дмитрий. Черный лед..... IV-97
Филиппов Дмитрий. Богоматерь укроет масксетью..... II-4
Фролова Ирина. Чистое Слово. С т и х и. Александр Денисенко. «Как я жарко молилась!» Рекомендация..... III-5
Хапилова Ольга. Зима – это просто отсутствие лета .. I-66
Шевченко Ганна. Стихи о малой родине. IV-113
Яковлева Екатерина. С любой песчинкой в унисон... .. VI-

ПРОЗА

Артис Дмитрий. Дневник добровольца. (Записи второго круга: 16.06.2023 – 01.11.2023) V-18, VI-4
Баранов Юрий. Три рассказа III-42
Башев Николай. Роковая любовь. Глава из романа «За околицей метель» II-8
Борисова Евгения. Р а с с к а з ы III-22
Витковский Александр. Клад Колчака. Где золото, там и погибель. Глава из романа..... II-85
Воронин Дмитрий. Т р и р а с с к а з а II-70
Ерёмина Ольга. Не страшимся! Р о м а н - х р о н и к а III-62, IV-48, V-65
Жданов Александр. Как любить рояль. П о в е с т ь II-27
Замшев Максим. Вольнодумцы. Г л а в ы и з р о м а н а IV-13
Иванов Владимир. Стали искать вместе. Р а с с к а з IV-87
Ильдимирлова Татьяна. Егорыч. Р а с с к а з III-12
Концевой Павел. Два рассказа..... IV-100
Королёв Андрей. Короткометражки III-35
Кренёв Павел. Пунашки, воротча и госьба. Р а с с к а з I-69
Крюков Владимир. Дина. Р а с с к а з II-107
Лобанова Елена. Два рассказа..... VI-76
Подгорнов Сергей. Круг. Р а с с к а з II-61

Сафонов Олег. Мяч. Р а с с к а з III-92
Сенчин Роман. Проводы. Р а с с к а з I-23
Смолина Антонида. Два рассказа IV-124
Сычёва Марина. Камень/море. Р а с с к а з IV-116
Сычёва Юлия. Вещи и люди. Рассказы VI-68
Хорунжий Александр. Согласитесь, это удобно. Р а с с к а з V-102
Чириков Евгений. Птицы, летая, машут крыльями. П о в е с т ь I-36
Шабалдин Константин. Два рассказа VI-55
Шицкая Наталья. Лютый. Р а с с к а з IV-93
Яковлева Людмила. Место в памяти. Р а с с к а з ы I-8

ЮБИЛЕЙ

Поздравления II-3, III-3, IV-3, V-3, VI-3

Донбай Сергей. Момент разговора, или «Огни Кузбасса» горят в моём сердце! Интервью. Беседу вёл **Юрий Татаренко**..... IV-5
История выпуска журнала «Огни Кузбасса». Имена и даты. Подготовила **Галина Карпова**..... III-9
Савченко Александр. Вперед и дальше! О ч е р к V-4

ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ

Кузьмичёв Владимир. Одинаковая высота III-157
Мурзина Наталья. Я носки вяжу, или Записки волонтера... I-81
Есть женщины – сердце и опыт! С т и х и. «Чаровницы» и «Кудесницы» города Мариинска. II-157
Модебадзе Юлия. «Улитка»? «Снежинка»? «Крест»? II-158
Я пошел на защиту Родины! Интервью с **А. Чувашовым**. Подготовили **Н. Мурзина** и **Ю. Модебадзе** II-159

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Балтин Александр. Вектор Виктора Астафьева. К 100-летию со дня рождения..... III-138
Вьюгина Светлана, Коновской Николай. Вселенная Валентина Распутина IV-151
Елатов Вячеслав. Лесков. Предисловие **Е. Чирикова** VI-131
Тюмерова Вера. «Больше всего он любил родную землю». К 120-летию А. П. Гайдара I-88

ЗВЁЗДЫ НАД ДОНБАССОМ

Кирякова Велта. Рыжая Победа. **Лазарев Дмитрий**. Когда поет флейта. **Русанов Владислав**. Живая вода. **Софиенко Владимир**. Два рассказа. **Черепанов Максим**. Два рассказа..... V-120

КНИГА ПАМЯТИ

Анашкин Эдуард. Земной компас небесных стихов.. I-110
Арнаутов Виктор. Под черной пилоткой – стальные глаза! (Памяти Владимира Шумилова) III-118
Долгов Максим. Недосказанное..... I-107
Крупин Владимир. Исцеление. Р а с с к а з. Главный герой главной войны. О ч е р к I-90
Юдельсон Владимир. Впечатлизмы II-118
Коровина Анна. Воспоминания..... III-122
Черемнов Сергей. Лариса Мызина: «Надо сделать все, чтобы изобразительное искусство перестало быть для зрителей чем-то элитарным» III-130

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Бурмистров Борис.** Моё поколение V-113
Лопушной Вячеслав. «Я не стану для родины грузом...»
(О Виталии Крёкове) III-136
Савченко Александр. Тысяча дней и ночей.
Героическая повесть I-113, II-146
Черемнов Сергей. Владимир Сухацкий – человек,
который любил Кемерово, как никто II-128
Юрий Светлаков: «Пусть дух открытий не покинет вас» . VI-93

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Прот. Адодин Сергей.** Вредные советы III-141
Максимова Наталья. Строительство Знаменского
собора города Кемерово в газетных публикациях I-159

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Болдырев Андрей, Величко Елена, Ерофеевская
Марина, Келлер Владимир, Королева Алиса,
Логутенко Андрей.** С т и х и I-84

ОЧЕРК

- Казарцева Любовь.** Корабли Соболева II-111

ДРУЖБА ЖУРНАЛОВ

- Афанасьева Елена.** Птица V-159
Казарцева Любовь. Литература и жизнь VI-136
Каюшкин Дмитрий. Фатум. Рассказ VI-146
Краснослободцев Анатолий. Память зрелого сердца.
С т и х и VI-138
Литературный альманах Республики Коми «Белый бор» V-152
Мирошниченко Надежда. Нас разучили плакать и
жалеть V-155
Неудахин Валерий. Период становления завершён VI-136
Иконописец. Р а с с к а з VI-140
Попов Андрей. Жизнь подходит к началу V-153
Столповский Петр. Р а с с к а з ы V-161
Шарабарин Дмитрий. Молодые, как заря, березняки.
Стихи VI-144
Шомысова Алёна. Никого мой сон не задевает... V-157

45 ЛЕТ ЛИТЕРАТУРНОЙ СТУДИИ «ПРИТОМЬЕ»

- Бурко Алексей, Дубровская Надежда, Игнатьев
Николай, Катрич Татьяна, Коньков Владимир,
Краснова Екатерина, Пятак Андрей, Сычёва Юлия,
Червова Галина, Чернопяттов Сергей.** С т и х и V-108

ЮБИЛЕЙНАЯ ПОЧТА

- Арбачакова Любовь, Головин Дмитрий, Долгов
Станислав, Дубровская Надежда, Золотаина Галина,
Катрич Татьяна, Комарова Ольга, Матвеев Юрий,
Назаренко Анна, Пятак Андрей, Раевский Александр,
Рулева Алена, Савченко Александр, Стрельников
Сергей, Трухан Елена, Червова Галина...** С т и х и III-106
**Деменкова Лариса, Коньков Владимир, Краснова
Екатерина, Музыка Лидия, Стародубов Павел,
Хапилова Ольга, Щедрин Евгений.** С т и х и IV-128

СВЕТЛИЦА

- Резанцева Софья.** Как Блинчик на Масленице побывал.
С к а з к а I-163

90 ЛЕТ А. ЛЕОНОВУ

- Чириков Евгений.** Человек вышел в открытый космос III-113

90 ЛЕТ Б. ВОЛЫНОВУ

- Чириков Евгений.** Путь к звёздам и обратно... Очерк VI-87

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

- Батхен Ника.** Сказы Шалым-улуса III-159
Прищепова Ирина. Исток Ангары – ворота Байкала... IV-132
И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

- Маркинова Татьяна.** Блины. Р а с с к а з IV-160

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

- Наливина Елена.** Отче мой. Новогодняя почти сказка VI-91

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

- Бурмистров Борис.** «Под куполом бессмысленной
свободы». О сборнике стихотворений Николая
Шарифулина. **Николай Шарифулин.** С т и х и I-165
Николай Калашников. О клубе любителей фантастики
«Контакт». **Белоусова Ольга.** Нежность. **Греп Евгений.**
«Закинул старик невод...». **Головков Александр.**
Этот сладкий процесс познания. **Жилинина Наталья.**
Монолог Музы. **Калашникова Надежда.** Жалоба волков.
Кокшаров Юрий. Любит, не любит... **Колесова Наталья.**
Моя жена – чужая. **Колотвин Валерий.** Смерть Эзопа.
Логунова Олеся. Самый сладкий сон. **Оршанская
Дарья.** Зимняя сказка. **Русских Анастасия.** Игроки
(королевство тричтвёртое). **Трегубова Виктория.**
Крикунья. Р а с с к а з ы VI-115
Бельмасовский фестиваль. **Вишневская Алина,
Гончарова Елена, Звёздкина Анна, Зорина Анна,
Князева Софья, Ледащев Андрей, Владислав Попов,
Спиридонова Екатерина, Стещенко Юлия.** С т и х и VI-127

ПОЧТА РАССКАЗА

- Бауэр Ирина.** Рафинад. **Баштовая Ксения.** Федька.
Быличка. **Живетьев Максим.** Чума в станице. **Матвеев
Анна.** Последний. Р а с с к а з ы III-150
Петрушенко Владимир. Репортажи с войны. II-161

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Горохова Татьяна, Галина Карпова.** Пятикнижие
«Классика земли Кузнецкой» III-166
Татьяна Горохова. Красавицы, поэтессы, активистки...
(О книгах А. Коржовой, О Роковой и И. Надиновой) ... V-166
Ляхов Илья. Быть сибиряком... (К 90-летию со дня
рождения В. Баянова) VI-164
Расторгуев Андрей. Жизнь в черничном коридоре
(О стихах «шахтного человека» из Кузбасса Дмитрия
Филиппенко) III-163
Сазыкин Анатолий. На всю оставшуюся жизнь IV-163
Тюшина Екатерина. Образ семьи в произведениях
кузбасских писателей VI-160

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовил **Дмитрий Мурзин** I-167, II-168, III-169, IV-170, V-169, VI-166
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2024 год.
Подготовил **Д. Мурзин** VI-170

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но, если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: <https://ognikuzbassakci.ru>.

Журнал «Огни Кузбасса»
Главный редактор **Д. В. Мурзин**
№ 6. Дата выхода в свет: 27.12.2024
Индекс 12234
Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 166. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Принта»: 650055, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

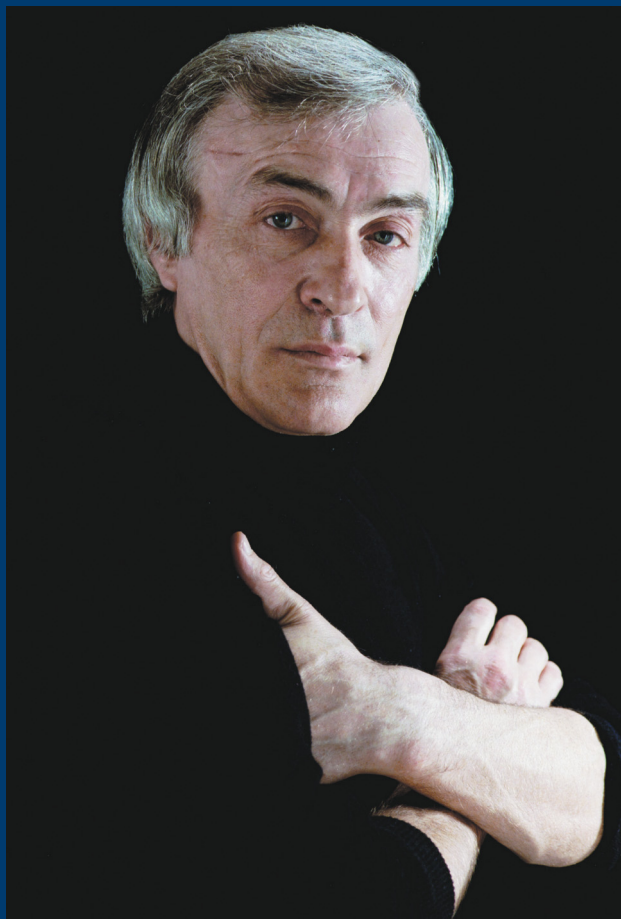
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **Е. Л. Ясинская**
Верстка: **Ю. В. Гапонова**

80 лет поэту Олегу Ефимовичу Максимову

1944–2023

Непонятных теней пантомима.
Незнакомых людей толкотня.
- Жизнь чужая проносится мимо?
- Нет, ко мне, от меня, сквозь меня.
С головою меня погружая,
Вихрем тащит в простор бытия...
- Но чужая, чужая, чужая!
- Но моя, но моя, но моя!

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40